

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

1 (192)

Январь—Февраль—Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937

Редакционный Совет

Акад. *Б. Б. Пиотровский* (председатель), д. филол. н. *В. И. Абаев*,
акад. *В. П. Алексеев*, член-корр. АН Азерб. ССР *И. Г. Алиев*.
д.и.н. *О. Д. Берлев*, акад. *Т. В. Гамкрелидзе*, д.и.н. *И. М. Дьяконов*,
акад. АН Арм. ССР *С. Т. Еремян*, д. филол. н. *Вяч. Вс. Иванов*,
д.и.н. *Ю. К. Колосовская*, д. филол. н. *В. А. Лившиц*,
акад. АН Тадж. ССР *Б. А. Литвинский*, д.и.н. *И. Л. Маяк*,
акад. АН Груз. ССР *Г. А. Меликишвили*,
акад. АН Узб. ССР *Г. А. Пугаченкова*, д.и.н. *Е. М. Штаерман*

Редакционная коллегия

Г. М. Бонгард-Левин (главный редактор),
С. С. Аверинцев, *Ю. В. Андреев*, *Е. В. Антонова*, *Л. С. Баюн*,
Ю. Г. Виноградов (ответственный секретарь), *М. Л. Гаспаров*,
Г. Г. Гиоргадзе, *В. А. Головина*, *Е. С. Голубцова* (зам. главного
редактора), *М. А. Дандамаев* (зам. главного редактора),
И. С. Клочков, *Г. А. Кошеленко*, *М. В. Крюков*, *В. И. Кузишин* (зам.
главного редактора), *Л. П. Маринович*, *А. И. Павловская*,
А. В. Подосинов, *Г. Х. Саркисян*, *В. М. Смирин*, *М. К. Трофимова*,
Э. Д. Фролов, *В. И. Уколова*

Заведующая редакцией *И. К. Малькова*

Editorial Board

G. Bongard-Levin (Editor-in-Chief),
Yu. Andreyev, *Ye. Antonova*, *S. Averintsev*, *L. Bayun*, *M. Dandamayev*,
E. Frolov, *M. Gasparov*, *G. Giorgadze*, *V. Golovina*, *Ye. Golubtsova*,
I. Klochkov, *G. Koshelenko*, *M. Kryukov*, *V. Kuzishchin*, *L. Marinovich*,
A. Pavlovskaya, *A. Podosinov*, *G. Sarkisyan*, *V. Smirin*, *M. Trofimova*,
V. Ukolova, *Yu. Vinogradov*

Consultative Council

B. Piotrovsky (Chairman), *V. Abaev*,
B. Alexeev, *I. Aliev*, *O. Berlev*, *I. Diakonoff*, *T. Gamkrelidze*,
Vyach. Vs. Ivanov, *Yu. Kolosovskaya*, *B. Litvinsky*, *V. Livshits*,
I. Mayak, *G. Melikishvili*, *G. Pugachenkova*, *Ye. Shtaerman*, *S. Yeremyan*
Head, Editorial Office *I. Malkova*

К. К. Ламберг-Карловски

МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В III ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО н. э.:
ОТ МЕСОПОТАМИИ ДО ДОЛИНЫ ИНДА *

В последние годы становится все более очевидным, что понятие «древний Ближний Восток» включает не только Месопотамию, воспринимаемую как «колыбель цивилизации». В прошлом истоки сложного разнообразия культур археологи искали лишь на ее ограниченной территории. Сэр Мортимер Уилер¹, один из наиболее выдающихся ученых, занимавшихся изучением индской цивилизации, полагал, что более древняя цивилизация Месопотамии дала обитателям долины Инда саму «идею» цивилизации. При объяснении процесса становления цивилизации как на западе, вплоть до Европы, так и на востоке, за долиной Инда, исследователи склонны были отводить Месопотамии роль некоего движущего механизма, вызвавшего подъем всех последующих цивилизаций Старого Света: *ex oriente lux*. Но за прошедшие два десятилетия новые раскопки и новые идеи привели к отказу от такой упрощенной концепции. На смену ей пришло более сложное понимание меняющихся моделей экономических, политических и культурных форм (конфигураций), что повлекло за собой значительное расширение географических рамок древнего Ближнего Востока. В основу этих сложных моделей положены те процессы все расширяющегося взаимодействия, которые были характерны для Ближнего Востока во время трех отчетливо выделяемых периодов — 3300, 2900 и 2400 годы до н. э. и на которых я остановлюсь в настоящей статье.

Я предлагаю рассматривать это тысячелетие в культурном процессе на древнем Ближнем Востоке как некий вполне определенный континуум повторяющихся структур. Мой подход сложился под воздействием метода французской исторической школы². Хронологически этот период охватывает приблизительно с 3300 по 2400 г. до н. э. и представляет собой легко выделяемую *longue durée*, в которой повторяющийся цикл структурных подобию («конъюнктур») приводит ко все расширяющейся модели связи между Месопотамией и ее восточными окраинами. Эта *longue durée* с 3300 по 2400 г. до н. э. разделяется на три «конъюнктуры», каждая из которых приводила к важным культурным преобразованиям. По вопросу о причинах, вызвавших эти «конъюнктуры», нет единого мнения.

---

* Профессор К. Ламберг-Карловски — директор Музея археологии и этнологии Пибоди, Кембридж, Массачусетс.

¹ Wheeler M. The Indus Civilization. 3rd ed. Cambridge University Press, 1968.

² Stoianovich T. French Historical Methods. The Annales Paradigm. Cornell University Press, 1976.

Рост населения, необходимость культурной или экологической адаптации при поиске новых ресурсов, сопутствуемой неустойчивыми союзами между пастушескими и оседлыми группами населения; возрастающее освоение водных ресурсов; возникновение управленческих иерархий в сочетании с расширяющимися родовыми союзами; «эксплуататорские» модели торговли и обмена; интенсификация капитала через развитие прибавочного сельскохозяйственного продукта; усиливающееся классовое расслоение — таковы лишь некоторые из многих факторов, послуживших, как полагают, причинами возникновения этих «конъюнктур». Прямое рассмотрение этих причин не входит в мою задачу; однако при объяснении структуры этих повторяющихся «конъюнктур» мне придется коснуться и общих соображений о причинах, порождавших этот процесс в рассматриваемый период.

Регион, ограниченный на западе Тигром и Евфратом, на востоке — бассейном Инда, на севере — советскими среднеазиатскими республиками, а на юге — северо-восточным побережьем Аравийского полуострова, дает сложную картину эволюции городского общества, которую еще в недалеком прошлом едва ли кто мог себе представить. Я полагаю, что сначала следует изучить причины, приведшие к столь резкому возрастанию наших знаний, а затем остановиться на их значимости и рассмотреть некоторые подробности.

В 1965—1975 годах произошел необычайно быстрый рост числа важных археологических программ, которые дали возможность по-новому понять древние процессы на Среднем Востоке. Это же послужило стимулом для дальнейших исследований. Говоря только о самых важных программах, назовем следующие: начатые в 1965 г. на Алтын-депе раскопки В. М. Массона³, позволившие уточнить разработанную Куфтиным стратификацию Намазга и открывшие картину сложного развития городской жизни в Туркменистане в бронзовом веке; раскопки Советско-афганской археологической экспедиции под руководством В. И. Сариганиди, в результате которых был выявлен процесс колонизации южнобактрийской равнины выходцами из Средней Азии⁴. Ведущие с 1967 г. раскопки в Шахр-и Сохта под руководством М. Този⁵ засвидетельствовали существование в бронзовом веке большой общины, которая занималась обработкой лазурита и служила своего рода культурным мостом к цивилизации Намазга в Средней Азии; раскопки в Сузах, начатые в 1969 г. под руководством Жана Перро⁶, дали нам первую ясную картину стратиграфии этого важнейшего памятника. В 1971 г. Уильям Самнер⁷ и Роберт Дэйсон Младший предприняли раскопки в Иране на Тепе-Мальян (древняя эламская столица Аншан). В 1967 г. я начал раскопки Тепе Яхья: найденные там материалы дали возможность разработать сравнительную четкую стратиграфию, связав последовательность археологических периодов в Месопотамии, на Иранском плато, в районе Персидского залива и даже в далеком Белуджистане⁸. Французская археоло-

³ Массон В. М. Алтын-депе. Л., 1981.

⁴ Древняя Бактрия / Под ред. И. Т. Кругляковой. М., 1976.

⁵ Tosi M. Prehistoric Sistan. Reports and Memoirs. Istituto per il Medio ed Estremo Oriente. Roma, 1983.

⁶ Perrot J. Actes de la rencontre internationale de Suse (Iran) // Paleorient. 1978. 4. P. 133—243; Le Brun A. Le niveau 17 B de l'Acropole de Suse (Campagne 1972): Cahiers de la Délégation Archéologique Française en Iran. 9. P. 57—153.

⁷ Sumner W. Excavations at Tall-i Malyan (Anshan) // Iran. 1974. 14. P. 103—116.

⁸ Lamberg-Karlovsky C. C., Tosi M. Shahr-i Sokhta and Tepe Yahya. Tracks on the Earliest History of the Iranian Plateau // East and West. 1973. 23/1—2. P. 21—53.

гическая миссия в Хили (Объединенные Арабские эмираты) под руководством Сержа Клезью⁹ также внесла свой вклад в изучение этого региона, начало исследованию которого было положено Датской миссией¹⁰. Германская миссия в Омане под руководством Герда Вайсбергера¹¹ продолжила работу первых археологических разведок, проведенных в этой стране экспедицией Гарвардского университета¹². Раскопки в Омане на поселении Майсар открыли важный металлургический центр III тыс. до н. э., откуда слитки металла отправлялись морем в Месопотамию¹³. Наконец, после важных археологических разведок Жана-Клода Гардена в Северном Афганистане Апри-Поль Франкфор¹⁴ приступил к раскопкам индского поселения Шортугай на р. Оксе; открытие Мергар в Пакистане и начало раскопок под руководством Жана-Франсуа Жаррижа в 1974 г.¹⁵ в корне изменили наши представления о самых ранних этапах земледелия в Южной Азии (ок. 6500 г. до н. э.). К упомянутым выше открытиям следует добавить исследования Беатрисы де Карди в Бампуре¹⁶, Омане и Катаре (1978 г.), работы Джозефа Р. Колдуелла на Тал-и Иблисе¹⁷, Жана Дезэ на Тюрен-тепе, повторные раскопки Гиссара Дайсоном и Този (1988 г.)¹⁸ и раскопки Годин-тепе Т. Кюйлер Янгом (младшим)¹⁹. Эти исследования, предпринятые или начатые в 1965 — 1975 гг., заложили фундамент нашего нового понимания всей сложности бронзового века на Среднем Востоке. Перечисление упомянутых исследований программ, которые внесли значительный вклад в наше понимание процесса урбанизации, позволяет выявить несколько важных факторов.

Археологические работы в этой части света, к сожалению, находятся в настоящее время (пожалуй, как никогда прежде) в зависимости от политических обстоятельств, которые ставят под серьезную угрозу, если не полностью исключают возможность непрерывных археологических исследований ученых разных стран. Иран, Афганистан и значительная часть Ирака сегодня недоступны для широких полевых археологических работ. Можно только надеяться, что обстановка изменится к лучшему. Вероятно, масштабы ущерба, нанесенного археологическим исследованиям, станут более ясны, если мы укажем, что работы в Сузах, на Шахр-и Сохта, Гиссаре, Бампуре, Тепе Яхья, Мальяне, Годин-тепе, Тюрен-тепе, Чога-Мише

⁹ Cleuziou S. Archéologie aux Emirats Arabes Unis. Al Ain. 1979.

¹⁰ Bibby G. Looking for Dilmun. New York—Starborough—Ontario, 1969.

¹¹ Weisgerber G. Mehr als Kupfer in Oman // Der Anschnitt. 1981. № 5—6.

¹² Hastings A., Humphries J., Meadow R. Oman in the Third Millennium BCE // The Journal of Oman Studies. 1975. V. 1. № 1. P. 9—56.

¹³ Hauptmann A. 5000 Jahre Kupfer in Oman // Der Anschnitt. 1985. V. 4.

¹⁴ Francfort H. P., Pottier M. H. Sondage préliminaire sur l'établissement proto-historique harappéen et post-harappéen de Shortugai // Arts Asiatiques. 1978. 34. P. 29—64.

¹⁵ Jarrige J. F., Meadow R. The Antecedents of Civilization in the Indus Valley // Scientific American. 1980. 243/2. P. 122—133.

¹⁶ De Cardi B. Excavations at Bampur, A Third Millennium Settlement in Persian Baluchistan, 1968 // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. 1970. 51/3.

¹⁷ Caldwell J. Investigations at Tal-i Iblis // Illinois State Museum Preliminary Reports. № 9. Springfield—Illinois, 1967.

¹⁸ Deshayes J. Les fouilles récentes de Tureng Tepe. Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. P., 1975; Dyson R. H. Jr. The Relative and Absolute Chronology of Hissar II and the Proto-Elamite Horizon of Northern Iran // Chronologies in the Near East. 1987. BAR 379.

¹⁹ Young T. C., Levine L. Excavations of the Godin Project. Second Progress Report. Royal Ontario Museum, Occasional Papers 26. 1974.

и Фарухабаде, не говоря уже о многочисленных проектах в Луристане, Бебахане и на Казвинской равнине, или важные раскопки поселений железного века в Иране, предпринятые Вольфрамом Клайссом, Дэвидом Штронахом, Робертом Дайсоном, Луи ван дер Берге и другими в конце 60-х — начале 70-х годов, сегодня полностью прерваны. Это далеко не полный список, в котором перечисляются лишь памятники Ирана; в Афганистане и частично в Ираке произошло такое же свертывание исследований. Данное перечисление лишь оттеняет плодотворность десятилетия 1960-х — начала 1970-х годов.

Надо признать, однако, что первоначально перечисленные исследовательские программы были почти не связаны между собой: каждая из них преследовала собственные цели. Неожиданные результаты сделанных открытий способствовали установлению сотрудничества между отдельными группами исследователей. Примеры сотрудничества можно найти как в области специальных, так и общих исследовательских интересов. В первом случае неожиданное обнаружение данных, связанных с протоэлами-тами, т. е. табличек в Сузах, на Мальяне, Годин-тепе, Шахр-и Сохта, Гиссаре и Тепе Яхья, привело к сходной ориентации интересов исследователей и развитию сотрудничества между различными исследовательскими группами. С другой стороны, общий интерес к природе, масштабам и причинам растущих культурных взаимосвязей, характерных для III тыс. до н. э., повлек за собой сотрудничество с учеными, работающими в советской Средней Азии, Афганистане, в районе Персидского залива, Белуджистане и долине Инда. Разработанные независимо одна от другой исследовательские программы принесли ряд удачных открытий, которые потребовали еще более тесного сотрудничества ученых, чтобы понять всю сложность феномена становления городской цивилизации.

Следует подчеркнуть, что все основные раскопки в 1960—1970-х годах начались в рамках самостоятельных и изолированных научных программ. Однако открытие рассеянных на большой территории, но типологически сходных артефактов потребовало сотрудничества с тем чтобы создать хотя бы хронологическую канву для рождающейся новой картины. Отнюдь не постановка совместных исследовательских задач привела к разного рода открытиям в рамках индивидуальных археологических программ. Когда я говорю о прямом сотрудничестве исследователей, я особо выделяю исследовательские группы французских, германских, итальянских, советских и американских ученых, которые непосредственно участвовали в совместном археологическом изучении Среднего Востока, характерном для последнего десятилетия.

Особую значимость имело непосредственное сотрудничество археологов СССР и США. К настоящему времени такое официальное сотрудничество между нашими странами позволило провести четыре археологических симпозиума, на которых наши ученые смогли завязать прямые контакты: в Гарвардском университете (1981), Самарканде (1983), Смитсоновском институте (Вашингтон, 1986), в Сигнахи (Грузинская ССР, 1988). Помимо этих симпозиумов ученые совершили продолжительные исследовательские поездки в СССР и США. Это официальное сотрудничество, которое развивается уже почти 10 лет, поддерживается Академией наук СССР и Американским советом научных обществ (Бюро международных исследований и обмена).

Первая «конъюнктура» — около 3300 г. до н. э. (рис. 1)

Существует немало свидетельств в пользу того, что шумерские города-государства имели к 3300 г. до н. э. достаточно централизованную систе-

Рис. 1. Первая «конъюнктура», ок. 3300 г. до н.э.

му управления²⁰. Месопотамские храмы урукского периода (ок. 3500 г. до н. э.) выполняли административную функцию перераспределения сельскохозяйственных продуктов среди производителей, приданных храмовым землям. Храмы породили также численно росшие бюрократические структуры, которые с помощью уже изобретенных (ранних) систем письма осуществляли координацию и учет производства, потребления и перераспределения. Археологические данные подтверждают точку зрения, согласно которой обществу с государственной структурой появляется на древнем Ближнем Востоке прежде всего в Южной Месопотамии ок. 3300 г. до н. э.²¹

Социальный ландшафт, существовавший в Южной Месопотамии ок. 3300 г. до н. э., расширился в результате процесса, который в исторической ретроспективе выступает как некое *событие*. Этот краткий период быстрого распространения предстает как своего рода колонизация чужих областей (см. рис. 1). Причины, вызвавшие колонизационные усилия шумерийцев, остаются пока необъясненными, однако археологические свидетельства ясно указывают на существование таких колоний. За какие-нибудь сто лет с 3300 г. до н. э. несколько городов на периферии Месопотамии, в различных культурных зонах были колонизированы шумерийцами. Хабуба Кабира на Евфрате в Северной Сирии, Годиштепе в горах Загроса на северо-западе Ирана, Сузы на месопотамском аллювии в Юго-Восточном Иране содержат остатки материальной культуры, идентичной позднеурукской культуре шумерийцев. Каждое из этих поселений, а также несколько других, недавно раскопанных, оказались в центре внимания крупных археологических исследовательских проектов последнего десятилетия; каждое поселение указывает на одно сходное явление — шумерскую колонизацию области с местной культурой²². Однако спустя сто или двести лет все эти колонии были покинуты. Воз-

²⁰ Adams R. M. Heartland of Cities. Chicago, 1981.

²¹ Weiss H. The Origins of Cities in Dry-Farming Syria and Mesopotamia in the Third Millennium B. C. Guilford—Conn, 1988.

²² Weiss H., Young T. C. The Merchants of Susa; Godin V and Plateau-Lowland Relations in the Late Fourth Millennium B. C. // Iran. 1975. V. 13. P. 1—9; Canal D.

можно, шумерские города-государства зашли слишком далеко в своих экспансионистских стремлениях и, оказавшись не в силах контролировать периферию, обратились к укреплению собственной династической традиции, которая характеризовала Южную Месопотамию в течение двух последующих тысячелетий.

Первая «конъюнктура» представляет собой первую попытку месопотамских городов-государств колонизировать области, где жили менее бюрократически организованные общества со своей местной культурой. Приобщение их к цивилизации в результате колонизации предлагало этим местным культурам такие модели социальной, политической и экономической организации, которых дотоле не было в этих краях. Первая «конъюнктура» есть самое раннее свидетельство экспансионистских стремлений южномесопотамских городов-государств.

Интересно рассмотреть процессы, связанные с первой «конъюнктурой», на фоне предположительных крупномасштабных перемен в численности населения Южной Месопотамии²³ и Юго-Западного Ирана²⁴, о чем недавно появились новые материалы. В Южной Месопотамии и Юго-Западном Иране «исключительный рост населения» археологически засвидетельствован для раннеурукского периода (3600 г. до н. э.) особой моделью расселения. Так, в Южной Месопотамии десятикратный рост оседлого населения считается отчасти результатом «экстенсивной модели иммиграции в этот район»²⁵. В противоположность этому к позднеурукскому времени (3300 г. до н. э.), т. е. к периоду первой «конъюнктуры», «десятики тысяч жителей маленьких сельских поселений, по-видимому, покинули свои дома и ушли на юг», а в Юго-Западном Иране отмечается сопоставимое «крупное уменьшение населения»²⁶.

Идентичные демографическим колебаниям в «сердце» Шумера, как кажется, несколько позднее изменения происходят в Сузиане (Юго-Западный Иран). Сходные демографические ситуации в этих двух районах (Шумер и Сузиана) отражаются в сходных структурах, характерных для двух первых конъюнктур (см. ниже). Тем интереснее отметить, что колонизация Северной Месопотамии, отмеченная для первой «конъюнктуры», происходит в то время, когда существенные демографические сдвиги идут в Шумере и засвидетельствовано сокращение населения в Сузиане. На это указывает заметное уменьшение числа и размеров обитаемых поселений в Юго-Западном Иране.

Вторая «конъюнктура» структурно похожа на первую; по сути дела это чуть более позднее принятие модели колонизации в культурно ином, но непосредственно примыкающем районе. Элам с его главным поселением — Сузами испытал более раннюю шумерскую колонизацию.

Вторая «конъюнктура» — ок. 2900 г. до н. э. (рис. 2)

Географически окрестности Суз (Сузиана) в Юго-Западном Иране представляют собой продолжение южномесопотамской низменности в юго-западном направлении. В начале III тыс. до н. э. Сузиана становится заметным центром ранней протоэламской культуры; от соседнего Шумера ее отличают язык и отчасти материальная культура, насколько можно

La terrasse haute de l'acropole de Suse // Cahiers de la Délégation Archéologique Française en Iran. 1978. 9. P. 11—56; Weiss. Op. cit.; Perrot. Op. cit.

²³ Adams. Op. cit.

²⁴ Johnson G. A. Local Exchange and Early State Development in Southwestern Iran // Museum of Anthropology, University of Michigan, Anthropological Papers 51. Ann Arbor, 1973.

²⁵ Adams. Op. cit. P. 69.

²⁶ Ibid. P. 70; Johnson. Op. cit. P. 154 f.

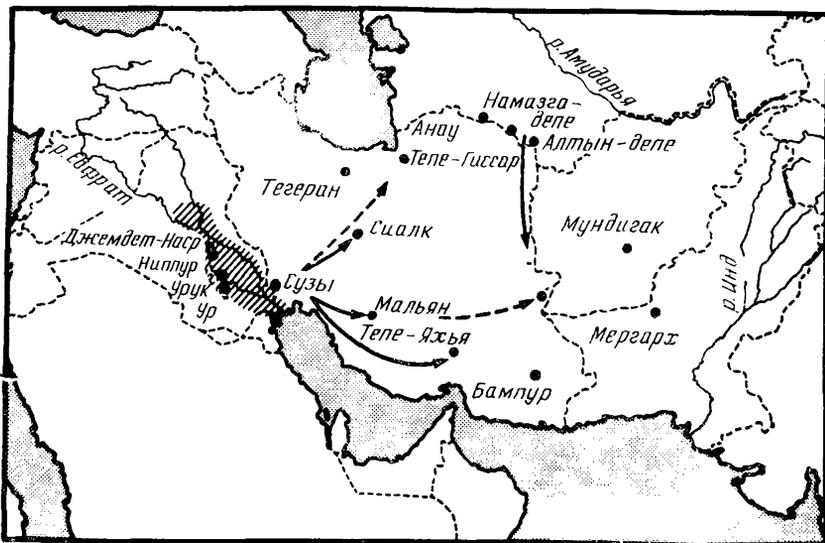

Рис. 2. Вторая «конъюнктура», ок. 2900 г. до н. э.

судить по ее остаткам. К середине IV тыс. до н. э. Сузиана представляла собой одну из наиболее культурно интегрированных областей, соседствовавших с Шумером. В первую «конъюнктуру» шумерийцы колонизировали Сузы (ок. 3300 г. до н. э.), положив начало археологической прерывности и этнической неоднородности, характерным для Шумера и Элама в течение следующего тысячелетия²⁷. Разрыв в археологической культуре виден по раскопкам в Сузах, где в стратиграфических слоях 25—22 представлена своеобразная местная культура Сузианы первой половины IV тыс. до н. э.; за ними идут слои 21—18, в которых прослеживаются возросшее шумерское влияние и следы прямой колонизации местного населения шумерийцами; далее следуют слои 16—14, которые могут быть определены как явно протоэламские²⁸.

После исчезновения (по неизвестным причинам) шумерской колонии в Сузах (слой 18, 17B?) появляется характерная протоэламская культура. Вспомним, что до шумерской колонизации Сузиана представляла собой область, культура которой отличалась значительным единством. Таким образом, есть некоторые основания предполагать, что после шумерской колонизации местная культура в Сузах восприняла некоторые атрибуты шумерской культуры, что не только усилило соперничество Элама с Шумером, но и позволило первому восстановить политический контроль над прежде колонизированной территорией. Именно это мы и видим в протоэламских слоях Суз 16—14. Считается, что использование цилиндрических печатей, табличек с письменностью и некоторых типов керамики (сосуды с особым ободком) указывает на проявление определенных управленческих функций, соответственно на маркирование собственности, учет и стандартизованные меры объема. Эти шумерские культурные атрибуты впервые появляются в шумерской колонии в Сузах, но позднее перенимаются протоэламской общиной — правда, в новом,

²⁷ Amiet P. Archaeological Discontinuity and Ethnic Equality in Elam // *Antiquity*. 1979. 53/209. P. 195—205.

²⁸ Canal. Op. cit.; Le Brun. Op. cit.

отличном от прежнего виде. Вероятно, протоэламиты переняли культурные изобретения, отражавшие социальную технологию, приспособленную для функционирования управленческой бюрократии. Принятие этой технологии, трансформированной в особую протоэламскую форму, позволило нарождавшейся элите лучше осуществлять контроль и объединить окружающие территории. После объединения протоэламского государства в Сузиане ²⁹ ок. 3300 г. до н. э. протоэламиты ок. 3000 г. до н. э. предприняли то, что делали шумерийцы в ходе первой конъюнктуры, — они начали колонизировать чужие территории.

В течение столетия с 3000 г. до н. э. поселения Сиалк IV, Тали-Мальян (период Банеш) и Тепе Яхья (период IVc), расположенные в отдаленных районах Иранского нагорья, были колонизированы протоэламитами (рис. 2) ³⁰. Все названные поселения находились в районах со своими отличительными местными культурными традициями. И тем не менее на всех этих поселениях около 3000 г. до н. э. мы видим разрыв в археологической преемственности — появление определенного материального комплекса: цилиндрических печатей, их оттисков, протоэламских табличек и особых типов керамики, идентичных керамическим типам из Суз и не имеющих связи с более ранними местными. Подобно тому как шумерская колонизация в Сузах, на Године и Хабуба Кабире длилась самое большое сто лет, так и протоэламская колонизация поселений Мальян, Сиалк и Яхья не удержалась более столетия. Ясно, что и начало, и крушение протоэламских колоний составляют единый процесс. Причина (или причины) начала колонизации и ее крушения следует искать там, откуда был дан толчок колонизации, а именно в Сузиане.

Подводя итог, можно сказать, что образование протоэламского государства в Сузиане было отчасти вызвано усвоением более ранней шумерской бюрократической структуры, перенесенной в Сузы во время их колонизации шумерийцами. Я не склонен воспринимать Шумер как образчик первичного государственного образования, а Элам — как вторичного; скорее воздействие Шумера и Элама друг на друга в конце IV тыс. до н. э. представляется мне единым процессом, приведшим к сложению иерархических государств в обоих регионах. Вражда, которая характеризовала отношения Шумера и Элама на протяжении III тыс. до н. э., сыграла важнейшую роль в установлении принудительных методов внутреннего и внешнего управления в их политике. При сопоставимых, пусть и ограниченных, природных условиях (как в Шумере, так и в Эламе) для сельскохозяйственного производства на южномесопотамской равнине и при наличии резких этнических границ, отделяющих Шумер от Элама, возникали условия для соперничества, которые вели к вынужденной централизации каждого государства. Таким образом, образование шумерского и эламского государств представляется взаимообусловленным процессом. Социальная структура, благоприятствовавшая экспансионистским стремлениям, была создана, вероятно, сначала в Шумере. Эта социальная структура была в течение поколения принята Эламом: на первый план в ней выдвигается управленческая бюрократия, которая владеет значительной частью пригодной для сельского хозяйства земли, перераспределяет продукты и способствует появлению классовой дифференциации.

²⁹ *Wright H. T. Towards an Explanation of the Origin of the State // Cohen R., Service E. R. Origins of the State. Philadelphia, 1978. P. 49—68.*

³⁰ *Sumner. Op. cit.; Lamberg-Karlovsky C. C. The Proto-Elamites on the Iranian Plateau // Antiquity. 1978. V. 52. № 205. P. 114.*

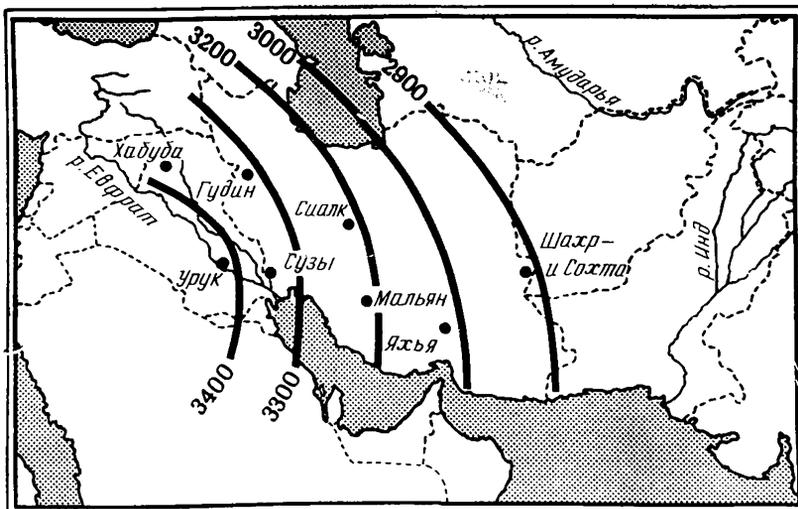

Рис. 3. Схема распространения протоэламитов на Иранском нагорье

Причины, вызвавшие колонизацию протоэламских поселений на Иранском нагорье, остаются мало понятными. Недавно профессор В. М. Массон из Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, процитировав мою работу 1975 г., написал, что я защищаю точку зрения, согласно которой произошло «полное подчинение торговых факторий целенаправленной политике могущественного государства». В действительности я писал прямо противоположное. В статье, процитированной В. М. Массоном, я прямо говорю, что «не верю, будто поселение Яхья IVc было первоначально основано как торговая колония». Вопрос о том, контролировались ли протоэламские Яхья, Сиалк, Мальян и другие поселения «могущественным государством» с центром в Сузах, остается открытым, и только будущие исследования могут дать на него ответ. Нельзя, однако, сомневаться в том, что все они были колонизированы протоэламской культурой из Сузианы.

Карты, иллюстрирующие первую и вторую «конъюнктуры» (рис. 1, 2), датированы соответственно 3300 и 2900 г. до н. э. Рисунок 3 дает представление о времени распространения культуры протоэламитов на Иранском нагорье: нанесены четыре изохроны (линии, отмечающие пункты, одновременно подвергшиеся культурному влиянию), от центрального района в Хузистане, ок. 3300 г. до н. э., до периферии в Шахр-и Сохта, ок. 2900 г. до н. э. Рисунки 3 и 2 представляют заметно различающиеся картины для реконструкции процесса культурного распространения протоэламитов по Иранскому нагорью. На рис. 3 предполагается, что протоэламитами потребовалось приблизительно двести лет, чтобы продвинуться из центрального района в Хузистане до периферийного пункта Тепе Яхья. Рисунок 2 с его решительными стрелами, направленными в протоэламские поселения на Иранском плато, предполагает быстрое единовременное продвижение. Рисунок 3 указывает на некий процесс долговременной колонизации. Современный уровень наших знаний хронологии делает затруднительным выбор, какая из двух предложенных моделей (а может быть, есть и третья) более соответствует исторической реальности. За каждой моделью стоят тонкие различия в понимании социального устройства общества. Так, рисунок 2, говорящий об единовременной

колонизации поселений на большой территории, подразумевает централизованное и целенаправленное поведение, действия, которыми управляет некий центр, тогда как рисунок 3 может подразумевать более стихийный, медленный процесс колонизации.

Протоэламские таблички были найдены в самых отдаленных уголках Иранского нагорья, в Шахр-и Сохта и на Тепе Гиссаре. Помимо единственной протоэламской таблички на Шахр-и Сохта найдены оттиски цилиндрических печатей, которые сразу были признаны протоэламскими³¹. Таким образом, дальние отголоски протоэламской колонизации могут быть обнаружены в Иранском Сеистане, на границе с Афганистаном. Предположительно протоэламские знаки на глиняных фигурках и керамике встречаются еще дальше, в Средней Азии. Этот район попал в поле зрения расселявшихся протоэламитов в период второй «конъюнктуры»³². Даже если не признавать протоэламскими знаки, найденные в Средней Азии, существуют многочисленные свидетельства взаимосвязи между Средней Азией и протоэламитами в Шахр-и Сохта. Шахр-и Сохта дает единственное прямое хронологическое звено связи между Месопотамией и Южной Туркменией: оттиски протоэламских цилиндрических печатей найдены вместе со среднеазиатской (Намазга III) керамикой³³. Исследование керамики, обнаруженной на Шахр-и Сохта (период I, фаза 10) в слое, относящемся ко времени влияния протоэламитов, показало, что более трети расписной керамики идентично керамике Намазга III из Средней Азии³⁴. Таким образом, экспансия протоэламского влияния с запада дополняется такой же экспансией влияния с северо-востока, из Средней Азии. Это было уже давно замечено Стюартом Пигготом, который определил, что керамика Кветты, широко распространенная в Пакистане, была принесена из районов Средней Азии³⁵. Значимость древних областей Средней Азии и консолидация ее особой культурной конфигурации, равно как и конфигурацией Месопотамии, Элама и цивилизации Инда, полностью проявились в следующей конъюнктуре.

Третья «конъюнктура» — ок. 2400 г. до н. э. (рис. 4)

Третья «конъюнктура» представляет собой наиболее сложную модель культурного взаимодействия на Ближнем Востоке в бронзовом веке. Она охватывает модели взаимодействия, простиравшегося от Средиземного моря до долины Инда и от Средней Азии до Персидского залива. Процессы, протекавшие в первые две «конъюнктуры», даже при том, что тогда не удавалось установить прочные опорные пункты на чужих территориях, создали необходимые условия для функционирования успешной модели во многих отличных друг от друга, но взаимосвязанных регионах. Более ранние шумерская и эламская экспансии, проявившиеся в прежних «конъюнктурах», привели к известным культурным переменам в областях, ранее резко отличных друг от друга по уровню культурного развития.

³¹ Amiet P., Tosi M. Phase 10 at Shahr-i Sokhta; Excavations in Square XDV and the Late 4th Millennium B. C. Assemblage of Sistan // East and West. 1978. 28/4. P. 9—31.

³² Masson V. M., Sarianidi V. I. Central Asia, Turkmenia Before the Achaemenids. L., 1972.

³³ Tosi M. The Northeastern Frontier of the Ancient Near East // Mesopotamia. 1974. 8—9. Estatto. P. 21—77.

³⁴ Biscione R. Dynamics of an Early South Asian Urbanization: The First Period at Shahr-i Sokhta and its Connections with Southern Turkmenia // South Asian Archaeology / Ed. by N. Hammond. Duckworth, 1973.

³⁵ Piggot S. A New Prehistoric Ceramic from Baluchistan // Ancient India. 1947. № 3. P. 131—142.

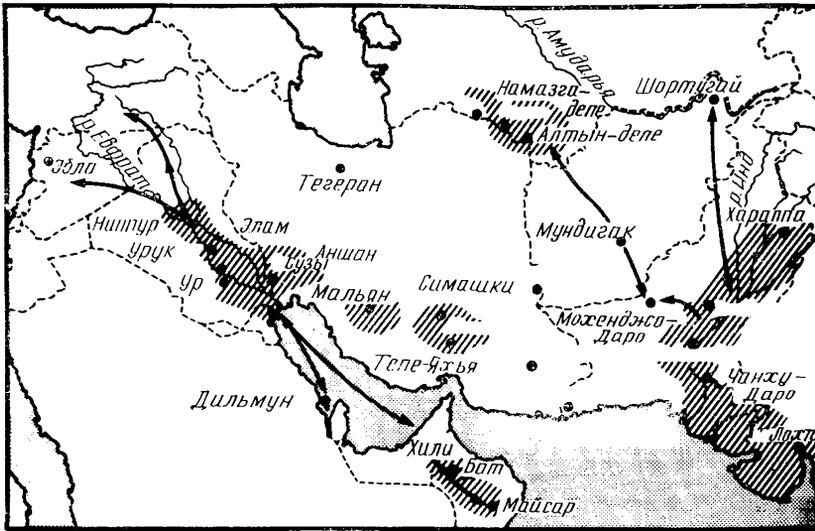

Рис. 4. Третья «конъюнктура», ок. 2400 г. до н. э.

Эти области затем распространили свою модель, вступая во взаимодействие с другими отдаленными районами. Таким образом, четыре основные области оказались вовлеченными во все расширявшиеся политические, социальные и экономические отношения; даже в отдаленных регионах сложились модели более тесного взаимодействия. Кратко охарактеризую эти модели культурной интеграции и взаимовлияния, которые стали очевидными в результате археологических исследований последнего десятилетия.

Месопотамия

Месопотамия, по-видимому, распространила свою торговлю на более обширные территории, чем любой другой регион на Ближнем Востоке. В Месопотамии политическая централизация была достигнута усилиями Саргона Аккадского, который завоевал прежде независимые города-государства и создал первую месопотамскую «империю». Морская торговля привела Месопотамию к прямым контактам с островами Персидского залива, где так называемая цивилизация Дильмуна (острова Бахрейн, Файлака и др.) была вовлечена в перевозку значительного количества меди, строительного леса, слоновой кости(?), рыбы, серебра и фиников в Шумер³⁶. Месопотамские тексты говорят не только об активной торговле с Дильмуном, но и о широком торговом обмене с Маганом³⁷. Маган в настоящее время следует локализовать на Аравийском полуострове, в цепочке недавно раскопанных поселений, протянувшихся от ОАЭ до Омана: Хили, Бат и Майсар. Архитектура и материальная культура этих поселений отличаются внутренней общностью, о которой исследователи ранее не знали. Из Магана медь и диорит, использовавшийся в Шумере для изготовления статуй, вывозились в Дильмун для дальнейшей отправки в Месопотамию. Недавние раскопки на Майсаре в Омане указали на наличие значительного металлургического производства: на этом по-

³⁶ Bibby. Op. cit.

³⁷ Potts D. Towards an Integrated History of Culture Change in the Arabian Gulf Area // The Journal of Oman Studies. 1981. № 4. P. 29—51.

селении было найдено больше слитков металла, чем на всех вместе взятых поселениях Ближнего Востока того же времени ³⁸!

То, что Месопотамия находилась также в прямой связи с цивилизацией Инда (Мелуххой), засвидетельствовано текстами, в которых не только участвуют мелухцы в Месопотамии ³⁹, но и говорится о ввозе сердолика, золота, олова, леса, лазурита и серебра — называя лишь некоторые предметы мелухского экспорта в Месопотамию ⁴⁰. Археологические раскопки дали много индских печатей, найденных на месопотамских городищах: в Уре, Ниппуре и Эшнунне.

Аккадская экспансия может быть прослежена и по военным походам Саргона в Северную Месопотамию. На северо-западе его завоевания достигли Пурушханды в Анатолии, тогда как на северо-востоке он воевал с Симурру — первое отмеченное вторжение в Ассирию. На востоке Саргон выступил против Элама, который, по словам месопотамского царя, был полностью подчинен. Совершенно ясно, что в III тыс. до н. э. существовала гегемония Аккада над Месопотамией, сопровождавшаяся сложными взаимодействиями на всем древнем Ближнем Востоке.

Наконец, можно вспомнить, что, несмотря на изменения в династической традиции как в раннее, так и в более позднее время, Южная Месопотамия оставалась единственным регионом, где «сильные урбанистические традиции не прерывались несмотря на завоевания, внутренние потрясения, сопровождавшиеся тяжелыми экономическими последствиями, массовые перемещения населения и смену языка» ⁴¹. Месопотамию в конце III тыс. до н. э. можно рассматривать как парадигматическую модель роста государства до возможных пределов: прогрессирующая тенденция к созданию абсолютистского государства при том, что внутренние противоречия усиливали разделение между ядром империи и ее кочевой или полуоседлой периферией, равно зависевшими от случайностей престолонаследия.

Элам

Эламская история начинается во второй половине III тыс. до н. э. ⁴² Независимость Элама зависела от взаимодействия народов, населявших плодородные земли Хузистана, с обитателями горных районов к северу и востоку, богатых медью, лесом, различными минералами, конями. Политическое единство достигалось только сильными правителями; подобные же правители должны были быть инициаторами попыток колонизации в протоэламское время, в период второй «конъюнктуры». К концу III тыс. до н. э. мы видим три правящих дома, которые при объединении образовали эламское «федеративное государство»; это цари Авана, Симашки и «Великие Правители». Письменные источники сообщают, что ок. 2550 г. до н. э. эламское царство Аван добило господства над Южной Месопотамией ⁴³. Спустя два века (после 2325 г. до н. э.) Саргон Аккадский, процарствовав 57 лет, «выступил с тьмой» и покорил Элам. Здесь мы можем различить самое характерное для отношений между Эламом и Месопотамией — вражду, длившуюся тысячу лет.

³⁸ Weisgerber G. «... und Kupfer in Oman» // Der Anschnitt. 1980. Bergbau Museum 2—3. P. 62—110; Cleuziou. Op. cit.; Frifelt K. Evidence of a Third Millennium B. C. Town in Oman // Journal of Oman Studies. 1976. 2. P. 57—74.

³⁹ Parpola S., Parpola A., Brunswig Jr. R. H. The Meluhhan Village // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1976. 20/2. P. 129—165.

⁴⁰ Pettinato G. Il commercio con l'estero della Mesopotamia meridionale nel 3. millennio av. Cr. alla luce delle fonti letterarie a lessicali sumeriche. 1972.

⁴¹ Adams. Op. cit.

⁴² Cameron G. History of Early Iran. University of Chicago, 1936.

⁴³ Hinz W. The Lost World of Elam. L., 1972.

Новые археологические свидетельства проливают свет на интеграцию Элама и масштабы его внутренних и внешних взаимосвязей⁴⁴. Прежде всего, важный эламский центр Аншан был окончательно идентифицирован как городище Тал-и Мальян⁴⁵, а Аван предположительно локализован в центральной части Северо-Западного Ирана⁴⁶, тогда как Симашки — в Восточном Иране, вблизи Шахр-и Сохта⁴⁷. Последняя идентификация остается предположительной, так как основывается главным образом на скудных сообщениях письменных источников.

Археологические данные не подтверждают существования материальной культуры, единой для Суз, Мальяна, Шахр-и Сохта и Тепе Яхья в III тыс. до н. э., однако они свидетельствуют о значительной региональной интеграции внутри каждой из областей, в которых расположены эти городища. Район вокруг Мальяна идентифицирован как Аншан на основании письменных источников, а имеющие отличающуюся от Мальяна материальную культуру богатые городища Шахдад и Тепе Яхья, с общим для них стилем цилиндрических печатей, керамики и сосудов из хлорита, вероятно, лучше всего подходят для отождествления с эламским царством Мархаси (как предположил Штайнкеллер)⁴⁸.

Почти на всех крупных городищах Месопотамии археологи находили украшенные тонкой резьбой хлоритовые (стеатитовые) сосуды⁴⁹. Сначала ученые считали их изделиями шумерских мастеров. Раскопки на Тепе Яхья в Юго-Восточном Иране открыли первый значительный центр по производству таких сосудов. Обнаружение вблизи Тепе Яхья ряда каменоломен, где добывался хлорит, и существование широкого производства на этом поселении украшенных резьбой сосудов указывают на то, что их здесь производили больше, чем требовалось для местных нужд. Были изучены образцы хлорита с помощью спектрального анализа и нейтронной активации, с тем чтобы выявить характерные особенности местного камня и определить область распространения изделий из него⁵⁰. Результаты показали, что центров, снабжавших Месопотамию подобными изделиями, было много, и Тепе Яхья — лишь один из них. Находки идентично украшенных хлоритовых сосудов отмечаются от Мари на Северном Евфрате до островов Тарут в Персидском заливе и от Мохенджо-Даро в долине Инда до Ферганы в Средней Азии (рис. 5). В Месопотамии их неизменно находили в комплексе с предметами, принадлежавшими элите: например, в царских гробницах Ура или в храме Инанны в Нишпуре. Кроме того, керамические копии таких сосудов были найдены в Хили, Бате и Умм-ан-Наре, т. е. в районе, идентифицируемом как Маган. Можно смело утверждать, что эти украшенные резьбой каменные сосуды и их керамические имитации представляют собой самый распространенный

---

⁴⁴ *Steinkeller P.* The Question of Marhasi: A Contribution to the Historical Geography of Iran in the Third Millennium B. C. // *Zeitschrift für Assyriologie*. 1982. 72/2. P. 237—265; *Stolper M.* On the Dynasty of Simashki and the Early Sikkalmahs // *Ibid.* 1982. 72/1. P. 42—67.

⁴⁵ *Hansman J.* Elamites, Achaemenians and Anshan // *Iran*. 1972. 10. P. 101—126.

⁴⁶ *Cp. Stolper.* *Op. cit.*

⁴⁷ *Vallat F.* Suse et l'Elam. Recherche sur les grandes civilisations, Mémoire 1. P., 1980.

⁴⁸ *Steinkeller.* *Op. cit.*

⁴⁹ *Kohl P. L.* The Balance of Trade in Southwestern Asia in the Mid-third Millennium B. C. // *Current Archaeology*. 1978. 19/3. P. 463—492.

⁵⁰ *Kohl P. L.* Seeds of Upheaval: The Production of Chlorite at Tepe Yahya and an Analysis of Commodity Production and Trade in Southwest Asia in the Mid-third Millennium. 2 vols. Ph. D. Dissertation. Cambr. Mass., 1974.

Рис. 5. Схема распространения идентично украшенных хлоритовых сосудов

в III тыс. до н. э. на Ближнем Востоке материал. Сложные изображения на этих сосудах построены по единым иконографическим принципам, что указывает на общность идеологии эламских производителей и далеких шумерских потребителей. Это служит доказательством существования такой степени общности идеологии, какую трудно было бы ожидать при значительных различиях в материальной культуре.

Туран

Широкие археологические исследования, проведенные советскими археологами за последние два десятилетия, показали, что регион советской Средней Азии и северных окраин Ирана имел свою особую культуру бронзового века⁵¹. В США на сложный характер этой культуры исследователи обращали недостаточное внимание. Недавно Този высказал мнение, что эта область, с ее весьма своеобразной линией культурного развития от неолита до бронзового века, является зоной Туранской цивилизации⁵². К концу III тыс. до н. э. экспансионизм Турана, представляемого такими городищами, как Алтыш-деше и Намазга-деше в Средней Азии, может быть подтвержден находками предметов Намазга V/VI (ок. 2300 г. до н. э.) вблизи Мергарха (см. рис. 4) около Боланского прохода в Пакистане. Здесь был раскопан могильник, содержащий только материал Намазга V⁵³. Более того, в нескольких километрах от этого кладбища было открыто поселение Сибри, сплошь усеянное керамикой Намазга V/VI и материалом зрелой цивилизации Инда. Открытие этих памятников указало на доселе неизвестное движение обитателей Средней Азии по направлению к долине Инда. Данные археологических памятников вокруг Мергарха представляют убедительные доказательства того, что обитатели Средней Азии испытали культурное воздействие со стороны носителей

⁵¹ Masson, Sarianidi. Op. cit.; Сарьяниди. Ук. соч.; Кругликова И. Т., Сарьяниди В. И. Древняя Бактрия. М., 1971.

⁵² Tosi M. The Archaeological Evidence for Protostate Structures in Eastern Iran and Central Asia at the End of the 3rd Millennium B. C. // Le plateau iranien et l'Asie centrale des origines à la conquête islamique. CNRS. P., 1977.

⁵³ Jarrige, Meadow. Op. cit.

индской цивилизации. Существование такого взаимодействия стало известно лишь в самое последнее время. Только будущие исследования могут выявить масштабы и характер этого взаимодействия, которое привело к концу III тыс. до н. э. культурно различные области Средней Азии и долины Инда к интенсивным контактам. Экспансионистские тенденции в Средней Азии были направлены, с одной стороны, на Северный Белуджистан и индскую цивилизацию, а с другой — на районы Маргианы и Бактрии. Эти ранее необитаемые области были впервые заселены пришельцами — носителями культуры Намазга V/VI⁵⁴. Причины столь крупных сдвигов в расселении людей остаются необъясненными, но напоминают то, что происходило во время первой «конъюнктуры» в Месопотамии.

Важные археологические работы В. М. Массона, В. И. Сарияниди, А. А. Аскарлова, И. С. Масимова, А. Исакова, Л. Кирчо — называю лишь некоторых из крупных советских археологов, работающих в Средней Азии, — изменили наши представления о значении этой области в период от неолита до железного века. Недавно появились две важные книги, посвященные различным аспектам среднеазиатской археологии, которые впервые сделали доступными для нерусскоязычного читателя результаты работ советских археологов⁵⁵. Кроме того, недавно вышедшая на английском языке книга В. М. Массона о раскопках на Алтын-депе ввела в научный оборот ученых США этот очень важный памятник бронзового века.

Индская цивилизация

Проблемы возникновения индской цивилизации дискутируются давно. Споры идут главным образом вокруг того, какую роль в этом сыграло иранское и/или месопотамское проникновение и какую — развитие местных традиций. Влияние Средней Азии на индскую цивилизацию почти не принимается во внимание, хотя недавние исследования указывают на то, что оно могло иметь большое значение. Спор строится на ложном противопоставлении роли диффузии и самостоятельного развития.

Вслед за сложением зрелой индской цивилизации (2400 г. до н. э.) там внезапно появляются поселения с характерными отличительными чертами: Амри, Калибанган, Гумла, Ношаро и Хараппа, высокоразвитая община индской цивилизации. Эта модель, по-видимому, прямо сопоставима с моделью шумерской колонизации в первую «конъюнктуру» и с моделью протоэламской колонизации во вторую. Самая дальняя индская колония — недавно открытое на р. Оксе в Северном Афганистане поселение Шортугай, удаленное более чем на 1000 километров от центра индской цивилизации. В этом районе было обнаружено не менее шести археологических памятников с индским материалом⁵⁶. Высказывалось предположение, что эти индские колонии разрабатывали местные залежи меди и/или месторождения лазурита для пересылки в центры долины Инда. Уже указывалось, что в непосредственной близости от Боланского прохода, возле большого доисторического поселения Мергарх, было найдено индское поселение Ношаро, поверхность которого покрыта среднеазиатской керамикой Намазга V/VI, а в Средней Азии при раскопках Ал-

⁵⁴ Kohl P. L. *Central Asia Paleolithic Beginnings to the Iron Age*. P., 1984.

⁵⁵ Amiet P. *L'âge des échanges interiranien, 3500—1700 B. C. P.*, 1986; Kohl. *Central Asia...*

⁵⁶ Lyonnet B. *Découverte de sites de l'âge du bronze dans le N. E. de l'Afghanistan: leurs rapports avec la civilisation de l'Indus // Annali dell'Istituto Orientale di Napoli*. 1977. P. 19035; Francfort, Pottier. Op. cit.

тын-депе археологи недавно нашли печати с индскими надписями ⁵⁷.

Существовавшая в более краткий период времени и занимавшая большую, чем Месопотамия и Элам, территорию, индская цивилизация повторяет процесс быстрой расширяющейся колонизации, характерный для первой (месопотамской) и второй (эламской) «конъюнктур». За периодом колонизации вновь следует расширяющаяся модель взаимодействия, которая включает Среднюю Азию, Белуджистан, Персидский залив и Месопотамию.

Взаимоотношения, которые привели к контакту между цивилизациями Инда и Месопотамии, уже многократно обсуждались. Нет нужды вновь повторять письменные и археологические свидетельства существования этих отношений, которые носили, по-видимому, в основном экономический характер. Я укажу лишь на один аспект этих взаимоотношений, который остается вне поля зрения исследователей, — на их направленность. Тексты сообщают о мелухцах (жителях долины Инда) в Месопотамии, но ни в одном не говорится о шумерийцах, отправляющихся в Мелухху или живущих там. Археологические свидетельства также подчеркивают это обстоятельство: индские предметы находят при раскопках в Южной Месопотамии, но ни одного шумерского предмета не найдено в долине Инда. Вероятно, инициатива взаимодействия, которое привело к контакту между Шумером и долиной Инда, исходила от обитателей долины Инда. Очевидно также, что за исключением одного-единственного оттиска индской печати на черепке горшка, найденного на Тепе Яхья, нет свидетельств в пользу широкого взаимодействия между поселениями Иранского нагорья и индской цивилизации. Возможно, это было следствием эламито-шумерской вражды. Эламиты могли препятствовать сухопутной торговле между Месопотамией и долиной Инда, заставив обратиться к менее дорогостоящей морской торговле, о которой говорят месопотамские тексты.

Третья «конъюнктура» характеризуется еще более возросшим культурным взаимодействием между центрами культурной интеграции: Месопотамии — с Дильмуном, Маганом и цивилизацией Инда; Элама — с Месопотамией и союзными ей государствами; Аншана, Авана, Симашки, Мархаша и индской цивилизации — со Средней Азией (Туран), Месопотамией и Персидским заливом.

Дискуссия

В начале статьи я провел различие между двумя особыми ситуациями культурных контактов. В первом случае ограниченное число типов артефактов, характерных для одной культурной области, появляется в контексте другой; во втором случае ситуацию контакта характеризует появление целого культурного комплекса. Такое разграничение подчеркивает характер взаимодействия групп людей — в первом примере — неупорядоченный, а во втором — упорядоченный. В настоящей статье я обращаюсь к освещению упорядоченного объединения культурного комплекса, т. е. механизма управления, распространение которого явилось результатом колонизации чужих областей шумерийцами (первая «конъюнктура») и протоэламитами (вторая «конъюнктура»). Лесли Уайт ⁵⁸ первым подчеркнул значение культуры как «внетелесного» средства адаптации.

---

⁵⁷ Массон В. М. Печати протоиндийского типа из Алтын-депе // ВДИ. 1977. № 4. С. 147—155.

⁵⁸ White L. The Science of Culture: A Study of Man and Civilization. N. Y., 1949.

Этот взгляд получил дальнейшее развитие у Луиса Бинфорда⁵⁹, указавшего на то, что культуру следует рассматривать как систему, состоящую из многих подсистем, каждая из которых функционирует по-своему. Но определить культуру как систему адаптации еще не значит истолковать ее в социальных терминах. Если отдельные культурные системы и/или подсистемы существуют в реальном географическом пространстве, то какую же именно адаптивную ценность они имеют?

В разделах о первой и второй «конъюнктурах» я определил процесс колонизации, при котором, в дополнение ко всему, некая культурная подсистема, социальная технология управления, вводилась в областях с прежде самобытной культурой. Символами, отображающими эту новую социальную технологию, являются печати, их оттиски, таблички и специфические типы керамики, в частности, сосуды с особым ободком (*bevelled-rim*) и биконические сосуды. Каждый из этих особых типов артефактов функционирует как средство управления производством, потреблением и распределением. Соединение и функционирование всех типов обеспечивают в социальной структуре идеологию узаконенности. Под социальной структурой понимаются правила и представления, дающие смысл социальной системе. В основе управления новоучрежденными колониями первой и второй «конъюктур» лежат структурные и символические принципы, отсутствовавшие в местной культуре. Таким образом, за нововведенной социальной технологией стоит символическая идеология, понятная основа которой обеспечивает не только «идеологию узаконенности», но и основу модели распределения ролей и отношений, связи и использования власти, контроля над перемещением ресурсов и новую модель отношений зависимости и власти с местной культурой.

То, как материальная культура соотносится с обществом, зависит от идеологических структур и символических кодов, заложенных в функционирование артефактов. Предметы как символы контроля активно используются в социальной стратегии.

Мы полагаем, что именно в Южной Месопотамии впервые появились специфические формы социальной технологии (таблички, печати и пр.) для управления складывающейся бюрократической иерархией. Внутри этой бюрократической иерархии символизм проявился в самих артефактах, каждый из которых имел особые функции, узаконивающие социальную структуру, т. е. с помощью которых элита могла управлять производством, потреблением и распределением. Этот символизм имел отчасти явно религиозный характер, например изображения на печатях, что придавало дополнительную символическую узаконенность действиям, принятым с использованием этих печатей. Так, использование артефактов как символов, включенных в определенную идеологию, превратило прежде весьма произвольные системы отношений в более жесткую и непреложную систему. Идеологические компоненты, скрывавшиеся за новой социальной технологией, представляли групповые интересы управленческой бюрократии. Таким образом, интересы одной группы, управленческой элиты, стали общими интересами общества, превратив идеи правящего класса в правящие идеи. Так, символизм, стоящий за компонентами материальной культуры, становится частью господствующей идеологии и одновременно усиливает ее. В первой и второй «конъюнктурах» материальные предметы (таблички, печати, их оттиски, особые керамические типы)

---

⁵⁹ Binford L. *Archaeological Systematics and the Study of Cultural Process* // *American Antiquity*. 1965. 31. P. 203—210.

Таблица наличия/отсутствия свидетельств культурного взаимодействия
в конце III тыс.

	Месопотамия	Египет	Элам	Средняя Азия	Долина Инда	Палестина	Анатолия	Персидский залив
Месопотамия	—	да	да	?	да	да	да	да
Египет	да	—	?	нет	нет	да	да	?
Элам	да	?	—	да	да	нет	?	да
Средняя Азия	?	нет	да	—	да	нет	нет	нет
Долина Инда	да	нет	да	да	—	нет	нет	да
Палестина	да	да	нет	нет	нет	—	да	нет
Анатолия	да	да	?	нет	нет	да	—	?
Персидский залив	да	?	да	нет	да	нет	?	—

стали символами специфических функций, характерных для определенной социальной формы и идеологии.

Я полагаю, что в позднеурукский период колонизация из Южной Месопотамии привела к появлению поселений на Хабуба Кабуре, Годин-тепе, в Сузах и, возможно, на Телль-Браке. Каждое из этих поселений появилось в регионе, имевшем прежде свою самобытную культуру. Причины, вызвавшие колонизацию, неизвестны. Кажется, однако, что процесс колонизации, характерный для первой и второй «конъюктур», последовал за периодом крупных демографических сдвигов и в Месопотамии, и в Сузиане. Так, Роберт Макадамс⁶⁰ сообщает, что на Среднем Евфрате произошел десятикратный рост населения. Чуть позднее в соседней Сузиане отмечается увеличение населения в три раза⁶¹. Именно в контексте этих огромных демографических перемен впервые появляются в Месопотамии и Сузиане управленческие изобретения в виде табличек, печатей и особых типов керамики. Столь быстрый рост населения, объясняемый отчасти прибытием пришельцев, должен был вызвать кризис производства; нужно было контролировать его, чтобы прокормить быстро растущее число людей.

Вследствие роста населения в ранне- и среднеурукский периоды в период позднего Урука «десятки тысяч жителей маленьких сельских поселений, по-видимому, покинули свои дома и ушли на юг»⁶². Это явление имеет параллель также в Сузиане, где приходят в запустение сельские районы и одновременно происходит концентрация населения в городах. Продовольственный кризис неизбежно приводит к тому, что от ограниченного управления производством путем перераспределения посевного зерна переходят к распоряжению прибавочным продуктом, нужным для поддержания выросшего населения в городах. Именно в таких условиях быстрого роста населения в городах и запустения сельской округи видится позднеурукская «колонизация» ранее незанятых областей — Хабуба Кабира в Северной Сирии или Тепе Яхья в Юго-Восточном Иране. Можно задаться вопросом, не была ли эта расширяющаяся колонизация согласованной попыткой городских властей уменьшить население в городах, освоить отдаленные районы и поднять продуктивность сельских местностей?

В одной из своих работ я доказывал, что «колонизация» первой и второй «конъюктур» не входила в государственную административную структуру, а характеризовалась «домашним способом производства». К концу III тыс. до н. э. отдаленные друг от друга регионы Ближнего

⁶⁰ Adams. Op. cit. P. 70.

⁶¹ Johnson. Op. cit. P. 90.

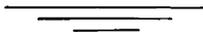
⁶² Adams. Op. cit. P. 71.

Востока оказываются напрямую связанными между собой; это обеспечило целый комплекс взаимодействий, которые хотя и подтверждаются теперь археологически, но все еще требуют объяснений — что вызвало эти контакты и какая социальная организация была характерна для этих отношений?

PATTERNS OF INTERACTION IN THE THIRD MILLENNIUM:
FROM MESOPOTAMIA TO THE INDUS VALLEY

C. C. Lamberg-Karlovsky

On the past two decades new excavations and theoretical foundations have led to the abandonment of a conception perceiving Mesopotamia as the generative engine for the rise of all subsequent Old World civilizations. This simplistic idea has been replaced by a complex understanding of the shifting patterns of economic, political and cultural configurations involving a very wide geographical expanse of the ancient Near East. The complexity of these patterns can be elucidated by summarizing the intensive interaction which characterized the Near East in three distinctive periods of time 3300, 2900 and 2400 B. C.

Л. С. Клейн

ДАНАЙСКАЯ ИЛИАДА

*(К характеристике источников
и формирования гомеровского эпоса)*

1. Выделение «данайских» песней. Традиционная убежденность одного крыла филологов-классиков в едином авторстве гомеровского эпоса покоится на шатких основаниях. За два века спора аналитиков с унитариями последним не удалось устранить коренные противоречия, неувязки, непоследовательности, разрывающие гомеровский текст, согласовать их с единым авторством, доказать принадлежность хотя бы одной поэмы — Илиады — одному автору. Казалось, что открытия школы М. Пэрри оправдают законами фольклора подобную несогласованность, но они оставили основные противоречия нетронутыми. И сегодня по-прежнему позитивные доказательства единого авторства очень слабы. В сущности концепция единоличного авторства Гомера утвердилась не на собственных основаниях, а на неудачах противоположной концепции: аналитики резко разошлись в своих построениях, и унитарии расценили это как доказательство нерасчлененности поэмы. Между тем в расчленении Илиады расхождений не было. Расхождения появлялись лишь в реконструкции ее формирования. И эти разногласия говорили не о принципиальной невозможности такую реконструкцию создать, а лишь о том, что не были найдены успешные и объективные методы изучения состава и происхождения поэмы.

В серии работ последних лет¹ я предложил и аргументировал пересмотр методики. Мне удалось показать, что синонимичные имена в Илиаде (Троя — Илион, ахейцы — данаи — аргивяне и т. п.) группируются с четкой поляризацией; одни синонимы гуще представлены в одних песнях, другие — в других. Оказалось, что можно проследить корреляцию топонимов с этнонимами: синонимичные пары тех и других одинаково распределяются по песням. То есть в одних и тех же песнях оказываются наибольшие частоты как синонима из топонимической пары, так и синонима из этнонимической пары, а противоположные полюса той и другой оппозиции оказываются в иных песнях, и опять в одних и тех же. Более того, с этим распределением коррелирует также распределение синонимичных предлогов, частиц и имен богини Афины.

---

¹ Клейн Л. С. Илион и Троя // НАА. 1986. № 4. С. 86—116; *он же*. Гомеровские названия греков и история // НАА. 1989. № 1; *он же*. Ахейские песни Илиады // Фольклор и этнография (в печати — Л.: Наука, 1990).

Иными словами, песни Илиады группируются по слабым, но достаточно показательным особенностям, которые выдают различное происхождение этих групп, различное авторство представленного ими эпического текста, особое для каждой группы песней. Каждая группа песней — особый вклад в Илиаду.

Одна из выделенных групп характеризуется тем, что греки в ней чаще, чем в других песнях, именуются «данаями» (поэтому я назвал эту группу «данайской»), а осажденный город в ней почти всегда называется «Илионом», а не «Троей». «Данаи» — этноним, на греческой почве имеющий корни только в Арголиде. Оба имени — и «Илион» и «данаи» — связаны с эпитетами от редкого слова *πόλος* 'жеребец', 'конь', тогда как обычно для значения 'конь' в эпосе используется слово *ἵπλος*. Из синонимичных предлогов в «данайских» песнях сохранившаяся только в эпосе форма *πρότι* и производная от нее форма *πρός*, представленная в ионийском и восточно-эолийском диалектах, т. е. в основном малоазийская, заметно преобладают над материковой формой *πоти*. Из синонимичных частиц в «данайских» песнях молодая частица *ἀτάρ* не столь резко, как в других, уступает архаичной частице *ἀδᾶρ*. Это может означать сравнительно молодой возраст этих песней, но также и воздействие локального диалекта (частица *ἀτάρ* есть в дорийской поэзии и в ионийской прозе), или оба фактора.

По формальным параметрам в состав этой группы входят песни V, VIII, XV, XVII и менее полно XI, а по некоторым параметрам (распределение синонимичных предлогов и частиц) также и VI, при этом очень четко. Она близка к «данайским» песням также по распределению топонимов (индекс 3, 7, в списке место от «данайского» блока третье)². Песнь XVI по соотношениям частот этнонимов могла бы считаться «данайской», но корреляции с топонимами в данном случае нет (соотношения прямо противоположные), по крайней мере распределение частиц также не поддерживает такую аттестацию, так что эту песнь из «данайских» надо исключить. Что же касается песни VI, то ее двойственная позиция объясняется ее давно уже выявленной (посредством содержательного анализа) неоднородностью — к «данайской» группе принадлежит лишь часть этой песни (подробнее см. далее).

Лингвистическое выделение «данайских» песней и объединение их в одну группу, предположительно созданную одним автором, которому в Илиаде принадлежат только они, находит полную поддержку в анализе содержания этих песней.

2. *Песни о Диомеде*. Нетрудно заметить, что «данайские» песни, составляющие единство по языку, тесно взаимосвязаны и по содержанию, и по сюжету, продолжая одна другую, как если бы они были прерваны и раздвинуты интерполяциями. Остается их снова сомкнуть.

Первой в этом списке идет песнь V — Диомедия. В ней Диомед воюет против Гектора, Энея и богов. Продолжая ее, песнь VIII начинается с последних в этом сражении подвигов Диомеда (VIII. 75—169, 253—261): «Но не успел ни один, сколь ни много данаев тут было, славиться прежде Тидида... После Тидида, Атриды-цари устремились оба...» (VIII. 253—254, 261 — здесь и далее пер. Н. И. Гнедича). Затем идет ответная ариэтия Гектора, нацеленная прежде всего против Диомеда: «И с ramen Диомеда, смирителя коней, добудем пышные, дивные латы...» (VIII. 194—195). В конце VIII песни вечером Зевс предсказывает Гере (470—476), какие события будут происходить завтра: поражение данаев и их бегство к су-

² Определение индекса топонимов см. *Клейн. Илион и Троя*.

дам — это события XI песни. Он ни словом не упоминает, что произойдет перед тем ночью, минуя, таким образом, песни IX и X. Противоборство Гектора с Диомедом продолжается и в XI песни (XI. 310—400), завершившись бегством греков к кораблям. В XV песни Гектор, воспрянувший от промежуточных невзгод, так сказать, наложенных на сюжет, штурмует корабли греков, и начало этого эпизода (XV. 366—367) повторяет стихи 345—346 VIII песни. Несколько отстранен от этой связной цепочки только апсфеоз Гектора в XVII песни. В промежутках — песни совершенно иного содержания.

Песни «давайской» группы связаны между собой не только основной линией сюжета, но и специфическими деталями; от этой связи не остается в стороне и XVII песнь. Проследим эти детали. Только в песнях V и VIII появляются две богини, Гера и Афина, на одной колеснице (V. 711—791; VIII. 350—484). Многие аналитики (Г. Герман, К. Ляхман, К. Кайзер и др.) считали выезд Геры с Афиной вставку в песнь VIII, никак с ней не связанной, но вместе с IX песнью (Посольством) введенной в качестве подготовительного к ней эпизода³; однако, как уже сказано выше, этот эпизод подготавливает сюжет не IX, а XI песни. В XI песни обе богини вместе приветствуют Агамемнона громом (XI. 45). Обе богини выступают главными действующими лицами на Олимпе также в XV песни (12—148). Только в одном еще месте Илиады Гера достаточно долго выступает вместе с Афиной — в Нарушении клятв (IV. 1—72). Но это не основная линия сюжета, а подготовительный, переходный текст к той же ариэстии Диомеда: он должен вернуть состояние войны после перемирия, которое было отходом от основной линии сюжета. Прочие места, где обе богини появляются вместе (II. 155—169; XX. 313; XXI. 418—493), эпизодичны.

Продолжим обзор связующих деталей. В VIII песни Зевс запрещает богам вмешиваться в столкновения смертных — это, конечно, ответ на стычки Диомеда с Афродитой, Аресом и Аполлоном в V песни, спровоцированные в двух случаях Афиной. В V песни (и только в ней) Афродита носит имя Киприды (330, 422, 458, 760, 883), а в XI упоминается царь Кипра Кинирас (20—21). Редкий удар копьём, нанесенный Гектором и рассекающий язык Керану в XVII песни (617—618), напоминает удар Диомеда, нанесенный им Пандару в Диомедии — там тоже пробит язык (V. 290—293). Квадрига упоминается только в песнях VIII (185), XI (698) и четверка связанных вместе коней — в XV (679), голова Горгоны — в песнях V (741), VIII (349) и XI (36). В песни VIII упоминаются золотые цепи в обиходе богов: в стихах 18—22 Зевс предлагает богам испробовать его силу, попытавшись стянуть его за золотую цепь (вервь) с неба, а в стихах 23—26 он грозитя, обвязав цепь (вервь) вокруг Олимпа, повлечь за нее землю и море. В XV песни упоминаются золотые узы: здесь в стихах 18—24 Зевс напоминает Гере, как он подвесил ее к небу с двумя наковальнями на ногах.

Те же песни VIII и XV содержат ариэстии Тевкра (VIII. 266—334; XV. 345—482). В обеих Тевкр сражается близ Аякса, мегит в Гектора, но божество отклоняет стрелы, в каждом случае погибает лишь возница противника. Слишком похоже для случайного совпадения и слишком по-иному выражено для намеренного повторения.

В середине VIII песни (222—227) воспеваётся Агамемнон:

---

³ Diller H. Hera und Athena im achten Buch der Ilias // Hermes. 1965. Bd 93. № 2. S. 137—147.

Стал Агамемнон на черный, огромный корабль Одиссея,
Бывший в середине, да голос его обоюдно услышат
В кущах конечных Аякса и в кущах царя Ахиллеса,
Кои на самых концах с многовеслыми их кораблями
Стали, надежные оба на силу их рук и на храбрость.
Там паразитным голосом он вопиял к аргивянам...

Песнь XI — ариэтия Агамемнона. Она начинается с повторения тех же стихов (XI. 5—10), но тут они отнесены не к Агамемнону, а к богине Эриде — Вражде, которая вместо него кричит, вдохновляя ахейцев:

Стала Вражда на огромнейший черный корабль Одиссея...

и т. д.

Стихи эти в песни VIII первичны, а в XI — вторичны. В самом деле, Вражда вытеснила из них Агамемнона, но он отведен недалеко — сразу же за этим пассажем царь возвращен на место:

Громко кричал и Атрид...

(XI. 15)

Это не заимствование из одной песни в другую, а просто продолжение прерванного рассказа об Агамемноне. Рассказ продолжен после перерыва, вызванного вставками, которые и образуют вторую половину VIII песни: первая ариэтия Тевкра, выезд двух богинь и описание троянского лагеря, составляющее по сути уже начало IX песни⁴.

В песни XI Менелай находится близ Аякса и обращает его внимание на то, что Одиссей взывает о помощи (463—471). В XVII песни Менелай снова приближается к Аяксу и снова обращается к нему за помощью, на сей раз в защите тела Патрокла; позже Аякс просит Менелая послать Антилоха, чтобы тот позвал Ахилла на помощь (XVII. 103—105, 115—124, 650—655). Одни и те же ситуации, одни и те же просьбы, т. е. непохоже на намеренный повтор. Просто один и тот же набор средств, применяемый в песнях, созданных одним автором.

В песни XI Зевс дает Гектору наказ избегать Агамемнона, пока того не ранят (XI. 185—192), после чего Гектор сможет дойти до кораблей, «и закатится солнце, и мраки священные снидут» (193—194 = 208—209). Упоминается неизвестно когда высказанный наказ избегать и Аякса (XI, 542—543). Именно в XVII песни (128—182) Гектор избегает Аякса, при этом наказ Зевса упоминается еще раз, а Зевс повторяет, что троянцам еще предстоит дойти до кораблей, «и закатится солнце, и мраки священные снидут» (453—454). От XI песни до XVII состояние слишком велико, чтобы слушатель мог помнить эти указы, но в «данайской» последовательности между этими двумя песнями — только песнь XV. Любопытно, что само первое изложение наказа Зевса избегать Аякса отсутствует в Илиаде. Это, вероятно, говорит о том, что последовательность «данайских» песней в поэме неполная — что-то из них в Илиаде не вошло.

Особого рассмотрения требует VI песнь. В ней троянские женщины по просьбе Гектора шествуют в храм Афины и молят богиню о защите города от Диомеда, и только от Диомеда (VI. 96, 278, 306). Другого противника, достойного упоминания, они не знают — ни Агамемнона, ни Ахил-

⁴ См. *Hentze C. Anhang zu Homers Ilias. 2. Aufl. Ht III. Lpz, 1887. S. 67—85.*

ла, ни Аякса. Между тем песнь упоминает этих героев как более важных, чем Диомед.

Двойственность нашла выражение и в формальных параметрах этой песни, и причину этой двойственности выявляет анализ содержания. Аналитическая критика давно уже разделила эту песнь на две части: а) Шествие троянок и б) Свидание Гектора с женой и его приход к брату. Отмечалась и искусственность соединения этих частей: два рядом стоящих стиха — 311 и 312 — начинаются одним и тем же наречием *ὥς 'так'*⁵. Особенно подробно разработал это деление Э. Бете⁶. Он заметил, что в Шествии троянок на Пергаме находится храм Афины, а дворец, из которого троянки идут в замок градской, не там, где храм, в Свидании же дворцы в замке; в Шествии на Приама и всех его 50 сыновей и 12 дочерей с зятьями приходится один дворец с разными помещениями, в Свидании же — отдельные дворцы у Гектора и Париса; в Шествии троянки считают врагом Диомеда, а в Свидании (в речи Андромахи) Диомед занимает последнее место среди ахейских вождей, угрожающих городу, — после Аяксов, Идомея и Атридов. Шествие троянок явно принадлежит к «данайской» группе, тогда как Свидание — нет. Недаром Геродот (II. 116) относил VI. 289—292 Илиады (пассаж из Шествия троянок) к «аристии Диомеда». Этим разделением VI песни действительно объясняется сочетание в ней разнородных характеристик: они слились в результате соединения двух частей. Все упоминания «данаев» и «аргивяп» оказываются в первой части (Шествие троянок), и, конечно, «ахейцев» там меньше, чем во всей песни, во второй же части (Свидание Гектора) остаются только «ахейцы».

Вообще эта песнь пестрая, составная. Встреча Диомеда с Главком хотя и вторит «данайским» песням по благорасположению к ликийцам, плохо держится на своем месте. Так, Диомед в ней говорит, что никогда не дерзал сражаться с богами (VI. 128—141), тогда как только что, в V песни, он сражался с тремя из них. В VIII песни Гектор выражает надежду добыть с ramen Диомеда дивные латы, сделанные Гефестом, не зная, что Диомед обменялся доспехами с Главком, и автор об этом ни словом не упоминает. В свою очередь, повествуя об эпизоде обмена в VI песни, автор не стал бы иронизировать по поводу промашки Главка (обменял-де золотой доспех, стоявший сто тельцов, на медный, стоявший девять), если бы знал, что доспех Диомеда — работа Гефеста! На этом основании некоторые критики, начиная с Аристоники (schol. A ad II. VI. 119), переносили этот эпизод встречи в другое место (он выглядел бы логичнее перед Диомедией) или считали его вовсе инородным⁷.

Не согласуется с Шествием троянок и начало VI песни (до стиха 72 включительно или до стиха 65): там нет того первенства Диомеда, на которое ссылаются Гелен и Гектор, а рядом с самим Диомедом там выступает не его обычный в «данайских» песнях соратник Сфенел, который сопровождал его и в V песни, т. е. только что, а другой соратник — Эвриал.

Стоит вычленив Шествие троянок из этой смеси, и в нем соотношение между упоминанием «ахейцев», «аргивян» и «данаев» окажется 4 : 3 : 2, если начинать Шествие со стиха 66, или 4 : 2 : 1 — если со стиха 73. Соответственно индекс «ахейского» участия — 0,8 или 1,3. В обоих случаях

⁵ Шестаков С. П. О происхождении поэм Гомера. Вып. II. О происхождении Илиады. Казань, 1898. С. 197—201.

⁶ *Bethe E.* Hektors Abschied // *Abhandlungen der Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl.* 1909. Bd XVII. № 12. S. 413—442.

⁷ *Naber S. A.* *Quaestiones Homericae.* Amstelodami, 1877. P. 155; Шестаков. Ук. соч. С. 197 сл., 229.

по индексу текст примыкает к «данайским» песням. (Напомню: в целом по группам индекс «ахейского» участия, т. е. отношение «ахейцев» к сумме упоминаний «данаев» и «аргивян», для «ахейской» группы 2,2—17,0, для «данайской» — 0,95—1,4⁸.) Для вычисления индекса «аргивского» (гесп. «данайского») участия цифры слишком малы.

«Данайская» часть VI песни включается в систему связей «данайских» песен и по общим для них деталям. В песнях VIII. 173—174, XI. 287—288, XV. 485—486 и XVII. 184—185 Гектор возбуждает своих людей одним и тем же призывом: «Трои (сыны), и ликийцы, и вы, рукопашцы дарданцы! Будьте мужами, о други, помните бурную доблесть!». Только в песнях V и VI этого призыва нет, но лишь по случайности: ликийцы в них действуют весьма активно. В XIII песни (не «данайской») есть только первая строка призыва. За этими исключениями призывы Гектора к трем народам как бы связывают все песни «данайской» группы. В других песнях обращение другое — без ликийцев: «трояне, дарданы и союзники» (III. 456; VII. 348; оно есть и в конце одной «данайской» песни — VIII. 497). Таким образом, именно в «данайских» песнях наблюдается особое внимание к ликийцам. В этом свете примечательны примирение и дружеская беседа Диомеда с ликийцем Главком, вставленные в текст песни VI (119—236): поэт прокламирует узы дружбы между Аргосом и ликийцами.

Вероятно, не все отмеченные связи между песнями объясняются их однородностью, некоторые, возможно, случайны; могут быть и взаимосвязанные интерполяции. Скажем, в VIII и XI песнях содержатся одинаковые описания клича с корабля Одиссея — клича, слышного на противоположных концах лагеря ахейцев: в стане Аякса и в стане Ахилла (VIII. 222—227; XI. 5—9). У нас нет оснований связывать эти формулы с «данайским» комплексом. Песнь V, например, представляет собой очень сложный конгломерат, и сейчас трудно сказать, весь ли ее состав сложился в рамках «данайских» песен. Песнь XVII по содержанию стоит несколько особняком, и, возможно, она подверглась переделке. Но в основном «данайские» песни составляют одно целое.

Словом, есть основания полагать, что у «данайских» песней был один автор, которому в Илиаде принадлежат только они, или что они восходят к тексту одного источника и придерживаются этого текста настолько близко (выдерживая даже его номенклатуру и его употребление предлогов и частиц), что он может считаться отдельной составной частью Илиады, а его автор — одним из авторов Илиады.

Этот вывод представляется новым для аналитической критики. Большинство аналитиков не отделяло пятую песнь (Диомедию) от третьей и четвертой, но некоторые все же обособляли ее по содержанию от предшествующих и последующих (К. Лахман, Э. Г. Мейер, К. Роберт, Э. Бете)⁹. У. Лиф отмечал ее особую мифологию и поэтику¹⁰. Еще меньше исследователей, которые бы улавливали ее связи с другими «данайскими» песнями. Все же от некоторых эти связи не ускользнули: Э. Г. Мейер ви-

⁸ Под индексом ахейского участия понимается отношение частот этнонима «ахейцы» к сумме частот этнонимов «аргивяне» и «данаи».

⁹ *Lachmann K. Die Betrachtungen über Homers Ilias. B., 1847; 3. Aufl.—1874. S. 20 f.; Meyer E. H. Indogermanische Mythen. Bd II. Achilleis. B., 1887. S. 66—98, 379—381; idem. Homer und die Ilias. B., 1887. S. 50—67; Robert C. Studien zur Ilias. B., 1901. S. 177—193; Bete E. Homer. Dichtung und Sage. Bd I. Ilias. B., 1914. S. 266 f., 277.*

¹⁰ *Leaf W. A companion to the Iliad for English readers. L., 1892.*

дел продолжение Диомедии в XI песни, называя XI. 296—400 Малой Диомедией¹¹; обе песни объединяли также Б. Нисе и М. Краузе¹²; К. Рейнхардт считал VIII песнь образцом для V и XI¹³, В. Шадевальдт связывал песнь XI по стилю и содержанию с VIII и XV¹⁴, а Дж. Керк, выделяя Диомедию по необычному языку и нестандартным употреблением формул, сравнивал ее битвы с битвами VIII и XVII песней (но также и VII)¹⁵.

Можно сказать, что аналитическая критика двигалась к выявлению «данайского» блока со стороны отдельных песней, ощупью, и ей предстоял еще очень долгий путь. Здесь предложен взгляд со стороны целого. Этим путем вопрос решается сразу и со всей очевидностью.

3. *Ахилл и Диомед*. Предложенный анализ показал, что в Илиаде песни, где главным героем является Диомед, составляют связный текст, прерываемый вставками инородного материала. Это побуждает вспомнить тех аналитиков, которые уже давно предполагали, что Большая Диомедия (о ее точном составе можно было лишь догадываться) была одним из источников и одной из составных частей Илиады, как и Menis — песнь о Гневе Ахилла. У Э. Мейера такая Диомедия наряду с Ахиллеидой была в числе тех нескольких малых эпосов (это почти «малые песни» Ляхмана, но более объемные), из которых, по его мнению, составила Илиада¹⁶. К. Роберт уловил скрытое соперничество между Ахиллом и Диомедом и их сюжетный параллелизм¹⁷. Эти два героя почти никогда не сводятся вместе: исчезает Ахилл — появляется Диомед, исчезает Диомед — только тогда снова появляется Ахилл (они встречаются только в Погребальных играх в честь Патрокла, в XXIII песни, но там вообще много путаницы¹⁸). Это несовместимые фигуры, они исключают друг друга (табл. 1).

К. Роберт предполагал, что существовали не отдельные эпические песни об этих героях, а две Илиады, или, точнее, две версии Илиады: одна с Ахиллом, другая — с Диомедом вместо Ахилла. Он распределил и других героев по этим версиям: в одной Ахиллу противостоял Гектор, в другой Диомеду — Эней и Парис. Э. Бете высказался в том же духе: «Диомедия не имеет никакой связи с Menis; Ахилл и Диомед взаимоисключаются. Где и когда она сотворена и почему она перенесена под Трою, вряд ли можно сказать»¹⁹. Идею Роберта, высказанную тем сугубо предположительно, подхватил и одобрил М. Нильсон²⁰. У швейцарской исследовательницы Р. фон Шелиха несколько расширен список параллелей между двумя образами²¹. Г. Шёк считает образ Диомеда в Илиаде продуктом дублирования мотивов²².

¹¹ Meyer. Achilleis. S. 27—98, особенно 42; *idem*. Homer ... S. 63—65, 255.

¹² Niese B. Die Entwicklung der Homerischen Poesie. B., 1882. S. 81; Croiset M. Etudes sur l'Iliade // Annuaire de l'association pour l'encouragement des études grecques en France. V. 18. P., 1884. P. 53—78.

¹³ Reinhardt K. Die Ilias und ihr Dichter. Göttingen, 1961. S. 124—211.

¹⁴ Schadevaldt W. Iliasstudien. Lpz, 1938, passim, особенно гл. 4.

¹⁵ Kirk G. S. The Songs of Homer. Cambr., 1962. P. 340.

¹⁶ Meyer. Achilleis; *idem*. Homer...

¹⁷ Robert C. Die griechische Heldensage. Bd III. B., 1926. S. 1059.

¹⁸ Шестаков. Ук. соч. С. 477—484.

¹⁹ Bete E. Homer. Dichtung und Sage. Bd III. Die Sage vom Troischen Krieg. Lpz, 1927. S. 168.

²⁰ Nilsson M. P. Homer and Mycenae. L., 1933. P. 258—260, 267.

²¹ Scheliha R. von. Patroclus. Gedanken über Homers Dichtung und Gestalten. Basel, 1943. S. 66—76.

²² Schoek G. Ilias und Aithiopis. Kyklische Motive in homerischer Brechung. Zürich, 1961. S. 75—80.

Взаимоисключение Ахилла и Диомеда

Нумерация песней	Разделы содержания	Участие героев	
I	Гнев Аполлона	Ахилл (и Патрокл)	—!
II	Ссора Ахилла с Агамемноном		
III	Сон Агамемнона		
	Испытание войск		—!
	Каталоги коалиций	(Ахилл и Патрокл)	(Диомед)
III	Клятвы		
	Смотр со стены (Тейхоскопия)		—!
	Поединок Париса с Менелаем		
IV	Нарушение клятв		
	Обход войск		
V	Подвиги Диомеда		Диомед
VI	Шестые троянок		Диомед
	Примирение Диомеда с Главком		Диомед
	Свидание Гектора с супругой		
VII	Поединок Гектора с Аяксом		(Диомед)
	Погребение павших		
VIII	Прерванная битва		Диомед
IX	Отправка посольства		(Диомед)
	Посольство у Ахилла	Ахилл	
	Возвращение посольства		(Диомед)
X	Ночная вылазка (Долония)		Диомед
XI	Подвиги Агамемнона		Диомед
	Несторида	Ахилл	
XII	Битва за стезу		
XIII	Битва при кораблях		
XIV	Обольщение Зевса		(Диомед)
	Подвиги Идоменея		
XV	Отеснение от кораблей		
XVI	Патроклия		
XVII	Подвиги Менелая	Ахилл и Патрокл	
XVIII	Изготовление оружия	тело Патрокла	—!
		Ахилл и тело Патр.	
XIX	Отречение от гнева	Ахилл и тело Патр.	
XX	Подготовка битвы богов		
	Поединок Ахилла с Энеем и др.	Ахилл	
XXI	Приречная битва	Ахилл	
	Битва богов		
XXII	Умерщвление Гектора	Ахилл	
XXIII	Погребение Патрокла	Ахилл и тело Патр.	
		Ахилл	
	Погребальные игры	Ахилл	Диомед
XXIV	Выкуп тела Гектора	Ахилл	

В скобках показаны мимолетные пассажи с упоминанием данного героя. Восклицательным знаком отмечены те разделы, где отсутствие героя странно.

Сопоставим образы Ахилла и Диомеда (наблюдения Роберта, Нильсона и фон Шелиха пополнил собственными).

1. Из всех ахейских героев Ахилл и Диомед считаются самыми страшными для врагов. Нестор характеризует Ахилла как «мужа, храбрейшего в рати» (IX. 110) и уговаривает Агамемнона: «Гнев отложи на Пелида героя, который сильнейший всем нам, ахейцам, оплот в истребительной брани троянской» (I. 283—284). «Стоит народа смертный единый», — при-

знает Агамемнон (IX. 116—117). «Страшнейший в мужах», — оценивает он Ахилла (XXI.110). Но это в тех песнях, где нет Диомеда.

Диомеда же исследователи обычно характеризуют как сильнейшего среди ахейцев после Ахилла. Это не так. Он сильнейший вообще, как если бы Ахилла не было. Более того, в тех песнях Илиады, где действует он, там он сильнее Ахилла: Гелен советует ублаготворить Афины, чтобы она отразила Диомеда — «мужа, который, я мыслю, храбрейший в народе ахейском! Так и Пелид не страшил нас... Тидид аргивянин пуще свирепствует: в мужестве с оным никто не сравнится» (VI. 98—101). Так что каждый из них самый-самый, оба они первые.

2. Несмотря на растянутую биографию каждого из них (взрослый сын у Ахилла, взятие Фив Диомедом), оба героя мыслятся юными. Это присуще их образам. «Краток твой век, — говорит Фетида Ахиллу, — всех кратковечней» (I. 416—417). «Твой родитель в день, как из Фтии тебя отпустил в ополчение Атрида, юный ты был неискусен в войне», — говорит ему Феникс (IX. 438—440). К Диомеду же обращается Нестор: «Молод еще ты и сыном моим без сомнения был бы самым юнейшим», хотя «из сверстников юных советник отличный» (IX. 54, 57—58). Таким образом, оба претендуют на роль *jeune premier*.

3. Только им двоим в Илиаде Афина покровительствует лично. У гневного Ахилла она становится за спиной и хватает его за русые кудри, чтобы удержать от безрассудных поступков (I. 193—218). Диомеду же она подает советы и даже, согнав Сфенела, восходит на колесницу своего подопечного («ужасно дубовая ось застонала») и берет бразды и бич в свои руки (V. 835—841).

4. У обоих — и только у них двоих — Афина зажигает пламень вокруг головы, у Ахилла (XXIII. 205, 214) и у Диомеда (V. 1—7).

5. У обоих — доспехи, сделанные Гефестом, с тем лишь различием, что у Ахилла это мотивировано сюжетом (XVIII. 130—144, 369—616), а у Диомеда — без всякой мотивировки, по крайней мере в нашей Илиаде (VII. 195).

6. Оба послушны богам. «Как мой ни пламенен гнев, — говорит Ахилл, — кто бессмертным покорен, тому и бессмертные внемлют» (I. 217—218). «Я никогда не дерзал с божествами Олимпа сражаться», — уверяет Диомед (VI. 129).

7. Оба тем не менее сражаются с богами (только они одни осмеливаются на это в Илиаде): Диомед с разрешения Афины выступает против Афродиты и Ареса (V. 330—363, 846—867), Ахилл — против Ксанфа (XXI. 213—384). Аполлона каждый из них преследует, но, узнав, отступает (V. 432—444; XXI. 600—605; XXII. 7—20).

8. На обоих обращается несправедливый гнев Агамемнона. На Ахилла: «Что же, беги, если бегства ты жаждешь!» (I. 173). На Диомеда: «Что ты трепещешь?» и т. д. (IV. 371).

9. Оба срамят Агамемнона. Ахилл: «Ты никогда ни в сраженье открыто стать перед войском, ни пойти на засаду с храбрейшими рати мужаи сердцем своим не дерзнул...» (I. 226—228). Диомед: «Дар лишь единый тебе даровал хитроумный Кронион: скипетром власти славиться дал он тебе; твердости ж не дал...» (IX. 37—39).

10. Каждый из них уверен в том, что, оставшись вдвоем с товарищем, он взял бы Трою. «Я и Сфенел остаемся и будем сражаться, доколе Трой конца не найдем», — гордо заявляет Диомед (IX. 48—49). Ахилл же говорит Патроклу: «Мы б и одни разметали троянские гордые башни!» (XVI. 87—100).

11. Оба героя порознь вступают в поединок с Энеем, но оба раза Энея спасает божество, укрыв мраком и унеся с поля боя: от Диомеда — Афродита и Аполлон (V. 297—319, 343—346, 445—453), от Ахилла — Посейдон (XX. 259—291, 318—328).

12. Оба нападают на Аполлона, укрывающего подопечного троянского героя. «Трижды Тидид напал, поразить Апхизиды желая, трижды блистательный щит Аполлон отражал у Тидида» (V. 436—437). «Трижды могучий Пелид на него напал, ударяя пикой огромной, и трижды вонзал ее в мрак лишь глубокий» (XX. 445—446).

13. Каждого из них Гектор рассматривает как своего основного противника и бой с ним — как решающий: «Меня ль Диомед, воеватель могучий, боем к стенам от судов отразит или я, Диомеда медью убив, в Илион возвращуся с корыстью кровавой» (VIII. 532—534). «Стократ благороднее будет противостать и, Пелеева сына убив, возвратиться или в сражении с ним перед Троею славно погибнуть!» (XXII. 108—109).

14. Решающему бою Гектора с ахейским героем предшествуют безрезультатные встречи. Ахилл вспоминает: «Тогда он дважды встретился мне, но едва избежал моего нападения» (IX. 354—355). Первая встреча с Диомедом: «В Гектора прямолетающего дрот Диомед устремляет; и в него не попал» (VIII. 118—119). При второй встрече Ахилл, ринувшись с копьем на Гектора, в ярости кричит: «Снова ты смерти, о пес, избежал! Над твоей головою гибель висела, и снова избавлен ты Фебом могучим!» (XX. 449—450). Те же стихи вложены в уста Диомеда, когда его удар копьем в шлем лишь на короткое время лишил Гектора сил (XI. 362—363).

15. Ахилл убивает Гектора ударом копья в гортань (XXII. 324—326). Естественно, в поэме гибель Гектора можно было сохранить только в одном месте: Гектор мог погибнуть только один раз. Но второй вариант гибели существовал, хотя и не вошел в ту Илиаду, которая дошла до нас. В VIII песни (131—132) описывается, как благодаря Диомеду едва не изменилась военная ситуация в пользу ахейцев:

*ἔνθα κε λοιγὸς ἔην καὶ ἀμήχανα ἔργα γέροντο
καὶ νύ κε σήκασθεν κατὰ Ἴλιον ἦύτε ἄρνες*

Гибель была б, свершилось бы невозвратимое дело,
Загнаны были бы в Илион, словно как овцы...

Предложение оборвано (переводчики его дополняют по своему разумению). Согласно схолиям T, после стихов 131—132 в древних рукописях имелись еще два стиха:

*Τρῶες ὅπ' Ἀργείων, ἔλιπον δὲ κεν Ἑκτορα δῖον
χαλκῷ δηρόντα, δάμασσε δὲ μιν Διομήδης*

... Троянцы аргивянами; покинули бы они божественного Гектора,
убитого медью, сразил бы его Диомед

По дошедшему до нас тексту Илиады этому не дано было осуществиться. Но каким образом недопустимое в нынешнем сюжете событие было предотвращено? Зевс, «загремявши ужасно, перун сребропламенный бросил и на землю его, пред конями Тидида, повергнул: страшным пламенем вверх воспаленная пыхнула сера, кони от ужаса, прынув назад, под ярмом задрожали...» (VIII. 133—136). Это единственный в Илиаде случай, когда Зевс мечет перун перед отдельным героем. Таким чрезвычайным способом предотвращено то, что должно было произойти — и, очевидно,

происходило — в версии, конец которой отвергнут при слиянии. И еще один осколок древней версии оказался в XI песни: удар копьём в голову — это тот, который Диомед нанес там Гектору и от которого того предохранил только шлем, хотя он и потерял на время сознание (XI. 349—360).

16. Смерть Ахилла, как известно, последовала во вратах Скейской башни от стрелы, пущенной Александром-Парисом и попавшей в лодыжку или в пятку Ахилла. Этот эпизод излагался в Эфиопиде (Apollod. Epit. V. 3), и творцам Илиады он известен (XXII. 359—360). Но и о гибели Диомеда Гекуба молится Афине: «Дай, о богиня, да сам он ныне, погибельный, грянется ниц, перед башнею Скейской!» (VI. 306—307). Ее сын Александр стреляет из лука в Диомеда и ранит его именно «в десную пятую... Диомед же, присев, из поги прободенной вырвал стрелу, и по телу жестокая боль пробежала. Он в колесницу вскочив, повелел своему браздодержцу коней к судам устремить: терзалось в нем сердце» (XI. 369—400). Диомед выведен из боевых действий — для сражений он умер.

Конечно, полностью умереть по нынешнему сюжету Диомед не может: он еще нужен в Илиаде — для состязаний и в Троянском цикле — для поездки за Филоктетом на Лемнос и для похищения Палладия. Но в одном из этих предприятий (а по некоторым версиям — в обоих) главная роль принадлежала Одиссею. Кроме того, не ясно, в какой момент Диомед мог быть убит в той версии, где нет Ахилла, — возможно, после осуществления всего, что он сам должен был совершить. Но так или иначе Диомед был в ней убит, и следы этого остались. В V песни Диона утешает Афродиту: «Кто на богов ополчается, тот не живет долголетен; дети отцом его, на колени садясь, не кличут в дом свой пришедшего с подвигов междуубийственной брани». И уточняет: пусть сей Тидид теперь думает, что с ним никто не может сразиться; придет время — и его жена возопит по юном супруге (V. 407—415). И ему суждено пасть юным в бою. В объединенном варианте это серьезное пророчество богини повисает в воздухе — Диомед благополучно возвращается домой.

Таким образом, есть основания полагать, что действительно существовал вариант Илиады и даже всего Троянского цикла, в котором главным греческим героем был Диомед и он погибал, как Ахилл, но вопреки гипотезе Роберта в этом варианте Гектора не заменяли Эней и Парис. Просто Диомед выступал вместо Ахилла и только, он был его дублером. И вариант этот большими кусками сохранился в некоторых песнях нашей Илиады.

Однако варианты все-таки неравноправны. Характер смерти Ахилла связан с мифом о чудесном закаливании его тела в младенчестве огнем или водами Стикса, когда мать держала дитя за пятку, и это единственное место, которое осталось уязвимым — «Ахиллесова пятка» (Apollod. III. XIII. 6). Только туда его можно было поразить. Для Диомеда же ранение в пятку немотивировано. Оно понятно лишь как перенесенное с образа Ахилла. Так же обстоит дело и с доспехом работы Гефеста. Ахилла одаряли боги, потому что он сын богини, и боги присутствовали на свадьбе его родителей. В Илиаде Ахилл получил доспех, сработанный Гефестом по просьбе Фетиды, потому что перед тем остался без оружия. У Диомеда же происхождение доспеха от Гефеста непонятно. Значит, версия Илиады с Ахиллом — оригинальная, а та, в которой Диомед замещает Ахилла, — вторичная. Этим отвергается предположение М. Нильсона о том, что версия с Диомедом древнее, а миф об Ахилле инкорпорирован в нее ²³.

²³ Nilsson. Op. cit. P. 260, 267.

У Ахилла практически нет другого поля для подвигов, кроме Троянской войны. Диомед же прежде всего один из эпигонов, герой Фиванского цикла. Его поклонники, по-видимому, не просто ввели его в Илиаду, а сделали главным греческим героем в ней, другим Ахиллом. Некоторое время такая поэма, видимо, конкурировала с Илиадой, построенной вокруг Ахилла, — отсюда восхваление Диомеда как устрашающего врагов «пуще Ахилла». Более того, в тех немногих местах, где некий певец сталкивает судьбы этих двух героев, можно заметить их соперничество, явную неприязнь Диомеда к Ахиллу. Диомед не одобряет унижение Агамемнона перед Ахиллом: «Лучше, когда б не просил ты высокого сердцем Пелида, столько даров обещая: горд и сам по себе он, ты же в Пелидово сердце вселяешь и большую гордость. Кончим о нем и его мы оставим: отсюда он едет или не едет — начнет, без сомнения, ратовать снова, ежели сердце велит и бог всемогущий воздвигнет» (IX. 698—703).

При слиянии версий Ахилл все-таки возобладал. Слияние произошло на основе «ахейской» версии. И уж тут подспудно осуществлено унижение Диомеда. В VIII песни во время сражения на совет Нестора поворачивать коней к бегству от Гектора Диомед отвечает, что оно бы и разумно, да ведь Гектор станет похвалиться, что Диомед от него убежал («и тогда расступись, земля, подо мною!»). Так и происходит. Гектор кричит ему: «О Диомед! перед всеми тебя почитали данаи местом и брашном, и полными кубками в пиршествах общих; впредь не почтут: пред всех их женщиной ты оказался! Сгниби, презренная дева!» (VIII. 150, 161—164). Это бранное отождествление скоро получает неожиданную реализацию. В следующей, IX песни Ахилл, отказав посольству ахейян, опочил на ложе. «И при нем возлегла полоненная им лесбиянка... Диомеда» (IX. 664—665). Совпадение имен, конечно, не могло ускользнуть от слушателей и, вероятно, вызывало усмешку у тех, кто был поклонником Ахилла и недоброжелателем Диомеда.

Унитарий О. Андерсен предполагает, что второй Илиады не было, а Диомед был сразу уподоблен Ахиллу как контрастирующий образ, в едином творческом акте, что они были созданы вместе, одним автором²⁴. Но для этого уподобление слишком полное, слишком детальное, взаимное избегание героев слишком бросается в глаза, а связь Диомеда с данаями, Ахилла же с ахейцами начисто исключает эту гипотезу. «Гомер взял два параллельных персонажа, которые он нашел в более раннем эпосе», — писал Нильсон (Op. cit. P. 259). Мы можем добавить: он взял их с их контекстами. «Данайская» Илиада — с Диомедом — вошла отдельной составной частью в поэму, которую мы называем «Илиадой» Гомера.

Это еще лучше выступает в том факте, что «данайские» песни имеют общий источник обогащения мифологическими мотивами — сказание о Геракле — источник, которым другие песни Илиады пользовались мало.

4. *Геракл и Диомед*. В Илиаде часто приводятся отрывки сказаний о Геракле; следуя П. Фридлендеру²⁵, В. Кульман возвел их к единому повествованию об этом герое (исследователь считает это повествование не мифом, что было бы привычным, не «шванком», как у Д. Мюльдера, а героической эпопеей). Не считая эпизодов с Гераклидом Тлеполемом, которые В. Кульман относит к другому источнику, в этой серии он насчитал 21 пассаж. У трех из них связь с Гераклом предположительна: назван

²⁴ Andersen O. Die Diomedesgestalt in der Ilias // Symbolae Osloenses. 1979. V. 25. Suppl.

²⁵ Friedländer P. Herakles. Sagen- und geschichtliche Untersuchung // Philologische Untersuchungen. Hft 19. B., 1907.

Таблица 2

Распределение в Илиаде выдержек из мифа о Геракле

Группа песней	Ахейская											Данайская					Аргивская						Σ			
	XVIIII	XX	XXII	XXIV	XXI	I	II	III	IV	VII	VI	V	VIII	XI	XV	XVII	XIV	XII	XXIII	XVI	XIX	IX		X	XIII	
Выдержки из мифа о Геракле	I	I				I						4	8	2	3		2			2					18	
Сомнительные выдержки из мифа о Геракле						I?	I?							I?											3?	
Выдержки из сказания о Тлеполеме							T							T											2	
Σ						3+2?	+T					II+I?+T								4						23

Таблица 4

Распределение слова φαλαγγς («фаланга») в Илиаде

Группа песней	Ахейская											Данайская					Аргивская						Σ		
	XVIIII	XX	XXII	XXIV	XXI	I	II	III	IV	VII	VI	V	VIII	XI	XV	XVII	XIV	XII	XXIII	XVI	XIX	IX		X	XIII
Число упоминаний							1	1	4	2	2	3	1	6	3	1		1		2	2			5	34
Σ							2							16						10					34

Распределение мономахий и арствий в Илиаде

Группа	Песнь	Мономахии	Арстии
Ахейская	XVIII XX XXII XXIV XXI I II III IV VII VI	Ахилл — Эней Ахилл — Гектор Ахилл — Ксанф Парис — Менелай Гектор — Аякс	
Данайская	V VIII XI XV XVII	Сарпедон — Тлеполом	Диомед Гектор Агамемнон Аякс Менелай
Аргивская	XIV XII XXIII XVI — XIX IX X XIII	Патрокл — Сарпедон Патрокл — Гектор	} Патрокл

Авгий, но без упоминания об очищенных конюшнях и т. п.²⁶ Чтобы не вводить в отбор элемент предвзятости, прослеживая распределение этих отрывков по песням Илиады (табл. 2), будем придерживаться списка Кульмана (неуверенность его пометим знаком вопроса, эпизоды с Тлеполомом обозначим отдельно — буквой Т). Результат получается чрезвычайно красноречивым: из 21 пассажа (+2 Т) 12 (+1 Т), т. е. больше половины, приходится всего на пять (с частью шестой) песней «данайской» группы, образующей менее четверти Илиады. Только XVII песнь не затронута, у остальных по 2—4 пассажа на песнь. Еще 4 пассажа — на 8 «аргивских» песней, остальные 5 (+1 Т) — на 11 «ахейских» песней, причем из этих пяти пассажей под сугубым вопросом два, а один приходится на песнь I, где «данаи» преобладают над «аргивянами» (остается два пассажа на 11 песней).

Вывод совершенно ясен: дорийский миф (или эпос) о Геракле был хорошо известен и близок тем певцам, которые разрабатывали сказание о Диомеде и его данайцах, ставшее основой «данайских» песен Илиады, и был менее популярен среди тех, кто вводил в поэму материал «аргивских» песней, но этот миф или эпос очень слабо использовался авторами «ахейских» песней (за исключением Каталога кораблей).

Связь мифа о главном дорийском герое Геракле с «данайскими» песнями

²⁶ Kullmann W. Das Wirken der Götter in der Ilias. В., 1956. S. 25—35.

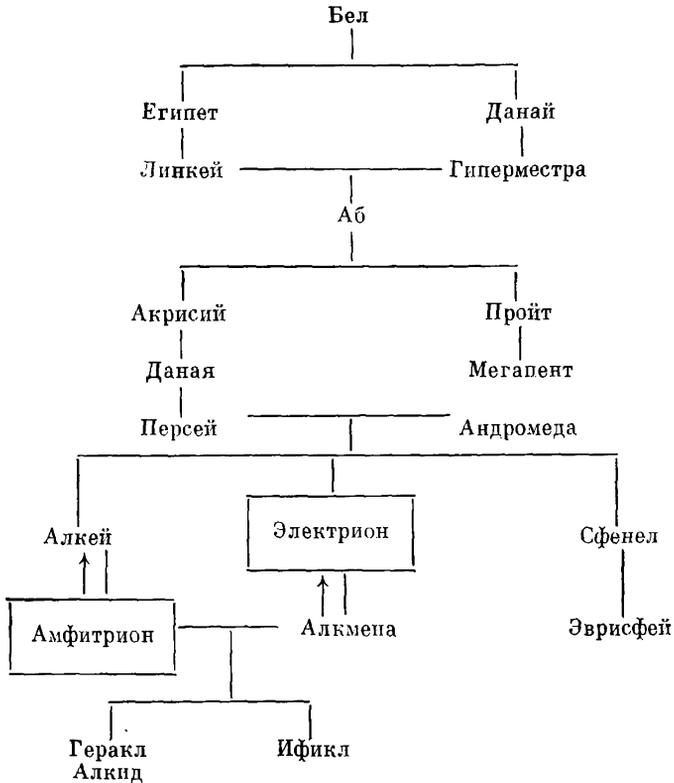

Рис. 1. Родословная данайская династия Арголиты. (Рамками обведены имена царей, включенных в родословную для привязки событий в Фивах. Стрелками показано перемещение родителей Геракла на одно поколение при изъятии имен, обведенных рамками)

о Диомеде понять нетрудно: оба сказания тяготеют к Арголитде, к Тиринфу, который в Каталоге кораблей сделан второй столицей Диомеда. По мифу, Геракл принадлежит к аргивской династии Персеидов, ведущей происхождение от Даная и Данаи. На свои главные подвиги он ходил походами из Тиринфа, правда, по приказанию царя Микен Эврисфея, которому он должен был служить в наказание за убийство родных. Царь Микен изображается слабым и трусливым, что говорит о тиринфском авторстве предания (или об авторстве аргосцев, которые были преемниками славы Тиринфа и врагами Микен). Авторы могли всячески возвышать своего героя и приносить микенского царя, но не посягнули на то, чтобы нарушить традиционную картину фактического состояния дел — изменить в мифе ситуацию власти Микен над Тиринфом.

По преданию, герой родился в Фивах. Однако его приемный отец Амфитрион и мать Алкмена, дочь Электриона, переселилась туда из Микен из-за совершенного Амфитрионом убийства. Геракл после первых подвигов (в частности, после победы над Немейским львом, чью шкуру он с тех пор носил) вынужден был переселиться в Тиринф — и снова это мотивируется убийством, которое он совершил. Все это явно искусственная конструкция: его родителей переместили из Арголиты в Фивы, чтобы они могли там родить Геракла, а затем самого Геракла вернули в Арголитду. Это должно было примирить аргивское происхождение и обитание героя с каким-то очень

авторитетным преданием о его рождении в Фивах и о серии его фиванских подвигов.

На первый взгляд это предание кажется более ранним: жители Арголиды должны были его преодолеть, осваивая миф о Геракле и не трогая традиционное место его рождения, зафиксированное святынями (каков, например, геройон Алкмены в Фивах). Однако У. Вилламовиц и П. Фридендер привели убедительные факты в пользу противоположного решения. Святилища Геракла располагаются в Беотии обычно вне стен акрополя, а внутри стен — святилища других, собственно беотийских героев: Кадма, Гармонии, Семелы. В генеалогии Геракл приходится племянником Эврисфею, а ведь они должны быть сверстниками: Эврисфей родился в один день с Гераклом, чуть раньше его лишь благодаря козням Геры. Вилламовиц показал, что мать героя — Алкмена стала сверстницей Эврисфея лишь потому, что заменила другую мать — Электриону, дочь Персея, а имя «Электрион» было сделано именем ее отца²⁷. Нетрудно убедиться, что и Амфитрион, сын Алкея, не был изначально приемным отцом Геракла: ведь Геракла звали Алкид — по Алкею (Pind. Fr. 191 Shell — Maehler; Apollod. II.IV.12). Таким образом, по более ранней генеалогии и Геракл и Эврисфей оказываются внуками Персея, а образы, с помощью которых осуществляется перемещение Геракла в Беотию (Амфитрион и Электрион), внесены позже (рис. 1).

Итак, Геракл прежде всего и больше всего аргивский герой с традиционными корнями в Тиринфе, тесно связанный с Герой. В мифе это выражено в неустанной ненависти, которую Гера к нему питает, но сам этот назойливый интерес и имя героя (Ἡρακλέης — в русском переводе буквально Геро-слав) свидетельствуют о том, что первоначально отношения были иными. Предполагается, что это была связь богини с ее напарником в священном браке. Так как Гера была прежде всего богиней, ведавшей женскими функциями в браке, то и Геракл был героем прежде всего мужской сексуальной силы. Видимо, от этого времени остались сказания о том, что в одну ночь он сделал матерями 50 или 52 дочери Теспия (Paus. IX. 27. 6; Tatian. Adv. Graecos. 78; et al.).

Вопрос об этой связи хорошо разобран у Дж. Томсона, который показал, что олимпийское соединение критской богини Геры и индоевропейского Зевса в браке — дело позднее (недаром брак был бесплодным, хотя по отдельности у каждого из супругов были свои дети)²⁸. Ненависть Геры к Гераклу Дж. Томсон объясняет переходом их отношений в противоположные, что нередко случается в мифологии при изменении истинной основы, в данном случае — при замене божественного супруга: прежнего мужа миф не мог просто забыть, приходилось его активно отвергать и мотивировать это отвержение.

Б. М. Фрид-Ханесон в недавней работе уточняет и усиливает аргументацию положения о первоначальном супружестве Геры и Геракла. Автор дает свою интерпретацию новонайденного деревянного рельефа конца VII в. с Самоса, где изображена Гера, предлагающая грудь молодому человеку. В этой сцене автор видит ритуал адаптации царя богиней. Родственные ритуалы имелись на древнем Востоке, где за ними обычно следовал священный брак легендарного царя с богиней-девой (ср. эпиклезу Геры —

²⁷ Wilamowitz U. Euripides Herakles. 2. Bearb. Bd I. B., 1895. S. 29, 34 f.; Friedländer. Op. cit. S. 46—49.

²⁸ Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Дисторический Эгейский мир. М., 1958. С. 284—291.

«Парфенос», Дева, и первоначальное название острова Самос — Парфения) ²⁹.

Гераклу приписывалось множество самых разнообразных подвигов в разных местах известного грекам мира, но тиринфско-микенская тема наиболее четко выражена в Додекатлоне — 12 подвигах, совершенных Гераклом на службе у Эврисфея. Число 12 установилось поздно (еще у Аполлодора есть колебание — 10 или 12). М. Нильсон заметил, что главный интерес этих подвигов заключается в их локализации ³⁰. Половина из них происходит в далеких заморских странах, почти сказочных, но другая половина — очень близко, в узком районе Северного Пелопоннеса. Средних дистанций нет, остальная Греция не затронута. Это контраст между совершенными сказочными путешествиями и сферой реального политического интереса (хотя и эти реалистичные по локализации подвиги оформлены сказочными мотивами).

Вся активность Геракла исходит из Тиринфа — как уже сказано, по Каталогу кораблей, второй, более древней столицы царства Диомеда. И примечательно, что из ближних шести подвигов ни один не направлен на юго-восток, на АргOLIDский полуостров — в царство Диомеда. Все объекты этих подвигов (немейский лев, лернейская гидра, эриманфский вебрь, керинейская лань, стимфальские птицы и Авгиевы конюшни) размещаются за пределами царства Диомеда к западу и северо-западу, покрывая территорию, очень близко совпадающую по контурам и расположению с микенским царством Агамемнона, по Каталогу, но несколько более обширную (рис. 2). Учитывая покровительство Геры Эврисфею, направлявшему Геракла на эти подвиги, и ее ненависть к Гераклу, можно предполагать, что этот миф сложился достаточно поздно — когда Гера уже считалась супругой Зевса.

В эпоху возвышения Аргоса на выходе из «темных» веков в Арголиде существовало дорийское государство, близкое по очертаниям к царству Диомеда в Каталоге кораблей. Вот оно-то и могло противопоставлять себя традиционному образу Микенского царства ахейцев и питать интерес к возрождению древней славы Тиринфа в противовес Микенам, хотя сохранялось представление о реальном соотношении сил в эпоху микенского владычества. Главной областью экспансионистских притязаний этого государства, возглавленного Аргосом, были территории микенского наследия в Северной Арголиде, Коринфии и Ахайе, а также Элида. Туда Эврисфей и направлял Геракла.

По Эфору (ар. Strabo VIII, III. 33), наибольшего могущества Аргос достиг при Фидоне, который был потомком в десятом колене Тимена Гераклида, основателя дорийского Аргоса. Это Фидон «напал на города, взятые некогда Гераклом» и претендовал на руководство Олимпийскими играми. Эта формулировка объясняет как раз, кому и когда нужно было освящать традицией походы на города, расположенные в северных провинциях Пелопоннеса.

Датировка Фидона шаткая, хотя и остается в пределах VIII—VII вв. Согласно Павсанию (VI. 22.2), Фидон захватил контроль над Олимпийскими играми во время VIII Олимпиады (т. е. около 748 г.). По преданию, он установил в Пелопоннесе систему меры и веса (6 обелов = 1 драхма) и посвятил эталоны в святилище Геры. Действительно в Аргосе в более

²⁹ Frid-Haneson B. M. Hera's wedding on Samos // *Hägg R. et al. (eds.). Early Greek cult practices.* Stockholm, 1988. P. 205—213.

³⁰ Nilsson M. P. *Olympen.* København, 1923. S. 257 f.; *idem.* The Mycenaean Origin of Greek Religion. Camb., 1932. Ch. III. P. 211, 213—217.

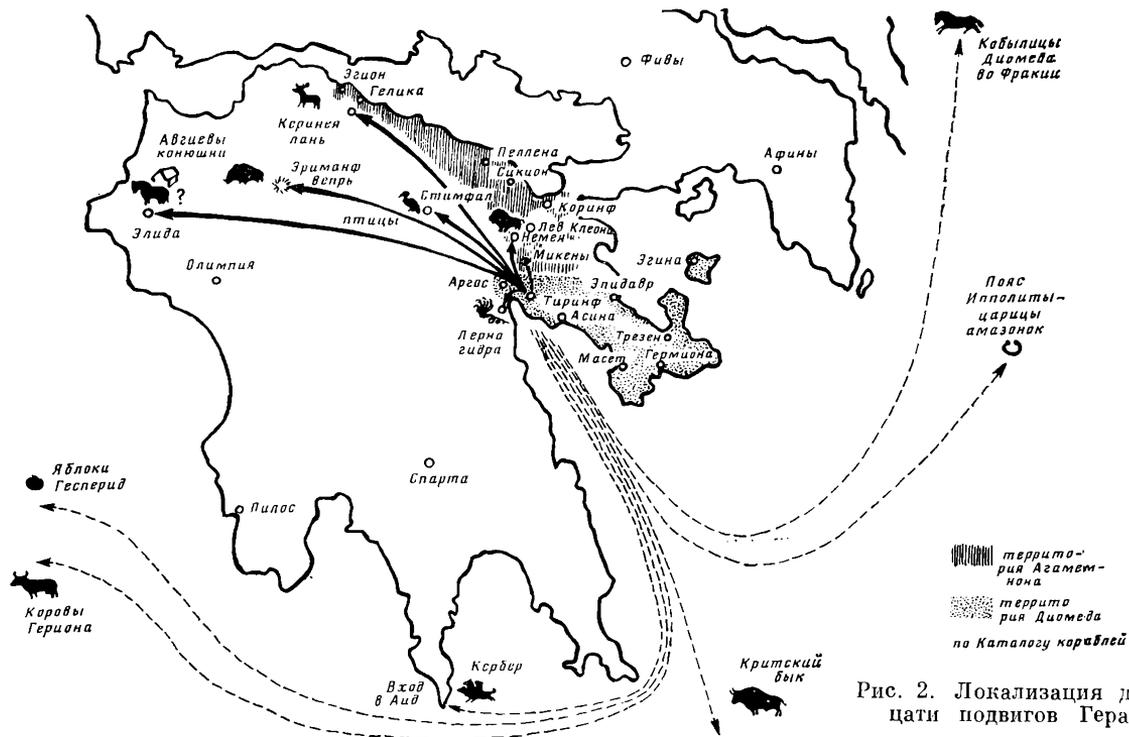

Рис. 2. Локализация двенадцати подвигов Геракла

позднем (конца VIII в.) погребении воина с доспехами археологи нашли связку из шести железных прутиков — обелов. Наконец, Фидон, как передает Геродот (V.86), помог Эгине спастись от афинских нападений, а по археологическим данным, крупное морское поражение Афин произошло в середине VIII в. (после этого времени морская торговля Афин пресекается, и центр развития Аттики перемещается в глубь полуострова). Все это говорит за VIII век ³¹.

Многие, однако, относят вмешательство Фидона к анолимпиаду, т. е. к отмеченному в списках году без игр — 668/7 г. до н. э. В предшествующем 669/8 г. аргивская армия как раз нанесла имевшим влияние в Олимпии спартамцам сокрушительное поражение при Гизиях, поэтому представляется естественным захват аргивянами контроля над играми сразу после этого. Геродот (VI.127) сообщает, что Фидон был современником Кипсела, вмешивался в дела Коринфа и был там убит, что датируется Диодором 657 г. Все это говорит за вторую четверть VII в. ³²

Выбор труден, потому что в каждом из этих сообщений могут оказаться неточности в деталях, искажения, привязки задним числом. Но общая характеристика развития событий говорит о том, что широкая экспансия Аргоса лучше вписывается в ситуацию VII, чем VIII в. В VIII в. Аргос проводил консолидацию Арголиды, а сокрушив в конце столетия Асины (дата подтверждена археологически), перешел к экспансии вне Арголиды. При этом он должен был считаться с обстановкой: Спарта к этому времени захватила часть Мессении, а Коринф освоил перешеек. Для Аргоса оставался свободным путь на запад. Этим путем и пошел Фидон, а с ним аргивская мифология продвигала на запад подвиги его священного предка Геракла.

Изображения сцен Додекатлона появляются примерно в то же время. На аттических вазах конца VIII в. Геракл представлен только в схватке с кентавром за Деяниру — этого события нет в Додекатлоне. Но уже на беотийских фибулах конца VII в. изображены лернейская гидра и немейский лев. Хиосская бронзовая печать VII в. представляет также сцену с гидрой (в обеих сценах с гидрой изображен и краб, посланный Герой на помощь гидре). Аттическая подставка VII в. из Керамика на каждой ножке представляет схватку со львом. Роспись одного геометрического кувшина изображает охоту на стимфальских птиц ³³. На черепке первой четверти VII в. изображен воин, несущий животное, — возможно, Геракл с керинейской ланью ³⁴. Правда, все эти изображения найдены вне Арголиды, но на это время приходится пик влияния Аргоса вне Пелопоннеса.

Из всего Додекатлона в Илиаде нашло отражение очень немногое. В общей форме говорится о тяжелых подвигах, которые Геракл вынужден был совершать для Эврисфея, упомянут и посланец, ходивший от Эврисфея к Гераклу (VIII.362—364; XV.638—639; XIX.133). Значит, была уже известна служба Геракла у Эврисфея и то, что находились они в разных городах. Но из самих подвигов назван лишь один и то дальний — поход

³¹ Huxley G. Argos et les derniers Téménides // BCH. 1958. 82. P. 588 suiv.; Coldstream J. N. Geometric Greece. L., 1977. P. 154—156.

³² Tomlinson R. A. Argos and the Argolid. Ithaca — New York, 1972. P. 81 f.; Jeffery L. H. Archaic Greece. L., 1976. P. 123, 134—136, 143, 147, 165, 168.

³³ Brommer F. Herakles. 2. Aufl. Darmstadt, 1972. S. 7—29; idem. Denkmälerlisten zur griechischen Heldensage. Bd I. Marburg, 1978, passim; Webster T. B. L. Homer and Attic Geometric Vases // BSA. 1955. 50. P. 38—50; idem. From Mycenae... P. 175 f.; Coldstream. Op. cit. P. 354.

³⁴ Lorimer H. L. The Hoplite Phalanx with Special Reference to the Poems of Archilochus and Tyrtaeus // BSA. 1947. 42. P. 133.

к Аиду за Кербером (VIII.366—369), а из ближних точно не упомянут ни один. Есть лишь косвенные данные, которые В. Кульман истолковывает как возможные указания на очистку Авгиевых конюшен, но для этого, право же, нет никаких оснований. Упомянут царь Авгий (XI.697—701), назван его внук (II.624), но это вне всякой связи с Гераклом и без упоминания конюшен. Авгий включен в поэму лишь как распорядитель Элидских игр, оскорбивший Нелея, отца Нестора. Итак, ближних подвигов Геракла — тех, которые могли быть совершены во второй четверти VII в., похоже, певцы Илиады не знали.

Впрочем, когда Афина напоминает, что несколько раз спасала Геракла, томимого в подвигах Эврисфеем (VIII.362—363), то при этом назван из них только один — похищение Кербера (VIII.367—368). По Аполлодору же (II.V.6), Афина помогла Гераклу и при охоте на стимфальских птиц, дав ему медные погремущки, сделанные Гефестом, которыми герой вспугнул птиц. Таким образом, возможно, подразумевался и этот подвиг, но может быть, имелись в виду не известные нам действия Афины. Если признать все-таки, что Илиада содержит намеки на ближние подвиги Геракла, то источник, который был использован для ссылок «данайскими» песнями, надо датировать VII в. Если же исходить из отсутствия ближних подвигов Геракла в Илиаде и объяснять это тем, что их еще не знали (а не тем, что игнорировали) авторы «данайских» песней, то источник ссылок на Геракла отодвигается в эпоху до VII в., когда сказания об этих подвигах еще не сформировались, а Геракла отправляли совершать подвиги только в сказочные земли и в преисподнюю.

Какие же темы из сказаний о Геракле интенсивно использованы в Илиаде? Кроме рассказа о рождении героя и достигших его кознях Геры (XIV.323—324; XIX.95—125) в поэме присутствуют главным образом два повествования о походах Геракла на враждебные ему царства — Илион и Пилос (V.639—651; XI.670—760; XIV.249—261; XV.14—30; XX.144—148). Повествования эти во многом однотипны: в обоих Геракл убивает царя (в Илионе — Лаомедонта, в Пилосе — Нелея) и всех его сыновей, кроме одного. Этот один нужен для сохранения рода и возможности привязать к позднему царю династию. Рассказ о Лаомедонте первоначально был совершенно не связан с рассказом о Приаме; в другой работе я старался показать, что в Илиаде Лаомедонт был позднее искусственно вмонтирован в родословную Приама³⁵. В рассказе о Лаомедонте среди его сыновей также не было Приама, поэтому для согласования версий пришлось сочинить историю о переименовании Подарка в Приама (Apollod. II.VI.4). Таким образом, рассказ о походе Геракла на Илион — не выдумка авторов Илиады ad hoc для вящего углубления темы или контраста, а более древняя легенда, совершенно независимая от Илиады и вообще от предания о походе Агамемнона и Ахилла под Илион. Вопреки некоторым исследователям³⁶ взятие Илиона Гераклом столь же сказочно³⁷, как и взятие Илиона Агамемноном³⁸, и искать соответствие этому штурму в слоях Гиссарлыка столь же бесполезно.

³⁵ Клейн. Илион и Троя. С. 99.

³⁶ Hiller S. Two Trojan wars? // 4th International Colloquium on Aegean Prehistory. Sheffield, 1977.

³⁷ Эта констатация есть уже у У. Вилламовица (Euripides Herakles. Bd I. S. 281).

³⁸ Nylander C. The Fall of Troy // Antiquity. 1963. V. XXXVII. № 145. P. 6—11; Hachmann R. Hissarlik und Troja Homers // Vorderasiatische Archäologie (Moortgat-Festschrift). B., 1964. S. 95—112; Finley M. I. The Trojan War // JHS. 1964. V. 84. P. 1—9; idem. Lost: the Trojan War // Aspects of antiquity Harmondsworth.

Рассказ о походе Геракла на Пилос тоже носит отпечаток большей древности, чем Илиада. Дело не столько в том, что Илиада относит это событие ко временам молодости старца Нестора и пересказывает его отрывочно, сколько в том, что повествование это выдает следы переработки. В нем и в других рассказах о Геракле по-разному участвуют царь Авгий и его родственники, сямские близнецы Молионы. Согласно переданной Аполлодором традиции, Геракл победил и убил Авгия, а также (позже) и Молионов, на Пилос же он отправился после этой победы, сразив там царя Нелея. Рассказ Нестора в Илиаде передает все иначе: после победоносного похода Геракла на Пилос уцелевшие Нелей и Нестор ведут с живым и здоровым Авгием войну, которой в сказании о Геракле нет. Молионы юный Нестор едва не убил, но они спаслись, и это неудивительно, ведь по традиции они должны погибнуть от рук Геракла. В сказании о Геракле оба его западных похода — на Пилос и Элиду — просты и сокрушительны. Хотя их последовательность Аполлодор и оставил под вопросом (возможно, в результате поздней систематизации), но их несогласованность с Илиадой, несмотря на весь авторитет Гомера, он удержал. Певцы же Илиады могли позволить себе не очень считаться с традицией. В рассказе Нестора содержатся такие поправки, как спасение Нелея и Нестора, спасение Молионов, которые пужны, чтобы приурочить их к войне Пилоса с Элидой, прославляющей Нестора. При том, что эта война, возможно, выдуманная или сильно преобразованная певцом, славившим Нестора, поход Геракла на Пилос принадлежит все же к более древней традиции.

Сказание о Несторе и Молионах тоже вряд ли специально сочинено в Илиаде для прославления Нестора: победа над ним близнецов в состязаниях на похоронах Амаринка, о которой рассказал сам Нестор в Погребальных играх (XXIII.648—652), для него бесславна. Сямские близнецы Молионы — частый мотив в искусстве последних десятилетий VIII в. (после 730 г.): 10 их изображений найдено в Аттике, Коринфе, Спарте, Аргивском Герее, Беотии, в начале же VII в. они вообще исчезают из репертуара; в числе этих изображений есть и сцены убийства близнецов Гераклом. На трех аттических вазах представлена другая тематика — их победа в колесничных состязаниях на похоронах и бегство на колеснице в бою. То и другое явно заимствовано из сказаний, отражающих их взаимоотношения с Нестором. Концентрация этого сюжета в Аттике объясняется переселением сюда Нелеидов после гибели Пилоса или присвоением афинской знатью древних пилосских родословных³⁹.

Таким образом, в последние десятилетия VIII в. были широко (но недолго) популярны сказания о близнецах Молионах, не всегда рассчитанные на прославление Нестора, но тем не менее использованные в Илиаде как источник для ссылок на деяния поколений, предшествующих героям Илиады. Если бы популярность Молионов сохранилась до времени формирования Илиады, то их бы включили в поэму как основных участников. Это означает, что те пассажи Илиады, которые содержат такие ссылки, созданы не ранее рубежа VIII—VII вв. Поскольку Молионы связаны и с Гераклом, то мы косвенно получаем датировку тех легенд об этом герое, на которые ссылаются «данайские» песни, т. е. от рубежа VIII—VII вв. до второй четверти VII в.

1977. P. 31—42; Podzuweit Chr. Die mykenische Welt und Troja // Südosteuropa zwischen 1600 und 1000 v. Chr. B., 1982. S. 65—88; Cobet J. Gab es den Trojanischen Krieg? // Antike Welt. 1983. Bd XIV. № 4. S. 39—58.

³⁹ Coldstream. Op. cit. P. 352.

Кроме прямых выдержек аргивские сказания о Геракле присутствуют в Илиаде (особенно в ее «данайских» песнях) как незримый, но явственно ощущаемый фон. Еще Д. Мюльдер заметил, что в Илиаде Зевс всегда в ссоре с Герой, хотя в самом сюжете поэмы для этого нет основательных причин. Оба божества знают, что Трое суждено погибнуть, оба любят Ахилла и т. п. Ссора началась раньше — из-за рождения Геракла и его преследования Герой. За это преследование Гера была побита Зевсом и подвешена на золотых цепях с наковальнями на ногах⁴⁰. Мюльдер полагает, что сражение Ахилла с рекой Скамандром сочинено по образцу единоборства Геракла с Ахелоем, есть и прямое упоминание последнего (XX.192)⁴¹. Но особенно примечательны раны, которые Диомед нанес в V песни Афродите и Аресу, поскольку они скорее всего свидетельствуют о переносе на Диомеда подвигов Геракла, который при походе на Пилос ранил Геру и Аида (Apollod. II.VII, 3; II. V.395 et schol.). Точно так же Зевс, метнувший перун перед Диомедом, чтобы предотвратить его поединок с Гектором (XI.132—144), очень напоминает Зевса, метнувшего перун и разнявшего схватку Геракла с Аполлоном (Apollod. II.VI, 2). Но во втором случае необходимо было прибегнуть к столь чрезвычайному средству: ведь сражался бог с полубогом, а в первом — разнимать нужно было людей, и боги обходились в таких случаях более простыми средствами: например, при ссоре Ахилла с Агамемноном Афина просто удержала Ахилла за волосы. Вообще деяния Диомеда, как, очевидно, и прославление их, совершались в тех же местностях, где проявлял основную активность Геракл: в Арголиде, Беотии, Этолии. Поэтому естественно, что на Диомеда переходили некоторые характеристики Геракла.

5. *Квадрига и голова Горгоны*. Если первой половиной VII в. можно датировать использованное в «данайских» песнях сказание о Геракле, то к какому же времени относятся сами «данайские» песни? Они, конечно, сочинены не раньше, а скорее несколько позже. Только в «данайских» песнях наличествуют, причем повторяясь, два мотива, которые издавна считаются датирующими: это голова Горгоны (V.741; VIII.349; XI.36) и квадрига (VIII.185; XI.699; XV.679). Оба ограничены в Илиаде «данайскими» песнями, но в гомеровском эпосе встречаются также в Одиссее (XI.634; XIII.81). Связь мотива Горгоны с «данайскими» песнями не только текстовая, но и смысловая: по мифу, добытие головы Горгоны — это подвиг Персея, сына Данаи и потомка Даная.

В XI песни четырехконная колесница упоминается в речи Нестора (во второй половине песни — так называемой Несториде, связанной с Патроклией), а о Несторе в аналитической литературе уже высказывались суждения (как на смысловых, так и на языковых основаниях), что это поздний герой в поэме⁴². Нестор упоминает колесницу в рассказе о ристаниях в Элиде, у царя Авгия. Поблизости от города Элиды находилось святилище Зевса — Олимпия, где проходили Олимпийские игры, которые, вероятно, и послужили реальной моделью для эпических состязаний Авгия. На этих играх колесничные ристания, согласно традиции, были введены с XXV

⁴⁰ Müllder D. Die Ilias und ihre Quellen. B., 1910. S. 123—126.

⁴¹ Ibid. S. 233 f.; Cauer P. Grundfragen der Homerikritik. Bd I. Lpz, 1921. S. 265—268.

⁴² Niese. Op. cit. S. 116; Cauer. Op. cit. Bd I. S. 291—295; Leumann M. Homerische Wörter. Basel, 1950. S. 221, 225—228, 333, 337, 339; Shipp G. P. Studies in the Language of Homer. Cambr., 1953. P. 92, 151—154; Palmer L. R. The Language of Homer // Wace A. J. B., Stubbings F. H. (eds.). A companion to Homer. L., 1962. P. 104—106.

Олимпиады (Paus. V.8.7; Iul. Afric. p. 9 Putgers), т. е. с 680 г.⁴³, причем сначала именно как состязания квадриг. Тем самым ристания, о которых рассказывает Нестор, не могли состояться ранее второй четверти VII в., а поскольку старец Нестор относит их к своей ранней юности, то время, когда он говорит о них и когда они уже перестали быть новинкой, падает самое раннее на вторую половину VII в. Это и есть время певца.

В VIII песни пассаж, содержащий обращение Гектора к четырем коням его упряжки, также связан с Нестором: сразу за обращением герой призывает коней мчать его вперед, чтобы захватить знаменитый золотой щит Нестора. Любопытное противоречие в этом пассаже отмечено критиками давно: названо четыре имени коней, а в следующей строке обращение к ним сформулировано в двойственном числе. Из этого делается закономерный вывод, что в первоначальном тексте здесь было всего два коня, позже парная упряжка была переделана в квадригу⁴⁴. О переделке свидетельствует еще один факт: из второй пары коней один носит имя Ламп («Свет»). Вилламовиц заметил, что это имя скорее всего заимствовано из Одиссеи, где так назван конь богини Эос: такое имя уместно для коня в упряжке Зари, но странно, чтобы таким именем был назван конь, принадлежащий человеку⁴⁵.

Связь этих пассажей с образом Нестора позволяет трактовать их как интерполяции и тем самым заставляет усомниться в правильности полученной датировки «данайских» песней. Но в XV песни снова фигурируют четыре коня, и уж тут никакой связи с Нестором нет. Строго говоря, там нет и колесницы, только нечто вроде четырехконной упряжки: Аякс, прыгающий по помостам судов, сравнивается с лихим ездоком, который, связав четырех коней, непрерывно пересаживается на скаку с одного на другого, проделывая джигитовку. Сам факт, что этот мотив употреблен в рамках сравнения, говорит, однако, о том, что он поздно вошел в текст (я имею в виду лингвистическое исследование Дж. П. Шиппа о позднем характере языка сравнений у Гомера⁴⁶). Кстати, и квадрига в Одиссее (XIII.81) — это тоже сравнение.

Что же до верховой езды, то она в гомеровском эпосе оказывается, как правило, в тех местах, которые традиционно подозреваются в позднем формировании — в сравнениях (кроме указанного также Od. V.371) и в Долонии (Одиссей и Диомед возвращаются верхом на конях Реза). Термин *κέλης* (скаковая лошадь) употреблен у Гомера только один раз в Одиссее (V.371), а произвольный от него глагол *ἐλητίσω* — в рассматриваемом месте Илиады (XV.679)⁴⁷.

Отводя эти соображения о поздней дате пассажей с квадригой (а заодно и их контекстов), сторонники более ранней даты ссылаются на археологические доказательства: на позднегеометрическую ручку пиксиды с изображением четверки лошадей, на аттические вазы второй половины VIII в. с изображениями четырехконных колесниц⁴⁸. Однако эти изображения дают лишь *terminum post quem* квадриг в эпосе, реальная дата принятия их в поэму может быть позже. Существеннее то, что большей частью эти данные единогласно говорят лишь об относительной хронологии текста, о принадлежности самих этих пассажей к поздней фазе его формирования.

⁴³ *Mezö F.* Geschichte der Olympischen Spiele. München, 1930. S. 138.

⁴⁴ *Wilamowitz U.* Die Ilias und Homer. B., 1920. S. 46; *Schadewaldt.* Op. cit. S. 86. Anm. 3.

⁴⁵ *Wilamowitz.* Die Ilias... S. 46.

⁴⁶ *Shipp.* Op. cit. P. 18—65.

⁴⁷ *Щецмаков.* Ук. соч. С. 353.

⁴⁸ *Webster T. B. C.* From Mycenae to Homer. N. Y., 1959. P. 215; *Kirk G.* Objective dating criteria in Homer // *Museum Helveticum.* 1960. 17. P. 189—205.

Отнесение их ко всему массиву песней — под вопросом, абсолютная же дата основана на одном косвенном указании позднего автора (Paus. V.8.7) и потому ненадежна.

Больше уверенности внушает второй мотив. Голова Горгоны упомянута в Илиаде трижды и все в «данайских» песнях: на эгиде Афины (V песнь), на щите Агамемнона (XI), т. е. как апотропейческая личина, и в составе сравнения — взгляд Гектора уподоблен взгляду Горгоны (VIII). Кроме «данайских» песней Илиады о Горгоне говорится и в Одиссее: отправляясь в царство мертвых, Одиссей боится, что Персефона вышлет ему навстречу Горгону (XI.633—635).

Хотя терракотовая модель головы Горгоны из Тиринфа относится, возможно, к концу VIII — началу VII в., массовое употребление этого мотива в искусстве греков было проявлением ориентализирующего стиля и датируется VII в. Это установлено давно и на многочисленном материале⁴⁹. Оттягивать *terminum post quem* к середине VIII в., как это делает Дж. Керк⁵⁰, нет никаких оснований, кроме разве что желания согласовать употребительность этого мотива в Илиаде с традиционной датировкой Гомера (всего) VIII в.

Более полное обоснование предложенной здесь датировки «данайских» песней требует детального рассмотрения и некоторых компонентов их содержания.

6. *Мономахии, аристии и фаланга*. Хронологические характеристики песней лучше проступают в другом распределении компонентов содержания по выделенным группам — в том, которое основано на классификации военных действий основных героев. Издавна исследователи различают в эпосе два основных способа показа доблестей героя: а) его победу или хотя бы смелость в мономахии, т. е. поединке с важным противником, и б) аристию, т. е. его выдающееся и победоносное участие в общей битве. Распределение это очень отчетливое (табл. 3). В «ахейскую» группу попадают почти все крупные мономахии: Парис — Менелай (песнь III), Гектор — Аякс (VII), Ахилл — Эней (XX), Ахилл — Ксанф (XXI). Ахилл — Гектор (XXII). Только небольшой поединок Сарпедона с Тлеполомом и более важные — Патрокла с Сарпедоном и с Гектором — выпадают из этого правила. Первый приходится на «данайскую» группу (песнь V), оба оставшихся — на «аргивскую» (песнь XVI). Но с другой стороны, оба последних составляют эпизоды аристии Патрокла, а первый выпадает из текста — это поздняя вставка.

О том, что схватка ликийского царя Сарпедона с родосским вождем Тлеполомом в V песни включена в нее не изначально, говорят следующие факты. В песни троянцы во главе с богом Аресом теснят ахейцев, и вдруг Тлеполом и Сарпедон выступают из рядов, как если бы оба войска стояли. При этом Тлеполом, хотя его товарищи отступают, первым вызывает Сарпедона на бой, а после боя Одиссей даже порывается преследовать раненого Сарпедона. Этот порыв совершенно неуместен: ведь Тлеполом убит и ахейцы отступают! Арес же во время поединка вообще никак не проявляет своего присутствия на поле боя. Есть и другие аргументы в пользу того, что эпизод вставлен в готовую песнь, — видимо, чтобы свести родосцев

---

⁴⁹ Helbig W. Das homerische Epos aus den Denkmälern erläutert. Lpz, 1887. S. 388—390; Hopkins C. Assyrian Elements in the Perseus—Gorgo Story // AJA. 1934. 38. P. 341—358; Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion. Bd I. München. 1958. S. 225—228.

⁵⁰ Kirk. Objective dating...; *idem*. The songs... P. 186, 188 f.

с их традиционными врагами — ликийцами. Изложенная трактовка этого эпизода известна давно ⁵¹, и опровержений, собственно, не было.

С аристями же картина еще более четкая: почти все они попадают в «данайскую» группу: Диомедия (песнь V) и ответная ариestia Гектора (VIII), аристии Агамемнона (XI), Аякса (XV), Менелая (XVII). Ни одна песнь этой группы не осталась без аристии, и почти все аристии пали на эту группу. Только аристии Идоменея (песнь XIII) и Патрокла (XVI) пришлось на «аргивскую» группу, но ведь «аргивская» группа все-таки ближе к «данайской», чем «ахейская», а песнь XVI — это как раз та единственная в «аргивской» группе песнь, в которой количество упоминаний «данаев» вдвое больше, чем «аргивян» (этим она особенно близка к «данайской» группе). В 11 песнях «ахейской» группы нет ни одной аристии. Таким образом, аристии явно связаны с этнонимом «данаи» и вошли в эпос вместе с ним, тогда как поединки связаны с этнонимом «ахейцы».

Культурно-исторический смысл этого размежевания можно понять, обратившись к археологическим данным о смене систем вооружения и связанных с ними способов ведения боя. Используя идеи ряда предшественников и обобщая огромный материал, О. Хёкман выделяет два греческих комплекса вооружения для позднебронзового века. В комплекс А входят: длинное колющее копье, башенный щит (*σάκος*) и колесница как средство боя, в комплекс В — пара дротиков для метания или копье и дротик, небольшой круглый щит (*ἀσπίς*), поножи, панцирь и колесница как средство транспорта (подвоз воинов к полю боя). Первый комплекс был рассчитан на ближний бой организованным строем, второй предусматривал поражение на расстоянии и обеспечивал больше мобильности. При нем битва рассыпалась на множество отдельных поединков — это и есть преимущественный способ ведения боя в гомеровском эпосе.

Ясно, что в битвах организованным строем герой мог проявить себя в искусстве построения (как Нестор или Менесфей) или ведя строй вперед и совершая подвиги в нападении на ряды врагов, как делают Диомед или Гектор. Это его аристия, здесь нет места поединкам посреди боя. Зато в рассыпной битве самое место поединкам, и единоборства — мономахии — становятся тут основным видом воинского искусства, а схватки вождей выделяются из битвы и даже претендуют на замену общей битвы. Таков смысл связи «данаев» с аристиями и «ахейцев» — с мономахиями.

Комплекс А в основном микенского времени и знаком творцам гомеровского эпоса по сказаниям. Комплекс В наиболее характерен для геометрического времени (VIII в.), хотя по крайней мере в изображениях смена происходила постепенно ⁵². В гомеровском эпосе на каждом шагу встречаются описания рассыпной битвы, характерные для комплекса В, хотя даже в поединках вооружение иногда оказывается смешанным или даже меняющимся: скажем, в руках героя то два дротика, то одно копье. На деле вооружение было системой, в которой части взаимозависимы, и переходный этап был, вероятно, мимолетным. Однако в искусстве новые представления налагаются на старые штампы, старые образы пробиваются сквозь новую реальность ⁵³.

⁵¹ Hentze. Op. cit. Ht II. Lpz, 1882. S. 72—75; Шестаков. Ук. соч. С. 194 сл.; Bethe. Homer. Bd III. Lpz — B., 1927. S. 65.

⁵² Höckmann O. Lanze und Speer // Archaeologia Homerica. Bd I. Kap. E. Teil 2. Abt. X. Göttingen, 1980. S. 302, 315—319; Ahlberg G. Fighting on Land and Sea in Greek Geometric Art. Athens, 1971. P. 49, 53, 72.

⁵³ Kirk. The songs ... P. 190 f.; *idem*. The Homeric poems as history // САН³. V. II. 1975. P. 838.

Но в VII в. появилась фаланга гоплитов, восстановившая принципы боя на основе вооружения, близкого к комплексу А. В полное вооружение гоплита — паноплию — входили металлический шлем, панцирь, поножи, большой круглый щит (*βλῶν*), по которому воины и названы гоплитами (Diod. Sic. XV. 43.3), колющее копье и меч.

Первый толчок к введению этого вооружения, по-видимому, был дан развитием лука и стрел в последней четверти VIII в. Лук и стрелы очень часто изображаются на керамике этого времени — Х. Лоример учла восемь изображений (для скудной серии позднегеометрических изображений это довольно много). Применялись разные формы лука, в том числе сложный азиатский⁵⁴. Лук был оружием общедоступным, массовым, и знать не могла примириться с тем, чтобы еще на подступах к битве от его применения погибал бы цвет войска. Пришлось жертвовать подвижностью и увеличивать размеры щита. О том, что эта проблема очень беспокоила аристократические армии того времени, свидетельствует договор между эвбейскими участниками Лелантской войны (Эретрией и Халкидой), заключенный в конце VIII в., о неприменении оружия дальнего боя — лука и пращи (Strabo. X.1.12). И в Илиаде (Каталог кораблей) абанты с Эвбеи, из Эретрии и Халкиды характеризуются как воины, жаждущие «ударами ясных копий медные брони врагов разбивать рукопашно на персях» (II.543—544). На изображениях VII в. лук — уже редчайший мотив, связанный исключительно с конкретными темами героического эпоса (выстрел Париса и т. п.), а Илиаду пронизывает презрение к применению лука.

Увеличение размеров щита давало лучшую защиту, но повлекло за собой появление второй рукояти. Двухрукоятный щит, жестко закрепленный на левой руке и малоподвижный, не давал возможности держать два дротика и оставлял правый бок, голову и ноги незащищенными. Он требовал панциря, поножей и металлического шлема, а также защиты со стороны соседа. Гоплиты сражались фалангой — сомкнутым строем, в котором не столь важна была подвижность каждого воина, сколь отсутствие пробелов в рядах, неуязвимость и пробивная сила строя. Фаланга состояла не столько из аристократов, сколько из зажиточных и самостоятельных земледельцев. Изолированные поединки отдельных воинов и поражение издали снова отошли на задний план. Доблесть воина-вождя опять состояла в умелом построении войск, в руководстве фалангой (для чего нужен между прочим, зычный голос) и в том, чтобы, сражаясь в первом ряду, поразить как можно больше врагов. Постоянный эпитет Диомеда *βοῦν ἄγαθός*: («могучий кличем», «громогласный») напоминает об одном из этих качеств.

По своим особенностям аристия могла бы отвечать либо комплексу вооружения А, либо паноплии. Выбор определяется тем, что характерные для комплекса А башенный щит и колесница как средство боя появляются в Илиаде в порядке редчайшего исключения — как пережитки далекого прошлого (башенный щит в основном характеризует Аякса Теламонида), а части паноплии — блестящий шлем с плюмажем, пластинчатый панцирь, огромный круглый щит, металлические поножи — описаны неоднократно: в вооружении Париса (песнь III), Агамемнона (XI), Патрокла (XVI), Ахилла (XVIII), частично Диомеда (V.42) и Гектора (VI). Таким образом, более вероятно, что аристия соответствует вооружению и тактике гоплитов и что ее описание формировалось в VII в. — после введения фаланги.

Можно ли уверенно относить введение фаланги к VII в.? На сосудах

⁵⁴ Lorimer. Op. cit. P. 115—118.

геометрического времени (VIII в.) почти везде изображается комплекс вооружения В — пара дротиков, небольшой круглый щит с одной рукояткой и т. п. Такой же характер имеют вотивные терракотовые щиты последней четверти VIII в., найденные в Тиринфе, и таковы же щиты у воинов, изображенных на этих вотивах, хотя шлемы воинов, кажется, имеют новый облик⁵⁵. Значит, вооружение гоплитов к концу VIII в. еще не стало массовым в Арголиде. Но оно уже появилось и даже собралось в полный комплект, о чем свидетельствует погребение молодого аристократа в Аргосе — *Ranorly grave*, с полным вооружением гоплита, относящееся к концу VIII в. (около 720 или 710—700 гг. до н. э.)⁵⁶. Видимо, в это время так вооружались и погребались только вожди. По легенде, когда Тимонах Эгеид взял Амиклы, он был в металлическом панцире, который позже носили в процессии (*Arist. Fr. 532; Rose; schol. ad Pind. Isthm. 6(7), 18*)⁵⁷.

Однако новое вооружение и связанная с ним тактика входили в практику очень быстро. Терракотовые вотивные щиты второй четверти VII в., найденные в Афинах, уже большей частью двухрукояточные, а серебряная фигурка воина с Хиоса и свинцовые фигурки воинов из Спарты и Менелайона, датируемые третьей четвертью VII в., — это изображения гоплитов⁵⁸. Первые изображения фаланги — в росписи на протокоринфских сосудах: на арибалле первой четверти VII в. из Перахоры — еще не очень искусно изображенная (строй слегка разомкнут), вполне определенная — на ойнохое из коллекции Киджи, датируемая около середины VII в., на арибалле того же времени и стиля из Берлинских музеев и др. Протоаттические сосуды того же времени еще изображают парные поединки, хотя и в вооружении гоплитов или смешанном⁵⁹.

Все это скорее подтверждает позицию Х. Лоример, которая датировала введение фаланги началом VII в., нежели Э. Снодграсса, который растягивал этот процесс на век — от середины VIII в. Правда, первые описания вооружения и тактики гоплитов в фаланге появляются вообще только у поэтов середины VII в. — Архилоха и Тиртея, что подробно анализировала Лоример⁶⁰, но ведь сочинения более ранних авторов просто не существуют, не известны нам, если не считать эпоса, а эпос сам нуждается в датировке. К середине века гоплиты были, во всяком случае, уже ведущей силой, и, опираясь на них, к власти поднимались тираны: в Аргосе — Фидон (по преданию, создатель армии гоплитов), в Коринфе — Кипсел, в Афинах — неудачный претендент на тираническую власть Килон и т. д.

Примечательно, что наиболее ранний образец панοπлии найден именно в Аргосе и что большой (до колен) круглый щит (βλοο) называется «аргивским»⁶¹. Его изобретение приписывалось царям Аргоса и Тиринфа — близнецам Проиту и Акрисию. По-видимому, Аргос наряду с Коринфом первенствовал в усовершенствовании вооружения и тактики, завершившимся фалангой. Этим и можно объяснить тот факт, что «данайские» песни, несущие на себе аргивский отпечаток, отличаются от прочих аристиями и слабым применением мономахий. Если все приведенные соображения верны, то оформление «данайских» песней должно датироваться VII веком, что согласуется с датой, полученной при анализе ссылок на Геракла.

⁵⁵ *Ibid.* P. 80, 133—138. Pl. 18.

⁵⁶ *Courbin P. Une tombe géométrique d'Argos // BCH. 1957. 81. P. 322—386; Jeffery. Op. cit. P. 133 f.; 143. Pl. 17.*

⁵⁷ *Snodgrass A. M. The Hoplite Reform and History // JHS. 1965. 85. P. 111.*

⁵⁸ *Lorimer. Op. cit. P. 91—93; Snodgrass. Op. cit. P. 115 f.*

⁵⁹ *Lorimer. Op. cit. P. 80—107.*

⁶⁰ *Ibid. P. 114—128.*

⁶¹ *Jeffery. Op. cit. P. 133.*

В Илиаде термин «фаланга» (φάλαγξ) используется во всех пяти «данайских» песнях (V, VIII, XI, XV, XVII), в совокупности 14 раз, и 2 раза в начале песни VI. Из семи «аргивских» песней его употребляют только четыре (главным образом песни с поединками вождей перед войском—IV и VII), в совокупности 8 раз. В «данайских» песнях термин «фаланга» явно упоминается чаще (табл. 4). Но, во-первых, это может быть обусловлено тем, что в них сосредоточены ариэтии, во-вторых, нет уверенности, что под фалангой в гомеровском эпосе подразумевалось специальное построение гоплитов, а не просто «ряд». Впрочем, буквальное значение слова (видимо, первичное) — «бревно», «колода» — подразумевает тесно сомкнутый строй и говорит скорее в пользу специализированного употребления. Кроме того, именно в тех «ахейских» песнях с поединками вождей перед войском (III и VII), в которых упоминается фаланга, притом в формуле, есть и строка-формула, в которой упоминается панцирь (III.358 = IV.136 = VII.252); Лоример трактует ее как свидетельство о наличии гоплитов. Но и этому нельзя следовать с уверенностью, поскольку панцирь и слово, его обозначающее (θώραξ), унаследованы эпосом от микенского времени⁶².

В Илиаде, однако, отмечается несколько описаний, явно имеющих в виду фалангу как специальный строй и тактику гоплитов. У. Виламовиц, Д. Мюльдер, П. фон дер Мюль и др. причисляют к этим пассажам и такие краткие формулировки, как «стоять один за другого» (III.9), «пеших бойцов позади их поставил... стену» (IV.298—299), «их нажидали ахейцы, сомкнувшись» (XV.311), но Дж. Керк все это считает недостоверным и отбирает лишь три более определенных описания в песнях XIII, XVI и под вопросом — в XII⁶³.

Правда, в XII песни это одна лишь фраза: «Так изготовься они и сомкнувшись крепко щитами...» (XII.105). Но в XIII песни это уже пространное описание:

Стиснувши дрот возле дрота и щит у щита непрерывно,
Щит со щитом, шпашак с шпашаком, человек с человеком
Тесно смыкался; касались светлыми бляхами шлемы,
Зыбясь на воинах: так аргивяне сгустятся стояли;
Копья змеилися, грозно колеблемы храбрых руками...

(XIII. 130—134)

В XVI повторены в точности три последние строки (т. е. это уже формула), лишь концовка несколько изменена, а предварены они другим текстом:

Крепче ряды их сгустилися, выслушав царские речи.
Словно как стену строитель из плотно слагаемых камней
В строящем доме смыкает, в отпору насильственных ветров,—
Так шпашаки и щиты меднобляшные сомкнуты были;
Щит со щитом, шпашак с шпашаком и т. д.

(XVI. 211—217)

⁶² Lorimer H. S. *Homer and the monuments*. L., 1950. P. 196—200; Page D. L. *History and the Homeric Iliad*. Berkeley—Los Angeles, 1959, P. 247 f., 262, 284 ff.; Kirk. *The songs ...* P. 111 f.; Catling H. W. Panzer // *Archaeologia Homerica*. Bd. I. Kap. E1. Göttingen, 1977. S. 74—118.

⁶³ Müller D. *Homer und die altionische Elegie*. Hildesheim, 1906; *idem*. *Die Ilias...* S. 145—147; Kirk. *The songs...* P. 186 f.

Все три пассажа оказываются в «аргивских» песнях. Полной интерпретацией «аргивской» группы песней я предполагаю заняться в отдельной работе, здесь отмечу лишь, что вообще-то «аргивские» песни по доле этнонима «аргивяне» близки к «данайским», но, как явствует из хронологических характеристик этого этнонима, позже их ⁶⁴. Поэтому ко времени «аргивских» песней описания фаланги и были отработаны уже в виде формул. Можно полагать, что становление стереотипов в тематике (например появление в эпосе аристий, отражавших тактику гоплитов) опережало фиксацию словесных формул. Так что нет ничего странного в том, что аристы появляются в «данайских» песнях, а формульные описания фаланги — только в «аргивских».

7. *Очаг формирования «данайских» песней.* Дважды в Илиаде — в «данайских» песнях V и VIII — две богини, Гера и Афина, появляются на одной колеснице. Схожий мотив изображен на знаменитой тиринфской фреске XIII в.: две дамы на одной колеснице, в руке у одной поводья ⁶⁵. Нет достаточных оснований полагать, что здесь изображены именно Гера с Афиной. Тиринфские фрески, эта и другие, с держащими копыя женщинами на колесницах интерпретируются как изображения божественных охотниц или жриц богини охоты в ритуальном выезде ⁶⁶, но сам мотив женщин на колеснице не встречается более нигде, кроме как в Арголиде — Тиринфе.

По сюжету обе богини в обиде на Париса за то, что не им он отдал первенство (XXIV.25—30), и это могло бы объяснить тесное «сотрудничество» обеих во всей Илиаде, но подчеркивание их связи в «данайских» песнях имеет особую подоплеку. Главный противник Гектора в «данайских» песнях — Диомед, столица которого, по Каталогу кораблей, — город Аргос, а второй город царства — Тиринф (где найдена упомянутая фреска). В Аргосе, по аргивской генеалогической легенде, в свое время утвердился эпоним данаев Данай, и из его потомков сын Данаи Персей имел столицами Аргос и Тиринф. В этом истоки связи Диомеда с «данайскими» песнями Илиады. Гера и Афина — городские богини-защитницы Аргоса ⁶⁷, Гера — также и Тиринфа ⁶⁸. Гера носит в Илиаде эпитет Аргивянки, Аргивянки, и в числе своих трех любимых городов первым называет Аргос (IV.52). По аргивскому рассказу, Диомед привел Гере в Аргос коней-людоедов ⁶⁹. Диомед считается основателем святилища Афины в Аргосе, и их изображения несли рядом во время празднества ее омовения; рядом с ее изображением мыли его щит ⁷⁰.

В Аргосе Афродита и Арес имели общий культ — общее святилище с деревянными, т. е. архаичными, статуями по дороге из Аргоса в Мантинию. Этот культ конкурировал с культом Афины и Диомеда, чем К. Роберт объясняет вражду героя и его покровительницы Паллады к Афродите и Аресу в Илиаде, ранение обоих божеств в V песни ⁷¹. Существенно, что

⁶⁴ Этот вопрос подробнее рассмотрен в подготовленной к печати работе: *Клейн Л. С.* Ахейцы, данай, аргивяне.

⁶⁵ *Rodenwaldt G.* Die Fresken des Palastes // *Tiryns*. Bd II. Athen, 1912. S. 97 f. Abb. Taf. XII.

⁶⁶ *Anderson J. K.* Huntresses and Goddess of the Hunt at Tiryns // *AJA*. 1981. 87. № 2. P. 224.

⁶⁷ *Preller L.* Griechische Mythologie. Bd I. Theogonie und Götter. 4. Aufl. B., 1894. S. 160 f.; *Tomlinson*. Op. cit. P. 203—207.

⁶⁸ *Frickenhans A.* Die Hera von Tiryns // *Tiryns*. Bd I. Athen, 1912. S. 19—30.

⁶⁹ *Bethe E.* Diomedes // *RE*. Bd V. Hbd. 1. 1903. Sp. 817, 819.

⁷⁰ *Ibid.* Sp. 819.

⁷¹ *Robert C.* Die griechische Heldensage. Bd I. B., 1920. S. 340.

в Аргосе Афродита была богиней не любви, а войны⁷², так что естественное появление на поле боя. Эта естественность поэту уже непонятна. Некоторые имена убитых Диомедом считаются взятыми из аргивских легенд: сыновья провидца Абант и Полиид в Илиаде (V.148) имеют соответствия в аргосских легендах — царь Абант Линкеид и провидец Полиид Койранид⁷³.

Наперсник Диомеда Сфенел также имеет корни в Аргосе, где почитали Зевса Сфения и Афину Сфениаду⁷⁴ (σθένος — 'сила', σθένεια — вид состязаний по борьбе в Аргосе). Имя «Сфенел» есть также в генеалогии династии Персеидов.

В «данайских» песнях отмечены особое внимание к ликийцам и — в эпизоде примирения Диомеда с Главком (VI песнь) — особая связь Аргоса с ликийцами. Эта связь скреплена у Гомера многократно: Диомед с Главком выясняют, что их связывает обязанность взаимного гостеприимства, восходящая к дружбе их предков — калидонского царя Ойнея (деда Диомеда) и ликийского героя Беллерофонта (деда Главка); последний происходил, согласно Гомеру, из аргивского города Эфиры; древний царь Тиринфа Пройт состоял, по Гомеру, в родстве с ликийским царем.

Эпизод встречи Диомеда с Главком давно уже поставлен в связь с замечанием Геродота (I.147) о том, что во многих ионийских городах Малой Азии правят потомки ликийца Главка⁷⁵, или, осторожнее говоря, правители, возводившие свой род к Главку, а Главка считавшие ликийцем. В античное время одним из самых знатных родов Аргоса были Пройтиды. Возможно, в гомеровское время этот род и другие знатные роды Аргоса были действительно породнены с полуликийскими (?) династиями ионийских городов Малой Азии, и певцу нужно было избавить героев-предков от неприемлемого столкновения. Но возможно и другое объяснение: главным богом города Аргоса был Аполлон Ликий (Гера была покровительницей Арголиды, но не главной патронессой города)⁷⁶. Ликий (Λύκιος) означает «Волчий», но может осмысливаться и как «Ликийский»⁷⁷. Эта омонимичность могла дать повод для представлений об особой дружбе аргосцев с ликийцами.

Восточный мотив Горгоны соединился опять же с данайским героем Арголиды, имевшим восточные связи: Горгону убил Персей, царь Аргоса и Тиринфа, ходивший походом в Палестину. О Геракле, привязанном к данайской династии богатыре из Тиринфа, и о мотивации его подвигов политической амбицией Аргоса VII в. сказано достаточно.

Из всех рассмотренных обстоятельств вытекает вывод, что формирование «данайских» песней происходило в VII в. до н. э. в районе, где была известна эпопея об Ахилле под Илионом (по ее образцу ведь и созданы «данайские» песни), но где наиболее популярным героем был Диомед и где были в ходу более ранние сказания о подвигах тиринфца Геракла в угоду Эврисфею. Таким районом было Аргивское государство. Согласно Геродоту (V.67), гомеровские поэмы, прославлявшие Аргос и аргосцев, ис-

⁷² Tomlinson. Op. cit. P. 208.

⁷³ Bethe. Diomedes. Sp. 819 f.; Robert. Die griechische Heldensage. S. 302—305.

⁷⁴ Nilsson M. P. Griechische Feste von religiöser Bedeutung. Lzp, 1906. S. 32.

⁷⁵ Kretschmer P. Nochmal die Hypachäer und Alaksandus // Glotta. 1936. XXIV. S. 235; Malten L. Homer und die lykischen Fürsten // Hermes. 1944. LXXIX. № 1—2. S. 1—12; Schadewaldt W. Von Homers Welt und Werk. 2. Aufl. Stuttgart, 1951. S. 102 f., 392; Carpenter R. Folk Tale, Fiction and Saga in Homeric Epics. Berkeley, 1956. P. 66.

⁷⁶ Tomlinson. Op. cit. P. 203—205.

⁷⁷ Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 281 слл.

полнялись по соседству, в Сикионе, в доклизфеновское время, т.е. в VII в.

Однако этой локализации противоречит ионийский диалект всей Илиады, включая ее «данайские» песни. Таким образом, два важных компонента «данайских» песней — язык и содержание — расходятся по локализации. Коль так, проблема определения родины «данайских» песней сводится к альтернативе: либо песни сформировались в таком участке ионийского ареала, где ощущалось влияние аргивских мифов и легенд, либо в таком районе распространения дорийского племени аргивян, где ионийский диалект применялся.

Исчерпать первую возможность труда не составит. Раннее влияние Аргоса, конечно, ощущалось на Самосе, поскольку культовую традицию самосского Героя возводили к культу Геры в Арголиде, а Самос — остров ионийский. Но на Самосе нет никаких сведений о почитании Диомеда, который издревле почитался на Кипре, где ему приносили человеческие жертвы в одном святилище с Афиной⁷⁸. Можно было бы попытаться связать с этим именование Афродиты Кипридой в V песни Илиады и упоминание кипрского царя Кинираса в XI (все это песни «данайские»). Но за пределами V песни в других «данайских» песнях Афродита не именуется Кипридой, а на острове Кипр диалект не был ионийским, да и культура Геракла на Кипре не было.

Остается вторая возможность — вернуться к Аргосу. Это дорийский регион, но есть достаточно оснований полагать, что воздействие ионийской поэтической традиции на дорийские земли было таким, что и собственную поэзию местные певцы творили на ионийском диалекте. В дорийской Спарте Тиртей в середине VII в. сочинял свои элегии по-ионийски, дориец Феогаид из Мегары уже в VI в. тоже сочинял свои элегии на ионийском наречии, точно так и Гесиод, живя в эолийской Беотии, слагал свой эпос ионийским гексаметром. Ионийский диалект был основой искусственного языка эпоса и лирики и был понятен всем грекам.

Правда, у Тиртея, скажем, проскальзывают доризмы, а в гомеровском языке их нет. Но тут должно было сказаться два обстоятельства: во-первых, язык героического эпоса был более архаизирован и строг, да и певец, видимо, более профессионально подготовлен, а во-вторых, «данайские» песни прошли обработку и редактирование в Малой Азии, в ионийских областях. В языке «данайских» песней по крайней мере один возможный след дорийского прошлого все-таки остался — это более заметная, чем в других песнях, употребительность частицы $\acute{\alpha}\tau\acute{\alpha}\rho$ по сравнению с частицей $\alpha\delta\acute{\alpha}\rho$. Частица $\acute{\alpha}\tau\acute{\alpha}\rho$ же характерна именно для дорийской поэзии.

Этот вывод, казалось бы, не так уж непривычен. В литературе конца XIX — начала XX в. обсуждались идеи материкового происхождения гомеровского эпоса или его частей⁷⁹, а среди регионов, претендовавших на участие в создании эпоса, назывался и Аргос⁸⁰. Но при этом имелись в виду ранние стадии развития эпоса, на которых формировались отдельные образы, мотивы и сюжетные линии, отложившиеся затем в Илиаде. Относительно же поздних этапов в научных кругах давно уже господствует единое мнение, что эти этапы эпоса проходил в ионийских областях Малой Азии. Представленный здесь результат анализа оказывается совершенно неожиданным. Включая материковую дорийскую Грецию в зону формирования Илиады, в частности ее «данайских» песней, он бросает новый свет

⁷⁸ *Bethe*. *Diomedes*. Sp. 820.

⁷⁹ Наиболее известна позиция аналитика П. Кауэра (*Op. cit.* S. 241—254, 259—262).

⁸⁰ Таково предложение унитария Э. Дрерупа (*Drerup E. Homer*. München, 1903. S. 62—64, 108, 113 f.).

на состав поэмы, ее источники и проблему авторства. Впрочем, сама эта идея все же была высказана еще сто лет назад Дж. Мехэфи: «Ариэтия Диомеда, — писал он, — обязана ... своим возникновением, вероятно, рецитации Илиады в Аргосе, где поэма была очень популярна, а национальный герой непременно должен был играть главную роль»⁸¹.

---

⁸¹ Mahaffy J. P. Über den Ursprung der Homerischen Gedichte. Hannover, 1881. S. 12.

THE DANAIAI ILIAD

L. S. Klein

Lexicological study of the Iliad has led to the conclusion that the songs of the poem are grouped by language into several blocks, one of which consists of songs 5, 9, 11, 15, 17, and in part of 6. In these songs, more than in others, the Greeks are called Danaians and the besieged city Iliion (and not Troy). In them the particle *ἀτάρ* is not so strongly restricted, as in the other songs, to the synonymous particle *ἰτάρ* and the forms of the prepositions *πρῶτί* and *πρὸς* perceptibly predominate over the form *πρῶτι*, and so on. These songs are related by content and style, and differ from the others. In them Hector's chief opponent is named as Diomedes the Argive leader, and not Achilles. It has long been noted that these two Greek heroes are mutually exclusive in the Iliad. Since the image of Diomedes is largely a copy of that of Achilles. This mutual exclusion suggests that there was a version of the Iliad (presumably in Argos) in which Achilles was replaced by Diomedes, and that the two versions were later joined together.

In the Danaian songs of the Iliad legends about another hero of the Argolid, Herakles, are employed quite intensively, but still without the labours of the Dodecathlon. Almost all the *aristeiai* of the Iliad are concentrated in these songs (whereas the *monomachies* are in songs in which the Greeks are almost exclusively called Achaeans). This needs to be linked with the reflection of the arms and tactics of the hoplites in the epic, and with the introduction in the seventh century B. C. of the phalanx. Dating of the Danaian songs to the seventh century B. C. is confirmed by the point that all mention of Gorgons and quadrigae are concentrated in precisely these songs. The addition of legends about the labours of the Dodecathlon (but not all) may be dated to the seventh century B. C., while the earlier, eighth century legends of Herakles and the Molion were reflected in the Iliad only as information about events and heroes not contemporary with the main heroes of the poem, but of an earlier, preceding age.

© 1990 г.

А. Л. Смышляев

«РЕЧЬ МЕЦЕНАТА» (DIO CASS. LII, 14—40*):
ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Проект идеальной монархии, который от имени Мecenата излагает в 52-й книге своей «Истории» Дион Кассий, вот уже около ста лет привлекает пристальное внимание историков и филологов. Как считает большинство исследователей, «речь Мecenата» — это политическая программа, в которой нашли воплощение интересы и устремления не только самого Диона, но и определенных социальных слоев. Однако среди ученых нет единства по вопросу о том, чего именно добивался Дион, выдвигая эту программу, и чьи интересы он выражал.

Впервые специальное исследование «речи Мecenата» было предпринято П. Мейером, который доказывал, что в первоначальном виде она была создана в правление Каракаллы и представляла собой традиционные рассуждения о необходимости царской власти, но при Александре Севере была значительно переработана и расширена. В нее был включен политический памфлет (19—40), в котором Дион выдвинул проект идеальной монархии, предвосхищающей во многих отношениях абсолютную монархию Диоклетиана. Этот памфлет был направлен против просенаторской политики Александра Севера, его расплывчатых романтических реформ, имевших целью восстановление принципата Августа и возвращение к «диархии» (П. Мейер реконструировал политику Александра Севера по данным его биографии в *Historia Augusta*, отвергаемым современными учеными)¹. Взгляды П. Мейера в значительной мере разделял У. Энслин. По его мнению, суть проекта Диона заключалась в требовании расширения полномочий императора и всаднической администрации, а роль сената в управлении идеальной монархии, конструируемой Дионом, должна была остаться чисто декоративной. Это, считал У. Энслин, свидетельствовало не об антисенаторской позиции Диона, а о том, каков был тогда максимум притязаний разумного сенатора в отношении роли, которую могло играть его сословие². Сходную трактовку речи дал и Дж. Крук, отметивший тяготение Диона к автократии, отвечавшее тенденциям его эпохи. Взгляды Диона, подчеркивал он, разделялись людьми, установившими новый политический режим монархии Северов³.

* В тексте статьи при ссылках на «Речь» указываются только глава и параграф.

¹ *Meyer P. De Maecenatis oratione a Dione ficta. B., 1891.* К сожалению, эта монография оказалась мне недоступной, поэтому я изложил концепцию П. Мейера, опираясь на ее подробный разбор в работах Эд. Шварца и М. Хэммонда (*Schwartz Ed. Cassius Dio // RE. 1899. Bd. 3. Hbd. 6. Sp. 1686 f.; Hammond M. The Significance of the Speech of Maecenas in Dio Cassius, Book LII // ТРАП. 1932. V. 63. P. 88 f.*).

² *Enslin W. The Senate and the Army // САН. 1939. V. 12. P. 59 f.*

³ *Crook J. Consilium principis. Imperial counsels and counsellors from Augustus to Diocletian. Cambr., 1955. P. 126.*

Принципиально иную трактовку «речи Мецената» предлагал М. Хэммонд, утверждавший, что Дион не выдвигает там никаких проектов, а дает краткий обзор конституции принципата за два столетия и выявляет дальнейшие перспективы его развития⁴. Эта концепция не получила признания.

По мнению И. Блейкена и Ф. Миллара, проект Диона был сенатской реакцией на антисенаторскую политику первых Северов. Дион добивался, чтобы отношения императора и сената строились так же, как и при Антонинах; чтобы императоры укрепили и расширили полномочия сенаторской администрации, а при решении важных государственных вопросов учитывали мнения советников-сенаторов. Установление такого порядка должно было гарантировать привилегии и личную безопасность представителей сенаторского сословия, упрочить авторитет сената. В обмен на это Дион и его единомышленники-сенаторы готовы были отказаться от притязаний на политическую власть, которая и так уже давно была потеряна⁵.

К близким выводам приходит и Е. М. Штаерман, которая, в отличие от западных исследователей, уделяет основное внимание не политической, а социальной программе Диона. Она считает, что Дион стремился лишить города их привилегий и свобод, свести на нет роль муниципальной организации и муниципальной знати. Как представитель земельных магнатов он полагал, что император должен опираться не на коллективы городских рабовладельцев, а на крупнейших земельных собственников, порвавших всякие связи со своими городами. На этих условиях земельная аристократия восточных провинций империи, чьи интересы выражал Дион, готова была признать власть монарха абсолютной⁶.

Таким образом, современные исследователи сходятся на том, что Дион стремился в своем проекте защитить интересы сенаторского сословия, обеспечить сенату и сенаторам почетное и привилегированное положение в государственном аппарате Римской державы и одновременно готов был предоставить правителю своей идеальной монархии абсолютную власть.

Обосновывая последний тезис, обычно ссылаются на то, что Дион рекомендовал правителю рассматривать государственные дела в сенате, чтобы *казалось*, что этот орган является владыкой всего (31.4). Дион тем самым подразумевает, что подлинная власть должна принадлежать императору. Не ясно, однако, насколько искренне ратовал Дион за сильную императорскую власть, ведь то, к чему он призывает, предлагая какое-либо нововведение, не всегда соответствует тому, чего он добивается на самом деле⁷.

Чтобы выявить истинные устремления Диона и сенаторской аристократии, чьи интересы он выражал, необходимо представить себе, к чему могла бы привести реализация каждого отдельного его предложения и всего его плана в целом в конкретных условиях эпохи. Для этого нужен комплекс-

⁴ Hammond. Op. cit. P. 88 f.

⁵ Bleicken J. Der politische Standpunkt Dios gegenüber der Monarchie // Hermes. Bd 90. Ht 4. 1962. S. 445 f.; Millar F. A Study of Cassius Dio. Oxf., 1964. P. 107 f., 118.

⁶ Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. С. 296 слл.

⁷ Так, например, он предлагает, чтобы наместники управляли провинциями в среднем четыре года, поскольку более длительное пребывание у власти может вызвать у них стремление к мятежу (23.2) На первый взгляд, он отстаивает таким образом интересы центральной власти в ущерб интересам отдельных наместников. Однако, как отметил Ф. Миллар, в действительности средний срок наместничества в ту эпоху — полтора-два года, и, следовательно, реализация предложения Диона способствовала бы не ограничению, а усилению власти и влияния наместников (Op. cit. P. 114).

ный подход, т. е. следует рассмотреть положение в «идеальной монархии» сената и сенаторского сословия, всадников, декурионов и самого императора, а также характер их взаимоотношений, проводя при этом сравнение с реальным положением вещей при Северах ⁸.

Исследователи, разбиравшие вопрос о положении сената и сенаторов в идеальной монархии, считают, что Дион, добываясь, чтобы сенату возвратили полномочия, утраченные им при поздних Антонинах и Северах, взял за образец порядки, характерные для периода расцвета династии Антонинов, лишь немного добавил от себя ⁹. Действительно ряд предложений Диона свидетельствует о его стремлении вернуть сенат в то состояние, в котором он пребывал в «золотой век» империи. По его мнению, сенату следует принимать посольства от неприятелей, а также от союзных царей и народов (т. е. от городов и провинций Римской империи), оформлять императорские решения общего характера как свои постановления (31.1—2), обсуждать все наиболее важные государственные дела таким образом, чтобы каждый сенатор мог принять участие в прениях (32.1—2) ¹⁰.

Однако Дион выдвигает немало и таких предложений, которые свидетельствуют о том, что сенат идеальной монархии в его представлении должен был существенно отличаться от реального сената эпохи Антонинов. Эти предложения в некоторых отношениях умаляли прерогативы сената эпохи Антонинов и Северов, в других же, наоборот, их значительно расширяли. Так, например, в идеальной монархии сенат не выбирает ни магистратов, ни наместников сенатских провинций. Всех магистратов и наместников провинций назначает лично император (20.3; 22.2).

С другой стороны, всеми провинциями в идеальной монархии управляют исключительно сенаторы, причем провинций там значительно больше, чем в реальной империи эпохи Северов, а средний срок правления наместника в идеальной монархии в два раза дольше, чем в реальной (22.1—2,6; 23.2) ¹¹. По мнению Диона, следует увеличить число членов сената за счет самых знатных влиятельных и богатых уроженцев Италии и провинций (19.2—4). Необходимо передать контроль и надзор за поведением, происхождением и состоянием сенаторов и членов их семей младшему цензору, назначаемому императором пожизненно из числа наиболее авторитетных и заслуженных сенаторов для того, чтобы иметь помощника в исполнении своих цензорских полномочий (21.3—5). Серьезные преступления, совершенные сенаторами или членами их семей, должны разбираться в суде самого сената совершенно независимо от императора (31.3), причем распространение слухов, порочащих императора, не следует рассматривать как преступление, не следует и чересчур сурово наказывать заговорщиков из числа сенаторов, если только они не восстанут против императора с оружием в руках (31.3—10). Дети сенаторов должны получать государственное образование, с тем чтобы быть подготовленными к будущей службе (26.1—2).

Нетрудно заметить, что предлагавшееся в «речи» отстранение сената

---

⁸ К сожалению, принцип комплексного подхода недостаточно последовательно проводится в работах, посвященных этой теме. Е. М. Штаерман лишь мельком затрагивает положение всадников. Другие исследователи почти не уделяют внимания положению городов и декурионов.

⁹ *Hammond*. Op. cit. P. 98 f.; 101; *Bleicken*. Op. cit. S. 455 ff.; *Millar*. Op. cit. P. 108.

¹⁰ Прием посольств в сенате прекращается с середины II в. н. э., издание сенатус-консультов и широкое обсуждение предложений императора окончательно сходят на нет в начале III в. н. э. (*Millar F. The Emperor in the Roman World*. L., 1977. P. 342 f.; *Talbert R. The Senate of Imperial Rome*. Princeton, 1984. P. 290 ff., 424 f., 490).

¹¹ См. прим. 7.

от выборов магистратов и проконсулов могло бы нанести урон скорее престижу, чем его реальной власти и влиянию. Уже задолго до Северов магистраты потеряли реальную власть, а сенат выбирал либо тех, кого непосредственно «рекомендовал» император, либо тех, чьи кандидатуры не вызвали у него возражений¹². Не случайно юристы — современники Диона говорят как о само собой разумеющемся, что магистраты получают власть от принцепса¹³. Сенатские провинции тоже задолго до Северов уже оказались под таким же контролем императорской власти, как и все прочие. Единственная разница была в выборах наместников и в одногодичном сроке их полномочий. Однако императоры всегда могли добиться избрания удобного им кандидата или отстранения неугодного и продлить срок полномочий проконсула¹⁴.

Совсем иначе выглядят предложения Диона просенатской направленности. Реальное влияние сената было обусловлено прежде всего тем, что его члены занимали посты наместников всех (за исключением Египта) крупных провинций и командующих расположенными там легионами. При Северах эта сенаторская монополия впервые оказалась под угрозой. Септимий Север передал под управление всадников две новые провинции и три легиона. Одновременно утверждается практика назначения всадников наместниками важнейших провинций под видом временно исполняющих обязанности презида¹⁵.

Как бы в ответ на это Дион предлагает не только укрепить, но и расширить сенаторскую монополию на управление провинциями и легионами, распространив провинциальное управление на территорию Италии (22.1, 6) и совершенно отстранив от него всадников¹⁶. Той же цели должны служить меры, направленные на укрепление профессиональной подготовки сенаторов: обязательное государственное образование, длительная предварительная служба в провинции в качестве помощников наместника (22.2—5) и достаточно долгий срок службы в качестве наместника.

Остальные предложения, посвященные полномочиям сената, также противоречат административным и политическим тенденциям северовской эпохи. Суд сената над своими членами всегда был под контролем императоров, а при Северах еще более чем обычно¹⁷. Казни сенаторов, обвиненных в заговоре против императора или в оскорблении величества, имели место при ранних Северах и только при Александре Севере они как будто сходят на нет¹⁸. Численность членов сената оставалась неизменной от Августа до Северов, причем последние, проводя курс на сокращение постов, предназначенных для сенаторов, вовсе не были заинтересованы в росте количества потенциальных претендентов на сенаторские должности¹⁹. Так же вряд ли соответствовало их интересам введение должности младшего цен-

¹² Millar. The Emperor... P. 300 ff.; Talbert. Op. cit. P. 345.

¹³ Dig. 42.1.57; 48.14.1.

¹⁴ Dio LIII. 14.3; Millar F. The Emperor, the Senate, and the provinces // JRS. 1966. 56. P. 158 ff.; Talbert. Op. cit. P. 393 f., 404 ff.

¹⁵ Keyes C. W. The Rise of the Equites in the third Century of the Roman Empire. Princeton, 1915. P. 4 ff.; Pflaum H. G. Essai sur les procurateurs equestres sous le Haut-Empire romain. P., 1950. P. 134 ff.

¹⁶ При Северах Италия за пределами Рима и его округа находилась фактически под властью префектов претория, чью уголовную юрисдикцию Ульпиан сравнивает с юрисдикцией наместников провинций (Mos. et Rom. leg. coll. XIV. 3.1).

¹⁷ Bleicken. Op. cit. P. 29 f., 491.

¹⁸ CI. IX. 8. 1; IX, 8.2; IV. 1. 2; Bleicken. Op. cit. S. 457.

¹⁹ Talbert Op. cit. P. 29 f., 491.

зора сенаторского ранга²⁰. По справедливому мнению Ф. Миллара, это лишило бы императора одного из главных элементов его власти над теми, кто принадлежал к римским высшим классам²¹.

Реализация этих предложений привела бы к тому, что сенаторы заняли бы почти все ключевые посты в армии и государстве, укрепили бы свое влияние в провинциях и приобрели бы относительную независимость от императорской власти, а пополненный и преобразованный сенат получил бы такое значение, какого он не имел не только при Северах, но и при Антонинах. На этом фоне потери, связанные с новым порядком назначения на магистратуры и ликвидацией сенатских провинций, не представляются сколько-нибудь серьезными.

Иным выглядит положение в идеальной монархии всаднического сословия. Характеризуя отношение Диона к всадникам, исследователи обычно отмечают, что в идеальной монархии члены этого сословия лишены постов наместников провинций и командующих легионами, вместе с тем они более широко, чем в реальной империи начала III в. н. э., представлены в финансовом управлении и сохраняют посты высших префектов и советников императора. Благодаря этому они занимают почетное и видное положение сразу вслед за сенаторами²². В эту радужную картину, как представляется, можно внести существенные коррективы, если сопоставить то, что приобретают и что теряют всадники в идеальной монархии по сравнению со своими северовскими прототипами.

Дион действительно предлагает повысить роль всадников в управлении финансами, передав в их ведение, наряду с доходами фиска, также и доходы эрария (25.1). Однако реализация этого предложения вряд ли существенно изменила бы положение прокураторов-всадников, поскольку к началу III в. н. э. большая часть доходов эрария перешла к фиску, и оба эти ведомства почти полностью слились друг с другом²³.

В то же самое время отстранение всадников от управления провинциями и командования легионами стало бы для них существенной потерей, поскольку, как уже говорилось выше, при Северах они начинают постепенно вытеснять сенаторов с этих постов.

Такая же антивсадническая тенденция проявляется и в отношении Диона к всадникам из ближайшего окружения императора. Совет идеального императора, состоящий из сенаторов и всадников и связанный с решением судебных дел (33.3—5) обходится без профессиональных юристов всаднического ранга (*consilarii*) в разрез с традициями поздних Антонинов и Северов²⁴. Еще в большей мере идеал отличается от действительности в том, что касается положения префектов претория. Префекты, описанные Дионом, военной властью на территории Италии несколько превосходят реальных префектов северовской поры²⁵, однако решительно

²⁰ Непосредственный контроль за состоянием сенаторов и всадников осуществлял в эпоху Северов чиновник всаднического ранга (*Herodian. V. 7.7; Talbert. Op. cit. P. 53*).

²¹ *Millar. A Study... P. 113*.

²² *Bleicken. Op. cit. S. 455 f.; Millar. A Study... P. 113, 117; Brunt P. A. Principes and Equites // JRS. 1983. 73. P. 65*.

²³ *Dio. LIII. 22.3—4; Millar. The Emperor in the Roman World. P. 199 ff.; Talbert. Op. cit. P. 379; Rostowzew M. Fiscus // RE. 1909. Bd 6. Sp. 2394*.

²⁴ При поздних Антонинах и особенно при Северах значительно возрастает роль квалифицированных юристов-всадников в непосредственном окружении императоров (*Crook. Op. cit. P. 73 f., 88 f., 103; Смьшляев А. Л. Всадники в главе ведомств императорской канцелярии во II — начале III в. н.э. // ВДИ. 1981. № 2. С. 100 слл.*).

²⁵ В отличие от префектов Диона северовские префекты не командовали всеми войсками на территории Италии, поскольку им не подчинялся II Парфянский легион (*Passerini A. Le coorti pretoriae. Roma, 1939. P. 227 f.*).

уступают им в самом главном. Они не выступают в качестве командующих действующей армии и не обладают высшей после императора уголовной и гражданской юрисдикцией²⁶. Дион подчеркивает, что никакие иные обязанности, кроме руководства преторианцами, войсками, расположенными в Италии и императорскими рабами и отпущенниками, не должны отвлекать префектов от их главной задачи — охраны императора (24.1—5).

Очевидно, реализация предложений Диона в отношении всадников привела бы к тому, что всадническая администрация оказалась бы в существенно худшем положении во всех сферах государственного управления, за исключением управления финансами. Это шло в разрез с административными тенденциями эпохи к расширению полномочий императора и всаднической администрации, которая была одним из важнейших инструментов императорской (в противовес сенатской) власти²⁷. Заслуживают отдельного упоминания еще два предложения Диона: установить для всадников обязательное государственное образование наравне с сенаторами (26.1) и поставить всадников наряду с сенаторами под непосредственный контроль младшего цензора сенаторского ранга (21.3). Возможно, он стремился таким образом покрепче связать их с сенаторами и отделить от муниципальной аристократии, к верхнему слою которой они принадлежали²⁸.

О декурионах в отличие от сенаторов и всадников Дион упоминает лишь мельком, указывая, что император должен самолично вершить суд не только над всадниками, но и над «частными лицами, которые являются первыми у себя на родине» (22.3; 33.2). Вместе с тем он довольно подробно описывает положение городов в идеальной монархии, что дает возможность определить его отношение к декурионам. Как отмечает Е. М. Штаерман, Дион стремился свести на нет роль муниципальной организации и муниципальной знати²⁹. В поддержку этого вывода можно привести дополнительные аргументы. Так, по мнению Диона, следует запретить народные собрания в городах, ограничить их траты на общественное строительство, празднества и зрелища, ликвидировать в них собственную монетную чеканку, свою систему мер и весов (30.2—9); необходимо также отменить все налоговые льготы и привилегии (28.6). Города не должны отправлять посольства к императору (за исключением тех случаев, когда требуется судебное разбирательство), но вместо этого — передавать свои просьбы только через наместника и только те, которые он одобрит (30.9—10)³⁰. Горо-

²⁶ О полномочиях северовских префектов претория см. *Mommsen. T. Le droit public romain.* P., 1896. Т. 5. P. 428 ff.; *Durry M. Les cohortes pretoriennes.* P., 1938. P. 161 ff.; *Passerini. Op. cit.* P. 234 ff.

²⁷ *Hirschfeld O. Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diocletian.* B., 1905. S. 482 ff.; *Howe L. L. The Praetorian Prefect from Commodus to Diocletian (AD 180—305).* Chicago, 1942. P. 15; *Millar F. The Roman Empire and its Neighbours.* L., 1967. P. 6 f.; *Stein A. Der römische Ritterstand.* München, 1927. S. 441 ff., 460 ff. В работах последних лет иногда отмечается, что всадническая администрация не отличалась большей преданностью императорской власти, чем сенаторская, и нет оснований противопоставлять их друг другу. Однако в этих же работах указывается, что всадническая администрация в определенной мере уравнивала сенаторскую (*Brunt. Op. cit.* P. 63 ff.; *Garnsey P., Saller R. The Roman Empire. Economy, Society and Culture.* L., 1987. P. 23, 156).

²⁸ И. Блейкен считает, что предложение Диона зачислять в сенат отдельных наиболее заслуженных всадников (25.6) вызвано его стремлением приобщить их к делам сената и обеспечить влияние на них сенаторов (*Op. cit.* S. 462). Однако в данном случае Дион просто солидаризируется с установившейся практикой.

²⁹ *Штаерман. Ук. соч.* С. 296.

³⁰ Призывая в целях экономии городских средств пореже отправлять посольства городов к императору, Дион одновременно предлагает возродить практику отправления городами посольств к сенату (31.1).

дам не следует позволять присваивать себе «пустые прозвища» или что-либо подобное. В отношении городов императору необходимо твердо придерживаться политики запретов, никогда не идти на уступки, заставить их остерегаться даже просить о том, что запрещено (37.10).

Положение городов в идеальной монархии в определенной степени обусловлено присущей ей системой провинциального деления и управления. Необходимо, считает Дион, чтобы власть была близка к населению, поэтому провинции не должны быть чересчур велики и многолюдны (22.6). Следует выделить в отдельные области, управляемые представителями центральной власти, не только территории племен и народов, но и все достаточно сильные и независимые города (22.1). Наместник и его помощники, назначаемые императором из числа опытных администраторов, должны возглавлять свои провинции достаточно долго, чтобы быть в курсе всех местных дел (22.2—5; 23.2). В обязанности одного из помощников наместника (а иногда и обоих) входит управление общественными делами городов (τά...χοιῶν τῶν πόλεων) и одновременно командование войсками и осуществление уголовной юрисдикции (22.2)³¹.

Положение городов в идеальной монархии Диона во многом напоминает то, которое они занимали в Римской империи при Северах. Как известно, уже при Антонинах намечается упадок сословия декурионов и системы городского самоуправления, городам все тяжелее становится нести растущее налоговое бремя. В ответ на это императорская власть более активно, чем раньше, вмешивается во внутреннюю жизнь городов, стремится поставить под свой контроль те виды деятельности городских властей, которые связаны с крупными расходами³². Распространяется практика использования воинов для полицейской службы, назначения в города кураторов сенаторского или всаднического ранга для надзора за деятельностью курий. При Северах эти тенденции получают дальнейшее развитие.

Однако, по мнению современных исследователей, масштабы происходивших перемен не следует преувеличивать. Еще и при Северах членство в курии было предметом стремления зажиточных горожан, не принадлежащих к сословию декурионов, традиции местного патриотизма еще сохраняли свою силу³³. Вмешательство государства во внутреннюю жизнь городов не могло существенно деформировать городское самоуправление, поскольку в распоряжении наместников не было достаточно эффективных средств для контроля над деятельностью городских властей³⁴. Институт кураторов городов не получил еще и при Северах повсеместного распро-

---

³¹ Соединение всех этих обязанностей и полномочий в одних руках, видимо, не случайно. Возможно, управление общественными делами городов и было связано в первую очередь с полицейскими функциями.

³² Главными статьями городских расходов были траты на общественное строительство, организацию празднеств, зрелищ и состязаний; в отношении этих трат правительственный контроль был особенно жестким (*Jones A. H. M. The Greek City from Alexander to Justinian. Oxf., 1940. P. 134 f., 243.*)

³³ *Ibid. P. 182; Garnsey P. Aspects of the Decline of the Urban Aristocracy in the Empire // ANRW. 1974. II. 1. P. 249 f.; Garnsey, Saller. Op. cit. P. 39 f.; Jacques F. Le privilège de liberté. Politique impériale et autonomie municipale dans les cités de l'occident Romain (161—244). Rome, 1984. P. 378.*

³⁴ Наместники, обладавшие незначительным вспомогательным штатом и имевшие краткосрочные полномочия, не могли осуществлять регулярный эффективный контроль за жизнью десятков, а то и сотен городов, расположенных в их провинциях (*Jones. Op. cit. P. 145; Millar. The Roman Empire... P. 63 f.; Burton G. P. Proconsuls, Assize and the Administration of Justice under the Empire // JRS. 1975. 65. P. 105 f.*).

странения и не мог обеспечить надежный контроль над городским самоуправлением³⁵.

Еще и в это время сословие декурионов и ориентирующиеся на него слои средних и мелких земле- и рабовладельцев были серьезной политической силой и представляли собой самую массовую и надежную социальную опору императорской власти³⁶. Вследствие этого Северы стремились в отношениях с городами действовать не только (и не столько) методами административного диктата, сколько методами дипломатии. Городам, в поддержке которых они были особенно заинтересованы, предоставлялись различные почетные титулы и связанные с ними привилегии (в том числе и налоговые льготы)³⁷. В своих инструкциях и письмах к наместникам провинций они рекомендовали относиться с уважением к местным обычаям и местному праву³⁸. Большая часть городов сохраняла при Северах собственную монетную чеканку — один из главных признаков автономии³⁹.

Если учесть все это, то можно сделать вывод, что рекомендации Диона в отношении городов и провинциального управления хотя и содержат немало реалий северовской эпохи, по сути своей расходятся с ее основными административными и политическими тенденциями. Их реализация могла бы привести если и не к ликвидации, то к резкому ограничению городского самоуправления, к потере сословием декурионов значительной доли своей власти и влияния на местах, к разрыву между императорской властью и ее основной социальной опорой и вместе с тем к усилению провинциальной администрации, комплектуемой главным образом из сенаторов⁴⁰. Особенно тяжелые последствия имел бы запрет городам отправлять посольства к императору без одобрения наместника провинции. В условиях того времени это лишило бы императора одного из основных способов осуществления в провинциях своей политики и проверки деятельности провинциальной администрации⁴¹. Таким образом, в результате осуществле-

---

³⁵ *Burton G. P. The curator reipublicae: towards a Reappraisal // Chiron. 1979. 9. P. 471 ff.; Jacques. Op. cit. P. 280.*

³⁶ *Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. (Конец античного города в Византии). Л., 1971. С. 17 сл.*

³⁷ *Sherwin-White A. N. The Roman Citizenship. Oxf., 1939. P. 217 f.; Штаерман. Ук. соч. С. 344; Шифман И. Ш. Сирийское общество эпохи принципата (I—III вв. н.э.). М., 1977. С. 244 сл.*

³⁸ Эта тенденция нашла наиболее яркое отражение в сохранившихся фрагментах трактата Ульпиана «Об обязанностях проконсула» (*Dig. 1.16.4.5; 1.17.7 pr.—1; 50.3.1; 1.3.34; 47.11.9; 47.11.10*). См. также *CJ. VIII.52.1*.

³⁹ *Pekary T. Studien zur römischen Währungs- und Finanzgeschichte von 161 bis 235 n. Chr. // Historia. 1959. 8. S. 443 ff.; Crawford M. Finance, Coinage and Money from the Severans to Constantine // ANRW. 1975. II.2. P. 572.*

⁴⁰ Как будто бы соответствует интересам декурионов предложение Диона запретить народные собрания в городах. Но на деле это не так, поскольку к III в. народные собрания уже не играли реальной роли в городской жизни (*Jones. Op. cit. P. 183 f.; Millar. The Roman Empire... P. 100*). Вместе с тем они оставались одним из символов городской автономии.

⁴¹ Контакты между императором и подданными возникали почти всегда по инициативе снизу и строились по типу запрос — ответ, поэтому «дипломатические связи между городами и императором были существенной частью социальной и правительственной системы империи», они могли воздействовать не только на судьбу наместника провинции, но и на политический курс правительства (*Millar. The Emperor in the Roman World. P. 6 ff., 411, 444 f.*). Посольства городов к императору способствовали также формированию образа правителя в глазах подданных и имели немаловажное идеологическое значение (*Price S. R. F. Rituals and Power. The Roman imperial cult in Asia Minor.*

ния рекомендуемых Дионом преобразований власть и влияние сенаторской администрации должны были значительно вырасти за счет всаднической администрации и декурионов.

Все исследователи сходятся на том, что правитель идеального государства предстает в изображении Диона абсолютным монархом и обладает практически неограниченными полномочиями. На этом основании Диона считают сторонником сильной монархической власти⁴². Однако неограниченные полномочия сами по себе еще не свидетельствуют о сильной власти. Правитель, претендующий на такую власть, должен иметь в своем распоряжении адекватные средства реализации этих полномочий. Необходимо рассмотреть, каково положение правителя идеальной монархии также и в этом отношении.

Статус правителя дионовской идеальной монархии обуславливается прежде всего тем, что он обладает единоличной властью (*μοναρχία* — 18.3). Его полномочия почти беспредельны: он назначает всех магистратов и высших сановников (20.3—4; 21), осуществляет высшее руководство армией (15.2—3; 33.8—9), распоряжается всеми государственными финансами (25; 29.3), обладает высшей юрисдикцией по всем категориям дел, исключая уголовные преступления, совершенные сенаторами (33.1—2), имеет цензорскую власть в отношении сенаторов и всадников (21.5).

Однако ему не стоит злоупотреблять своей властью и стремиться всегда использовать ее во всем объеме (38.1). Ему следует во всем проявлять умеренность, быть бережливым в домашних расходах (29.3), вести такой же образ жизни, что и те, кто его окружает (39.4). Он не должен допускать никаких чрезмерных почестей со стороны сената и остальных людей, позволять, чтобы основывались храмы в его честь, устанавливались его золотые и серебряные статуи (35). Ему необходимо продать все земельные владения, принадлежащие государству (*τὰ κτήματα τὰ ἐν τῷ δημοσίῳ ὄντα*) за немногими исключениями, а вырученные деньги отдать в долг под умеренные проценты (28.3)⁴³. Правителю надо постоянно думать, за какие поступки его будут любить некоторые (*τινες*) из находящихся рядом с ним, а за какие нет, и исходя из этого строить свою деятельность (38.2). Более того, он должен управлять общественными делами вместе с благороднейшими (*ἄριστοι*) людьми, равными ему (*ἰσότιμοι*)⁴⁴ (14.3; 15.2).

Свои судебные полномочия правитель идеальной монархии, по мысли Диона, осуществляет вместе с советниками из числа самых почтенных сенаторов и всадников, а также попеременно сменяющихся консуляров и преториев; в решении повседневных вопросов государственного управления он пользуется советами несущих службу в его канцелярии всадников (33). Кроме того, вместе с особым советом, куда входят только сенаторы, он занимается наиболее важными государственными делами: раз-

---

Cambr., 1984. P. 242 f.). Введенные Антонинами в целях экономии городских средств ограничения на отправку посольств в Рим были при Северах отменены (*Williams W. Antoninus Pius and the Control of Provincial Embassies // Historia. 1967. 16. P. 470 ff.*).

⁴² См. выше обзор литературы.

⁴³ Судя по контексту, Дион имеет в виду не только государственные, но и императорские земельные владения (ср. *Gabba E. Progetti di riforme economiche e fiscali in uno storico dell' eta dei Severi // Studi in onore di A. Fanfani. V. 1. Milano, 1962. P. 55. № 40*).

⁴⁴ Этот термин использовался для обозначения сенаторов (см. *Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. 2. М., 1958. С. v. ἰσότιμοι*).

работкой новых законов, назначением на высшие посты, распределением почестей и наказаний (15.1—2)⁴⁵. Решения, принятые по самым важным вопросам, утверждаются затем сенатом (31 и 32). По мнению Диона, император, действующий подобным образом, будет управлять государством, не страшась за себя, и без тягот (18.5—7).

Создавая портрет идеального правителя и его окружения, Дион использовал многие реалии эпохи Северов, тем не менее между идеалом и действительностью различий больше, чем сходства. Идеальному императору не хватает многого из того, чем обладали его реальные прототипы.

Могущество императоров в немалой мере было связано с тем, что они были крупнейшими собственниками Римской державы и прежде всего крупнейшими землевладельцами⁴⁶. При Северах императорские владения значительно расширяются за счет массовых конфискаций во время гражданской войны 193—197 гг.⁴⁷ Поэтому совет Диона правителю продать императорские земельные владения шел вразрез с экономическими и политическими тенденциями его эпохи и, как справедливо отметила Е. М. Штаерман, был направлен на ограничение императорского могущества⁴⁸.

То же можно сказать и о предложении Диона правителю препятствовать установлению своего культа. Императорский культ, который придавал личности правителя и его действиям особый сакральный авторитет при Северах и их ближайших преемниках, достиг своего апогея⁴⁹. Он способствовал укреплению императорского абсолютизма, сплочению вокруг императорской власти различных социальных слоев⁵⁰. Поэтому выступление против него шло вразрез с абсолютистскими тенденциями северовской эпохи.

Можно отметить определенное сходство между организацией императорского совета в идеальной монархии Диона и реальной — Александра Севера. При этом императоре наряду с обычным *consilium principis* смешанного состава действовал также особый «регентский совет» из 16 сенаторов⁵¹. Однако и в этом случае сходство, видимо, является чисто внешним.

---

⁴⁵ По мнению Ф. Миллара, и в 15-й, и в 33-й главах речь идет об одном и том же совете (A Study... P. 117). Однако более убедительной представляется точка зрения Дж. Крука о двух разных советах (Op. cit. P. 88 f.).

⁴⁶ Штаерман. Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978. С. 166 сл. Thompson D. G. Imperial Estates // The Roman World. V. 2. L.—N. Y., 1987. P. 566 f.

⁴⁷ SHA. Sept. Sev. 12.1; 12.3—4. Hirschfeld O. Der Grundbesitz der römischen Kaiser in der ersten drei Jahrhunderte // Kleine Schriften. B., 1913. S. 571; Millar. The Emperor in the Roman World. P. 171 ff., 627 ff.

⁴⁸ Штаерман. Кризис... С. 296.

⁴⁹ Она же. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 275 сл.; Fishwick D. The Development of Provincial Ruler Worship in the Western Roman Empire // ANRW. 1978. II. 16.2. P. 1242 f.; Ferguson J. Ruler-worship // The Roman World. V. 2. L.—N. Y., 1987. P. 776 f.

⁵⁰ Штаерман. Социальные основы... По мнению Р. Тальберта, тенденция к восприятию императора как богоподобного существа способствовала обособлению его от сената и упадку этого корпоративного органа, поскольку она была дополнительным препятствием рациональному осуждению императорских решений и действий (Talbert. Op. cit. P. 490.) См. также: Fishwick. Op. cit. P. 1243, 1251, 1253; Price. Op. cit. P. 132, 247 f.; Ferguson. Op. cit. P. 778 f.; Taylor L. R. The Divinity of the Roman Emperor. Middletown, 1931. P. 222, 237 ff.

⁵¹ Herodian. VI. 1.2; VII.1.3; название особого совета предложено О. Гиршфельдом (Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten. S. 339. № 3).

Как отметил Дж. Крук, упоминание Диона (LXXX.1.1) о всевластии Ульпиана в начале правления Александра свидетельствует о том, что «регентский совет» не принимал политические решения, а лишь ратифицировал их, подкрепляя своим авторитетом, в то время как «совет благородных» в идеальной монархии Диона должен служить эффективным рабочим органом, которому принадлежит инициатива в решении важнейших вопросов государственной жизни⁵².

Как уже было отмечено выше, полностью противоречит тенденциям современной Диону эпохи его рекомендация утверждать все важнейшие государственные решения в сенате. Совет правителю — не выделяться своим образом жизни среди окружающих его сенаторов и не допускать по отношению к себе чрезмерных почестей — также должен был представляться в начале III в. н. э. глубоким анахронизмом⁵³.

В целом, в облике правителя идеальной монархии можно выделить черты реальных императоров двух разных эпох. Если своими почти неограниченными полномочиями он напоминает Септимия Севера и Каракаллу, то в том, что касается форм и методов реализации своей власти и внешнего ее оформления, он скорее походит на Октавиана Августа, а в некоторых отношениях в своей стилизации под республиканского принцепса сената он идет даже дальше основателя принципата.

На первый взгляд, все это не имеет особого значения. Ведь правитель может в любой момент отказаться от тех ограничений, которые накладывает на его деятельность неукоснительное соблюдение всех формальностей. Да и сами эти ограничения как будто не столь уж велики. В связи с этим большинство исследователей видит в программе Диона отказ сенаторской аристократии от претензий на политическую власть в обмен на сохранение и укрепление ее привилегированного положения, почета и безопасности. Однако, если учесть всю совокупность предложений Диона, то все представляется в ином свете.

Реализация программы Диона могла бы привести к тому, что императоры, обладая почти неограниченными полномочиями, оказались бы фактически в изоляции от своей основной социальной опоры — муниципальной аристократии и ориентирующихся на нее широких слоев мелких и средних земле- и рабовладельцев. Кроме того, были бы существенно ослаблены или совсем исчезли бы такие инструменты абсолютной власти, как всадническая администрация, обширные императорские земельные владения и императорский культ. В то же самое время влияние и власть сенаторской администрации должны были бы существенно возрасти. Только через нее императоры могли бы осуществлять свои полномочия. В этих условиях особый совет, состоящий из сенаторов, и в определенной степени весь сенат уже не формально, а реально контролировали бы и направляли деятельность императоров.

Таким образом, идеальное государство Диона имеет лишь внешнее

---

⁵² Crook. Op. cit. P. 87 ff.

⁵³ На монетах Септимия Севера впервые появляется надпись «dominus noster», на монетах Каракаллы — изображение императора в лучистой короне. Судя по изображениям на монетах Александра Севера, при нем утвердился обычай стоять в присутствии императора (Alföldy A. Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreiche. Darmstadt, 1970. S. 243 ff.; Arnheim M. T. W. The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxf., 1972. P. 25 ff.). Разумеется, все это совершенно несовместимо с представлением об императоре как о первом сенаторе.

сходство с абсолютной монархией, а по сути представляет собой, так сказать, принципат Августа наизусть. Если Август был формально лишь первым сенатором, осуществляющим свою власть по воле сената и народа, а фактически — полновластным монархом, то римский император в проекте Диона оказывается формально неограниченным монархом, а фактически лишь первым сенатором, правящим по воле всемогущей сенатской олигархии.

Следует отметить, что Дион закамouflировал истинную суть своей идеальной монархии столь же мастерски, как Август — суть принципата. На первый взгляд, программа Диона имеет единственную цель — обеспечить императору и всю полноту абсолютной власти, и вместе с тем преданность и поддержку сенаторской аристократии.

Этот камуфляж, возможно, объясняется помимо всего прочего также и надеждой Диона реализовать свою программу с помощью ее адресата⁵⁴. «Речь Мецената» была создана в правление Александра Севера, в окружении которого Дион играл не последнюю роль⁵⁵. Очевидно, этому императору она и была адресована⁵⁶. По мнению современных исследователей, политика Александра Севера была довольно противоречивой. Он стремился опереться на сенат и сенаторскую аристократию и одновременно сохранить преемственность с политическим курсом ранних Северов, представления которых об императорской власти в значительной мере разделял⁵⁷. Эта двойственность нашла отражение в «Речи Мецената».

---

⁵⁴ В заключении к 52-ой книге Дион пишет, что Октавиан принял советы Мецената, но опасаясь потерпеть неудачу, если он сразу изменит все привычные порядки, он провел в жизнь лишь некоторые из них, а выполнение других оставил на долю своих преемников (41.1—2). Тем самым Дион как бы подсказывает правящему императору, что для осуществления желанного идеала ему необходимо доделать то, что не успели сделать Август и его преемники.

⁵⁵ В правление Александра Севера Дион сделал блестящую карьеру (*Millar. A Study...* P. 25 ff.). По мнению Дж. Крука, он был важнейшим из всех советников этого императора (*Op. cit.* P. 91).

⁵⁶ В противовес остальным исследователям Ф. Миллар доказывал, что «речь Мецената» была сочинена в 214 г. при Каракалле (*A Study...* P. 103 ff.). Однако эта датировка была отвергнута другими специалистами, и сам он впоследствии от нее отказался (*Bowersock G. W. Millar, A Study of Cassius Dio // Gnomon. 1965. 37. P. 470 ff.; Barnes T. D. The Composition of Cassius Dio's Roman History // Phoenix. 1984. V. 38.3. P. 245 ff.; Millar. The Emperor in the Roman World. P. 105*).

⁵⁷ *Jardé A. Etudes critiques sur la vie et le regne d'Alexandre Severe. P., 1925. P. 116 ff.; Ensslin. Op. cit. P. 58 ff.; Millar. A Study... P. 26; Штаерман. Кризис... С. 367.*

MAECENAS' SPEECH (DIO.CASS.LII. 14—40): PROBLEMS OF INTERPRETATION

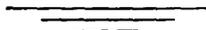
A. L. Smyshlyaev

The project of an ideal monarchy that Dio Cassius put into the mouth of Maecenas is considered by modern scholars to be the political programme of the senatorial aristocracy of the early third century A. D., who were ready, to give up claims to political power in exchange for maintenance and consolidation of the privileged position of honour and safety of the Senate and the senatorial estate.

The article notes that Dio's project presumed a weakening or liquidation of such instruments of absolute power as the equites administration, imperial landowning, and the cult of the emperor, and also isolation of the emperors from their main social support,

the municipal aristocracy. At the same time, realisation of Dio's proposals would have considerably strengthened the influence and power of the senatorial administration, and of the Senate. In those conditions the ruler of the ideal monarchy, possessing unlimited powers, would be able to exercise his power only under strict control of the powerful senatorial oligarchy.

Dio thus, while declaring the aim of his programme to be the good of the emperor and of the whole state, was in fact striving to fully ensure real power for the Senate and the Senators. His programme was not evidence of rejection of claims to political power by the senatorial aristocracy of the Severan period, but is evidence of a desire to camouflage these claims so as to facilitate their realisation in the conditions of Alexander Severus' government.

ПУБЛИКАЦИИ

© 1990 г.

О. Д. Берлев, С. И. Ходжаш, Г. Ф. Шамрай

СТАТУЯ С ИМЕНАМИ РАМСЕСА VI

В Историческом музее города Днепропетровска под № $\frac{\text{КП-39916}}{\text{Э-144}}$ хранится замечательный памятник — статуя из граувакки, надписанная именами Рамсеса VI (XX династия). Ее размеры: высота с пьедесталом — 31,5 см; размер пьедестала — 5 × 9,8 × 13,5 см.

Царь изображен (см. рис. 1, 2) совершающим возлияние богу Амуну. И костюм (головной плат, набедренная повязка, отсутствие ожерелья, нагрудных украшений), и поза (царь на коленях, руки с сосудами опираются на плоскость верхней части ног) обычны для этого обряда и не нуждаются в оговорках. Частности царского убора (столь же редкая плиссировка на нагрудных концах головного платка, как и на его прищечных поверхностях, широкий кант вдоль внутреннего края концов) также не представляет ничего необычного для этого времени. Даже отсутствие грудных сосков не является исключительным.

Лицо царя миловидно, улычиво. Оно, несомненно, индивидуально. Стало быть, перед нами скульптурный портрет и, следовательно, величайшая историко-культурная ценность. Царь улыбается Амуну, своему отцу, как и подобает любящему сыну. Тщательной или тонкой работу скульптора, изваявшего статую, назвать нельзя, но известной привлекательности работа эта не лишена.

Надписи (см. рис. 3, 4) нанесены на опорный столб (А) и на «ленту», опоясывающую пьедестал. Симметричные, расходящиеся от середины передней стенки пьедестала надписи (Б, справа, и В) имеют общие начало, слово «(Да) живет», а оба текста пьедестала вместе с текстом опорного столба — общее окончание «как Солнцу», причем необходимое в этой формуле слово «вечно» опущено из-за недостатка места.

Перевод. А. Владыка Обеих Земель (Неб-Маат-Ра, любимый Амуну (ошибочно написано: Амуну с мечом его)), сын Солнца, владыка воссиеваний (Ра-мес-су Амун с мечом его, бог-властитель (города) Он (Илиполь)), которому дана жизнь, как Солнцу.

Б. Да живет Бог Красивый (т. е. молодой, сын, в противоположность старшему, отцу), сын Аменре, царь Верхнего и Нижнего Египта (Неб-Маат-Ра, любимый Амуну) (Ра-мес-су Амун с мечом его, бог-властитель (города) Он)], возлюбленный Аменре, которому дана жизнь, как Солнцу.

Рис. 1. Статуя № $\frac{\text{КШ-39916}}{\text{Э-144}}$. Днепропетровск. Исторический музей

Вестник древней истории, № 1, Вклейка к ст. Берлеса О. Д. — Шамрай Г. Ф.

Рис. 3. Надпись на опорном столбе статуи (А)

Рис. 2. Голова статуи

Рис. 3

Рис. 4. Надпись на пьедестале статуи (Б, В, Г, Д)

В. Да живет Бог Красивый, творящий памятники, царь Верхнего и Нижнего Египта (Неб-Маат-Ра, любимый Амуном), (Ра-мес-су Амур с мечом его, бог-властитель (города) Он), возлюбленный Аменре, которому дана жизнь, как Солнцу.

Надписи совершенно тривиальны и не требуют комментариев, за исключением одной особенности, о которой пойдет речь ниже. Не станем мы делать и ссылки на соответствующие справочные издания, хотя в таковых надписи днепропетровской статуи должны быть учтены обязательно.

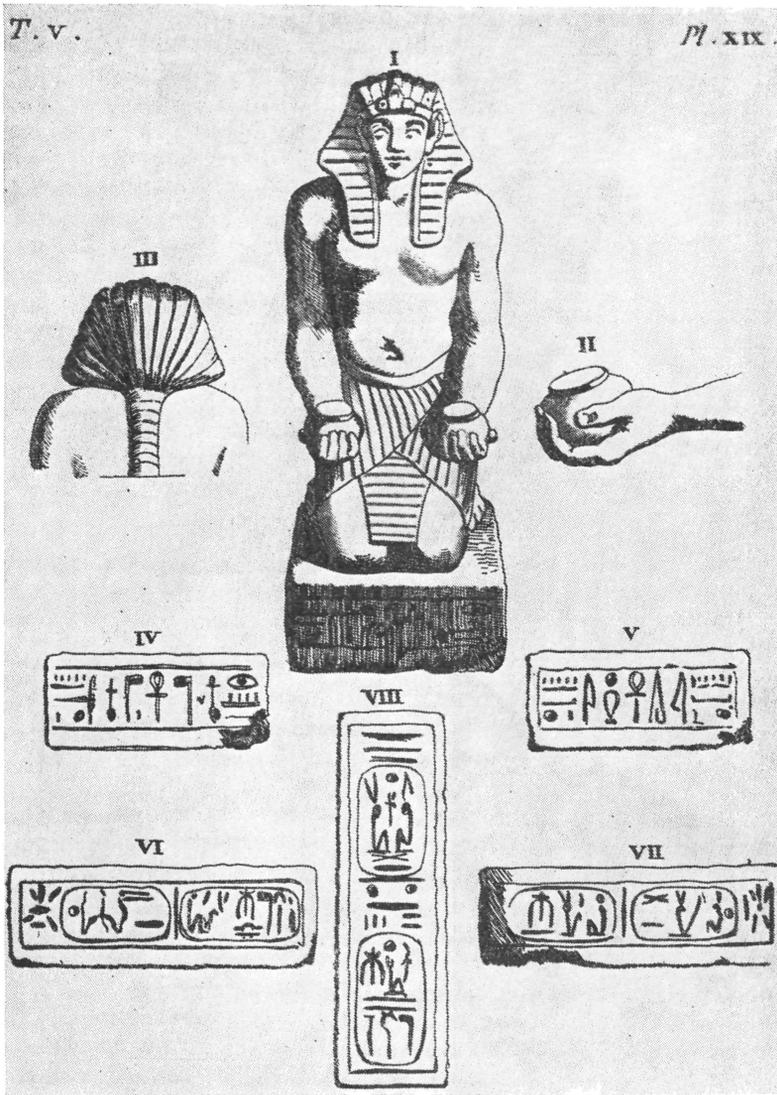

Рис. 5. Гравюра из книги де Кэлюса

Несколько слов об истории памятника. Недавно Б. Егер¹ переиздал гравюру из книги 1762 г.², о которой, как видно, давно забыли³. Гра-

¹ Jaeger B. Une statuette inconnue de Ramsès VI dans le «Recueil d'antiquités» de Caylus // GM. 1986. 92. S. 41—63. Результаты свои Егер сообщил Китчену, выпускающему корпус надписей XX династии отдельными выпусками. Возможно, копия Кэлюса уже включена им в очередной выпуск, еще не полученный в библиотеках Ленинграда.

² [Caylus. Comte de] Recueil d'antiquités égyptiennes, etrusques, grecques, romaines et gauloises. V. P., 1762. P. 55—56. Pl. XIX. Де Кэлюс не распознал в статуе царя. Для него это «жрец», поскольку он совершает жертвоприношение.

³ Егер обнаружил перепечатку кэлюсово гравюры в кн.: Monuments égyptiens consistant en obélisques... I. P., 1791. P. 19—20. Pl. 70, 2. Нам недоступна.

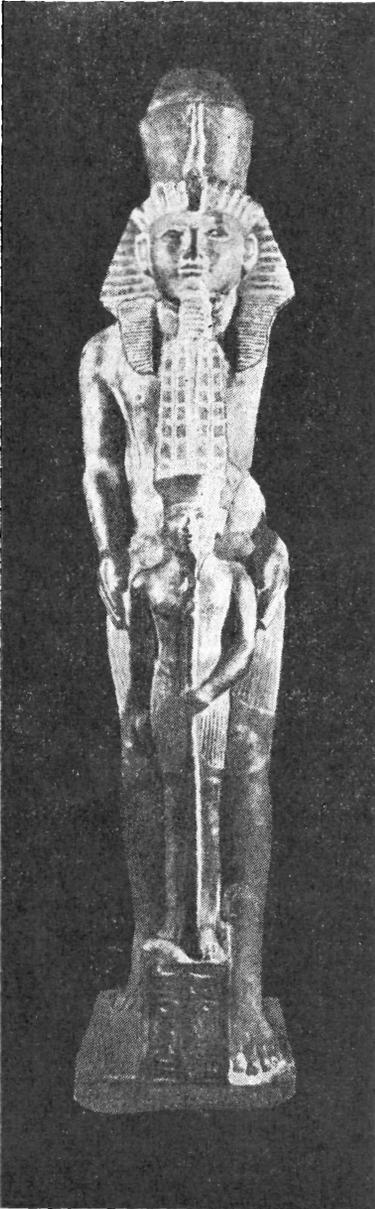

Рис. 6. Статуя КМ 42153. Каирский музей

вюра (см. рис. 5) представляет собой изображение царской статуи и копии надписей на ней. Хотя и дефектные местами, копии эти для XVIII в. замечательны настолько, что Егер, за некоторыми пропусками, сумел их прочесть как титулатуру Рамсеса VI. Сделав это, он включил данную статую по изображению на гравюре 1762 г. в репертуар статуй Рамсеса VI. Репертуар на первый взгляд внушительный, но состоит он почти сплошь из скульптурного лома. Целых же статуй с именами Рамсеса VI

в этом и других репертуарах ⁴ всего две. Это известные статуи из Фив, из тайника в Карнаке, обнаруженного Легреном в 1904 г. Они обе в Каирском музее (впредь — КМ) и зарегистрированы в Общем каталоге под № 42152 и 42153 ⁵.

К этим двум статуям мы добавляем теперь третью, также, как видно (см. ниже), фиванскую. Это ее в 1762 г. приобрел и издал известный знаток и любитель древностей, живший в Париже, граф де Кэлюс. Доказывать это тождество излишне. Египетские памятники до бонапартова нашествия в Египет попадали в Европу из Италии, куда их завезли при римских императорах. Следовательно, и кэлюсова/днепропетровская статуя оттуда. Она оказывается великой путешественницей: Фивы, Италия, Париж, Днепропетровск. Каким путем и когда попала она в Исторический музей, мы сказать не можем.

Рамсес VI вошел в историю Египта как узурпатор памятников, прежде всего своих ближайших предшественников, Рамсесов IV и V, по принятому в науке взгляду, его брата и племянника. Поэтому каждый новый памятник с именами этого царя обязательно должен проверяться, не узурпация ли это. Из двух целых статуй, упомянутых выше (КМ 42152, 42153), одна (КМ 42153) уже в 1950 г. была распознана как таковая, а другая подозревается, но обследование оригинала № 42152 до сих пор не проводилось.

В отношении же днепропетровской статуи сомнений нет: это узурпация. Доказывается это и заметным углублением в виде желоба вдоль всей центральной линии опоясывающей пьедестал ленты надписей, а на опорном столбе столь же заметным скосом всей верхней половины столба, и небрежным характером письма, что неизбежно, когда режут по сбитой, плохо заглаженной поверхности, и по остаткам прежней надписи.

Особенно явно узурпация выдает себя тем, что пьедестал оказался не рассчитанным на то, чтобы уместить картуши, точнее, конечно, имена в картушах, Рамсеса VI, из-за чего разметчику узурпационной надписи пришлось решиться на купюры в надписях Б и В, совершенно недопустимые в нормальных условиях. Дело в том, что второму картушу обязательно должны были предшествовать титулы «сын Солнца» или даже «сын Солнца, владыка воссиеваний», как это имеет место в надписи А.

Интересно, что в надписях на пьедестале КМ 42153 узурпация выдает себя аналогичной несообразностью: титулатуру Рамсеса VI там пришлось закончить на вторых картушах, опустив совершенно необходимые эпитеты к ним, обязательные в нормальных условиях.

Надо сказать, что характер письма КМ 42153 и днепропетровской статуи близки. Не исключено, что и резчик в обоих случаях был один, и разметчик, не умевший в самом буквальном смысле связать концы с концами.

Доказав факт узурпации днепропетровской статуи, мы тем самым локализовали ее. Это Фивы, поскольку именно там локализируются узурпации Рамсеса VI ⁶.

---

⁴ Vandier J. Manuel d'archéologie égyptienne. III. Les grandes époques. La statuaire. P., 1958. P. 402—403; Altenmüller H. Königsplastik // LA. III. Sp. 577.

⁵ Legrain G. Statues et statuettes de rois et de particuliers. II. Le Caire — Leipzig, 1909 (Catalogue général du Musée du Caire, 49). P. 17—20. Pl. XV—XVI. Мы намеренно не касаемся здесь вопроса об изучении этих статуй и не ставем поэтому приводить литературу.

⁶ P. Kitchen K. A. The Twentieth Dynasty Revisited // JEA. 1982. 68. P. 122.

Рис. 7. Статуя № 29733. Музей изящных искусств. Бостон

Узурпация, естественно, ставит вопрос о том, кого изображает статуя. Ввиду того, что прежняя надпись, которая тоже не обязательно должна была быть первоначальной, сбита полностью и достаточно «добросовестно», мы не можем полагаться на контуры отдельных сбитых знаков. По существу ведь дело может идти скорее об угадывании ⁷ прежнего текста, а это, вне сомнений, опасно, что хорошо видно на примере КМ 42153, где остатки прежнего (опять-таки, заметим, не обязательно первоначального) текста, куда более значительные, чем на нашей статуе, превращаются то в титулатуру Рамсеса IV, то в титулатуру Рамсеса V, причем делаться это может даже одним и тем же исследователем.

Остается другой путь — иконографическое отождествление. Что и этот путь ненадежен, думается, и говорить нечего, особенно в данном случае, поскольку нам совершенно не известны статуи Рамсеса V, наиболее вероятной жертвы «злодейств» Рамсеса VI.

⁷ На опорном столбе [в прежней надписи (А¹) там мог быть так называемый портал дворца (прямоугольник, в котором пишут первое имя царя, имя Хора)] как будто можно разглядеть рога быка, которыми начинались первые имена всех фараонов XIX—XX династий. Один рог прячется в знаке «меч» в руке Амуна (выписан по ошибке вместо знака «жезл власти» / «власть»), другой как бы нестает выходит из его лезвия. Воссоздав фигуру быка в соответствующем масштабе (низ знака — где-то у плеч фигур Амуна и Маат) и помещая еще ниже «руку с палкой» («палка» видна у колен Амуна), идеограммы «Телец могучий», которыми начинаются первые имена царей, усматриваем далее короткую горизонтальную планку и ниже — исходящую от нее короткую вертикальную, как бы остаток знака «жизнь». Горизонтальная «дописывает» прежний знак «ребра» (значение — «м») или «пьедестал» (значение — «маат») в знак «канал» (значение — «любимый»). Но такой же знак в левой (от зрителя) части следующего знака «корзина» (значение — «владыка»). Тогда все вместе можно представить как имя «Телец могучий, живущий Правдой». Еще ниже под самым основанием картуша виден прежний знак «корзина», а еще ниже — еле различимые следы коромысла весов, которое входит в состав знака «хлеб-сед». Может получиться что-то вроде «[Хор] Те[лец могучий], жи[вущий] Правдой, владыка празднеств сед». Это имя Рамсеса IV. В надписях на пьедестале, который оказался несоразмерным со слишком пространными именами Рамсеса VI, имена прежнего фараона должны были бы быть в более компактных картушах. Между тем самые короткие картуши из всех картушей царей XX династии имеет опять-таки Рамсес IV, точнее, имеет после вступления в силу второй редакции имен этого царя. Конечно, и пространные картуши могли быть в оригинальной надписи, резаной по хорошо подготовленной поверхности, и, несомненно, в менее высокой строке, размещены компактнее. Симметричное расположение надписей на пьедестале у царских статуй — норма. Потому вероятно, что оно было и в прежней надписи. Обозначим симметричные тексты прежней надписи как В¹ и В². В¹: четко виден «клинышек» (детерминатив к слову «земля»), а на боковой грани — «хлеб» или «холм» (в знаке «холм, из-за которого восходит солнце») перед нынешним картушом и знак «мухобойка» (либо «рука с мухобойкой» со значением «защищать», либо «царь с мухобойкой в руке»), вработанный в нынешний знак «Амун» как часть его жезла. Различимы: остаток знака («корзина» или «бог») над клинышком (если «корзина», значение — «владыка», то возможно было бы чтение «владыка Обоих Земель») и у края передней грани знак «мотыга» (значение — «любить»). В²: четко видны крылышки знака «пчела», а за

Следует учитывать, конечно, и то, что достоверные скульптурные портреты одного и того же царя могут различаться очень значительно, причиняя немало хлопот искусствоведам, пытающимся любым путем объединить эти портреты в единый образ. Существенно и другое — новые публикации могут предложить неожиданные пути, которые пока и предполагать невозможно. Мы поэтому лишь укажем на иконографические соответствия, обойдя несоответствия молчанием.

Так, стоит обратить внимание на КМ 42153, хотя лицо этой статуи полнее («надутые щеки») ⁸ (см. рис. 6). Профиль обеих очень близок, и все части лица практически тождественны. Но эта статуя сама атрибутируется с переменным успехом то Рамсесу IV, то Рамсесу V.

Укажем на сходство и с портретами Рамсеса III. Сложная иконография этого царя имеет, в частности, группу, представленную статуями Бостон 29.733 и КМ 42150 ⁹. Лицо днепропетровской статуи грубее и шире, однако основные черты и пропорции, — те же, причем близость к бостонскому портрету особенно велика (см. рис. 7). Отождествления мы, однако, не делаем.

ними знак «солнце», отмеченный даже де Калюсом, далее ближе к краю грани знак «хлеб» или «холм», а на боковой грани остаток сбитого знака в конце вышнего первого картуша («солнце» или «жук»). Различим вертикальный знак перед «пчелой». Вместе они могли бы составить титул «царь Верхнего и Нижнего Египта», тогда «солнце» должно было бы открыть первый, солнечный картуш царя, что включило бы в этот картуш знак «холм». Значение, несовместимое с именем Рамсеса IV. Намеренно воздерживаемся от реконструкций.

⁸ Хорошее изображение в фас в статье: *Monnet J. Remarques sur la famille et les successeurs de Ramsès III // BIFAO. 1963. 63. Pl. 26.*

⁹ Обе статуи воспроизведены на одной таблице в книге: *Vandier. Manuel... III. Pl. 131, 3, 5.*

A STATUE INSCRIBED WITH THE NAMES OF RAMESSES VI

O. D. Berlev, S. I. Hodjash, G. Th. Shamray

A fine greywacke statue in Dnepropetrovsk Historical Museum represents a pharaoh making libation to some deity of the Egyptian pantheon. The piece is inscribed, and it follows from the incised inscriptions that the Pharaoh in question is Rameses VI, while the god whom he thus seeks to propitiate is Amun. The statue is without a particle of doubt the same as that which, in 1762, was in the collection of comte de Caylus, Paris. The reader may now see that Caylus's copy of the inscriptions on the statue is quite an achievement for the time when hieroglyphs could not still be read. A few years ago B. Jaeger republished this old etching and expressed a hope that the original sunk in oblivion after 1762 might be found some day. Well, it has never got lost. As well as several other statues inscribed with the names of the Pharaoh, this one was usurped from one of his predecessors. This predecessor must have had much shorter cartouches and if so, Rameses IV is the best candidate. But the remnants of the obliterated signs are too indistinct to warrant any conclusions. In point of physical likeness, the statue is close to the famous theophorous statue, CM 42153, but the latter's attribution is a matter of controversy itself.

© 1990 г.

С. М. Крыжин

ВОТИВНЫЙ БАРЕЛЬЕФ ФРАКИЙСКОГО ВСАДНИКА ИЗ ПОЛТАВСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

С давних пор в Полтавском краеведческом музее хранится пожелтевшая от времени мраморная табличка¹. В I томе каталога археологического отдела музея примерно в 1911—1912 гг. была сделана рукописная запись, что это «мраморный рельеф с изображением всадника, в костюме сармата, поражающего копьём вепря, около которого — дерево, обвитое змеей» (рис. 1). Далее дан совершенно фантастический перевод греческой надписи под ним, даны размеры плиты (42,5 × 29 см) и содержится указание, что она была найдена на северном берегу Черного моря. Судя по наличию примечания «Е. Скар, инв. № 325», рельеф происходит из коллекции помещицы Е. Н. Скаржинской — Лубенского музея, переданной в 1906 г., согласно ее завещанию, в Естественно-научный музей Полтавского губернского земства. Исходя из номера записи, А. Б. Супруненко датирует появление барельефа в коллекции примерно концом 70-х — началом 80-х годов прошлого века — временем наибольшей активности собирателей музея в Круглике на окраине Лубен. Экспонаты из Северного Причерноморья приобретались прежде всего в Крыму, могли также поступать через Киев. Имелись какие-то вещи определенно из Северо-Западного Причерноморья, однако ныне они утеряны. На памятнике уцелел старый номер 963, но документация не сохранилась. В довоенное время барельеф, по-видимому, находился в отделе «Народоведение» и только после Великой Отечественной войны был окончательно зафиксирован в инвентарной описи: ПКМ — 2787, И — 1439. Вот все, что известно сотрудникам Полтавского музея.

Памятник выполнен из белого мрамора не очень хорошего качества, поверхность выглядит несколько выветренной. Высота барельефа (всей таблички) — 0,292 м, ширина — 0,415, толщина — 0,066 до 0,068 м. Высота букв надписи под изображением колеблется от 0,008 до 0,013 м.

Памятник был опубликован в конце минувшего века в «Трудах» IX Археологического съезда². Автор статьи, сам не будучи эпиграфистом, привлек для изучения надписи проф. А. В. Никитского, который прочел текст так: *Αγαθή τέχνη. Αυλοζενις Μοικατορευς ἀνέθηκεν εὐχαριστήριον* — и только малоразборчивое последнее слово оставил без транскрипции,

¹ Пользуюсь случаем выразить благодарность В. П. Яйленко за указание нынешнего местонахождения памятника и сотруднику Полтавского краеведческого музея А. Б. Супруненко за предоставленные снимки и творческое содействие при новой публикации барельефа.

² *Маркевич А. И.* К вопросу о народах, живших в древнее время в Черномории // Труды IX Археологического съезда в Вильне в 1893 г. I. М., 1895. С. 280—282.

Рис. 1. Вотивный барельеф Фракийского всадника. Полтавский краеведческий музей
Вестник древней истории, № 1

справедливо заметив только, что это явно теоним или эпиклеса. Знаменитый труд В. Томашека о фракийцах³ тогда еще не появился в свет, и от российских ученых нельзя было ожидать обоснованного истолкования памятника как фракийского вотивного барельефа. Поэтому была принята версия о находке таблички где-либо на Боспоре.

Из всех исследователей лишь Й. Й. Руссу⁴ использовал публикацию в качестве еще одного свидетельства пребывания фракийцев в античном Северном Причерноморье. Между тем памятник совершенно правомерно не был включен в «Корпус боспорских надписей»⁵.

В целом А. В. Никитский оказался прав, поскольку вотивный барельеф из Полтавы посвящен Ауларкену (Αυλαρκηνῶν). Он изготовлен в традиционной для фракийских земель манере примерно во второй половине II — первой половине III в. н. э. В прямоугольной рамке представлен всадник в коротком греческом хитоне и поверх него хламиде, развевающейся за спиной. Вся одежда собрана в крупные складки. Всадник обут в короткие сапоги, левой рукой с уздечкой он держится за гриву, а в поднятой для удара правой сжимает копьё. Всадник молод, безбород, с недлинной курчавой шевелюрой. Конь — в упряжи (выделены узда, ремень на шее, шлея), преувеличенно приземист, ступает с левой ноги из неестественно статичного положения. Перед всадником замер кабан, на втором плане изображено кривое и довольно чахлое древо жизни с неуклюже свисающей змеей. Во Фракии попадаются и более грубые изображения Фракийского всадника⁶, однако по деталям сюжета и манере исполнения полтавскому образцу ближе один из памятников, открытых в слое римского времени в Тире⁷. В Северо-Западном Причерноморье образ Фракийского всадника получил распространение благодаря римским солдатам фракийского происхождения из состава вексилляций дунайской армии; к сожалению, упомянутый барельеф из Тиря анэпиграфный.

Полтавский памятник пополняет собой серию фракийских вотивных табличек, посвященных богу Ауларкену⁸, или Аулархену⁹, причем надпись всегда сопровождает изображение Фракийского всадника. В окрестностях Марцианополя и Пауталии, значительных центров романизации, обнаружены посвящения богу Аполлону Аулархену¹⁰, причем в округе Пауталии эпиклеса Ауларкен выбита на барельефе Аполлона и Дианы. Что касается сущности и происхождения теонима или эпиклеса, то имеются две взаимоисключающие точки зрения.

З. Гочева определяет имя Ауларкен как фракийский функциональный эпитет, приложимый к Херосу и Аполлону¹¹ (в долинах Марицы, Арды и Тунджи во фракийских святилищах Аполлон, по-видимому, идентифицировался с фракийским Херосом). Д. Дечев считал данную эпиклесу производной от греческого *αὐλαρχης*¹². Во Фракии культ Аполлона Аулар-

³ *Tomasek W.* Die alten Thraker. Wien, 1975. Nachdruck. 1. Aufl. Wien, 1893—1894.

⁴ *Russu I. I.* Elemente traco-getice în Scitia și Bosporul Cimmerian // SCIV. 1958. IX. 2. P. 303—335.

⁵ Корпус боспорских надписей. М.— Л., 1965 (далее — КБН).

⁶ IGBR. III.1. 1385, 1417.

⁷ *Фурманська А. І.* Рельєфи вершників з Тіру // Археологія. 1965. 19. С. 158—163. Рис. 1.

⁸ IGBR. I². 353.

⁹ IGBR. III, 2. 1597, 1622, 1838.

¹⁰ IGBR. II. 801, 802, 841; IV. 2143.

¹¹ *Gočeva Zl.* Epitheta des Apollon in Thrakien // Thracia. 1971. 4. S. 207—223.

¹² *Detschew D.* Die thrakischen Sprachreste. 2. Aufl. Wien, 1976. S. 34.

хена, вероятно, соответствовал распространенному в Римской империи при Антонинах и Северах культу Аполлона-Августа. Вслед за Д. Дечевым М. Тачева-Хитова считает эпитет Аулархен греческим, а сам культ Аполлопа Ауларкена связывает с древней традицией почитания фракийских царей¹³. Надпись на серебряном кувшине из Рогозенского клада (№ 112 по каталогу), относящаяся к первой половине IV в. до н. э.: Κότος Ἀπόλλωνος παῖς А. Фол трактует как подтверждение тезиса о существовании во Фракии солярного культа царя¹⁴. У греков бог Аполлон обладал разными функциями и только в поздний период воспринимался специально в качестве божества Солнца¹⁵, синкретизируясь с Гелиосом.

Пока представляется странным, что Геродот (V. 7) в качестве божества царского культа у фракийцев называет Гермеса. Это сообщение древнее надписи из Рогозена, однако еще в «Одиссее» (IX. 197) упоминается жрец Аполлона Марон, сын Евантея, из города киконов Исмара. Что касается личного имени Марон, то его фракийская принадлежность не вызывает сомнений¹⁶, как, аналогично — и самого племени киконов, населявших некогда район будущей Маронеи¹⁷. Следует подчеркнуть, что легендарный эпоним Маронеи назван жрецом именно Аполлона, откуда можно предполагать, что некое подобие этого божества издавна являлось покровителем фракийской знати. Поэтому нет ничего необычного в том, что с эпиклесой Ауларкен связано почитание Аполлона в древнем традиционном и понятном для фракийцев аспекте столь многоликого божества. По-видимому, это пока все, что можно сказать о божестве, которому посвящен votивный дар, хранящийся ныне в Полтавском краеведческом музее.

Говоря о личности дедиканта, необходимо констатировать его несомненно фракийское происхождение. Имя Аулудзенис употреблялось повсюду на фракийских землях¹⁸, а также в Риме, Италии и западных провинциях Римской империи¹⁹. Еще более популярно было во Фракии имя Мукапорис²⁰. На Боспоре трижды зафиксирован похожий антропоним Мок(к)апорис²¹ — вероятно дублетная форма личного имени Мукапорис²². Фракийская этимология первого элемента композита донныне

¹³ Тачева-Хитова М. Култът на Аполон в Тракия. Проблеми. Проучвания върху историята на античната религия. VIII // ГСУИФ. 1980. Т. 74. (1983). С. 28—30.

¹⁴ Фракийский клад из Рогозена. Каталог. София, 1986. С. 11.

¹⁵ Daremberg Ch., Saglio E. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. T. I. P., 1873. P. 310—321; RE. II. Sp. 1—111; Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 267—590, особенно 299 сл.

¹⁶ Detschew. Op. cit. S. 289; Георгиев Вл. Траките и техният език. София, 1977. С. 82, 86.

¹⁷ Фол А., Спиридонов Т. Историческа география на тракийските племена до III в. пр. н. е. София, 1983. С. 34—35, 79—81.

¹⁸ См. IGBR. Indices; Inscriptions de la Mésie Supérieure. Singidunum et le nord-ouest de la province. I. Beograd, 1976. № 113, 117; Бешевлиев В. Епиграфски приноси. София, 1952. № 23; Stoian I. Tomitana. București, 1962. P. 47, 202.

¹⁹ Fol A. Les Thraces dans l'Empire Romain d'Occident (I-er — III-e s.) // ГСУИФ. 1964. 58. 3. (1965). С. 299—309; 1967. 61. 3. (1968). С. 3—17; 1968. 62. 3. (1969). С. 193—274 (В, № 132, 175, 525, 539, 581, 1041, 1109).

²⁰ См. Tomaschek. Op. cit. II. 2. S. 25 f.; Vasmer M. Die Iranier im Südrussland. Lpz., 1923. S. 44; Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955; S. 566; Detschew. Op. cit. S. 314—316; Влахов К. Тракийски лични имена: фонетико-морфологични проучвания // Studia Thracica. София, 1976. 2. С. 101; Георгиев. Ук. соч. С. 91; Дуриданов Ив. Езикът на траките. София, 1976. С. 64, 95 и др.

²¹ КБН. 668, 756, 937.

²² См. во Фракии: IGBR. III. 2. 1773.

не выяснена, однако допустимо предположить, что на Боспоре мы имеем дело с вифинской, т. е. фрако-малоазиатской редакцией имени Мукапорис²³. В итоге, анализируя имя и патронимик дедиканта, их следует отнести к числу наиболее популярных в Подунавье во II—III вв.²⁴

Таким образом, по характеру сюжета (иконография, атрибуция) и манере исполнения, наличию колоритных фракийских имен дедиканта и эпиклеса божества (вероятнее всего Аполлона) памятник следует отнести к множеству происходящих из фрако-балканского региона, конкретнее — из южнофракийского хинтерланда. Производя примерную реконструкцию вероятной истории приобретения барельефа, можно заключить, что эта вотивная табличка попала на юг России вскоре после окончания Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. (нечто подобное вывозилось и в ходе русско-турецкой кампании 1828—1829 гг.²⁵), затем путем перекупки рельеф попал в Лубны.

Недавно полтавская табличка вновь появилась на страницах научных и научно-популярных публикаций. К сожалению, Э. И. Соломо-ник²⁶ не располагала информацией о местонахождении вотивного барельефа, а В. П. Яйленко²⁷ получил из Полтавы слишком краткий ответ и тем самым был дезориентирован. Принадлежность данного памятника Боспору не оспаривалась, хотя абсолютное несоответствие традициям боспорской пластики привело В. П. Яйленко к предположению, что изготовлен он был во Фракии и на Боспоре только подписан. Предложенная палеографическая датировка концом I—II в. н.э. представляется спорной, так как на самих фракийских землях подобный тип иконографии распространился на сто лет позже, а хронологический приоритет Боспора в этом отношении был бы неприемлем.

Что касается пребывания на Боспоре римских вспомогательных войск и конкретно отрядов из Подунавья, то пока известно следующее. В середине I в. н.э. несколько когорт приняли участие в войне против боспорского царя Митридата VIII (Тас. Апп. XII. 15—17), после чего они отбыли на кораблях. Существенно то, что этот контингент прибыл из Вифинии, и даже Византий потратил немало средств на осуществление этой операции (Тас. Апп. XII. 63). Иных свидетельств пребывания в I в. н.э. на Боспоре римских войск пока не имеется. Наоборот, как явствует из сообщения Иосифа Флавия (Bell. Jud. II.16.4), боспорские цари до 66 г. будто бы даже обязаны были опекать прочие области Северного Причерноморья, пока туда не прибыли римские гарнизоны и эскадра из 40 кораблей.

На Боспоре вообще доньше были обнаружены только два надгробия определенно римских воинов — билингва Л. Волусия II в. на одном из них и греческая надпись Гая Меммия III в., причем оба служили в IV

²³ Robert L. Noms indigènes dans l'Asie Mineure gréco-romaine. Pars I. P., 1963. P. 111—114; *idem* // Hellenica. XIII. P., 1965. P. 92—93; Inschriften von Kyzikos und Umgebung. I. Bonn, 1980. № 377.

²⁴ Russu I. I. Limba traco-dacilor. București, 1959. P. 104; Georgiev Vl. Les noms des rois thraces et daces // Linguistique balkanique. 1981. XXIV. P. 14.

²⁵ Тепляков В. Отчет о разных памятниках древности, открытых и приобретенных в некоторых местах Болгарии и Румилии. Одесса, 1829. С. 1—13; *он же*. Доклад за различните антични предмети, открити в някои области на България и Румелия // Expediitio Thracica. 4. София, 1983. С. 102—110.

²⁶ Соломолик Э. И. Древние надписи Крыма. Киев, 1988. С. 74—75. Рис. 19.

²⁷ См. Acta Centri Historiae Terra antiqua Balcanica. II. Търново, 1987. С. 250—251; Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987. С. 22—23.

Киприйской когорте²⁸. Но наибольший интерес представляет стела II в., найденная в 1874 г. в Керчи, с надписью: Διζα υἱὲ Βειθρό[ς] χεντορίω ὁ χα[ί] πρίγκιψ αλεῖρας Θρακῶν καὶ γυνή Ἑλένη χαίρετε²⁹. Было высказано несколько догадок о том, центурион какой именно римской Фракийской когорты похоронен в Пантикапее — Пятой, Шестой или одной из Первых³⁰, однако все это не более чем предположения. Смущает то, что надпись центуриона и как будто даже начальника спейры едва ли принадлежит римскому гражданину, поскольку отсутствуют *tria nomina*. Это было необходимым условием того, чтобы возглавить когорту вспомогательных войск, да и вообще здесь не имеется признаков романизации. Возможно, прав был М. И. Ростовцев, который видел в данном контингенте местное фракийское формирование³¹, поскольку в организованной по римскому образцу боспорской армии типа территориальной милиции явно служили и лица фракийского происхождения. В принципе это вовсе не означает, что уроженец Восточных Балкан не мог командовать римской когортой, но при этом обязательно должен был иметь римские гражданские имена. В Герасимова приводит пример, когда в Дакийских войнах отличился префект Первой когорты *Raetorum* Публий Бессий³². В пользу точки зрения М. И. Ростовцева свидетельствует и другая существенная деталь: в греческой (что немаловажно) эпитафии центурион назван еще и принцепсом, а это сочетание представляется совершенно невозможным для римской провинции Нижняя Мезия. Принцепсом в Подунавье титуловали если не самого императора, то по крайней мере легата провинции. В Риме, Италии и западных провинциях было принято именовать принцепсами глав общин и патронов больших семей, племенных вождей и жрецов³³. Аналогично в Мезии ветераны возглавляли местные села в должности *princeps loci* или *princeps vicī*³⁴. Что касается Боспора, то здесь термин *πρίγκιψ* встречается еще трижды: в середине III в. в надписи упомянут Хрестсион, внук *πρίγκιψа* Саласа, в середине IV в. — жена *πρίγκιψа* Адаса, а кроме того, известно граффито *πρίγκιψа* Патия³⁵. Составители «Корпуса боспорских надписей» не дали однозначной интерпретации должности, отделяя все же указанные примеры от случая с Дидзасом, а В. Д. Блаватский определял ее как «начальник отряда» в боспорской армии³⁶.

Таким образом, следует заключить, что вотивный барельеф с изображением Фракийского всадника и эпиклесой Ауларкен, вероятнее всего, не имел никакого отношения к северопонтийскому региону. Явных следов пребывания на Боспоре римских дунайских вексилляций донныне не обнаружено, хотя они вполне могли проходить через его территорию. Натурализованный фракиец Дидзас должен был принадлежать скорее к боспорской иерархии, нежели командованию римской армии. Полтав-

²⁸ КВН. 691, 726.

²⁹ КВН. 666.

³⁰ RE. IV. Sp. 341 f.; III. Sp. 788; *Keil E. De Thracum auxiliis*. В., 1885. P. 61; Герасимова В. Дислокации на римские помощи войски в провинция Мизия от 44 до 86 г. на н. е. // Археология. 1970. № 4. С. 25.

³¹ *Rostowtzev M. Römische Besatzungen in der Krim und das Kastell Charax* // Klio. 1902. II. S. 84; *Ростовцев М. И.* Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК. 1911, вып. 40. С. 40.

³² Герасимова. Ук. соч. С. 26.

³³ *Штаерман Е. М.* Мораль и религия угнетенных классов Римской империи (Италия и западные провинции). М., 1961. С. 39, 42, 101, 132, 169, 229, 290.

³⁴ Там же. С. 31 сл.

³⁵ КВН. 35, 744, 811.

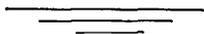
³⁶ *Блаватский В. Д.* Античная археология и история. М., 1985. С. 144.

ский барельеф едва ли имеет право считаться источником по истории Боспора: вероятнее всего, он попал в коллекцию в Лубны в период вскоре после окончания последней Русско-турецкой войны и освобождения Болгарии.

A VOTIVE BASRELIEF OF A THRACIAN HORSEMAN
FROM THE POLTAVA MUSEUM

S. M. Krykin

The paper is a new publication of a late antique votive basrelief held in the Poltava Regional Museum. The memorial was undoubtedly made in the Balkans in Thrace and got to Russia in the last century. The Thracian dedicant most probably dedicated the portrayal of a Thracian horseman to Apollo Aularkena. Discovery of this votive icon in the Bosphorus, as previously held, does not seem possible.

© 1990 г.

А. Я. Каковкин

О ДВУХ ГРУППАХ КОПТСКИХ ПАМЯТНИКОВ С АНТИЧНЫМИ СЮЖЕТАМИ

Античность долгое время была благодатной почвой, питавшей искусство египтян-христиан (коптов). Коптские мастера охотно заимствовали из неисчерпаемого арсенала античного искусства орнаментальные мотивы, образы отдельных героев, сюжеты. Органично влившись в коптское искусство, эти заимствования бытовали в нем до XI в.¹ Существуют многочисленные исследования, посвященные этой проблеме², поэтому мы не будем специально на ней останавливаться. Обратимся к двум конкретным античным сюжетам — «Леда с лебедем» и «Суд Париса».

Коптские мастера на протяжении III—XI вв. неоднократно изображали эпизод из сравнительно позднего античного мифа, согласно которому Зевс, пленившись красотой супруги Тиндарея Леды, снизошел к ней в облике лебедя³; от этого союза родились Елена и Полидевк⁴.

Изображения Леды с лебедем в легкоузнаваемых вариантах встре-

---

¹ Бытующее до сих пор мнение об изживании античной тематики в коптском искусстве с подчинением Египта арабам в середине VII в. (*Grüneisen W. de. Les caractéristiques de l'art copte. Florence, 1922; Age of Spirituality. Late Antique and Early Christian Art, 3 to 7 Century. Catalogue of the Exhibition at the Metropolitan Museum of Art, Nov. 19, 1977 through Febr. 12, 1978. N. Y., 1979. P. 135; Trilling J. The Roman Heritage: Textiles from Egypt and the Eastern Mediterranean 300 to 600 A. D. // TMJ. 1982. № 21*) требует пересмотра. С этого времени в основном исчезают художественно-стилистические принципы классического искусства, а образы греко-римской мифологии продолжают жить до начала II тыс.; см. *Каковкин А. Я. Рец.: Trilling. The Roman Heritage... // ВДИ. 1985. № 3. С. 186 сл.*

² Из обширной литературы укажем лишь основные работы последних лет: *Rostkowska B. Classical Traditions in Christian Art of the Nile Valley // Byzantium and the Classical Tradition. The University of Birmingham Thirteenth Spring Symposium of Byzantine Studies 1979. Center for Byzantine Studies University of Birmingham. 1981. P. 7—10, 149—154; Trilling. Op. cit.; Egger G. Ein spätantikes Bildnis auf einem kopfischen Textil // Pro Arte Antiqua. Festschrift für H. Kenner. Bd 1. Wien, 1982. S. 112—115. Tabl. XXIV—XXV; Каковкин А. Я. Античная тематика в коптском искусстве // II Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Май 1984. Тез. докл. Ереван, 1984. С. 30—32.*

³ *Séchan L. Léda et le Cygne // RA. 1912. P. 106—126; Grant M., Hazel J. Who's Who in Classical Mythology. N. Y., 1979. P. 210; Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972. Кн. III. Гл. 10. § 5; Мифы народов мира. Т. II. М., 1982. С. 47.*

⁴ Это наиболее распространенный вариант, хотя существуют и другие.

чаются в коптских памятниках прикладного искусства (III—V вв.)⁵, на тканях (V—XI вв.)⁶ и в каменной скульптуре (V—VI вв.)⁷.

Сложилось так, что произведения прикладного искусства и качества с изображениями Леды по существу остались вне поля зрения специалистов; известняковые плиты, наоборот, более 50 лет привлекают к себе внимание. Й. Стжиговский⁸, У. Моннере де Виллар⁹, Ж. Дютюи¹⁰ посвятили им разделы в своих фундаментальных работах. Эти ученые установили, что большинство каменных рельефов происходит из Ахнаса (датируются они, как правило, V—VI вв.¹¹) и что коптские резчики использовали четыре основные эллинистические модели, предпочитая так называемый александрийский тип, представляющий лежащую обнажен-

⁵ *Терракота* — Берлин, Египетский музей, № 10530, 13499 (*Strzygowski J.* Koptische Kunst // Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. Vienne, 1904, P. 23); *бронза* — Каир, Коптский музей, № 9038 а (*Strzygowski.* Op. cit. P. 255. Tabl. XXV, 8); Нью-Йорк, Музей Метрополитен № 13. 225.7 (*Brown D. F.* A Late Antique Engraved Plaque from Egypt // *Marsyus.* 1941. № 1. P. 17—26); ныне предположение о египетском происхождении памятника ставится под сомнение (см. об этом: *Age of Spirituality...* № 215. P. 239 f.).

⁶ Берлин, Государственные музеи, № 9133 (*Wulff O., Volbah W. F.* Spätantike und koptische Stoffe aus ägyptischen Grabfunden in den Staatlichen Museen. B., 1926, S. 52. Taf. 76 (V—VI вв.); Мюнхен, Государственное собрание египетского искусства, № AS 5533 (Staatliche Sammlung Ägyptischer Kunst. München, 1976. S. 257 (X в.); Анн Арбор, Археологический музей Кельси, № 10662 (The Art of Ancient Weaver. Textiles from Egypt (4th — 12th Century A. D.). Ann Arbor, 1980. № 118. P. 32, Fig. 36 (V—VI вв.; [рис. 1]); Берн, Фонд Аберг, № 1111 (*Muthmann Fr.* Der Granatapfel. Symbol des Lebens in der Alten Welt. Bern, 1982. S. 146 f. Taf. 127 (X в.); туника аналогична мюнхенской. По нашему мнению, этот сюжет воспроизведен еще на нескольких памятниках коптского ткачества: Париж, Лувр, № AC 542 (*Bourguet P., du.* Musée National du Louvre. Catalogue des Etoffes coptes. I. P., 1964. P. 538. N 105 (XI в.); по определению автора, «верейда»; Нью-Йорк, Бруклинский музей Асс. № 41 523 (*Thompson D.* Coptic Textiles in the Brooklyn Museum. N. Y., 1971. № 37. P. 84—85 (X в.). Туника аналогична мюнхенской и бернской); музей в Клюви, № 13166 (*Badawy A.* Coptic Art and Archaeology: The Art of the Christian Egyptians from the Late Antique to the Middle Ages. Camb. Mass.—L., 1978. Fig. 1, 81. P. 286—287 (V в.); автор полагает, что там представлена «юмористическая сцена»); Хайфа, музей Хайфы, № 6710 (*Baginski A., Tidhar A.* Textiles from Egypt 4th — 13th Centuries // C. E. L. A. Mayer Memorial Institute for Islamic Art. Tel-Aviv, 1980. № 220. P. 144—145 (IX—X вв.); составители каталога видят здесь «сидящую на нильской собаке (?) женщину с птицей в руках»); Каир, Коптский музей, № 8473 (*Girgis Daoud Girgis.* Coptic Textile decorations from the 4th to the 7th Century A. D. A Case Study from the Coptic Museum // *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte.* Le Caire, 1983. T. LXV. Pl. 9 (V в.); Леда — справа сверху на двух квадратных вставках, вотканных в завесу).

⁷ Александрия, Греко-римский музей, № 14140 и 14141 (*Strzygowski J.* Hellenistische und koptische Kunst in Alexandria // *Bulletin de la Société archéologique d'Alexandrie.* № 5. Wien, 1902, S. 45. Abb. 29, 31 [рис. 2]; Каир, Коптский музей, № 7279 (*Strzygowski.* Koptische Kunst... S. 21—23); Берлин, Государственный музей, № 1 4134 (*Wulff O.* Altchristliche und Mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke. Bd III. Teil 1. B., 1909. № 64. S. 30; памятник приобретен для музея И. Стжиговским в Кенэ [рис. 3]); Нью-Йорк, Бруклинский музей, № 55.2.1 (Five Years of Collecting Egyptian Art 1951—1956. Catalogue of an Exhibition Held at the Brooklyn Museum 11.12. 1956 to 17. 03. 1957. N. Y., 1956. P. 60—61. Pl. 94).

⁸ *Strzygowski.* Hellenische und koptische Kunst... S. 43—44. Abb. 28—31.

⁹ *Monneret de Villard U.* La scultura di Ahnâs. Note sull'origine dell'arte copta. Milano, 1923. P. 44—45. Fig. 33—36.

¹⁰ *Duthuit G.* La sculpture copte. Statues — bas-reliefs—masques. P., 1931. P. 39—40, 43. Tabl. XXV, a—b; XXVI, a—b, XXVII, a.

¹¹ О колебаниях в датировках ахнаской скульптуры от конца III до VI в. см. *Francovich G. de.* L'Égitto, la Siria e Constantinopoli: Problemi di Metodo // *L'Égitto. Rivista dell'Istituto Nazionale d'archeologia e storia dell'arte.* Anni XX e XXI, nuova serie. Roma, 1963. P. 94—95; *Badawy.* Op. cit. P. 142.

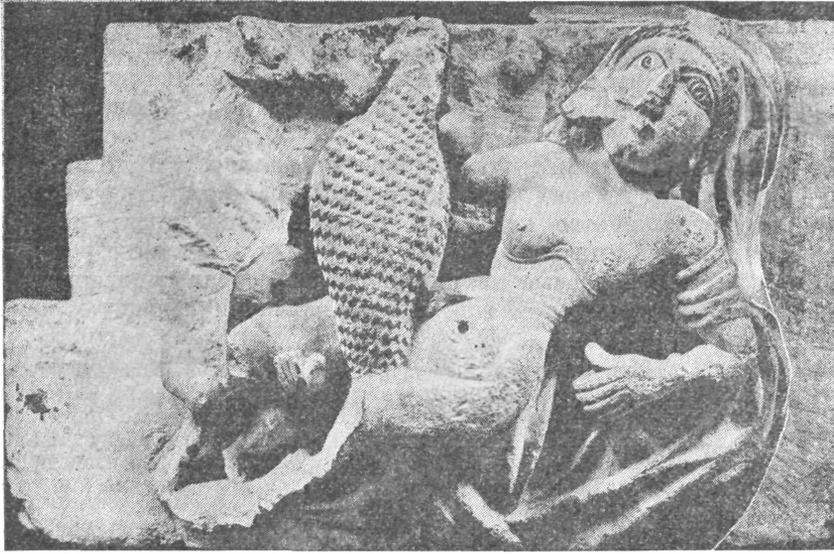

Рис. 2. Леда с лебедем. Известняк. V—VI вв. Александрия, Греко-римский музей

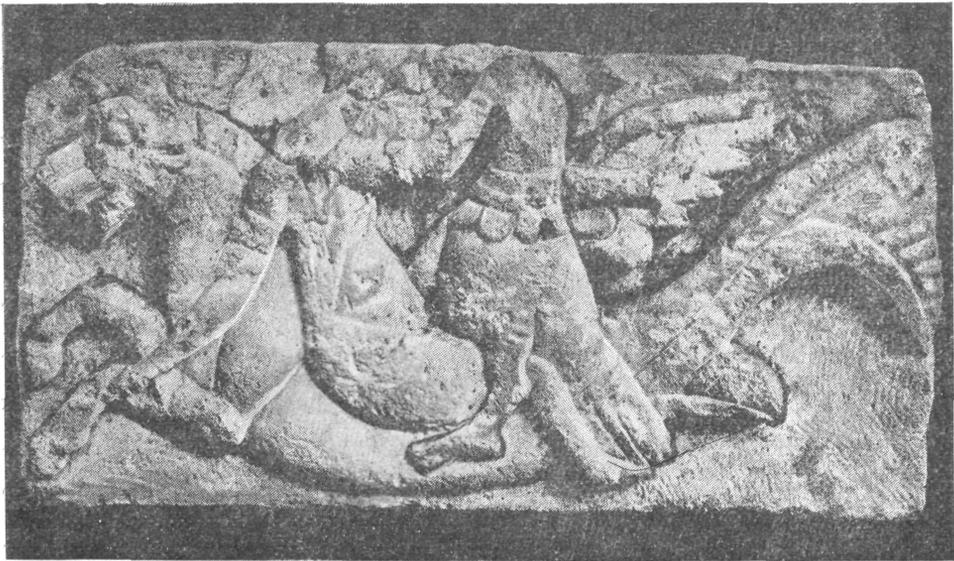

Рис. 3. Леда с лебедем. Известняк. V—VI вв. Берлин, Государственный музей

ную Леду с лебедем между ее бедер¹². Иногда в коптских рельефах, как и в их античных прототипах, к героям добавлялись крылатые чело-

¹² В качестве примера см. терракоту эллинистического времени из собрания Греко-римского музея в Александрии: *Breccia E. Alexandria and Aegyptum*. Bergamo, 1914. P. 260. Fig. 117. Примечательно, что в коптской скульптуре всего два-три варианта интерпретации этого сюжета, а в тканях — четыре-пять.

вечки, названные Стжиговским «Flügelknaben»¹³ и верно определенные Дютюй как персонификации амуров¹⁴ (чье присутствие в подобных сценах не требует разъяснений).

Но исследователей средневекового искусства интересовали и другие проблемы, связанные с этими необычными произведениями: Э. Китцингер, рассматривая коптскую скульптуру как ветвь позднеантичного провинциального искусства, пришел к выводу, что ахнаские памятники с Ледой были выполнены в языческой среде¹⁵; Г. де Франкович привлекал эти произведения для выявления особенностей коптской скульптуры IV—V вв.¹⁶; для А. Грабара плиты с Ледой служили иллюстрациями, показывающими степень искажения классических форм мастерами периферии римского мира¹⁷; А. Эффенбергер интересовался художественными особенностями трех ахнаских памятников с Ледой¹⁸; А. Бадави на примере таких произведений демонстрировал наличие сильного античного элемента в коптской скульптуре¹⁹. Но большинство ученых занимали проблемы другого рода: чем объяснить появление и бытование в христианскую эпоху (до XI в.) языческих изображений, столь недвусмысленно представляющих любовные эпизоды? Как примирить столь откровенные в своей телесной сути сцены с аскетическими, далекими от всего плотского и земного воззрениями людей, живших рядом с ними?

На первый взгляд может показаться, что ответ на эти вопросы дают сами памятники: они искалечены гораздо более других произведений коптской скульптуры. Однако такое отношение скорее свидетельствовало о фактах субъективного характера — личной инициативе некоторых наиболее радикально настроенных блюстителей христианского или мусульманского благочестия (в противном случае за полторы тысячи лет существования от этих произведений ничего не осталось бы). К тому же есть основания считать, что столь варварские акции по отношению к этим памятникам наверняка имели место в сравнительно недавнее время²⁰.

Можно, конечно, вспомнить популярное в поздней античности представление греческого философа Эвгемера (около 300 г. до н.э.), согласно которому языческие боги и герои — некогда существовавшие люди, обожествленные современниками и почитаемые потомками²¹, что и послужило им «пропуском» в христианскую эпоху²². Но применительно к нашей ситуации оно не проясняет возникших в связи с этими памятниками вопросов. Особую остроту этим вопросам придавало то обстоятельство, что ученые долгое время полагались на мнение первооткрывателя

---

¹³ *Strzygowski. Koptische Kunst...* S. 22; *idem. Hellenistische und koptische Kunst...* S. 44.

¹⁴ *Duthuit. Op. cit.* P. 39.

¹⁵ *Kitzinger E. Notes on early coptic sculpture // Archaeologia.* 1938. V. 87. P. 192.

¹⁶ *Francovich. Op. cit.* P. 94—95, 97. Fig. 13, 16.

¹⁷ *Grabar A. Le tiers monde de l'Antiquité à l'école de l'art classique et son rôle dans la formation de l'art du Moyen Age // Revue de l'art.* 1972. N 18. P. 13. Fig. 18.

¹⁸ *Effenberger A. Koptische Kunst. Ägypten in spätantiker, byzantinischer und frühislamischer Zeit.* Lpz, 1975. S. 192, Taf. 42,43; *idem. Scultura e arte minore copta // Felix Ravenna.* 1981. Ravenna, 1981. P. 92—93.

¹⁹ *Badawy. Op. cit.* P. 142.

²⁰ Ср. разновременные воспроизведения одного и того же памятника: *Strzygowski. Hellenistische und koptische Kunst...* Taf. 29 (1902 г.) *Duthuit. Op. cit.* Taf. XXV, a—b (1931 г.).

²¹ *Jacoby F. Fragmente der griechischen Historiker.* B., 1923. № 63.

²² *Seznez J. La survivance des dieux antiques.* L., 1940. Part. 1. Chap. 1—4.

ахнасской скульптуры Э. Навиля, считавшего, что рельефы с изображениями Леды украшали церковь²³.

Итак, как же объясняли исследователи появление, бытование и осмысление в христианскую эпоху в Египте изображений Леды с лебедем? Большинство из них исходило из того, что эти памятники, как и всякие средневековые произведения, имели несколько толкований: помимо буквального (видимого) еще и мистическое (скрытое). Последнее, естественно, и занимало специалистов — они стремились раскрыть заключавшуюся под языческой оболочкой возвышенную, сакраментальную религиозную истину.

А. Гайе, рассматривавший коптов как закоренелых язычников в душе, предполагал, что рельефы с изображениями Леды являются пережитками древнеегипетских верований и отражают мифологическую концепцию эпохи фараонов²⁴. Эта точка зрения, как увидим далее, разделяется многими специалистами. Й. Стжиговский игнорировал символическую сторону этих памятников и, ставя их в один ряд с другими многочисленными в коптском искусстве изображениями обнаженных фигур, считал их выражением пристрастия коптов к обнаженному телу («Nuditaten») ²⁵. Для О. Вульфа подобные сцены не только демонстрировали чувственность их создателей, но, по-видимому, заключали и некий мистический смысл, связанный с народным мифом, который вполне мог символизировать, по его словам, идею воплощения божества²⁶. Ж. Лозиер, опираясь на коптский апокрифический текст, видел в таких сценах символическое изображение непорочного зачатия от голубя Анной — матерью девы Марии²⁷. Ч. Р. Морей констатировал, что в излюбленных коптами изображениях Леды с лебедем с чувственной пышностью в передаче обнаженного тела и с явным интересом к подробностям истории проступают сексуальные переживания искушаемых дьяволом египетских монахов (что, как он полагает, нашло отражение в коптских житиях святых)²⁸. Х. Залосер в одной из своих ранних работ рассматривала изображения Леды (наряду с Ганимедом и Гарудой) как иллюстрации к мифам о птицах-оплодотворителях, птицах-символах плодородия²⁹. В книге 1974 г., касаясь рельефов с изображениями Леды, она повторяет свои старые предположения и приводит высказывание О. Дальтона о том, что в народном искусстве зачастую проявляется реализм грубого толка³⁰. В. Фольбах думал, что символика этих памятников в христианском контексте неясна, но они воскрешают древние местные прототипы вроде соединения бога Амона с царицей³¹. По А. Херману, плиты с изображениями Леды с лебедем служили украшением частных домов, в которых язычники и хрис-

²³ Naville E., Lewis T. H. *Ahnas al Medineh (Heracleopolis Magnas)* // *Eleventh Memoire of the Egypt Exploration Fund*. L., 1894. P. 32. См. также: Gayet A. *L'art copte*. P., 1902. P. 107.

²⁴ Gayet. *Op. cit.* P. 107—108.

²⁵ Strzykowski. *Koptische Kunst...* S. XVI. Taf. 33—35; *idem*. *Hellenistische und koptische Kunst...* S. 42—46.

²⁶ Wulff O. *Altchristliche und byzantinische Kunst*. B., 1924. S. 144.

²⁷ Lauzière J. *Le mythe de Léda dans l'art copte* // *Bulletin de la Société d'archéologie copte*. T. II. Le Caire, 1936. P. 38—46.

²⁸ Morey C. R. *Mediaeval Art*. N. Y., 1942. P. 59.

²⁹ Zaloscher H. *Le problème de l'art copte* // *Les arts plastiques*. Bruxelles, 1948. № 9/10. P. 364.

³⁰ Zaloscher H. *Die Kunst im Christlichen Ägypten*. Wien — München, 1974. S. 109 f.

³¹ Volbach W. F. *Coptic Art* // *Encyclopedia of World Art*. III. New York — Toronto — London, 1959. Col. 805.

тиане жили вместе ³². К. Весселя удивляли античные изображения в коптском искусстве (такие, как Леда, Дафна, рождение Афродиты и др.). По его мнению, они появились как игра воображения, лишены каких бы то ни было достоинств и не имеют никакого религиозного смысла ³³.

При таком многообразии суждений невольно возникает вопрос: почему же ничего подобного не усматривали в изображениях Леды с лебедем апологеты раннего христианства, многие из которых жили в Египте и часть которых деятельно стремилась к синтезу эллинской культуры и христианской веры? Нам известно только отношение к изображениям Леды Климента Александрийского. Нападая на языческое искусство из-за его безнравственности (но отнюдь не из-за его религиозного содержания) ³⁴, Климент порицал распространение этих изображений (*Cohortatio ad gentes. Lib. 18*) ³⁵. Однако мы воочию убеждаемся, что несмотря на высокий авторитет Климента Александрийского на его родине, лет через 150—200 после его смерти (умер до 215 г.), во времена сурового Пахомия и неистового Шенуте, его соотечественники со всем возможным для них старанием ³⁶ принялись создавать большие и малые произведения, иллюстрирующие эпизод античного мифа — союз Зевса и Леды — с не оставлявшим сомнений реализмом. (До нас наверняка дошла лишь незначительная часть того, что было ими создано.)

Все это наталкивает на мысль, что рассматриваемые произведения заключали в себе нечто такое, что побуждало коптских мастеров нескольких поколений к созданию таких произведений, а остальных — если не к почитанию этих памятников, то к примирению с их существованием.

Ключ к раскрытию этого интересного явления отыскал Х. Торп. Не занимаясь специально изучением конкретных памятников с изображениями Леды, Торп тем не менее совершил переворот в их изучении. Мы уже отмечали, что в литературе бытовало мнение, будто большинство памятников ахнасской скульптуры принадлежало церковному сооружению ³⁷. Торп на основании детального анализа раскопанной Навилем постройки (ориентация здания с севера на юг, приподнятая апсида, наличие двух колонн и др.) и сравнение ее с погребальными часовнями некрополей Оксиринха и Багавата пришел к выводу, что каменные блоки с античными сценами (в том числе и плиты с Ледой) происходили из язы-

---

³² *Hermann A. Der Nil und die Christen // Jahrbuch für Antike und Christentum. 1959. № 2. S. 59—64.*

³³ *Wessel K. Koptische Kunst. Die spätantike in Ägypten. Recklinghausen, 1963. S. 37.*

³⁴ *Bickerman E. J. Symbolism in the Dura Synagogue. A review article // The Harvard Theological Review. Cambr. Mass., 1965. V. 58. P. 142.*

³⁵ Цит. по: *Monneret de Villard*. *Op. cit.* P. 45.

³⁶ Специалисты отмечали утерю коптскими мастерами классических норм трактовки формы. Э. Панофски подметил интересную закономерность, объясняющую подобное явление: «Если произведение средневекового искусства заимствует свою форму у античной модели, то эта форма почти всегда облегчена в неантичное, как правило, христианское содержание. Если же произведение искусства заимствует тему из античной поэзии, легенд, истории или мифологии, то эта тема совершенно определенно представлена в неклассической, обычной современной форме» (*Panofsky E. Renaissance and Renaissances in Western Art. Stockholm, 1960. P. 84*).

³⁷ См. прим. 23. Сомнения в наличии связи этой скульптуры с церковью высказывал еще У. Моннере де Виллар (*Op. cit.* P. 24, 28). Коллега Навиля по раскопкам Х. Льюис считал, что сооружение было часовней. У. Моннере де Виллар (*op. cit.* P. 27) отрицал эту мысль, но не предлагал никакого альтернативного решения.

ческих погребальных часовен: на их фундаменте, используя из блоки, христиане возвели надгробное сооружение³⁸.

Этот знаменательный факт непосредственной связи рельефов «Леды с лебедем» с погребальными сооружениями коренным образом меняет осмысление коптских памятников с этим сюжетом.

Опираясь на открытие Торпа, установившего, что плиты с Ледой являются погребальными памятниками, Ф. Рофаил Фараг предложил свое решение проблемы осмысления этих произведений. По его мнению, копт, создатель таких произведений, сознательно пошел по пути компромисса между греческой мифологией и христианской символикой; античный сюжет для него явился лишь символическим выражением представлений о внедрении в усопшую верующую святого духа, чтобы достойным образом приготовить ее к вступлению в божье царство и представить ее богу-отцу и богу-сыну. Лебеда автор превращает в голубя (олицетворяющего святой дух), а эрота — в ангела и полагает, что каждый из них принимает должествующее его положению участие в этом процессе³⁹.

Нам кажется, что поиск должен идти по другому пути.

Поскольку образы Леды и лебеда украшали стены усыпальниц, одеяния покойников, погребальные дары (поделки из металлов, кость, терракоты)⁴⁰, то, естественно, осмыслять эти изображения следует в непосредственной связи с погребальной практикой, принимая во внимание воззрения на этот счет и язычников, и христиан⁴¹. Смертная красавица Леда благодаря благосклонному вниманию отца богов и людей приобщилась к сонму богов. Новое состояние Леды обеспечивало ей совершенное счастье, сохраняло ей вечную молодость, освобождало ее от страданий и гибели; иными словами, она обретала бессмертие. Теперь сам ее образ знаменовал спасение⁴², он стал символом вечной жизни⁴³. Самым непосредственным образом связывало Леду с погребальными представлениями (а значит и с представлениями о спасении) рожденное или сохраненное ею яйцо, из которого появились на свет Елена и Полидевк⁴⁴.

Известно, как велика и многогранна была роль яйца в культе и суевериях разных народов⁴⁵. Но для нас особый интерес представляет наблюдение Е. Кагарова о том, что «наиболее выдающееся место занимало яйцо в древнегреческом культе мертвых»⁴⁶. Недаром находили остатки

³⁸ *Torp H. Leda Christiana. The problem of the Interpretation of Coptic Sculpture with Mythological Motifs // Institut Romanum Norvegiae. Acta ad archaeologiam et artium historiam pertinentia. 1969. № 4 (29). P. 101—112.*

³⁹ *Rofail Farag F. Is there any Justification for the Existence of Coptic Art? Two Recent Critical Opinions // Kunst des Orients. Wiesbaden. Bd XI. Jg 1976/1977. Ht 1/2. S. 30.*

⁴⁰ *Torp. Op. cit. P. 110.*

⁴¹ *Scott Monierieff Ph. D. Paganism and Christianity in Egypt. Cambr., 1913.*

⁴² Надо помнить, что у египтян спасение было «залогом вечной жизни» (*Reitzenstein R. Die Hellenistische Mysterien-Religionen, ihre Grundgedanken und Wirkungen. Lpz—В., 1910. S. 77*).

⁴³ Х. Залопер, связывавшая Леду и Лебеда с мифами о птицах-оплодотворителях (см. прим. 29), была близка к такому пониманию, поскольку, по заключению О. М. Фрейденберг, «...на языке земледельческой образности спасителем представляется конкретный спаситель от смерти, податель жизни, новых рождений, другими словами, оплодотворитель» (см. *Фрейденберг О. М. Въезд в Иерусалим на осле (из евангельской мифологии) // Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 496*).

⁴⁴ О яйце (или яйцах) Леды см. *Мифы народов мира. Т. II. М., 1982. С. 47.*

⁴⁵ См. об этом: *Cumont F. Recherches sur le symbolisme funéraire des Romains. P., 1966. P. 393—396; Мифы народов мира. Т. II. С. 681.*

⁴⁶ *Кагаров Е. Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб., 1913. С. 38; ср. История древнего Рима. Т. I. М., 1985. С. 189.*

яиц и их искусственные воспроизведения из глины и других материалов в античных некрополях, а также их изображения в сюжетах, связанных с культом умерших на рельефах и вазах⁴⁷. Примечательно, что и египтяне имели близкие греческим взгляды на яйцо⁴⁸.

Вероятно, в общей идее спасения играли известную роль и такие детали, как драгоценные украшения Леды — ожерелье, браслеты, булла. Ведь по древним представлениям сокровища, которыми владел человек, обладали сакрально-магической силой, в них воплощались его личные качества и сосредоточивались его успех и счастье⁴⁹. Булла, помимо этого, служила еще и залогом безопасности от колдовских чар⁵⁰. Не исключено, что люди помнили и о том, что одну из дочерей Леды Филонию Артемида одарила бессмертием⁵¹, а ее сыновья Диоскуры были приняты в число богов⁵².

Все вышеизложенное, как нам кажется, позволяет предположить, что изображения ставшей бессмертной земной женщины (матери детей, из которых трое также стали бессмертными) на стенах гробниц, на саркофагах, на одеяниях покойников и сопровождающих их в потусторонний мир вещей должны были способствовать индивидуальному спасению погребенных, которых не только «отдавали под покровительство» бессмертных героев, но которых метафорически уподобляли этим героям с тем, чтобы умершие приобщились к их бессмертию.

Вероятно, эти языческие по сути и духу верования были главной причиной, обеспечившей популярность и живучесть таких образов, как Леда. Но, по-видимому, существовала и другая причина, также помогающая уяснить и популярность, и длительность бытования этих изображений.

Средневековые христианские толкователи в плотских чувствах, в том числе в любовных увлечениях и утехах, усматривали облагороженную, возвышенную любовь к богу⁵³. Мы осознаем, что ссылки на развитое средневековье рискованны и не всегда правомочны, но в данном случае, нам кажется, они обоснованны. В памятниках изобразительного искусства нетрудно подыскать другой сюжет, в котором в столь наглядной форме было бы выражено любовное слияние с божеством, своеобразный, но очень убедительный в своей конкретности символ единения с богом, как в изображениях Леды с лебедем⁵⁴.

Таким образом, изображения Леды с лебедем на коптских памятниках, тесно связанных с погребальным культом, должны были воплощать

⁴⁷ Кагаров. Ук. соч. С. 38—39.

⁴⁸ Lefebvre P. L'oeuf dans la religion égyptienne // Revue de l'histoire des religions. 1887. V. XVI. P. 16—22.

⁴⁹ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 231 сл. Не исключено, что в христианскую эпоху живы были распространенные в классической античности и эллинизме представления о любви как забаве богатых, знатных, сытых, для бедных она — недовольная роскошь.

⁵⁰ Lucchesi Palli E. Bulla und Kreuzanhänger in der koptischen und nubischen Kunst // Festschrift für Erich Dinkler zum 70. Geburtstag. Tübingen, 1979. S. 351—355.

⁵¹ Аполлодор. Мифологическая библиотека. Кн. III. Гл. 10. § 6.

⁵² Там же. § 2. Диоскуры как образы погребального искусства подробно рассмотрены Ф. Кюмоном (Op. cit. P. 64—103).

⁵³ Lewis C. Allegory of Love: A Study in Medieval Tradition. N. Y., 1958; Johna Ch. The Symbolism of Love in the Medieval Thought // Commentationes Humanarum Litterarum. Helsinki, 1970; Попова Т. В. Византийская народная литература. История жанровых форм эпоса и романа. М., 1985. С. 69.

⁵⁴ Любопытно, что изображение Леды с лебедем есть на еврейском саркофаге. Специалистов вполне удовлетворяет мнение гностика Юстина, видевшего в мифах о Ледзе (и Данае) намек на первобытный союз между Богом и Израилем (Bickerman. Op. cit. P. 149 f.).

неистребимую веру людей в возможность продления жизни в потустороннем мире. Эта вера, отвечавшая чаяниям и язычников, и христиан, была, по-видимому, обогащена последними выражением возвышенной любви к богу. Все вместе обусловило популярность сюжета среди язычников, христиан (и, быть может, мусульман).

Такого рода сотериологические верования, на наш взгляд, лежали в основе и других заимствованных коптами у античности сюжетов и персонажей. Продемонстрируем это еще на одном примере — «Суде Париса».

Этот сюжет был весьма популярен у коптских мастеров. Мы встречаем его на происходящих из Египта памятниках резной кости⁵⁵, каменной скульптуре⁵⁶, но особой популярностью он пользовался у ткачей. По публикациям нам известно четыре образца с этим изображением: Ленинград, Эрмитаж (инв. № 11507)⁵⁷, Вашингтон, Музей текстиля (№ 71.117)⁵⁸, Париж, Лувр (АС 220)⁵⁹. Памятники представляют собою так называемые вставки, исполненные в гобеленной технике и вотканые в льняное полотно. Найдены они при раскопках христианских захоронений в Египте. Эрмитажный и вашингтонский образцы датируются V в., луврские — VIII в. Известно конкретное место происхождения только луврских вставок — Антиноя (Шейх-Абад). Мы не будем подробно останавливаться на

⁵⁵ Балтимор, Галерея Уолтерса, № 71.64 (Age of Spirituality... P. 137 f. № 115).

⁵⁶ Некоторые полагают, что «Суд Париса» представлен на известняковом рельефе V в. из Антиноя (Шейх Абада), хранящемся в Музее искусств Принстонского университета (*Jones F. Six pieces of Sculpture // Record of the Art Museum. Princeton University, 1962. V. XXI, № 2. P. 54—55. Fig. 14; Zaloscher. Die Kunst... S. 124 f. Taf. 48*). По нашему мнению (если этот памятник не поводел), он воспроизводит вручение Фетидой Ахиллу оружия, выкованного Гефестом. Нам кажется, что «Суд Париса», а не «Леда с лебедем» представлен на известняковом рельефе V в. (происхождение неизвестно) в Эшмолеанском музее в Оксфорде (University of Oxford. Ashmolean Museum. Ancient Egypt by P. R. S. Moogey (Revised Collection). Oxf., 1983. P. 50. Fig. 21).

⁵⁷ *Матье М. Э., Ляпунова К. С. Художественные ткани коптского Египта. М.—Л., 1951. С. 99. № 37. Табл. XX, 4; Koptische Kunst: Christentum am Nil. Villa Hügel, Essen. Essen, 1963. S. 315. № 291; Kybalová L. L'art des bords du Nil. Les tissus coptes. Prague, 1967. P. 76. № 25; idem. Die alten Weber am Nil. Koptische Stoffe. Prague, 1967. S. 76. № 25; Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. Т. I. М., 1977. С. 171 сл. № 334; Каковкин А. Я. Коптские ткани из фондов Эрмитажа. Каталог выставки. Л., 1978. С. 17. № 12.*

⁵⁸ *Koptische Kunst... Essen. S. 315. N 290; Koptische Kunst: Christentum am Nil. Kunsthaus, Zürich. Zürich, 1964. S. 314, № 258; Fröchristliche und koptische Kunst. Ausstellung in der Akademie der bildenden Künste, Wien. Wien, 1964. S. 178. № 535; Age of Spirituality... P. 138 f. № 116; Капитани Н. Фрагменты коптских тканей (на япон. яз.) // Textile Art (Kyoto). 1981. № 13. Early Autumn. P. 31. № 39; Trilling. Op. cit. P. 46. № 25. Как аналогию вашингтонскому фрагменту Дж. Триллинга указывает фрагмент ткани из собр. Промышленного музея в Сен-Галле (ссылаясь на воспроизведение его в «Connaissance des arts». № 359. Jan. 1982, илл. на с. 41). Но на этом фрагменте представлен не «Суд Париса», а Ипполит, Федра, ее служанка и амур. См. *Gachter-Weber M. Industrie- und Gewerbemuseum des Kaufmännischen Directoriums St. Gallen. Kunstverein St. Gallen. Koptische Gewerbe. Katalog. St. Gallen, 1981. S. 17. N 9. Составительница каталога ошибочно видит здесь «коленопреклоленную фигуру, путто, нильскую спену с рыбой». Аналогия образцу из Сен-Галля — эрмитажный фрагмент № 13139 (Матье, Ляпунова. Художественные ткани... С. 98. № 34. Табл. XVI).**

⁵⁹ *Bourguet. Catalogue... P. 198. E32. Под одним номером значатся два фрагмента льняной ткани, в каждом из которых по две вставки: полоса, украшенная изображениями птиц и растительных побегов, и прямоугольник со сценой «Суда Париса», герой которой ошибочно принят П. дю Бурге за нереид с покрывалами. Предполагают, что «Суд Париса» выткан на плохо сохранившейся многокрасочной коптской завесе IV—V вв. из частного собрания, которая экспонировалась на выставке в Бруклинском музее в 1941 г. См.: Pagan and Christian Egypt. Egyptian Art from the First to the Tenth Century A. D. Exhibited at the Brooklyn Museum by the Department of Ancient Art January 23 — March 9 1941. N. Y., 1941. N 235. P. 75.*

художественных и технических особенностях этих памятников, обратимся лишь к иконографии и осмыслению вытканых на них сцен.

В основе представленных на памятниках изображений лежит древнегреческий миф, согласно которому на свадьбу Пелея и Фетиды забыли пригласить богиню раздора Эриду. В разгар свадебного пира обиженная Эрида подбросила на стол яблоко с надписью «прекраснейшей». Из-за этого яблока между Герой, Афиной и Афродитой разгорелся спор. Богини обратились к Зевсу. Отец богов и людей повелел Гермесу отвести спорщиц к пасшему овец на горе Иде Парису с тем, чтобы он решил кто из богинь достойнейшая. Парис прекраснейшей признал Афродиту⁶⁰.

В заинтересовавших нас памятниках ткачества сцены заключены в медальоны. По стилю, иконографии, красочному строю их можно разделить на три группы: эрмитажный и вапингтонский экземпляры уникальны, обе парижские вставки одинаковы.

На эрмитажном образце (рис. 4), сохранившемся, к сожалению, в довольно плачевном состоянии, особенно в нижней части, представлен подробный вариант мифа. На нем наряду с непосредственными участниками события — Парисом и тремя богинями — изображены Зевс и посланец олимпийцев Гермес⁶¹. Вверху, посредине восседает отец богов и людей. Нижнюю часть его мощной фигуры окутывает плащ. Справа приближается с крылышками на ногах и с перекинутым через плечо плащом Гермес. Слева сидит Парис, на нем туника и плащ, на голове — фригийский колпак. В нижней части медальона — три богини. В центре стоит обнаженная Афродита с пышной прической. Поднятыми руками она поддерживает покрывало, свисающее за спиной и по сторонам⁶². По обе стороны от нее сидят Гера с покрывалом на голове и Афина в высоком шлеме и плаще. Медальон обрамлен волнообразным орнаментом. Сцена многокрасочна: фон красный, в изображениях использованы желтый, белый, светло-коричневый, зеленый, голубой, черный цвета.

На вапингтонском экземпляре (рис. 5) изображены лишь главные персонажи. Хорошая сохранность памятника позволяет без труда узнать героев. Несмотря на то, что ткач не очень удачно справился с передачей сложной позы Париса⁶³, видно, что герой сидит, облокотившись правой рукой на небольшую колонку или алтарь, и держит в левой руке яблоко. Он в штанах, тунике и плаще, на голове — традиционный колпак. Справа сидит Афина в плаще, на голове — высокий шлем. Правая рука богини поднята, левая опирается на лежащий рядом щит. Напротив нее стоит одетая, с покрывалом на голове Гера. В поднятой левой руке она держит

⁶⁰ *Аполлодор*. Мифологическая библиотека. Кн. III. Гл. 12. § 5; Э III, 1—5; Э IV 1; Э V 3; Э V 8; Мифы народов мира. Т. II. С. 188 сл. История Париса продолжала жить и в средневековье. Упоминания о Парисе встречаются в IV и V книгах «Хроники» Иоанна Малалы (VI в.), переложения Аполлодора находим в «Библиотеке» константинопольского патриарха Фотия (IX в.), события «Илиады» и «Одиссея» пересказывает и толкует Иоанн Цец (XII в.). Эпизоды троянского цикла были популярны у западных авторов. История Париса излагается и в нескольких русских компилятивных хронографах (*Орлов А. С.* Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков. Л., 1934. С. 36—42).

⁶¹ Быть может, мастер так попытался передать обращение богинь к Зевсу и последовавшую за этим их отсылку к Парису.

⁶² В такой позе изображена Афродита на бронзовых обкладках III—IV вв. из собрания Каирского музея (*Strzygowski*. *Koptische Kunst...* S. 253—257. № 9037, 9038. Taf. XXIV, XXV, a, l, n) и на костяной пиксиде начала VI в. из галереи Уолтерса в Балтиморе (*Age of Spirituality...* P. 138. № 115).

⁶³ По-видимому, потому, что ткач в качестве модели использовал живописный или скульптурный образец.

Рис. 1. Леда с лебедем. Ткань. V—VI. Анн Арбор, Археологический музей Гельсен

Рис. 4. Суд Париса. Ткань. V в. Ленинград, Эрмитаж

круглый предмет, разделенный белыми нитями на четыре части ⁶⁴. Между Герой и Афиной изображена опустившаяся на одно колено обнаженная Афродита ⁶⁵. Голову ее венчает пышная прическа, украшенная диадемой, на груди — ожерелье. Руки ее подняты. Фон заполнен растительными мотивами. Сцена заключена в медальон, обрамлением которому служат чередующиеся растительные завитки с плодами граната и «плетенка». Узор двухцветный — пурпур с белым.

Этих же персонажей, только в другом расположении, видим на двух одинаковых луврских вставках (рис. 6). Сцена представлена на них в довольно схематическом виде. Слева сидит Парис, протягивающий яблоко стоящей перед ним Афродите. Ноги богини драпирует покрывало, в ее левой руке сосуд (для благовоний?). Внизу сидят Гера и Афина. Фигуры богинь внизу прикрыты покрывалами. Заключенные в медальоны сцены вытканы на прямоугольных вставках, по углам которых изображено по птице. Узор многоцветный: фон красный, детали изображений — зеленые, желтые, белые, черные.

Итак, перед нами четыре памятника коптского ткачества с одним и тем же сюжетом. Как объяснить наличие этой сцены на фрагментах тканей, найденных в христианских могилах и служивших умершим одеянием (это могли быть либо туники, либо погребальные саваны)?

Нам кажется, что разъяснение этому, как и в случае с Ледой, следует искать в свойственных поздней античности представлениях, по которым покойника стремились метафорически уподобить какому-нибудь герою. С этой целью изображались эпизоды истории героев, успешно избежавших ряда опасностей и успешно преодолевших многочисленные трудности для достижения бессмертия. Поэтому изображения деяний героев, должествовавших выразить удачу, отвагу, доблесть, героизм и т. п., помещали на стенах усыпальниц, на саркофагах, на одеяниях усопших, на погребальных урнах и ложах, на предметах погребального инвентаря. В этом наглядно выражалась идея героизации умершего в образе персонажа героического плана, покровительствуемого кем-либо из олимпийцев. Словом, судьба умершего как бы калькировалась с судьбы героя.

Относительно Париса надо отметить, что запечатленный на памятниках изобразительного искусства и ткачества эпизод из его истории, когда он выступил в роли судьи, был срединным в его неоднократно колебавшейся между рождением и смертью судьбе. О судьбе Париса мы узнаем из его истории, изложенной в не дошедших до нас трагедиях «Александр» Софокла и Еврипида ⁶⁶, но уверенно реконструируемых по отрывкам работ античных (Энний, 239—169 гг. до н. э.; Гигин, 64 г. до н. э. — 17 г. н. э.; Дракониий, конец V в.) и средневековых авторов (патриарх Фотий, ок. 820 — ок. 891 г.; Иоанн Цец, ок. 1110 — после 1180 г.). Согласно предсказаниям

⁶⁴ У. Шилдс (*Age of Spirituality... P. 138*) полагал, что Гера держит в руке сферу, которая могла символизировать orbis mundi. Нам кажется, что, поскольку фигура Геры повторяет обычные позы «борщиц винограда» на коптских тканях (см., например, тунику за № 5851 из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина. — *Шуринова Р. Коптские ткани. Собрание ГМИИ им. А. С. Пушкина. Л., 1967. № 5. Табл. 3, 4*), то кисть винограда в их руках вполне могла превратиться в предмет, напоминающий «сферу».

⁶⁵ У. Шилдс (*Age of Spirituality... P. 138*) отмечает, что поза Афродиты соответствует эллинистическим изображениям этой богини. Эта поза характерна для сцен «Рождения Афродиты» в коптском искусстве, см., например, известняковый вотивный рельеф IV—V вв. из собрания гос. музеев Берлина (*Effenberg. Koptische Kunst... Abb. 8*), скульптуру V в. из Ахнаса в Коптском музее в Каире (*Ibid. Abb. 18*), ткань VII в. из Лувра (*Bourguet. Catalogue... P. 168, D 128*).

⁶⁶ Мифы народов мира. Т. II. С. 290.

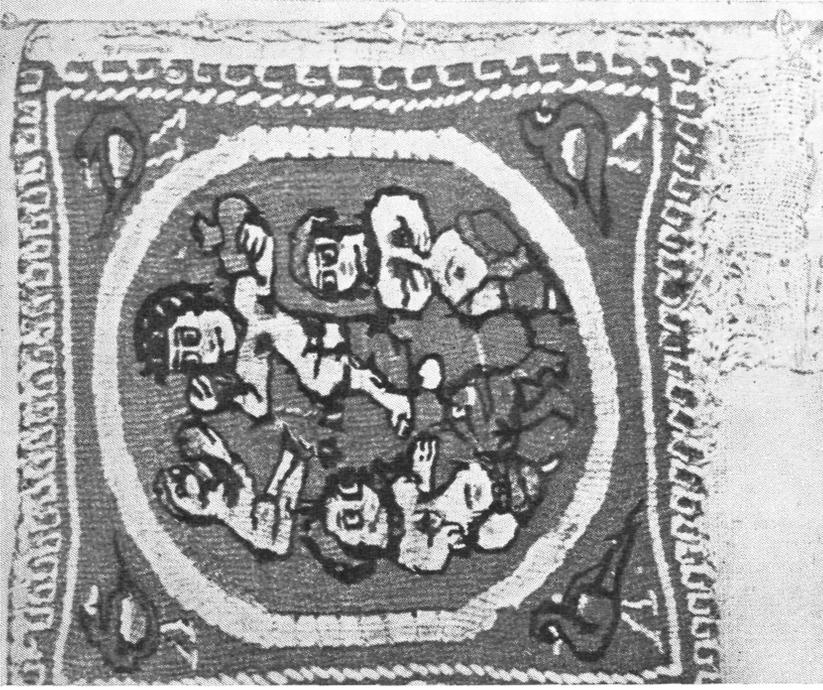

Рис. 6. Суд Париса. Ткань. Шейх-Абад, VIII в. Паргак, Дувр

Рис. 5. Суд Париса. Ткань. V в. Вашингтон, Музей текстиля
Вестник древней истории, № 1

толкователей, Парис, будущий ребенок Гекубы и Приама, должен был стать причиной гибели Трои. Поэтому уже по рождению Парис был обречен на смерть: младенца по распоряжению отца бросили на горе Иде. Он как бы умер (во всяком случае для родителей). Но мальчик выжил. Несколько дней его кормила медведица. Потом Париса подобрала пастухи и дали ему имя — Идей. Получив новое имя, Парис как бы заново родился. Среди пастухов он рос и мужал. Несколько раз он защищал стада от разбойников, за что получил прозвище «Александр», т. е. «отражающий мужей» (еще одно символическое рождение).

Проходят годы. Приам устраивает по умершему Парису погребальные игры. Парис приходит в Трою, чтобы принять в них участие. На состязаниях он побеждает всех соперников, в том числе и своих братьев. Обиженные братья, не ведая, кто такой Парис, предпринимает попытку убить его. Парис спасается у алтаря благодаря покровительствующей ему Афродите (или подосланному ею гению). Но на этом испытания Париса не кончаются. Пророчица Кассандра узнает в нем своего брата и пытается убить его, чтобы избавить родину от предсказанной гибели. Но и на этот раз его спасает Афродита. В родном городе в течение короткого времени Парис дважды избегает смерти, да еще от рук родственников ⁶⁷.

Родители с радостью признают его, и он остается в Трое. Затем следует похищение дочери Леды — красавицы Елены, привоз ее в Трою и, как следствие этого, — Троянская война. Парис избегает участвовать в сражениях. Но с Менелаем — первым мужем Елены — он вынужден вступить в единоборство и едва не гибнет. Жизнь ему снова (в третий раз!) спасает богиня любви. Впоследствии от стрелы Париса, направленной Аполлоном, погибает Ахилл, а вскоре стрела Филоктета приносит смерть и самому Парису.

Приведенные примеры показывают, что жизнь Париса неоднократно колебалась, как раскачивающийся маятник, между символическими рождениями и смертельными опасностями. Героя спасало вмешательство божественной покровительницы. Вполне вероятно, что верили, будто богиня любви и красоты продолжала покровительствовать Парису и в потустороннем мире, поскольку ее почитали и как богиню мертвых (Афродита Эпитюмбия). Поэтому можно предположить, что в образе Париса могли найти воплощение надежды родственников на безмятежное загробное существование усопших, сходные с блаженной жизнью героя в потустороннем мире. Мысль о бесконечном существовании можно усмотреть и в некоторых деталях изображений на рассматриваемых тканях. Листья плюща и плоды граната часто символизировали спасение ⁶⁸. В данном контексте благодаря непрерывности повторяющихся мотивов как своеобразные эмблемы постоянства и вечности могут восприниматься обрамления в виде волны и «плетенка».

Естественно, что в литературе или изобразительном искусстве образ того или иного героя емко, а содержание сюжета многогранно (потому каждая эпоха открывает в художественных произведениях что-то свое, близкое ей по образу мыслей, духу, настроениям). Поэтому осмыслять их можно по-разному, в зависимости от контекста, ситуации, в которой они представлены, от подготовленности воспринимающего. Например, столкновение Ахилла с Агамемноном из-за пленницы Брисейды можно понимать

⁶⁷ Этот аспект рассмотрен в работе: *Davreux J. La légende de la prophétesse Cassandre. P., 1942.*

⁶⁸ *Muthmann. Op. cit. S. 129—147. Abb. 110—128.*

в нескольких аспектах. С бытовой точки зрения — это обычная ссора из-за добычи, с моральной — нарушение царем принятых норм поведения, с исторической — соперничество царя и военачальника.

Предлагаемое нами осмысление «Леды с лебедем» и «Суда Париса» в сотериологическом плане можно усматривать только на памятниках погребального назначения. Изображения этих сюжетов на тканых завесах⁶⁹, в росписях стен частных домов, общественных зданий и т. п. скорее всего воспринимались как не более чем эпизоды из историй богов, привлекавшие внимание людей занимательностью фабулы или оригинальной трактовкой⁷⁰.

Мы рассмотрели символику лишь двух античных сюжетов на коптских памятниках. Но за этими частными случаями вырисовывается единая закономерность символического осмысления большинства заимствованных коптами у античности сюжетов (рождение Афродиты, подвиги Геракла, похищение Европы и др.) и образов (Ахилл, Беллерофонт, Ганимед, Диоскуры, Дафна, Ипполит и Федра, Ифигения, Мелеагр и Аталанта, Орфей, Пасифая, Эней, Ясон и др.). Все эти изображения в разных формах заключали в себе все тот же мотив спасения, несли надежду на счастье в ином мире, волновавшую и язычников, и христиан⁷¹.

⁶⁹ Примечательно, что, по очень древней легенде, соревновавшаяся с Афиной в искусстве ткачества Арахна выткала на своем полотне любовные похождения богов; среди них была и сцена «Леда с лебедем» (*Тренчени-Вальданфель И.* Мифология. М., 1959. С. 167).

⁷⁰ Указания на разные осмысления одних и тех же сюжетов разными людьми и в зависимости от контекста находим у Климента Александрийского и Ахилла Татия; см. *Bickerman*. Op. cit. P. 142; ср. *idem*. Sur la théologie de l'art figuratif à propos de l'ouvrage de E. R. Goodenough // Syria. 1967. V. XLIV. P. 140.

⁷¹ *Каковкин А. Я.* К вопросу о символике изображений на коптских тканях // Культурное наследие Востока. Проблемы, поиски, суждения. Л., 1985. С. 209—215.

ON TWO GROUPS OF COPTIC ART MONUMENTS WITH ANTIQUE SUBJECTS

A. Y. Kakovkin

An antique theme constitutes a significant part of Christian (Coptic) Egyptian art, surviving in it until the eleventh century A. D. The direct link of the majority of the diverse Coptic memorials with antique subjects with burial practices compels one to comprehend the portrayals on the soteriological plane. The paper shows, from the example of two subjects popular in Coptic art — «Leda and the Swan» and «The Judgment of Paris» — that the deceased were identified metaphorically with impressive heroes who were under the patronage of Zeus and Aphrodite. The meaning of such portrayals comes down, in the last analysis, to the idea of salvation which worried both pagans and Christians.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

© 1990 г.

К ДИСКУССИИ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ГОСУДАРСТВА В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Нельзя не приветствовать публикацию статьи Е. М. Штаерман и начавшуюся благодаря этому на страницах «Вестника древней истории» дискуссию по проблемам становления государственности в древнем Риме. Взгляды и выводы автора весьма нетрадиционны, и вряд ли можно сомневаться в том, каков будет результат этой дискуссии. Думаю, что большинство антиковедов, которые откликнутся на эту статью, более или менее категорично выскажут свое несогласие с основными идеями Е. М. Штаерман. Не хотелось бы быть Кассандрой, но, зная состояние нашего антиковедения, вряд ли можно сомневаться в том, что атака на эту концепцию будет сильнее, чем защита ее.

Для подобного предсказания, увы, есть серьезные основания. Наше антиковедение последние десятилетия отличается стойкой приверженностью антитеоретическому духу. Конечно, этому есть свои причины и свои объяснения. Когда в 20—30-х годах происходило освоение марксистского исследовательского метода, процесс не был столь триумфален, как позднее писалось в наших историографических очерках. Наскоро и неглубоко соединили теорию с прагматическими общими схемами в древней истории, часто имевшими к тому же модернизаторскую окраску. В 50—60-е годы, когда наука освобождалась от сталинского догматизма, мы, в общем, удовлетворялись только тем, что отказались от самых бросающихся в глаза нелепостей вроде пресловутой «революции рабов, с громом опрокинувшей Рим». Далее же процесс развития антиковедения пошел по парадоксальному пути. Среди основной массы антиковедов стойко укрепились убеждение в ненужности обращения к большим теоретическим проблемам. Неприятие догматизма вылилось в неприятие теоретических исследований вообще. Конечно, есть целый ряд историков, в том числе и Е. М. Штаерман, которые все эти годы не только призывали к глубоким теоретическим исследованиям, но и активно вели их. Однако если говорить о преобладающих настроениях, о духе самого антиковедения, то, кажется, этот не совсем утешительный вывод будет правильным. Антиковеды практически (за редким исключением) не участвовали в тех горячих дискуссиях, которые шли в эти годы, например в дискуссии об «азиатском способе производства». Они даже не сочли нужным отвечать на те лихие набегии, которые совершались в область античной истории востоковедами и этнографами. Одной из причин того, что эти дискуссии закончились столь бесславно, было, как мне кажется, самоустранение антиковедов от дискуссий. Ведь большинство исторических схем строилось на антитезе: древний Восток — античный мир. Античный же мир трактовался столь превратно, что неизбежным было и искажение общей картины. В такой общей «антитеоретической» атмосфере, естественно, торжествуют традиционные построения. Знамя «традиционализма» все еще развевается над нашим антиковедением.

Что же касается конкретно статьи Е. М. Штаерман, то, как мне кажется, ее основные идеи верны и справедливы. Уникальность античного (и римского и греческого мира) состоит именно в том, что на определенном этапе традиционный путь становления классового общества и государственности, характерный для подавляющего большинства

народов, приобретает новое направление. И в Риме, и в большинстве греческих полисов первоначально развитие идет проторенным путем: медленно, но неотвратно происходит раскол единого общества на начинающие формироваться классы. Нарастает зависимость основной массы населения от сравнительно немногочисленной знати. Однако процесс не был завершен. В результате сложных социальных конфликтов позиции знати оказываются подорванными и основная масса гражданства полностью эмансипируется. (В Афинах это происходит в период от реформ Солона до реформ Клисфена). Ситуация здесь определяется тем, что традиционные привилегии знати уже ничтожны, а рабство еще не заняло сколько-нибудь заметного места в производстве. Естественно, ни о какой государственности в это время говорить не приходится. Греческий полис на этом этапе никак не может определяться как государство. Приобретение полисом черт государства происходит постепенно и связано с ростом рабовладения¹.

Я вижу только один уязвимый для критики пункт в концепции Е. М. Штаерман. Рим очень рано начал завоевание Италии, и возникновение той или иной степени зависимости италийских общин неизбежно должно было наложить свой отпечаток на характер римского общества. *Mutatis mutandis* ситуация здесь в какой-то степени напоминает ситуацию в Спарте. Конечно, различия довольно велики, но принципиально ситуация была однотипной. Эксплуатация покоренных (в самых разных формах) неизбежно должна была превращать саму римскую гражданскую общину в своего рода государственный аппарат, совпадающий в принципе с господствующим слоем. При этом, однако, необходимо помнить о двух обстоятельствах: во-первых, эта форма эксплуатации еще очень примитивна и не вызывает немедленно становления государства, а только намечает путь к нему; во-вторых, в пределах самого римского гражданского населения она способствует его консолидации, преодолению внутренних социальных противоречий.

Статья Е. М. Штаерман, как мне кажется, намечает путь к решению принципиальных проблем истории античного мира в целом. Нетрадиционность подхода, видимо, открывает новые перспективы и, будем надеяться, поможет возродить дух смелых научных поисков.

Г. А. Кошеленко

---

¹ Подробную аргументацию см.: Кошеленко Г. А. О некоторых проблемах становления и развития государственности в древней Греции // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 38—73.

© 1990 г.

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА В РИМЕ

(Точка зрения историка права)

1. Исторические рамки проблемы

Для понимания происхождения государства в древнем Риме мне представляются особенно важными три исторических момента: период этрусской монархии и генезиса центуриатного устройства; кульминация патрицианско-плебейского конфликта и Законы XII Таблиц; «компромисс» 367 г. до н.э. и расцвет республиканской конституции.

1. Период, предшествовавший этрусской монархии, являет нам по существу общество родового типа с относительно слабой центральной властью и достаточно гибкими

гражданскими структурами. Важным следствием этого является определенный тип горизонтальной мобильности (миграции и принятие целых кланов в римскую общину). Преобладающее значение в это время сохраняют отношения между родовыми группами (владеющими землей), еще не опосредованные гражданским государством и его правом. Этим отношениям отвечает облик пагов и подобный же характер курий. Социальная стратификация очевидна: ниже аристократических кланов стоит простонародье, состоящее из фамилий и групп клиентов, подчиненных отдельным *gentes* и зависимых от их политической и экономической власти.

2. Приходу к власти этрусских царей сопутствовал ряд явлений, а именно: ускорение процесса формирования знати и образование новых *gentes* (об этом напоминают *minores gentes* Тарквиния Древнего); новая организация населения, противоречащая старому родовому порядку и основанная на богатстве отдельных *patres familias* (а, следовательно, на индивидуальной собственности на землю — основное орудие производства); укрепление монархической власти с сильной фигурой царя-тирана и с ясно выраженными военными чертами, с символикой, подчеркивающей четкое разделение на управляющих и управляемых.

3. Возможности развития политического устройства, заложенные в центуриатной системе, раскрылись в последующий период, в ходе ожесточенного конфликта между патрициями и плебеями в V в. до н. э. В это время вырисовывается сложная модель управления гражданским государством (и я сознательно употребляю здесь термин «государство»), далекая от современного опыта как абсолютистских государств, так и либеральных демократий. Эта модель располагала большими возможностями в сфере опосредования и контроля за социальными конфликтами с помощью рано возникшей системы «противовесов власти», что способствовало достижению минимально необходимого для управления общиной согласия всех социальных групп, обладавших сколько-нибудь действенным политическим представительством. Речь идет о зарождении достаточно интересной политической формы общинного типа, впрочем, подверженной влиянию идеологии и социальной практики, ориентированных на прославление сплоченности и социальной иерархии, достаточно развитых благодаря никем не оспариваемому правлению военной знати, которая прочно утвердилась на вершине гражданства после патрицианско-плебейского компромисса 367 г. до н. э.

4. В Законах XII Таблиц уже виден будущий окснчательный упадок древней родовой организации землевладения и клиентелы. Новая нормативная система разлагает прежние «племенные» традиции и устанавливает в качестве форм, присущих исключительно гражданской общине, новые модели индивидуальной собственности (*dominium ex iure Quiritium*) и новые формы зависимости. Рабы в Законах XII Таблиц упоминаются много раз (хотя и не могут еще считаться массовым явлением, как в последующий период), в то время как ссылка на древние отношения клиентелы — только одна.

5. В период между Законами XII Таблиц и 367 г. до н. э. патрицианские роды утрачивают свое верховенство внутри гражданской общины, а связанные с ними социально-экономические отношения разлагаются: сами земли *gentes* рассматриваются теперь как произвольно присвоенные земли всей гражданской общины (*ager publicus*). В это время заканчивается период «формального неравенства» между гражданами (патрициями и плебеями) и складывается новая модель экономики и формального равенства всех *cives*.

II. Размышления и гипотезы

Я полностью согласен с одним положением, убедительно высказанным Е. М. Штаерман: конфликт патрициев и плебеев не может быть сведен непосредственно к конфликту классовому. Равным образом я солидарен и с другим центральным положением ее статьи: гражданское государство не возникает просто как «ответ» господствующего класса на необходимость контроля над классом эксплуатируемых (рабами). Такому пониманию противоречит — с точки зрения хронологии — относительная незначительность рабовладения в Риме по крайней мере до периода, последовавшего за самнитскими войнами, если не прямо до времени Ганнибала.

В отношении данных моментов, центральных для пересмотра принятых в марксистской историографии схем с целью их более корректного приложения к интерпретации архаического римского общества, статья Е. М. Штаерман решительно способствует преодолению старых и ошибочных концепций. Вместе с тем мне не совсем ясна другая сторона ее анализа, на которой я главным образом и остановлюсь, чтобы изложить свою точку зрения. Я имею в виду очевидную (как мне кажется) тенденцию относить к слишком позднему времени формирование государственной системы в техническом смысле. Как историк права, я склонен усомниться в том, что «в Риме IV—III вв. до н. э. мы не находим характерных для государства признаков» (ВДИ. 1989. № 2. С. 87). Разумеется, если иметь в виду государство бюрократического типа с постоянным и оформившимся аппаратом подавления (полиция) и налогообложением, аналогичным существующему в современных государствах, то можно было бы усомниться в существовании государства в ту эпоху. Но мы не должны обманываться видимой «добровольностью» социального поведения в архаическом и республиканском Риме, «частным» во многих отношениях характером правосудия и контроля над экономическими и социальными отношениями. В действительности более или менее «арбитражный» характер гражданского судопроизводства и очевидная независимость поведения отдельных граждан, без согласия которых общие законы, общественный контроль утратили бы силу, имели важное значение.

Вся римская правовая система, по-видимому, действовала непрямым давлением. Тот, кто не желал подчиняться правосудию гражданской общины, был вроде бы волен его отвергать, а тот, кто не хотел исполнять приговор, казалось бы, мог это делать. Однако во всех этих случаях окончательный ущерб экономического (а вначале также и лично-правового) характера оказывался довольно существенным и на деле сковывал свободное лишь по видимости поведение граждан. Мне кажется, что чрезмерное «омоложение» генезиса и упрочения государства в Риме вытекает, в представлении Е. М. Штаерман, из уже отмеченного стремления отрицать классовый характер борьбы патрициев и плебеев V в. до н. э. и последующих конфликтов, а также из необходимости выводить (в соответствии с марксистской концепцией) сам генезис государства из классовых конфликтов.

Я склонен довольно осторожно, если не с сомнением, отнести к такого рода оценкам. И прежде всего потому, что элементы классовой борьбы присутствуют, на мой взгляд, также и внутри конфликта, сколь бы широким и разнохарактерным он ни был. Конечно, борьба плебеев в V—IV вв. до н. э. не может быть сведена целиком и полностью к этой схеме, но верно и то, что нельзя недооценивать два важных в этом отношении момента: конфликт из-за земли и проблему долгов. В основе первого лежал контроль над основным средством производства в архаических обществах, который осуществлялся с помощью оформления одного или нескольких типов юридических отношений: с одной стороны, родовое землевладение — владение «фактическое», поскольку оно не имеет источником своего происхождения государственную власть, с другой — утверждаемые плебсом в качестве исключительных индивидуальные формы присвоения, противоречившие общинной системе *gentes* (вопрос о соотношении между ними и догражданскими сельскими общинами, пагами, рассмотрен в более ранних моих работах). Формы эти — с одной стороны, *dominium*, с другой же — *possessio* (там, где складывается по крайней мере начиная с 367 г. до н. э., но вполне возможно и с V в. до н. э. *ager publicus*). Впоследствии — при обращении к этому раннему периоду — просуществовавший до эпохи Империи *ager publicus* был смешан с рано разложившимся *ager gentilicis*.

Здесь в борьбе противостояли земельная аристократия и плебейские фамилии, зачастую уже богатые и отнюдь не второстепенные с экономической точки зрения. Что же касается другого момента — долгов, то их роль как фактора угнетения и социального контроля над трудом кажется более очевидной и долговременной. С одной стороны, часто случавшееся невыполнение должниками своих обязательств вплоть до IV в. приводило к своего рода порабощению должника (что могло быть одной из форм при-

своения сельскохозяйственной рабочей силы — на этом недавно настаивали историки римского сельского хозяйства). С другой же, даже и в период наиболее полной «демократизации» римских правовых институтов этот фактор обнищания приводил к ухудшению положения наиболее уязвимых социальных слоев, лишая их мелкой земельной собственности, переходившей при этом к кредиторам.

Центуриатная гражданская община, вполне оформившаяся в 367 г. до н. э., стремилась к сохранению положения изначальных центуриатных «классов», защищала по возможности круг мелких собственников, который и составлял ее основу. Однако нужно отдавать себе отчет и в том, что расцвет крестьянской республиканской «демократии» давал слоям, вытесненным процессом задолженности, дальнейший импульс к экспансии путем колонизации ради их обеспечения новыми землями. Но это в свою очередь вызывало дальнейшее нарушение равновесия, все более эфемерной становилась жизнеспособность той крестьянской «демократии», с которой и были связаны в памяти древних лучшие дни и процветание республиканской конституции, вышедшей из центуриатного устройства, — с середины IV в. до н. э. и до Ганнибаловых войн.

Конечно, нельзя считать, что плебс, а позднее *populus* эксплуатировались «как общественный класс», но верно и то, что такая эксплуатация на основе долгового гнета (по крайней мере до эпохи полного расцвета рабовладельческого строя) все же должна была обнаруживать себя в структуре этих слоев. Во всяком случае остается фактом, что процесс становления государства как формы организации общества вполне совершился если и не в Сервиево время (как я все-таки полагаю), то наверняка к середине V в., когда уже произошло полное разделение на управляющих и управляемых, были определены «правила игры», регулировавшие осуществление власти магистратами и комициями, а также был установлен «внешний» контроль за гражданским управлением со стороны народных трибунов. В это время были достигнуты как равенство всех граждан перед законом, так и публичность самих законов.

Естественно, это не значит, что в последующие века республиканское устройство оставалось таким же, как и в IV в. до н. э. Резкие изменения, придавшие государственной системе большие возможности вмешательства в жизнь общества с помощью соответствующей бюрократии, действительно имели место в период принципата. Но уже и ранее, как я говорил, в Риме сложилось другое, не столь отчетливо оформленное, но не менее эффективное государственное устройство, которое в немалой степени способствовало необычайным политическим успехам этого города на Итальянском полуострове, а затем и во всем Средиземноморском бассейне.

Возможно, ни до, ни даже после 367 г. до н. э. мы не можем еще говорить о разделении римского общества на классы, но все же и конфликты V в. до н. э. определенно демонстрируют противостояние определенных слоев и социально-экономических интересов внутри гражданства. Патрицианско-плебейский компромисс облегчил относительно внутреннее «умиротворение», обеспечив достижение нового социального равновесия, что было одновременно и причиной, и следствием ускоренной военно-политической экспансии. А успех самой этой политики готовил в дальнейшем новые кризисы и разнообразные внутренние конфликты, в основе которых лежала проблема равновесия между политической властью и экономическими отношениями в рамках такого государственного устройства, которое совершенно определенно ориентировалось на достижение власти, все усиливающейся несмотря на эти кризисы, а возможно, и вследствие их.

*Л. Капогресси Колоньези,
профессор Университета «Сапиенца», Рим*

О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОСУДАРСТВА В РИМЕ

Е. М. Штаерман в своей статье исследует взаимосвязь между гражданской общиной и возникновением классов, частной собственности и государства и приходит при этом к неожиданным выводам. По ее мнению, классы и государство складывались в Риме лишь со II в. до н. э.; в I в. до н. э. формирование государства значительно продвинулось, и затем этот процесс был завершен при Августе. И только для этого времени будто бы уже можно говорить о государстве и разделении общества на классы.

Хотел бы с самого начала подчеркнуть, что я считаю нужной публикацию этой статьи, хотя и не могу последовать за ходом мысли автора, а потому прихожу к другим выводам. Однако необходимо оставить давно «заезженные» и заученные представления, понимать исторические процессы более диалектично, чем прежде. И в этом отношении статья Е. М. Штаерман побуждает историческую мысль к комплексному восприятию исторических процессов. В самом деле, нужно заново переосмыслить отношения внутри гражданской общины (в греческом полисе и в римской *civitas*). Когда мы определяем государство как организацию и орудие власти соответствующего господствующего класса той или иной общественной формации, нам не следует упускать из виду длительность и многообразие исторического процесса. И прежде всего — понятие политической организации власти и политического орудия власти нужно выводить не из высокоразвитых форм организации власти, свойственных капитализму. Эти институты развились в ходе истории классового общества из очень простых, начальных элементов.

Таким образом, статья Е. М. Штаерман дает важные импульсы к переосмыслению хорошо знакомых методологических представлений. Однако я не могу согласиться со всеми высказываниями автора. Так, например, Е. М. Штаерман резко разделяет принудительную власть и государство, но почему же эта принудительная власть не может быть первой ступенью в процессе возникновения римского государства? Я тоже не считаю ранний римский плебс классом. Однако разве не проходили границы между классами внутри плебса? Нельзя ли судить об этом по самым разнообразным требованиям плебса? Автор в статье не касается цензуриатного устройства, но в нем ведь обнаруживается возникающее (или уже возникшее) государство в Риме?

На мой взгляд, важной вехой в развитии римской организации власти была закладка храмов. Не случайно в это первое столетие республики было воздвигнуто около двадцати храмов, среди которых храмы капитолийской и авентинской триады, Меркурия, Дианы, Минервы, Кастора, *Divus Fidius*, Сатурна, Фортуны и Аполлона. Это были уже не божества родов и курий.

Выдающиеся фамилии существовали уже в V в. до н. э. В списке децемвиров 451 г. до н. э. фигурируют люди, которые все без исключения прежде, между 482 и 451 г. до н. э., упоминаются в *фастах*, и при этом речь идет о фамилиях, полностью утративших впоследствии политическое значение, тогда как представители знаменитых фамилий позднереспубликанского времени в списке децемвиров совершенно отсутствуют. По-моему, это важное доказательство подлинности дошедшего списка децемвиров. Тут мы видим и определенную ступень в процессе складывания политической власти, которую, пожалуй, и нельзя отделить от государства. Конечно, мы должны переосмыслить характер процесса возникновения государства. Я сам ранее придерживался мнения, что формирование государства в Риме началось с появления куриатной организации и завершилось установлением цензуриатного устройства. Конечно, сегодня вряд ли стоит держаться этой точки зрения, но я не могу принять и мнение, будто этот процесс длился вплоть до падения Республики. После нового рассмотрения я склонен относить завершение процесса возникновения классов и государства ко времени не позднее III в. до н. э.

О ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Трудно согласиться с упомянутым в статье Е. М. Штаерман (и довольно распространенным) тезисом, будто на древнем Востоке государство возникало как организатор производства, а позднее постепенно превращалось в орган насилия над формирующимся классом рабов. Речь идет, очевидно, о пресловутой ирригации. В отношении Индии едва ли не единственное, что используется в подтверждение значимости государственных ирригационных работ — содержащиеся в довольно поздних санскритских сочинениях рекомендации царю устраивать прекрасные пруды и парки (наряду с основанием разного рода святилищ). Необходимость царской власти в Индии древние никогда не связывали с «производственными нуждами», а когда в «Артхашастре» речь заходит о царских полях, мы видим, что они орошались из **ч а с т н ы х** прудов и арыков. Войну же, хотя К. Маркс и называет ее «большой совместной работой», «производством» считать нельзя.

«Насилие над формирующимся классом рабов» на древнем Востоке кажется чисто умозрительной конструкцией. Можно, конечно, вспомнить древнеиндийские олигархии, трудовое население которых считалось «рабами» слоя полноправных, представляющих господствующий этнос (скажем, малавов), но такого рода отношения складывались на самых ранних ступенях развития государственности. Сама индийская традиция однозначно связывает существование царской власти с необходимостью «охраны» подданных, т. е. ведения войн. Кажется, что в наиболее поздних текстах акцент делается на поддержание социально-религиозного порядка (джармы), и царь таким образом представляется более «грозным судьей», нежели вождем, однако назвать и это просто «насилием над классом рабов» было бы крайним упрощением.

Думается, что исходить надо прежде всего из основного противопоставления первобытности и цивилизации. Политическим оформлением гражданского общества и является государство. Гражданская община — *civitas* по определению принадлежит цивилизации. Если же мы будем государство искать только в обществе со вполне развитой частной собственностью, сложившимися социальными классами и бюрократическим аппаратом управления, полностью отделенным от народа, то окажется, что история государственности началась совсем недавно (во всяком случае, между нею и временем разложения первобытного строя и господства родовых отношений огромная эпоха — отнюдь не период «вождества»).

В основе становления гражданского общества лежит, конечно, развитие частной собственности, но частной ее можно считать лишь в противоположность собственности родовой или племенной. Она предполагает отношения купли-продажи, но отнюдь не свободные. Речь идет, во-первых, о собственности скорее семейной, чем личной. Отчуждаемая земля к тому же остается частью общинной территории, и соседская община всегда ограничивает права распоряжения земельными участками своих сочленов. Наконец, любые сделки с недвижимостью происходят под контролем государства и при условии несения общественных тягот или уплаты податей. В этом смысле античная форма собственности является специфической формой собственности частной — при всех существенных отличиях ее от частной собственности в обществах Нового времени.

В научной литературе до сих пор сильно модернизировались структура и характер государств древнего мира. Вопреки распространенным представлениям, государства древней Индии, например, характеризовались чрезвычайной слабостью собственно аппарата управления. Общинное самоуправление являлось основополагающим принципом социальной структуры. И дело далеко не ограничивается сельской общиной, речь идет также о более крупных территориальных единицах, о профессиональных корпорациях и кастовых объединениях. Государственная администрация

вовсе не доходила до пизовых ячеек общества — ни на сельской территории, ни в городах — и, по всей видимости, обычно старалась не вмешиваться в их внутренние дела. Мы нередко бессознательно ищем упоминания чиновников в древних текстах — под влиянием привычных представлений о современном государстве и «аппарате насилия». На деле же, например, «судьи», упоминаемые в санскритских источниках, очень часто оказываются судьями третейскими.

Высшие представители государственной власти в древней Индии — царские «слуги». Многие из них — родичи царя, а иные могли получить почетные титулы, указывающие на фиктивное родство или близость с ним. Далее мы видим представителей местных династий, двор которых ничем в принципе не отличается от двора главы государства. Речь обычно идет лишь о перемещениях подобных местных владетелей с одного удела на другой, но отнюдь не о полном лишении власти какой-либо ветви могущественной династии или клана. Возможности чисто служебной карьеры бюрократа в подобном обществе крайне ограничены. Если же они реализуются, то неизбежно возникает наследственность власти и образуется новая династия.

Штат на местах составляют также не государственные чиновники в полном смысле слова, а лица, непосредственно связанные с тем или иным носителем власти («свои люди», как называют их санскритские тексты). Центральная власть, очевидно, была просто не в состоянии контролировать их. Собственность и власть тесно слиты — и крайне сложно разделить «личное» и «общественное» в имуществе и деятельности носителя власти любого ранга. В отдельных отраслях хозяйства, видимо, широко применялась система откупов. Государство в Индии редко занималось организацией какого бы то ни было производства — оно было заинтересовано главным образом в получении налоговых и иных поступлений в казну.

Типичная индийская держава эпохи древности представляла собой рыхлый конгломерат зависимых княжеств. Границы его были крайне неустойчивы, не могла сложиться и четкая система общегосударственного управления. Подчинение «императору» осуществлялось различным образом и в неординарной степени — соответствующие градации зависимости очень ясно очерчены в индийской эпиграфике. Внутри больших государств находилась обширная «первобытная периферия», чрезвычайно важная для социального, политического и культурного развития Индии. Роль племенных вождей в борьбе политических сил трудно переоценить, и нередко именно они оказывали решающее влияние на смену господствующей элиты. Важно подчеркнуть при этом, что «Артхашастра», уделяя должное внимание «вождям лесных племен» (атавика), четко отличает их от царей, от наследственной местной знати или зависимых князей, а также от глав олигархических республик. Достаточно четкая грань между государством и варварским племенным образованием, видимо, интуитивно ощущалась составителем политического трактата.

Если историю древнего Востока рассмотреть в свете концепции, предлагаемой Е. М. Штаерман, вряд ли подтвердятся слова заметки, предваряющей дискуссию, будто «начало (государств древнего Востока) скрывается во тьме тысячелетий». Уже в дискуссиях 60—70-х годов высказывалось мнение, что весь доколониальный Восток так и не дошел до стадии окончательного формирования классов и государства. К. Маркс подчеркивал принципиальные отличия докапиталистических форм собственности от частной собственности при капитализме, им же была глубоко поставлена проблема своеобразия греческого полиса — между тем он не выражал сомнений в том, что история классической древности была историей государств. Среди множества цитат из работ классиков марксизма в статье Е. М. Штаерман практически отсутствуют ссылки на основную книгу Ф. Энгельса о происхождении государства (где прежде всего речь идет о древней истории Греции и Рима). Умолчание, надо думать, связано с несогласием. Ведь, по мнению Е. М. Штаерман (ВДИ. 1989. № 2. С. 88), едва ли во времена Солона и Законов XII Таблиц оформилось государство — в решительном противоречии с оценкой Ф. Энгельса. Различие в конкретных оценках

(формирование государства в Риме во времена Сервия Туллия или Августа) настолько значительно, что явно не может быть объяснено только открытиями новых фактов истории Римской республики — дело, очевидно, в предлагаемых критериях. Так, может быть, и сама концепция государства в той форме, как она изложена в статье, не столько принадлежит основоположникам, сколько последующему — чисто советскому — этапу развития теории истмата?

А. А. Вигасин

© 1990 г.

О ГЕНЕЗИСЕ ФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Нет необходимости говорить о значении поставленного Е. М. Штаерман вопроса о природе Римского государства, и в частности о правомерности применения к Риму периода, предшествовавшего принципату и империи, самого понятия «государство». Об убедительности предлагаемого решения я оставляю судить специалистам по истории античности. Могу лишь сказать, что аргументация в пользу разграничения между догосударственной или предгосударственной стадией и стадией собственно государственной (со времен Августа) мне представляется заслуживающей пристального внимания.

Речь, как явствует из статьи Е. М. Штаерман, идет не о разных формах государственного устройства, а о чем-то более глубоком. В свете исследований последнего времени, на которые ссылается автор, вырисовывается новая, в высшей степени сложная и многообразная панорама переходов от догосударственного состояния к раннегосударственному у самых разных народов, что побуждает и античников, и, прибавлю, медиевистов вновь рассмотреть эту проблему на своем, казалось бы, давно и солидно изученном материале. Поднятая проблема, несомненно, имеет общеметодологическое значение. Нижеследующие, по необходимости краткие заметки, которым я придаю — и хочу это всячески подчеркнуть — сугубо гипотетический характер, продиктованы интересом медиевиста к проблеме становления государства в раннее Средневековье. Ибо и в этой области исторического знания проблема государства должным образом не прояснена и нуждается в новом обсуждении.

1. Историки постоянно сталкиваются с некоей общей гносеологической трудностью при употреблении ряда наиболее общих понятий. С одной стороны, они не могут не применять к исследуемой ими эпохе такие понятия, как «собственность», «власть», «класс», «государство» и ряд других. С другой же стороны, эти понятия не всегда и недостаточно глубоко проверяются на их «историчность»: в какой мере и в каком виде они приложимы к конкретным человеческим общностям иных эпох? Не следовало бы забывать о том, что понятия эти получили свое смысловое наполнение в относительно близком к нам прошлом, собственно только в Новое время. Не таится ли здесь опасность переноса в далекие эпохи истории, в другие цивилизации таких структур, которые приобрели четкое и недвусмысленное содержание собственно только в период перехода от докапиталистических формаций к капиталистической? Иными словами, какова степень универсальности тех значений, которые мы ныне вкладываем в эти понятия?

Эта гносеологическая трудность может быть сформулирована и несколько иначе. Историки и социологи располагают самыми общими моделями, и на уровне абстрактных глобальных построений они представляются удовлетворительными. Но не возникает ли необходимость видоизменять и уточнять, а может быть, и пересматривать эти модели, когда мы прилагаем их к конкретному материалу? Ведь операционная

полезность идеальных типов состоит не в том, чтобы их применение сводилось к подгонке к ним эмпирической реальности, — их ценность обнаруживается как раз в тех случаях, когда налицо расхождение между идеальным типом и живой действительностью, ибо именно в этом «зазоре» между типом и конкретной жизнью историк только и может получить новое знание.

2. Медиевист, изучающий социальный и политический строй Западной Европы периода раннего Средневековья, имеет дело с образованиями, которые возникли преимущественно на руинах Римской империи или в непосредственной близости от нее. Известна общераспространенная в нашей историографии точка зрения: в результате Великих переселений народов и сопровождавших их завоеваний рабовладельческое римское государство пало и на его развалинах возникли раннефеодальные государства, в состав аппарата которых в той или иной степени были инкорпорированы элементы римской государственности. Хотя прямой континуитет между римским государством и государством феодальным (раннефеодальным) по большей части отрицается, тем не менее считается, что между первым и вторым типами по существу не было безгосударственной или предгосударственной стадии — рабовладельческое государство исчезло и было заменено нарождающимся раннефеодальным государством. Без особых сомнений говорят о Франкском государстве со времени Хлодвига, о государствах бургундов, лангобардов, вестготов и т. д. То что их часто именуют «королевствами», а не «государствами», в принципе едва ли меняет что-либо в понимании природы этих политических образований. Разумеется, при этом приходится делать оговорки, и подчас немаловажные: утверждается, что «для варварского королевства на первом этапе его существования характерно отсутствие государственного аппарата, публичной власти, отделенной от народа», что в ряде случаев в «новой государственности», созданной варварами, «сочетались элементы римского государственного строя с органами военной демократии» и что эта «государственность» развилась в «подлинное» раннефеодальное государство в процессе формирования классов феодального общества (А. Р. Корсунский). Так или иначе, утверждают, что уже в VI—VII вв. складывается раннефеодальное государство.

«Стыдливое» предпочтение историками при описании указанного периода терминов «государственность» или «королевство» не очень-то проясняет существо дела. О государстве без оговорок пишут тогда, когда могут констатировать процесс классовообразования, феодального подчинения крестьянства и формирования крупного землевладения. Но самые эти социальные процессы советские историки явно форсируют, их симптомы находят повсюду, где в источниках упоминаются богатые и бедные, могущественные и социально слабые элементы общества; в сообщениях о разорении мелких собственников ищут опору для утверждения о начале феодализации. Молчаливо предполагается, что у варваров до этого якобы царил равенство и не было имущественных и социальных градаций. Между тем ныне, когда наряду с изучением письменных источников стали более серьезно вдумываться в обильный археологический материал, не может вызывать сомнения то, что у германцев задолго до завоевания империи имела место концентрация богатств в руках знати. Исследования обнаруженных на территории древней Германии остатков поселений показали, что еще в начале нашей эры в этих поселках существовали относительно крупные усадьбы, окруженные малыми домами, а принадлежавшие их обитателям земельные участки находились в длительном (на протяжении многих поколений) пользовании отдельных домохозяйств. Короче говоря, у древних германцев не было ни социального, ни имущественного равенства. И тем не менее нет никаких оснований говорить о зачатках у них государственной власти, хотя и понятие «военная демократия», заимствованное Энгельсом у Моргана, который с его помощью описал общественный строй ирокезов и других североамериканских индейцев, едва ли адекватно выражает существо строя германцев накануне Великих переселений.

Точно так же и сведения об обнищании или закабалении тех или иных лиц,

встречающиеся в памятниках варварских королевств, не дают оснований для утверждений о начале процесса феодализации. Этот последний вообще неправильно понимать как результат «разорения» общинников, ибо существо феодализации не заключалось, в противоположность процессу «первоначального накопления» — прологу капитализма, в отделении непосредственного производителя от средств производства. Основу сложения феодальных отношений составлял процесс размежевания социальных функций — функции военная и управленческая, включая и судебную, отделились от функции производственной; и в то время как непроизводственные функции все более концентрировались в руках вождя и его окружения, знати, а также церкви, производственная функция сделалась главным и решающим признаком крестьян, простого люда. Этот вид общественного разделения труда, лишь отчасти намечившийся в начале Средневековья, стал углубляться в последующий период.

Когда мы читаем в капитуляриях франкских королей VIII—IX вв. о последовательном перемещении бремени воинской службы с народа на плечи профессиональных воинов, образовывавших королевскую кавалерию, то это означало не только монополизацию последними — отдаленными предшественниками феодального рыцарства — военного дела, но и создание более благоприятных условий для ведения крестьянами хозяйства. Непосредственный производитель не мог сочетать земледелие и скотоводство с воинской службой, исполнение которой отрывало его от дома и поля. Источники свидетельствуют о том, что простолюдины всеми правдами и неправдами старались уклониться от военной повинности — им нужно было возделывать землю и кормить семью.

Не «разложение общины» и «разорение» общинников было источником феодализации, но превращение основной массы народа в крестьян, поглощенных сельскохозяйственным трудом, сделало неизбежным возвышение знати, сосредоточившей в своих руках военное дело, суд, управление, охрану порядка и власть над простолюдинами. Прогрессировавшее размежевание социальных функций — вот основа процесса феодального развития общества и вместе с тем возникновения первых элементов государства, ибо король получал в свое распоряжение профессиональную воинскую силу. Естественно, что параллельно и иные непроизводственные функции начали концентрироваться в руках вооруженной и влиятельной знати. Это разделение общественных функций способствовало развитию производительных сил, но вместе с тем оно создавало условия для социального и правового подчинения крестьян власти обладателей этих функций. С утратой своей былой роли в народном ополчении или в судебном собрании рядовой свободный человек неизбежно попадал в сферу власти вооруженного и могущественного господина и терял личную свободу и правовую дееспособность.

3. Но и это еще не означало становления феодального государства, поскольку реальная власть не концентрировалась в руках короля — главы складывавшейся иерархии, а присваивалась местными правителями — крупными сеньорами. Сеньор — не просто крупный земельный собственник, это прежде всего «конный, людный и оружный» господин, обладатель политической власти. Он правит в своих владениях, и власть его распространяется главным образом на людей, носит личный характер. Он могуществен постольку, поскольку управляет подданными, распространяет на них свой военный и судебный контроль. Что касается «государств» раннего Средневековья, то, несмотря на подчас весьма высокие идеологические и политические притязания, вплоть до того, что они якобы представляют собой непосредственное продолжение Римской империи, на деле эти образования были в высшей степени рыхлыми, внутренне не спаянными и слабо организованными и, как показала их судьба, в том числе и судьба империи Каролингов, — эфемерными. Бросается в глаза контраст между внешним оформлением и блеском и внутренней слабостью империй раннего Средневековья, будь то империя Каролингов, захвативших почти весь Запад, или монархия датского короля Кнута, обладавшего помимо датской короны коронами

Англии и Норвегии, или «империя Рюрикovichей». Эти обширные политические образования не опирались ни на какие внутренние силы сцепления и распадались вместе с кончиной своего главы или вскоре после нее. Ибо они не располагали эффективно действующим аппаратом власти и были по существу эфемерными объединениями разрозненных племенных и иных этнических единиц, живших собственной обособленной жизнью. Ни одна из этих «империй» не пережила рубежа, который отделяет начало Средневековья от последующего периода. Нет серьезных оснований придавать им статус государства, если, разумеется, всерьез относиться к этому понятию. Атрибуты власти, которыми располагал глава подобного политического образования, не представляли собой его монополии — ими обладали и его вассалы, крупные сеньоры, правившие отдельными частями «государства»: им принадлежало право суда вплоть до «высшей юстиции», они обладали собственными вооруженными отрядами, собирали подати и другие доходы, а главное, они-то и располагали реальной властью над людьми. Все эти политические образования опирались не на территориальную организацию, а на систему межличных социальных связей, и этот вассалитет был несовместим с государством.

Внутренняя слабость этих «королевств» и «империй» компенсировалась непрерывной широкой экспансией вовне. Ресурсы, необходимые для их правителей, поступали в большей мере из покоренных ими соседних стран, от племенных и других вождей, принужденных стать их вассалами. Когда же эти соседи получали военный перевес, сразу обнаруживалась «врожденная» непрочность раннесредневековых политических объединений. Нападения арабов, венгров и скандинавов нередко объясняют феодальной раздробленностью «государств» Запада, вызванной якобы успехами феодализации — но не правильнее ли было бы сказать, что причина коренилась прежде всего в том, что эти нападения не встретили на своем пути государственных объединений? Их еще по сути дела не было или они пребывали *in statu nascendi*. Когда же в XI в. раннефеодальные государства приобрели реальные очертания, эта «вторая волна Великих переселений народов» была приостановлена.

4. Так выглядит ситуация в раннесредневековой Европе в глазах непредубежденного историка. Но было бы нелишне выяснить, как она представлялась самим современникам, людям того времени. Разумеется, их умственные конструкции идеологически детерминированы и могут быть расценены как своего рода социальные иллюзии, как симптомы «ложного сознания». Однако какие аспекты общественного и политического устройства они выделяют в первую очередь? Я полагаю, что было бы опрометчиво абстрагироваться от тех оценок, которые были даны политическим реальностям тогдашними людьми. К ним стоило бы присмотреться хотя бы уже потому, что идеологические и иные представления людей включаются в их социальную практику и без них она не осуществляется.

Когда мы имеем дело с человеческим обществом, неправомерно рассматривать его лишь извне, наподобие естественнонаучного объекта — необходимо попытаться проникнуть в его саморефлексию. Мы нашли бы при таком способе рассмотрения, единственно адекватном при изучении истории, немало поучительного и полезного для нашего научного анализа, который, странным образом, историки все еще нередко моделируют по образцу естественных наук.

И здесь медиевист сталкивается с понятием *ordo*.

Е. М. Штаерман пишет, что в Риме социальная дифференциация первоначально имела функциональный характер, лежавший в основе римских *ordines*. Эти *ordines* были сходны с группами, возникающими в результате примитивного разделения труда как в производственной, так и в непроизводственной сферах, еще нечетко отделенных друг от друга. Мне представляется, что это соображение имеет большое значение, выходящее за пределы рассмотрения одной только римской истории. Во всяком случае, оно важно для медиевиста.

Любопытно, что в средневековой Европе понятие *ordo* появляется в первой трети

XI в. в сочинениях церковных иерархов, пытавшихся осмыслить существующий общественный строй. Что же это за средневековые *ordines*? Призывая деление людей в зависимости от личного статуса, в соответствии с «человеческим законом», на свободных и сервов, т. е. зависимых, эти авторы (епископы Адальберон Ланский и Герар Камбрейский) вместе с тем пишут, что общество делится на три *ordines*: *oratores*, *bellatores* и *laboratores*. Все эти *ordines* призваны поддерживать друг друга и сотрудничать между собой: «молящиеся», т. е. духовенство и монахи, пекутся о душах христиан, «воины», т. е. рыцарство, защищают их от нападений врагов, а «пахари» или «работники» обеспечивают всех средствами к существованию. Между этими *ordines*, возглавляемыми монархом, необходимо согласие, ибо «дом божий», как именуют общество французские епископы, прочен постольку, поскольку не раздирается внутренней враждой.

Современные французские историки (Ж. Дюби, Ж. Ле Гофф) усматривают в этой трюичной схеме отголосок общей для индоевропейцев «идеологии», гипотетически реконструированной Ж. Дюмезилем. Они отмечают, что эта трехфункциональная схема социального устройства не соответствовала реальному многообразию жизни. В частности, она игнорировала горожан, купцов и ремесленников, которые к XI в. уже сложились в существенный компонент социальной жизни Европы. Но, может быть, эта схема вовсе и не была задумана как сколок с действительности? На взгляд средневекового человека, целое обладает приоритетом перед частями и последние ему подчинены. Они существуют не сами по себе, но лишь в качестве компонентов этого целого и в нем находят свое оправдание и обоснование. Идея трехфункционального общественного строя воспроизводилась на протяжении всего Средневековья. Не вызывает сомнения, что эта идея служила интересам складывавшихся правящих сословий. Но в данном случае важно другое: в ней была выражена сущность феодального общества, построенного именно на последовательном расчленении и обособлении социальных функций.

Не можем ли мы заключить, что феодальное общество пришло в лице своих теоретиков к осмыслению собственной специфической природы на том этапе своего развития, когда оно достигло определенной степени зрелости? Нельзя не обратить внимания и на то, что трехфункциональная схема складывается в непосредственной связи с осознанием монархией своей значимости. Еще раньше в перевод трактата Бозция на древнеанглийский язык король Альфред включил текст, который отсутствовал в оригинале. Рисуя облик идеального государя, этот английский король конца IX в. писал, что средством и материалом, необходимым для успешного осуществления миссии монарха, служат три «состояния»: «те, кто молится (*gebedmen*)», «те, кто воюет (*fyrdmen*)» и «те, кто работает (*weorsten*)». И этот же мотив — *ordines* подчинены монарху и служат укреплению его власти — находим мы полтора столетия спустя и у упомянутых французских епископов. Затем он надолго закрепляется и в литературе, и в изобразительном искусстве.

5. Итак, вывод, к которому приводит современного историка анализ процесса феодализации, а именно: что в основе лежало последовательное разделение социальных функций на функции военные, судебные, управленческие и религиозно-идеологические, с одной стороны, и функции производственные — с другой, разделение, оформившееся в конституировании господствующего класса-сословия крупных землевладельцев и класса-сословия зависимых крестьян, — этот вывод находит полное соответствие в идеологии самого феодального общества. Я не склонен отмахиваться от этого совпадения. Момент осознания обществом своей природы всегда есть важный этап его развития и показатель зрелости сложившихся отношений. Идеальные конструкции, вырабатываемые теоретиками и призванные объяснить социальную действительность, суть не только ее отражение, но вместе с тем и важный инструмент оформления этой действительности, ее утверждения и упрочения. Сами эти идеологические представления включаются в существующую структуру в качестве неотъемлемого ее компонента. Богословская форма, которую обрело учение о трех взаимосвязанных и взаимозависимых *ordines*, была в тех условиях единственно возможной и приемлемой формой со-

циально-политической идеологии. Разумеется, такое осознание могло несколько запаздывать по сравнению с реальным положением дел, но оно могло и опережать его.

С конца X и в XI в. в Западной Европе начинает укрепляться монархическое государство. В одних случаях его становление идет за счет собирания земель вокруг королевского домена (Франция — классический пример), в других — оно резко ускоряется под воздействием завоевания (Англия после подчинения ее нормандским герцогом Вильгельмом Незаконнорожденным в 1066 г.). Известны и другие варианты (Германия, Италия, страны Скандинавии). Процесс этот был в высшей степени многообразен. Далеко не везде он происходил в одно и то же время. Однако существенно подчеркнуть: он развивался не как простое отражение внутреннего классового размежевания общества, шедшего на чисто экономической основе, но в результате необходимого расчленения социальных функций.

Мне трудно присоединиться к Е. М. Штаерман, когда она говорит о «базисных» и «надстроечных» явлениях, ибо как отделить «базис» от «надстройки», т. е. экономику от политики, в обществе, в котором социальные отношения имеют межличную природу и экономическая власть есть вместе с тем и прежде всего власть политическая? Выдающийся французский медиевист Ж. Дюби предпочитает говорить не о «феодалном», а о «сеньориальном» способе производства; мне кажется, он имеет в виду эту реальную невозможность безболезненно обособить власть от собственности в обществе, в котором отношения эксплуатации строились преимущественно на внеэкономической основе, а могущество феодальных сеньоров, по известному определению Маркса, измерялось численностью их подданных, а не пространствами их земельных владений или величиной получаемых ими доходов. Такая природа социально-экономических отношений не могла не определять и специфику самого феодального государства, наиболее важным признаком которого была система личных связей между сюзереном и его вассалами.

Сказанное выше слишком сжато выражает ход моих мыслей и лишено должной аргументации. Но это ведь не более чем реплика по поводу дискуссионной статьи Е. М. Штаерман, которая побуждает историков вновь обсудить актуальную и в высшей степени важную проблему. В оправдание краткости моих заметок я позволю себе сослаться на книгу «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» (М., 1970), в которой я отчасти уже развивал сходную аргументацию.

А. Я. Гуревич

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

© 1990 г.

М. Андроникос*

ЦАРСКИЕ ГРОБНИЦЫ В ВЕРГИНЕ

(Из истории раскопок)

В 1977 г. исполнялось 25 лет со дня первой попытки археологов раскрыть тайну Большого Кургана в Вергине. 8 ноября мы с коллегами прибыли к македонской гробнице, мирно покоившейся в глубине земли 2300 лет. Прошло более сорока лет с тех пор, как с профессором К. А. Ромэем мы впервые посетили небольшое селение на северном склоне Пиерии, в 70 км северо-западнее Фессалоник, с которым в дальнейшем была связана вся моя жизнь. Будучи еще студентом, с 1937 по 1940 г. я уже сопровождал моего учителя, когда при раскопках дворца он обнаружил превосходную македонскую гробницу III в. до н. э. с мраморным тронem, который произвел на всех сильное впечатление. Там меня застала война, и как только после превратностей военного времени я снова вернулся в 1945 г. в Грецию, первой моей мыслью было отправиться именно на место наших предыдущих раскопок. Когда же я вновь присоединился к Греческой Археологической миссии, меня, как бы нарочно, снова направили в тот же самый район. Поэтому я неминуемо должен был начать раскопки как раз в том месте, где впервые постигал тайны науки у своего учителя; побуждаемый им, я и заложил первый пробный ров на вершине Большого Кургана.

Надо сказать, что Большой Курган расположен на обширном «кладбище» малых курганов; раскопки, давшие превосходные результаты, показали, что наиболее ранние захоронения в них датируются приблизительно 1000 г. до н. э., а позднейшие — концem эллинистического периода. После первых зондажей Большого Кургана в 1952 г., закончив обследование могильных холмов кладбища, уже в 1962 и 1963 г. я предпринял еще две попытки обнаружить захоронение, лежавшее, по моим расчетам, под самым крупным холмом. Хотя мои попытки не увенчались успехом, в толще земли было обнаружено несколько фрагментов могильных плит, брошенных за непригодностью. Закончив раскопки дворца, я решил сосредоточиться на Большом Кургane, завершив круг моей археологической деятельности там, где начинал.

Последнюю попытку я предпринял в 1976 г. Результаты раскопок того года имели решающее значение: хотя и не было достигнуто долгожданной цели, я получил данные, которые привели к идеям и соображениям, побудившим меня продолжить работы. Эти данные совершенно определенно

* Профессор Университета, Фессалоники.

Рис. 1. Плутон и Персефона на колеснице

говорили о том, что: 1) Эги — первая столица македонских правителей — располагались в районе нынешней Вергины, как это и предположил несколькими годами ранее английский историк Никлас Хэммонд; 2) здесь же следовало искать и могилы македонских царей, которые в соответствии с родовыми обычаями несомненно были погребены в Эгах; 3) Большой Курган в Вергине, по всей вероятности, — царский могильник, который скрывает в себе гробницу или гробницы царей; 4) будущие раскопки обещали быть необычайно интересными: можно было надеяться найти царское захоронение, первую неразграбленную македонскую гробницу, причем действительно гробницу царя. Свои прогнозы и предположения

я опубликовал в 1976 г.¹, утверждая, что дальнейшие раскопки могут принести самые неожиданные результаты.

Полный надежд, 31 августа 1977 г. я приступил к раскопкам. К началу октября в подошве холма были обнаружены три помещения, а 8 ноября с моими коллегами, доктором Стеллой Другу и доктором Хризой Палиаде-ли мы подошли вплотную к неразграбленной македонской гробнице, размеры которой были приблизительно равны $10 \times 5,5$ м, а высота — 6 м.

Из трех обнаруженных нами строений одно — святилище Героев — было разрушено до основания, два других, сохранившихся полностью, были подземными гробницами. Первая усыпальница была прямоугольной ($3,5 \times 2,09$ м, высота — 3 м) и не имела входа. Захоронение производилось через верхнее отверстие, которое затем закрывали большим продолговатым блоком. Гробница была разграблена в древности, причем грабители вынесли все содержимое, оставив несколько глиняных черепков и разбросанных в беспорядке костей. По керамике захоронение можно было датировать серединой IV в. до н. э., возможно 340 г. до н. э. Хранившиеся в гробнице приношения были, вероятно, очень ценны, и для нас это огромная потеря. И все же нанесенные такой урон грабители были не в состоянии вынести самую большую ценность этого помещения — настенную роспись. Это было для нас неожиданной компенсацией не только потому, что живопись прекрасно сохранилась на трех из четырех стен (особенно на длинной северной стене), но и потому, что она являла собой уникальный образец монументальной живописи IV в. до н. э. (рис. 1). Сюжетом росписи было похищение Плутоном Персефоны. Эта прекрасная композиция выполнена на поверхности в 3,5 м длиной и 1 м высотой. Бог подземного царства, изображенный на своей колеснице, в правой руке держал узду и скипетр, а левой рукой обнимал обнаженный торс молодой богини, в отчаянии заломившей тело и руки. Производит необычайно сильное впечатление манера, в которой художник написал полное жизни молодое тело в минуту отчаяния. Впереди четырехупряжной колесницы бежит бог Гермес, указывая коням путь в Аид. За колесницей — исполненная ужаса коленопреклоненная подруга Персефоны (Клиана?), здесь же на земле брошенные цветы, только что собранные двумя женщинами.

Художественное мастерство рисунка исключительное. Предварительно сделанные на штукатурке эскизы показывают, что художник, работая в свободной манере, превосходно владел техникой рисунка. Конечная композиция в точности соответствует замыслу и пластике фигур, наполнена большой выразительной силой. Художник писал легко и быстро, что ясно прослеживается в свободных мазках кисти, особенно на лице Плутона. Кроме завораживающего рисунка бросается в глаза блестящий колорит: приглушенную палитру теплых красно-коричневых тонов — сиреневое одеяние бога, красный цвет колесницы, и коричневый, преобладающий в фигуре Клианы, — живописец обогащает дополнительными переходными тонами, создавая поистине великолепную композицию.

Любому зрителю ясно, что композиция выполнена большим художником. Очищенная и закрепленная на стене реставраторами Греческой Археологической службы под руководством художника Ф. Захариу, живопись находится в настоящее время в прекрасном состоянии. На основании данных античных историков я могу высказать предположение, что автором этого произведения был известный по письменным источникам знаменитый живописец середины IV в. до н. э. Никомах.

¹ См., например: *Andronicos M. Excavation in the Great Tumulus at Vergina // Athens Annals of Archaeology. 1976. IX. P. 123—130.*

Рис. 2. Вид фасада Гробницы Филиппа

Роспись других стен сохранилась хуже. В неплохом состоянии дошла до нас сидящая фигура богини, вероятно Деметры, на восточной стене. На южной стене можно различить три фигуры, особенно в хорошем состоянии та, которая находится в восточном углу. Скорее всего здесь изображены три Парки, однако сохранность композиции не дает оснований для столь однозначного вывода. Дальнейшее обследование росписи, возможно, приведет к более конкретным заключениям.

К северо-западу от этого помещения был обнаружен карниз фасада уже упоминавшейся так называемой «македонской гробницы» (Гробница II), большой камеры со сводчатым перекрытием, какие нередко встречаются в Македонии. Все ранее встречавшиеся нам македонские захоронения были разграблены. Поэтому до тех пор, пока мы не обнаружили «малую» гробницу с добычей лишь в виде настенной росписи, я надеялся найти нетронутую гробницу под громадой Большого Кургана (размеры: 110 м

в диаметре, высота — 12—14 м). Теперь же я стал опасаться, что и эти гробницы не избежали общей участи.

С такими мыслями я приступил к расчистке фасада Гробницы II, который оказался украшенным художественной росписью (рис. 2). Пришлось немедленно обратиться за помощью к экспертам, которые выполнили деликатную задачу расчистки фасада от земли, в результате чего вскоре оказался расписанный по низу фасада фриз. Когда удалили землю, нам открылась уникальная настенная роспись: фриз размером 5,56 м в длину и 1,16 м в высоту занимал всю ширину фасада.

Сюжетом послужила сцена охоты. На левом краю был изображен пронзенный копьём олень, чуть ниже — движущаяся фигура мужчины, слева, на заднем плане — всадник, сильно уменьшенный в размере и развернутый к зрителю на три четверти со спины. Здесь же изображены: засохшее дерево, идущий мужчина с дротиком, высокая стела, а справа — еще одна мужская фигура, спешащая к зверю (вепрю?), загнанному собаками. Рядом еще одно засохшее дерево, а дальше, в центре композиции и фасада — привставший на коне юноша в венке, держащий в правой руке копьё. Его поза напоминает позу Александра на известной мозаике из Помпеи в музее Неаполя. Третье засохшее дерево служит фоном этой центральной фигуры. Справа от дерева композиция становится более людной, на ней более всего сосредоточился художник. Две мужские фигуры — одна с копьём, другая с дротиком — готовятся атаковать льва, обложенного собаками. На заднем плане, чуть выше фигуры льва вот-вот пронзит дикого зверя всадник с занесенным над головой копьём. Его голова наполовину скрыта мордой коня, однако ясно, что это центральная фигура композиции, которая имеет индивидуализированные черты портретного сходства. Правую часть композиции занимают две движущиеся фигуры, одна из которых протягивает сеть для ловли зверя.

Нет сомнений, что это первоклассное художественное произведение и вместе с настенным изображением Плутона из Гробницы I — уникальный образец сохранившейся до наших дней греческой живописи. Хотя оба произведения близки друг к другу по времени, существуют значительные различия в стиле. Сцена охоты выписана не столь рельефно, живопись мягче, в то время как композиция более сложна. Видно, что художник работал с обдуманной тщательностью, учитывал возможности, предоставляемые размерами, а также трудности, которые предстояло преодолеть. С самого начала здесь есть попытка обозначить ландшафт и пространство, в котором движутся фигуры: бегущий слева олень, скачущий на заднем плане всадник, деревья, стела, еще один всадник, движущийся на зрителя, размещение животных на разных уровнях — все это создает чувство пространства и ландшафта. Я рискнул бы утверждать, что пейзаж тяготеет к третьему измерению, к выходу за пределы пространства сюжета, хотя выписано это недостаточно четко.

Явно различим эффект соседства светлого заднего плана с очень темными деревьями и животными, видна связь полутонов теплых (желто-оранжевый, светло-красный, коричневый, светло-лиловый и пурпурный) и холодных (зеленый, пятна голубого) цветов.

Мне кажется, что особенности рисунка и композиции, такие явно необычные мотивы, как сухие деревья, выбор цвета, роднят это произведение с сюжетом Битвы Александра, которая, видимо, послужила моделью для мозаичного полотна об Александре. Если же, как полагает большинство исследователей, полотно выполнено ок. 320 г. до н. э., тогда уместно предположить, что сцену охоты расписывал тот же живописец несколькими го-

дами ранее. Битва Александра — произведение более сложное, сделанное более зрелым мастером. Настенная же роспись Вергины — результат работы художника, еще не достигшего вершин мастерства. Судить более определенно, чем на основании этих первых впечатлений, наверное, преждевременно, по крайней мере до тех пор, пока роспись не будет тщательно изучена. Сейчас же можно лишь утверждать, что это очень значительное свидетельство величия искусства древней Греции.

Допуская, что грабители уже пытались открыть дверь гробницы, я принял решение копать в центре фасада. Освободив от земли верх открытой двери, я мог бы заглянуть внутрь и, если возможно, туда проникнуть. После расчистки большая двустворчатая мраморная дверь неожиданно предстала перед нами целой и невредимой — это единственная дверь из древней Греции, через века дошедшая до нас в таком виде. Это означало, что скорее всего, почти наверняка, гробница не подверглась разграблению. Размеры гробницы, великолепная роспись фасада вместе с «малой» гробницей и святилищем Героев наводили на мысль, что она должна принадлежать очень важной персоне. К тому же размер Большого Кургана давал основания полагать, что это место царского захоронения, а черепки, найденные перед фасадом, датировали его временем ок. 340 г. до н. э. Неудивительно, что все это вместе взятое рисовало перед нами очень волнующие перспективы. Мы уже обнаружили две великолепные росписи, а теперь стояли на пороге раскрытия тайны, которую гробница хранила 2300 лет. Усилил 25-летний период могли увенчаться самым непредвиденным образом.

Мы сразу изменили график раскопок. В конце октября начинался период дождей, иссякали и средства, выделенные на раскопки: по плану мы должны были заморозить работу до наступления следующего года. Теперь же, когда мы были почти уверены, что гробница нетронута, надо было продолжать работы, не только для того чтобы, заглянув внутрь, увидеть, что там находится, но прежде всего ради того, чтобы сохранить ее содержимое. Как археолог в тот момент я чувствовал огромную ответственность момента: надо было принимать решение быстро и к тому же наверняка.

Прежде всего следовало решить, как проникнуть внутрь. Пытаться открыть двери без того, чтобы не повредить их, без риска разрушить фасад конструкции и тем самым нанести серьезный ущерб росписи, не представлялось возможным. Я решил, что есть единственный путь. Из долгого опыта раскопок македонских захоронений я знал способ, с помощью которого древние грабители легко проникали внутрь без ущерба для себя и конструкции: следовало убрать центральную плиту вверху перекрытия — тот основной камень, который подпирался боковыми сторонами свода. Плита эта, обычно небольшая по размеру, всегда лежит последней в центре конструкции перемычки, поэтому может быть удалена легко и без хлопот. Но для этого следовало расчистить весь свод — работа, которую мы планировали провести в следующем году.

Работы были начаты немедленно. Добравшись до верха перекрытия, мы столкнулись с двумя сложностями. Первое: весь верх свода был покрыт толстым слоем штукатурки — до сих пор мы не встречали такого ни в одной македонской гробнице. Второе: на западной стороне перекрытия наткнулись на груды сырцового кирпича. На некоторых отчетливо различались следы огня и остатки белого покрытия. Тщательное их обследование было вознаграждено: в центре кучи земли и кирпичей мы нашли два железных меча, наконечник стрелы и много фрагментов конской сбруи.

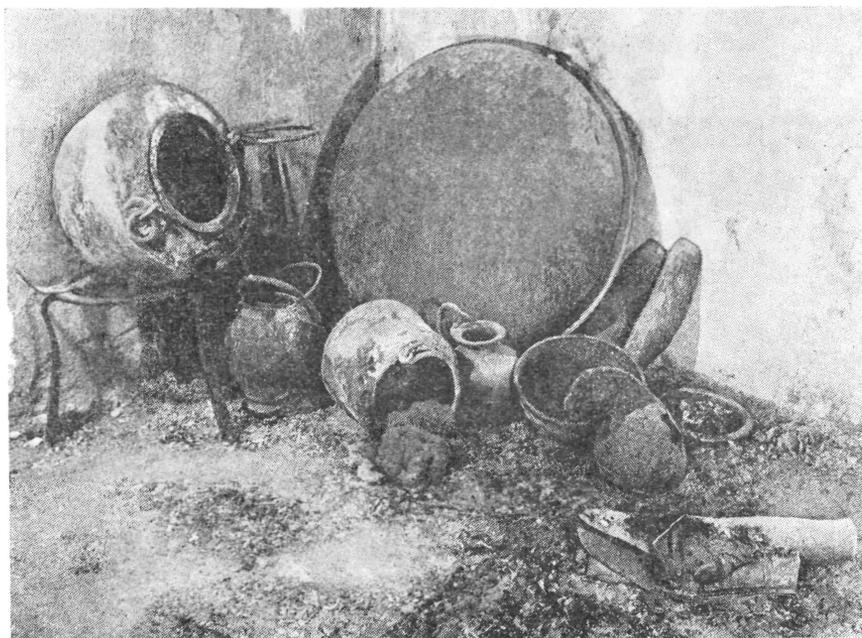

Рис. 3. Бронзовые сосуды для умывания и оружие в юго-восточном углу помещения

Все эти вещи были обуглены и, по-видимому, перенесены сюда из погребального костра после кремации. Видимо, в жертву был принесен и конь, если вспомнить описание похорон Патрокла у Гомера, когда на погребальный костер друга Ахилл возвел, принеся в жертву, четырех коней. Вместе с железными предметами были найдены обломки золотой диадемы (теперь мы знаем, что эти фрагменты — часть большой диадемы из саркофага, захороненной вместе с останками) и множество обгоревших кусочков слоновой кости. Не повредив основной конструкции, мы сняли кирпичи, за которыми находилась центральная плита перемычки.

Все было готово к вскрытию гробницы в четверг 8 ноября 1977 г., в день, когда греческая ортодоксальная церковь отмечает день архангелов Михаила и Гавриила. Среди собравшихся были археологи, технические сотрудники Археологического музея в Фессалониках, два архитектора, реставраторы строительных остатков, реставраторы живописи и фотограф-археолог.

Когда убрали плиту, я прежде всего оглядел внутренние стены. Роскошная роспись фасада позволяла надеяться на нечто подобное и внутри гробницы. Но мы были глубоко разочарованы, обнаружив, что стены покрыты слоем грубой штукатурки. Я бегло оглядел пол у западной стены помещения: все предметы, находившиеся там во время захоронения, по-прежнему оставались на местах. На полу сохранились остатки, по-видимому, деревянной мебели, а по обе стороны помещения — металлические предметы в очень хорошем состоянии: слева от наблюдателя — серебряные сосуды, справа — бронзовое и железное оружие и утварь. Было видно, что за главным помещением расположена вторая камера, отделенная от первой мраморной дверью, как и на фасаде полностью сохранившейся и нетронутой. Прямо под отверстием перемычки свода у самой западной

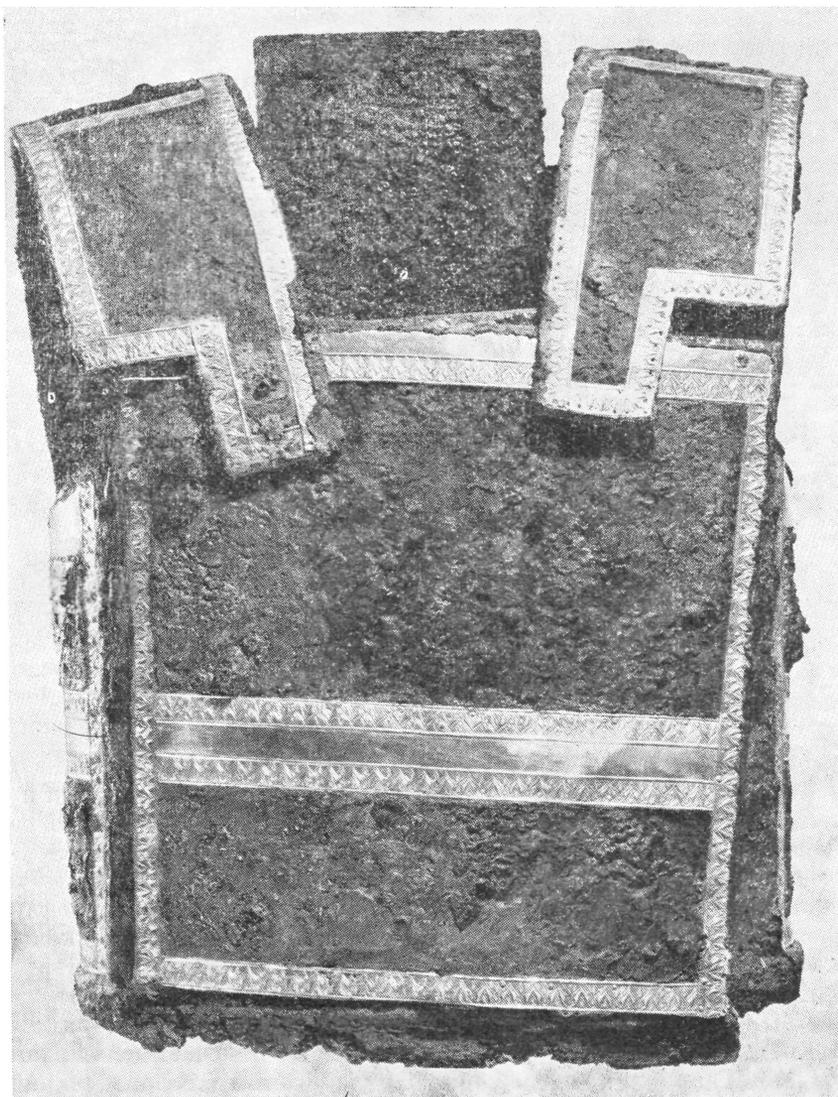

Рис. 4. Железный панцирь из Гробницы Филиппа

стены помещения стоял четырехугольный мраморный саркофаг. Я предположил, что в нем находится урна с пеплом.

Следующие дни были полны невероятных событий, отчасти дополнявших наши предположения, а отчасти сенсационных. Необходимость описать находки непосредственно на месте их расположения вынуждала нас действовать с предельной осторожностью. Больше не было сомнений в том, что в юго-западном углу помещения находятся бронзовая утварь, бронзовое и железное оружие (рис. 3). Там были два больших бронзовых кубка, бронзовые чаши для возлияний, бронзовый сосуд для вина, бронзовый и железный треножники. Умиляла большая губка в горлышке опрокинутого сосуда. Наше любопытство вызвала большая емкость с пробитыми от-

верстиями — тип редкий, однако уже встречавшийся: несколько лет назад в гробнице около Фессалоник был обнаружен подобный предмет. Никто не мог разгадать его назначения. Теперь, заглянув внутрь, мы получили ответ: в сосуде помещалась глиняная лампа, установленная на железном основании, — это был светильник.

К одной из стен был прислонен большой круглый бронзовый предмет, напоминавший щит. Рядом лежала пара наголенников, железный шлем — первый македонский шлем, который мы когда-либо держали в руках, неподалеку — еще одна пара бронзовых наголенников. Около шлема находился большой блестящий круглый предмет из золота и серебра. Подобного мы еще не встречали. Подняв щитообразный предмет, мы решили, что он не мог быть щитом, поскольку не имел наручника или каких-либо других принадлежностей щита. Под этим предметом у самой стены в беспорядке лежали обломки различных материалов, можно было обнаружить кусочки слоновой кости и золотые полоски с остатками орнамента. Снова подумали о щите: эти предметы могли быть остатками щита, выполненного из дерева и кожи с хрисоэлефантинным орнаментом (дерево и кожа, по-видимому, истлели и рассыпались в прах). В этом случае бронзовый предмет не мог быть ни чем иным, как футляром щита. С самого начала этот щит настолько овладел моим воображением, что я объявил его самой замечательной находкой гробницы. Чутье не подвело меня, поскольку теперь, когда реставраторы под руководством Георга Петкусиса закончили восстановительные работы, можно сказать, что щит этот действительно поистине уникален. Периферийную его окружность покрывал волнистый орнамент из слоновой кости, изящных золотых пластин с вкраплениями стекла. Центр щита был позолочен, на нем располагалась резная группа из слоновой кости: две фигуры высотой 0,35 м. Стоящий мужчина поддерживает женщину, ноги которой подогнуты в коленях, она готова упасть (Амазономахия?). На внутренней стороне щита перекрещиваются четыре широкие золотые полоски с рельефами, на которых изображены крылатые богини победы. По центру у рукояти проходит широкая тонкая пластина с изображением четырех геральдических львов, пустота между ними заполнена орнаментом.

Еще один уникальный предмет македонского вооружения — железный панцирь — лежал на полу несколько южнее центра помещения (рис. 4). По форме он напоминал доспехи Александра Великого на мозаике в Неаполе. Нагрудник состоял из пяти скрепленных пластин, что делало его удобным для пользования, наплечники были выполнены из четырех добавочных так же скрепленных пластин. Эти замечательные железные пластины, надевавшиеся на кожу или иной другой материал, окаймлены узкой золотой полосой с рельефным орнаментом и более широкой горизонтальной золотой полоской, украшенной изнутри и снаружи. Спереди панцирь украшают шесть золотых львиных головок, которые служили застежками для кожаного ремня, скреплявшего наплечники и переднюю часть панциря с боковыми, где были расположены еще две львиные головки. Внизу панцирь имеет 58 золотых накладок. В общем это была в высшей степени замечательная находка. Уже только эти два военных доспеха — щит и панцирь — наводили на мысль, что их обладатель был не просто царем, но исключительно могущественным царем и человеком высокой культуры.

У северной стены находились серебряные сосуды для вина, обычно используемые на пирах (рис. 5). Все эти произведения искусства самой высокой пробы свидетельствовали о давно существующей художественной

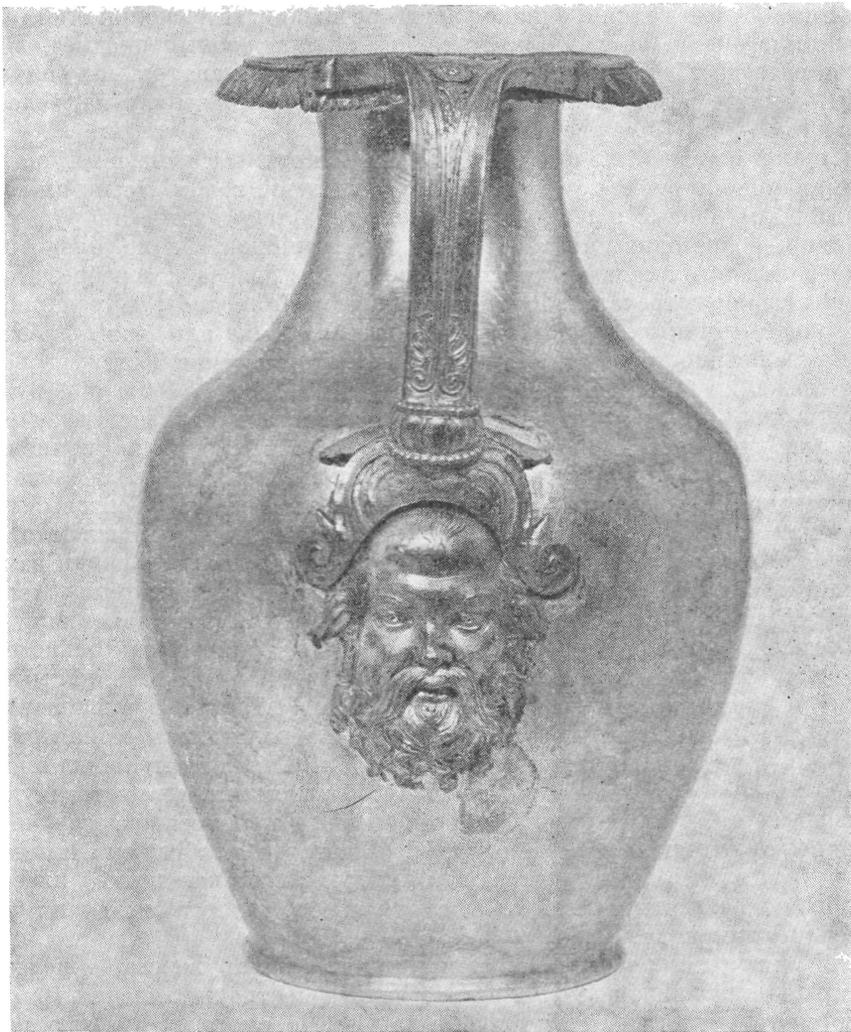

Рис. 5. Одна из двух серебряных ойнохой из Гробницы Филиппа

традиции. По сравнению с некоторыми схожими предметами, найденными в других богатых захоронениях, они обнаруживают черты особой оригинальности, что позволяет отнести их к шедеврам греческого искусства обработки металла. Высочайший уровень мастерства особенно заметен на маленьких рельефных головках рукояти; головки позволяют понять истинную художественность греческой скульптуры IV в. до н. э., знакомой нам, как правило, по слишком изысканным и подчеркнuto преувеличенным римским копиям, не дающим представления об оригинале. Здесь перед нами последние всплески подлинно классической традиции, еще не испытавшей будоражащего, насильственного влияния эллинистического барокко, которое придавало ей новые межнациональные черты. С этой точки зрения есть основания отнести гробницу ко времени до 330 г. до н. э.

Разрозненные фрагменты деревянной мебели, найденные перед четырехугольным мраморным саркофагом, могли принадлежать богато украшен-

Рис. 6. Головка из слоновой кости, высота 3,4 см. Идентификация с Александром почти не вызывает сомнений

Рис. 7. Головка из слоновой кости, высота 3,2 см. Ее идентификацию с Филиппом можно принять за достоверный факт

ному ложу. Остатки его с самой тщательной предосторожностью были перенесены на оборудованную в стороне рабочую площадку. По мере продвижения восстановительных работ мы могли судить, сколь своеобразную вещь мы потеряли. Однако вскоре появились достаточные данные для воссоздания внешнего вида ложа, по крайней мере в отношении тех его частей, которые были сделаны из слоновой кости и не были разрушены полностью (большинство украшений, к счастью, были выполнены как раз из стекла и слоновой кости). Таким образом мы узнали, что ложе имело фриз со скульптурными миниатюрами людей и мифологических персонажей, выполненными из слоновой кости. Мифологические фигурки располагались по нижнему краю, а человеческие изображения — в самом верху. Музу, играющую на лире, восхитительного сидящего Диониса, две гермы, и треножник можно, видимо, отнести к первому ряду изображений. Из второй группы сохранилось несколько разрозненных конечностей, а также несколько небольших головок. Эти головки имели, вероятно, индивидуализированные черты и представляли образцы раннегреческого скульптурного портрета IV в. до н. э. Из них с большой степенью достоверности можно выделить портретное изображение Александра Великого, наиболее убедительное из всех, когда-либо найденных, хотя это изображение очень молодого человека, выполненное, должно быть, при его жизни (рис. 6). Вторая скульптурная головка, изображающая бородатого зрелого мужчину, — на мой взгляд, первоклассный портрет Филиппа (рис. 7). Волевые, несколько утомленные черты этого великого правителя с почти незаметным, однако недвусмысленным намеком на слепоту правого глаза поразительно напоминают портретное изображение Филиппа на золотом медальоне римского времени из Тарса. Оба эти пор-

трета — Филиппа и Александра, должно быть, созданные большим мастером, могут служить историческим свидетельством для интерпретации всего комплекса находок, обнаруженных в гробнице. Третья головка, имеющая разительное сходство с чертами Александра, могла принадлежать его матери Олимпиаде. Но поскольку сохранившихся миниатюрных скульптур мало и каждая из них имеет индивидуализированные портретные черты, необходимо чрезвычайно тщательное их изучение, прежде чем они окончательно могут быть идентифицированы с достаточной степенью уверенности. В тот момент можно было лишь утверждать, что каждая головка из слоновой кости — это произведение искусства, которое никоим образом нельзя спутать с обычной ремесленной поделкой; они созданы гениальным художником, в совершенстве владевшим техникой, обладавшим недюжинным интеллектом и остротой восприятия.

После реставрации мы получили некоторое представление и о ножках ложа: они были украшены пальметками и орнаментом слоновой кости с вкраплениями стекла, целиковые пластины прикреплялись к деревянному основанию ложа. Выяснилось, что спирали на ножках, изготовленные из слоновой кости, в центре были украшены полукруглыми стеклянными геммами. Сверху и вокруг спирали ножки были обложены тончайшими золотыми пластинами с оттиснутыми рельефами четырехупряжных колесниц, Менад, Эротов и т. п., покрытыми сверху стеклянными пластинами так, что золотые рельефы просвечивали сквозь прозрачность стекла.

Нужно было время, чтобы очистить, скрепить, сохранить и восстановить весь этот материал, состоящий в основном из бесчисленного числа разрозненных фрагментов. Но и в таком виде он служил неоценимым источником информации: вряд ли можно было рассчитывать на еще хотя бы одну столь невероятную археологическую удачу. Помимо художественной ценности содержимого гробницы, на примере произведений искусства мы имели возможность познакомиться с техникой классического эллинизма, о которой до сих пор имели очень слабое представление. Я думаю, что их изучение в Греции и за рубежом на основе самых современных методов анализа представит ценные сведения не только для археологов, но и для специалистов других областей.

Мы еще не вскрывали мраморный саркофаг, где я рассчитывал увидеть какой-либо сосуд с останками после кремации. Уровень прежних находок позволял надеяться, что саркофаг таит в себе нечто необыкновенное. Но и в самых смелых своих мечтах я никогда не мог себе вообразить то, что увидел внутри. На дне сверкала массивная золотая урна с многолучевой звездой, знакомой по изображениям на македонских щитах и монетах (рис. 8). По бокам располагался орнамент из лепестков лотоса, пальметок, стеблей, цветов, листьев и розеток. Наши изумление и восхищение сменились благоговением, когда мы ее вскрыли: мы увидели абсолютно чистые, будто промытые человеческие кости. Окрашенные в синий цвет, они носили след пурпурной ткани, в которую были завернуты. Сверху лежал смятый и сплюснутый роскошный золотой венец из дубовых листьев и желудей. Восстановленный в прежнем великолепии, он представляет теперь самый бесценный и пышный венец, доставшийся нам от античности.

Золотая урна с останками вновь возвращает нас к описанию похорон Гектора в последней песне «Илиады». Царское захоронение в Вергине в точности соответствует этому описанию: кости, извлеченные из погребального костра, промывали и, обернув в пурпурный пеплос, складывали в золотую урну. Такую золотую урну мы впервые держали в руках; этот

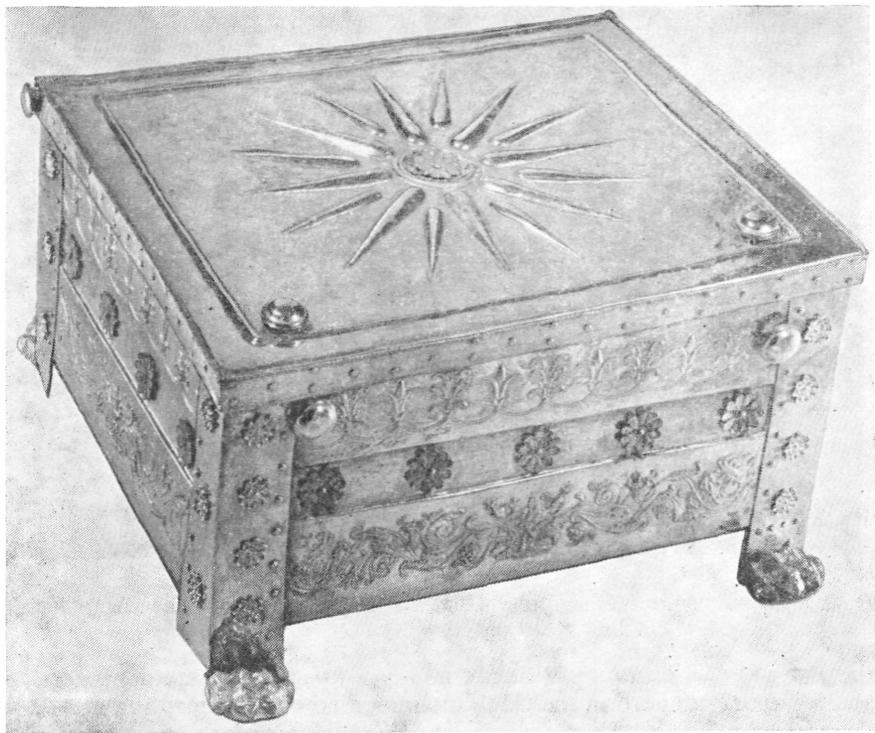

Рис. 8. Большая золотая урна внутри мраморного саркофага в основной камере Гробницы Филиппа

уникальный золотой саркофаг — самое большое сокровище, сохранившееся от древней Греции до наших дней, его вес 7,790 кг.

Когда эти бесценные предметы были отправлены в Археологический музей Фессалоник, перед нами снова стала задача — как же проникнуть в переднюю камеру. Мы не могли открыть мраморную дверь, не повредив материалы, находившиеся рядом. Единственно возможным способом было вынуть камень стены справа или слева от двери перегородки. Со всех точек зрения это было относительно легко и нехлопотно. Исходя из опыта предыдущих раскопок македонских гробниц (хотя мы сталкивались с уже разграбленными захоронениями), мы не особенно рассчитывали обнаружить что-нибудь особенное во входном помещении. Скорее мы надеялись встретить художественную роспись или керамику, которая уточнила бы датировку захоронения.

Когда проделали отверстие в стене, нас ожидали новые сюрпризы: прямо перед нами у южной стены предстал еще один мраморный саркофаг, несколько превышающий тот, который находился в главной камере. За саркофагом на полу под куском штукатурки мы обнаружили золотой венок. Благодаря реставраторскому искусству Д. Матиоса, восстановившего не только этот, но и многие другие шедевры, мы имеем теперь возможность любоваться замечательным античным венком. Изящная миртовая листва и чудесные цветы, искусно сочетаясь, кажется, вырастают из изящного овала венца, соединяя естественные и художественные черты, и как бы продолжают жить в произведении искусства.

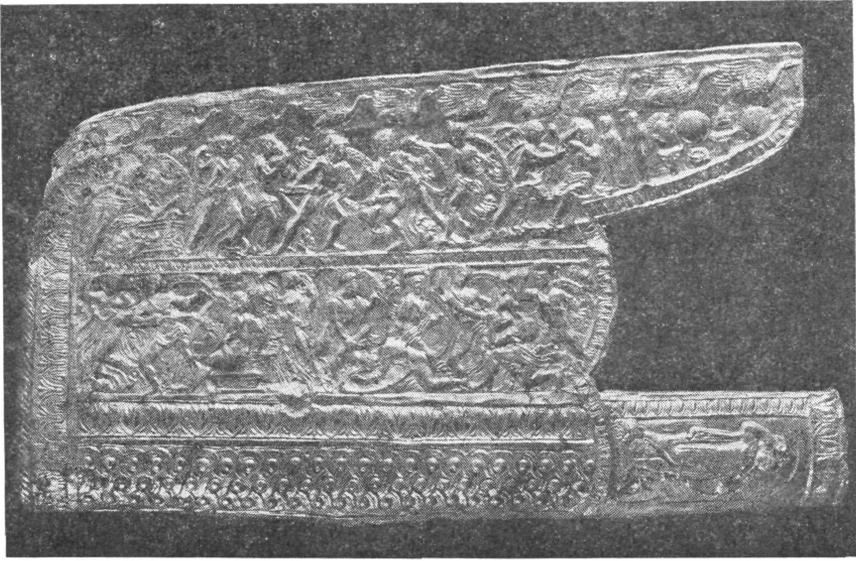

Рис. 9. Золотой горит, найденный у входа в Гробницу. Слева — стрелы, найденные внутри горита

Штукатурка этой камеры, белая внизу и красная в верхней части, оказалась в хорошем состоянии. Обвалившиеся со стен и потолка ее обломки тут и там покрывали пол. Здесь же было много разрозненных следов органического материала, очевидно, остатки истлевшей деревянной мебели или текстиля. Необычайно просторная, входная камера оказалась буквально набитой погребальщ^{ой} утварью. Прокладывая путь, я пристально всматривался в нишу, образованную двумя мраморными стелами, граничащими с внутренней мраморной дверью. Там стояла рельефная золотая пластина, скошенная по левому краю (рис. 9). Я сразу вспомнил скифские гориты (колчаны для стрел), найденные на юге России. Рядом лежала пара позолоченных бронзовых наголенников, причем левый был заметно короче. На полу лежали целые и побитые алабастровые сосуды для масла. У северной стены обнаружили изумительную золотую пектораль, рядом — две золотые Медузы, насколько я могу судить, самые восхитительные из всех известных с древности.

Золотая обкладка горита представляла собой пластину, разделенную на три части, две из них были украшены фигурными рельефами; третья, самая большая, украшенная орнаментальным рельефом, заканчивалась вверху фигурой стоящего воина. Изобразительные рельефы были объединены одним сюжетом: воины, облаченные в панцири и вооруженные мечами и щитами, ведут сражение, в то время как женщины, некоторые с детьми, ищут спасения у алтарей со статуями богов. Можно понять, что изображена сцена взятия города и победители врываются в храмы. Первое, что приходит в голову — падение Трои — излюбленный сюжет греческого искусства. Однако более пристальное изучение заставляет в этом усомниться, поскольку изображенные фигуры не удастся идентифицировать ни с одним из известных персонажей: Приамом, Кассандрой или другими греческими героями. Очевидно, здесь приведен сюжет иного, менее известного и реже изображаемого в классическом искусстве сказания.

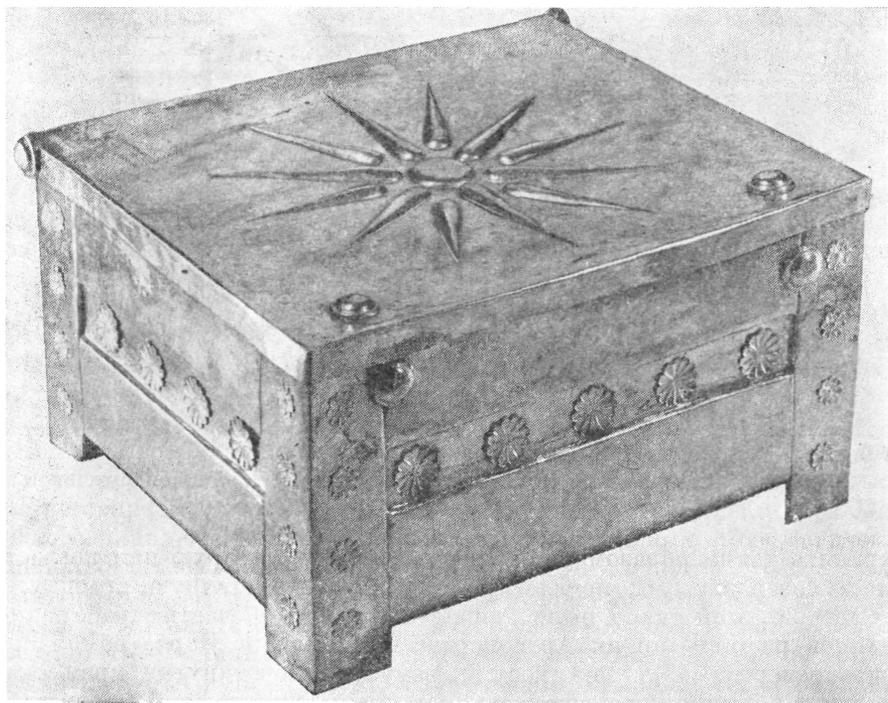

Рис. 10. Малая золотая урна, обнаруженная внутри мраморного саркофага входной камеры Гробницы Филиппа

Одна проблема — интерпретация сюжета, другая — объяснение находки горита в македонской гробнице. Известно, что такие роскошные гориты любили использовать скифские вожди, несколько подобных образцов было обнаружено в районах проживания скифов на юге России. Семь фрагментов похожих горитов, найденных в Карагодеуашке, не только сходны по изображенным на них сюжетам, но, вероятнее всего, даже изготовлены по одной матрице с горитом из Вергины, как я и предполагал с самого начала. Этот вывод подтвердила советская исследовательница-археолог А. П. Манцевич. Момент этот чрезвычайно важен, и на мой взгляд, единственное приемлемое объяснение наличия горита в древней столице Македонии — то, что он попал сюда в качестве военного трофея после победы македонцев над скифами. Доподлинно известно, что Филипп сражался со скифами в 339 г. до н. э. и, одержав победу над старым царем Атеем, взял богатую военную добычу. Почему бы гориту из Вергины не быть одним из этих трофеев?

После вскрытия саркофага входной камеры нас ожидал очередной сюрприз: еще одна урна, меньших размеров и проще украшенная, ослепила нас золотым блеском (рис. 10). Мы извлекли ее из саркофага и, поставив на рабочий настил, вскрыли. Взорам открылась почти неправдоподобная картина: чудесная пурпурно-золотая парча покрывала кости; золотое основание, затканное пурпурными цветами, лепестками и стеблями, обрамлялось волнистым пурпурно-золотым узором (рис. 11). Золотые нити прекрасно сохранились, а пурпур превратился в тонкую клейкую массу, вот-вот грозившую исчезнуть. Поспешив сделать фотографии и

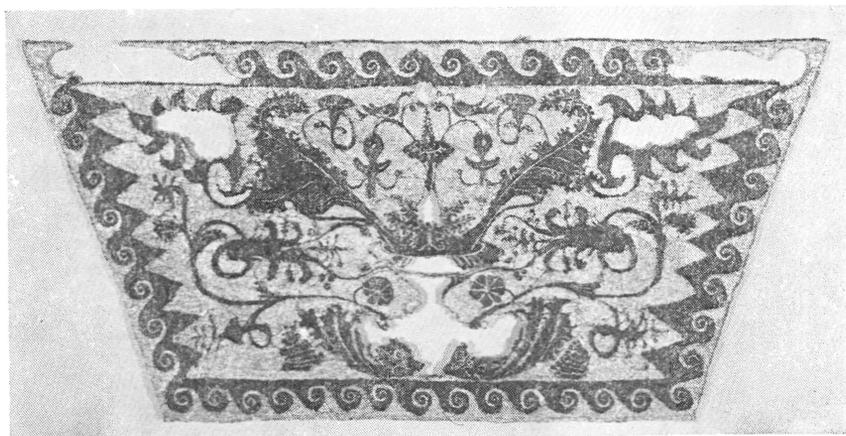

Рис. 11. Один из двух фрагментов золото-пурпурной ткани, обнаруженной в малой урне

сохранить таким образом уникальную картину, которую нам посчастливилось созерцать, мы немедленно опустили герметичную крышку.

Спасение этой ткани было наиболее трудоемкой частью работы, проделанной реставраторами Археологической службы. Парча обмялась по форме завернутых в нее костей, измялись подогнутые края ткани, отдельные обрывки перемешались с останками. Отвечавший за эту работу Т. Маргаритов вместе со своими изобретательными сотрудниками не только сумел спасти ту часть ткани, что лежала нетронутой сверху, но и почти полностью восстановил пурпурно-золотое полотно.

В урне с завернутыми в ткань останками было еще одно уникальное украшение: женская золотая диадема — без преувеличения — самое потрясающее известное нам украшение древности. Отличали ее не столько роскошь, сколько тонкое изящество, фантазия и совершенство формы. Золотые стебли со множеством завитков, бутоны на изогнутых золотых ножках, венчающие всю композицию пальметки и пчелы над цветами — все это вместе создавало уникальнейшее произведение искусства.

После изучения всего, что было обнаружено в конце сезона 1977 г., мы пришли к выводу, что перед нами царская гробница; это уже не вызвало сомнений и вряд ли было преувеличением. Самая большая из македонских гробниц, она была украшена замечательной росписью искусного художника, к тому же ее содержимое и в прямом и переносном смысле представляло огромную ценность. Вообще, когда мы говорим о царской гробнице, речь необязательно должна идти о захоронении царя — это вполне может быть могила какого-либо члена царской семьи. В нашем же случае значительность находок заставляла думать, что гробница должна принадлежать главе царского рода. Однако эти соображения были еще не достаточным основанием для такого утверждения. Но по меньшей мере одно обстоятельство прямо свидетельствовало в пользу того, что здесь захоронен царь: тот круглый предмет из золота и серебра, который мы обнаружили в основной камере позади панциря. Это была диадема в виде полого кольца, два конца которого скреплялись специальным приспособлением, позволявшим регулировать размер объема. Этим приспособлением был Гераклов узел, который завязывался на внешней стороне,

а концы его свисали с противоположной стороны. Мы не сомневались, что этот не имеющий иного назначения предмет носили на голове. Застежка прямо указывала, каким образом его надевали, поскольку Гераклов узел и завязки должны быть расположены сзади. Некоторые правители из преемников Александра Македонского — например, Антиох III, Аттал III, Антигон Гонат — имеют похожие диадемы на своих изображениях. На некоторых портретах Александра он также изображен в подобной диадеме. Из этого можно сделать вывод, что такая диадема — корона царя. Это позволяет утверждать, что человек, захороненный в гробнице Вергины, был царем.

Совсем нетрудно датировать содержимое гробницы на основании данных керамики, форм сосудов и вырезанных на них рельефов, типа гробницы и настенной живописи. Почти определенно можно говорить, что все содержимое гробницы датируется третьей четвертью IV в. до н. э., а именно временем между 350 и 325 г. до н. э.

Если это гробница царя и предлагаемые датировки верны — мы должны прийти к выводу, в большой степени сенсационному, но ни в коей мере не спорному: это могила царя Филиппа II, отца Александра Македонского. Заключение это основано на убедительных археологических свидетельствах, и до сих пор я не обнаружил ни одного, которое бы ему противоречило. Антропологическое обследование останков также показывает, что они принадлежали мужчине в возрасте от 40 до 50 лет; известно, что Филипп был умерщвлен в 46 лет. Да и другое обстоятельство согласуется с тем, что это захоронение Филиппа: тогда объяснимо наличие в гробнице ложа с богатыми украшениями, среди которых изображения Александра и Филиппа. Фигуры художественной росписи фасада в этом случае также легко объяснимы, и вся композиция заключает в себе исторические реалии.

Группа английских ученых — Дж. Прэг (археолог), Дж. Маэгрэйв (анатом) и Р. А. Нив (художник, сотрудничающий с медицинским факультетом Манчестерского университета) — из университета Манчестера и Бристоля в Великобритании обследовали череп и восстановили очертания головы покойного. Результаты их работы были представлены XII Конгрессу по классической археологии в Афинах и опубликованы². Наличие углубления на височной правой кости от раны, нанесенной стрелой, а также структурное сходство лица с резным изображением из слоновой кости, которое я идентифицировал с Филиппом II, — все это привело их к выводу, что останки, без сомнения, принадлежат именно этому македонскому царю.

Что касается останков из урны входной камеры, то, как я предположил с самого начала, они должны были принадлежать молодой женщине, потому что в урне помещались женская диадема и изысканный миртовый венок. Этот вывод подтвердили и антропологи, добавив, что возраст женщины был от 23 до 27 лет. Которая это из жен Филиппа (естественно, исключая Олимпиаду) — на этот вопрос отвечать историкам, а не археологам.

Кем бы ни были захороненные в гробнице мужчина и женщина, могу повторить то, на чем настаивал с самого начала: находки в Вергине впервые позволили нарисовать ясную и вместе с тем величественную картину не только Македонской, но и всей эллинистической цивилизации IV в. до н. э.

² *Prag A. J., Musgrave I. H., Neave R. A. The Skull from Tomb II at Vergina: King Philip II of Macedonia // JHS. 1984. 104. P. 60—78.*

Рис. 12. Общий вид основного помещения Гробницы III

В ходе дальнейших работ обнаружилась еще одна нетронутая гробница (Гробница III), чуть северо-западнее первой (рис. 12). Из того, что нам теперь известно, можно предположить, что в ней захоронен один из членов царской фамилии.

Эта гробница меньших размеров, но тоже имеет две камеры. Живопись фасада сильно пострадала, поскольку расписывалась не по штукатурке, но по отдельной деревянной или кожаной панели, прикрепленной к фасаду. Утрату несколько компенсирует узкий фриз во входной камере, изображающий двухупряжную колесницу. Хотя эта художественная роспись не идет ни в какое сравнение с описанными выше, она все же принадлежит кисти искусного в своем деле ремесленника, знавшего толк в пластике, знакомого с перспективой и обладавшего достаточным воображением, чтобы не повторяться в очертаниях колесницы, избегая монотонности. Цветовая гамма говорит о восприятии, приобретаемом долгим опытом.

Камера была наполнена различными предметами: остатки разрозненных органических материалов покрывали почти весь пол. Одно крыло внутренней мраморной двери, опрокинувшись в главное помещение, придавило близлежащие предметы. В северо-восточном углу помещения были обнаружены серебряные кубки, в основном в очень хорошем состоянии. Всего здесь было найдено 28 предметов. После их обработки выяснилось, что хотя они и не столь высокого качества, как сосуды из Гробницы II, однако среди них есть несколько предметов такой же высокой пробы. Некоторые имели необычную форму, порою вовсе не характерную для серебряных сосудов. Было два-три истинных шедевра: например патера с головой барана на конце ручки — превосходный образец металлообработки IV в. до н. э.

Рис. 13. Рельефное украшение из слоновой кости ложа в Гробнице III

Были и другие заслуживающие внимания предметы: посеребренный железный светильник и два больших посеребренных бронзовых сосуда. Совершенно неожиданно мы обнаружили наконечник позолоченного меча, насколько можно судить, предмета, уникального для древней Греции. Столь же необычны пять позолоченных бронзовых стригилей (скребков): их нашли рядом с мечом вместе с четырьмя железными скребками. Обнаруженные тут же позолоченные наголенники по внешнему краю были украшены орнаментом. Подобие одежды из кожи или затканной золотом ткани нашли на полу в очень бедственном состоянии. Сказать о ней что-либо определенное до тех пор, пока специалисты не извлекли ее и не начали консервацию основы, было трудно. Золотой венец из дубовых листьев и желудей опоясывал серебряную гидрию с сожженными останками захороненного в гробнице человека. Венец, правда, не был столь массивен и роскошен, как венец из дубовых листьев Первой Гробницы, но все же его можно признать одним из прекраснейших золотых венцов древности, очень близким первому.

Почти наверняка здесь находилось и деревянное ложе, украшенное резьбой из слоновой кости. Из-под массы обломков было извлечено лишь два фрагмента ложа. Похоже, это были части украшения ножек. Благодаря изобретательности Г. Петкусиса были восстановлены некоторые фрагменты чудесного орнамента и рельефная трехфигурная группа из слоновой кости (рис. 13). На рельефе изображен Цан, а слева — экстагическая дионисийская пара: зрелый мужчина держит факел, опираясь

на плечи молодой женщины. Несравненные свойства рельефа — мастерское владение объемом, выразительность резьбы, мелодия складок летящей ткани, сочетание грации и выразительной силы — позволяют характеризовать эту небольшую композицию как замечательное произведение резьбы по кости в древности и воспринять скульптуру IV в. до н. э. во всей ее первозданной прелесть.

После тщательного исследования останков выяснилось, что в гробнице был захоронен юноша в возрасте 12—14 лет. То обстоятельство, что подобная гробница возведена для мальчика, является достаточным для того, чтобы отнести ее к царской гробнице. Даже если и оставались бы какие-либо сомнения, само содержимое гробницы могло их развеять: нельзя забывать о ложе, сделанном в традициях высокого искусства.

Некоторые историки высказали предположение, что эта гробница принадлежит Александру IV, сыну Александра Македонского, который был провозглашен царем после смерти отца, а убит в 310—309 гг. до н. э.

Продолжение работ в Вергине в последующие годы привело к новым неожиданным находкам. В 1982 г. был раскопан городской театр, где, судя по источникам, был убит Филипп II, а его знаменитый сын провозглашен царем. Все эти годы наше внимание также было сосредоточено на изучении города, в котором сохранились остатки частных домов и общественных зданий и где удалось проследить историю строительства городских укреплений. Хотя рано делать обобщающие выводы, но уже сейчас известны границы города и то, что с IV в. до н. э. вплоть до времени, следующего за римским завоеванием, жизнь в городе не прекращалась: в частности, открытый в 1987 г. внушительных размеров фундамент здания I в. до н. э. подтверждает, что даже в римский период Эги были одним из главных городов Македонии.

В 1987 г. было сделано еще одно важное открытие. Благодаря, с одной стороны, везению, с другой — упорным и методическим исследованиям нам удалось обнаружить еще одну уникальную гробницу. Мы обязаны ее открытием нашим студентам, которые заметили в земле, выкопанной рабочими, расчищавшими площадку перед «гробницей Ромайоса» (названа так в честь проф. К. А. Ромайоса, открывшего ее в 1933 г.), фрагменты бронзовых и глиняных сосудов. В погребальной камере было найдено большое количество погребальных даров, однако значительно более важным было то, что сама гробница относилась к VI в. до н. э., являясь, таким образом, самой ранней из обнаруженных в древней столице Македонии гробниц, раскопанных в наше время. Убеждение в том, что гробница находится на территории некрополя, заставило меня обследовать прилегающую территорию, где было найдено большое количество керамики VI в. до н. э., что с достаточной долей вероятности может свидетельствовать о наличии погребений и других захоронений, к сожалению, в большинстве своем оказавшихся разрушенными. Ответ на вопрос, кем и когда это было сделано, был получен довольно скоро, поскольку при раскопках на небольшой глубине были найдены известняковые блоки довольно крупной постройки.

Найденное строение (10,6 × 7,5 — 8 м) снаружи имело форму прямоугольника, верхняя поверхность которого была выложена горизонтально уложенными камнями. Не было сомнений, что эта необычная постройка — гробница, однако, исследование ее внутренних помещений мы смогли начать не ранее, чем была расчищена ее внешняя часть и не обнаружен пролом в стене, сделанный грабителями еще в древности несколько ниже верхушки фасада так, что они свободно могли попасть внутрь и вынести на-

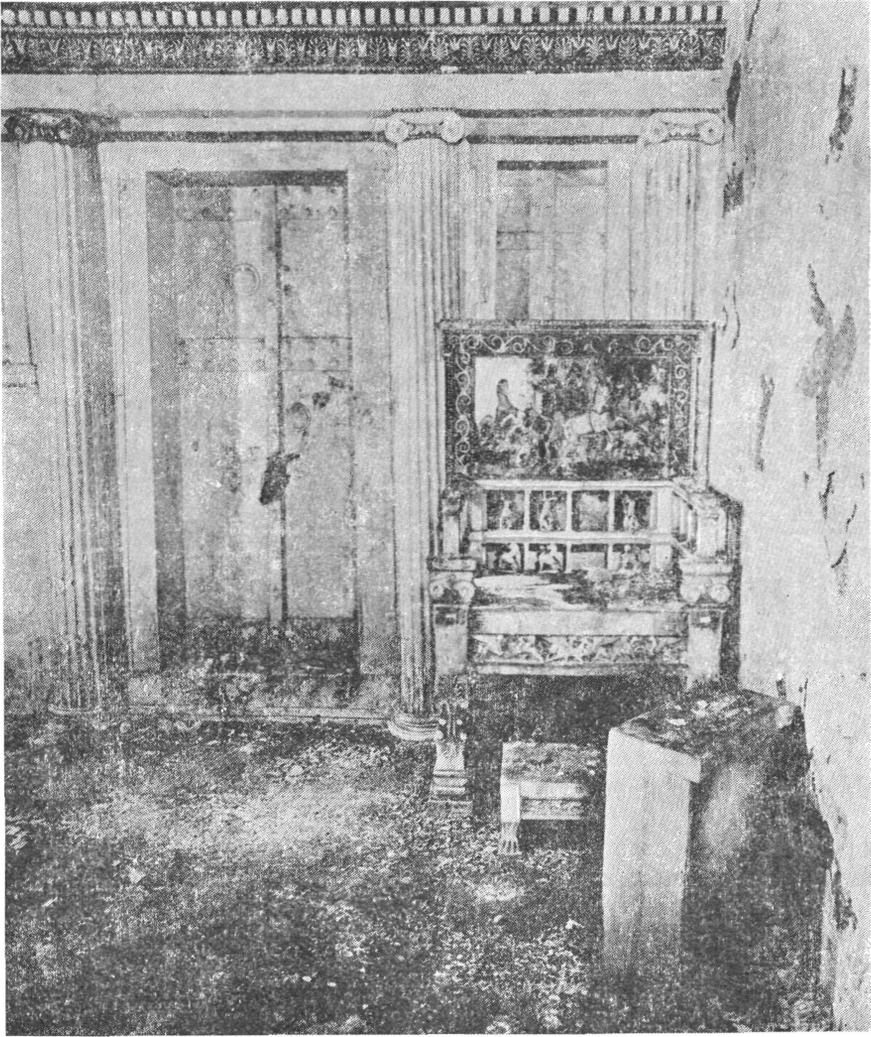

Рис. 14. Задняя стена погребальной камеры с тронem

грабленное. Через этот пролом мы смогли увидеть внутреннюю часть погребальной камеры еще одной македонской гробницы, своеобразие которой заключалось в том, что снаружи она была покрыта последовательными рядами прямоугольных известняковых блоков. Высота погребальной камеры составляет 6 м — таким образом, это самая большая из раскопанных до сих пор македонских гробниц. Как мы уже говорили, грабители опередили нас и забрали все погребальные дары (бывшие, судя по всему, многочисленными и очень богатыми), оставив нам лишь большое количество разбитой глиняной посуды превосходного качества, позволившей датировать гробницу приблизительно 340 г. до н. э. — временем, более ранним, чем раскопанная нами гробница Филиппа. В главной камере (а гробница состояла из главной и входной камер) в стороне от разбитой посуды грабители оставили фактически нетронутым мраморный трон с прекрасно выполненным

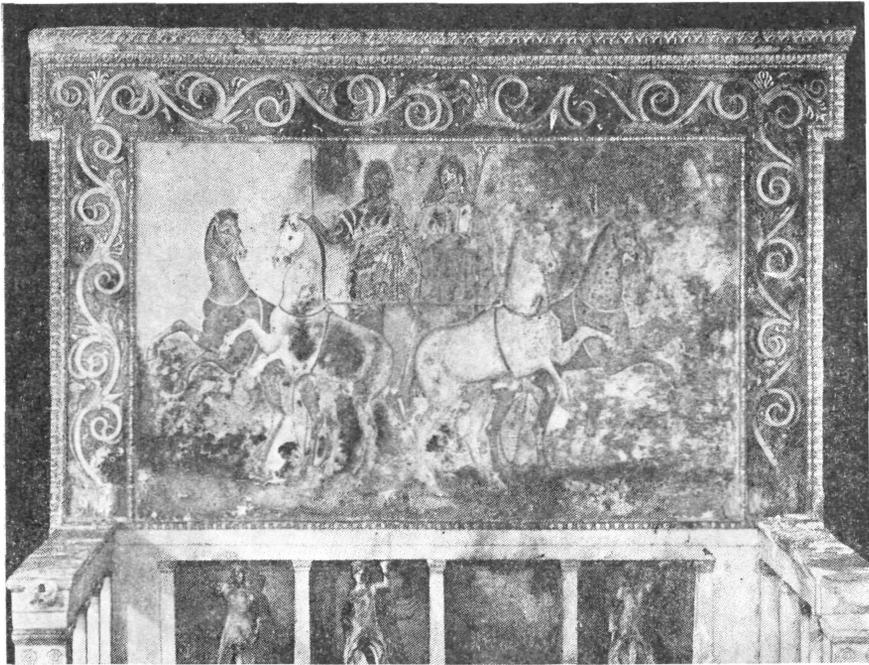

Рис. 15. Плутон и Персефона на колеснице. Роспись на спинке мраморного трона

орнаментом, оказавшийся уникальным произведением древнего искусства (рис. 14—15).

Трон (2 × 1 м) стоял в дальнем углу усыпальницы. Его спинка была обрамлена рельефом с изображением растений, выполненным в прекрасной цветовой гамме. Внутри обрамления находилось изображение Плутона и Персефоны в колеснице, запряженной четверкой лошадей. Все стороны трона и его ножки были украшены рельефами и краской, преимущественно золотой, которой было покрыто большинство форм — львы и грифоны, нападающие на различных животных, и розетки. На нижней части спинки трона и его подлокотниках сохранились мраморные изображения женских форм и сфинкса, выполненные в технике глубокого рельефа. Перед тронном стояла мраморная скамеечка для ног, украшенная подобно трону. Задняя стена погребальной камеры была выполнена в форме стены здания ионийского стиля. Четыре изящные ионийские полуколонны поддерживали трехпоясную капитель с фризом с изумительно исполненными белыми розетками на ярко-лазурном фоне, а также консолями и волютами, которые увенчивали всю конструкцию. Между двумя средними колоннами была расположена мраморная ступенька, за которой находилась ложная дверь, а между двумя крайними колоннами были сделаны ложные окна. Прекрасное качество штукатурки создавало впечатление, что это мрамор, и эта иллюзия не сразу рассеивалась даже при прикосновении. В раскраске погребальной камеры преобладали очень хорошо сохранившиеся красные, зеленые, голубые и белые цвета, благодаря чему задняя стенка погребальной камеры выглядела как стена храма. Я полагаю, что это единственное из дошедших до нас свидетельств, позволяющее составить представление о том, каково было внутреннее убранство древнегреческих храмов.

Судя по всему, в гробнице была похоронена женщина, кости которой после кремации были завернуты в пурпурную ткань и помещены в мраморную погребальную шкатулку (ларнак), на стенках которой и сохранились следы ткани, позволяющие сделать заключение о ее цвете. Первоначально ларнак был поставлен на трон, однако грабители после опустошения переставили его на пол, что лишний раз подтверждает, что погребальные дары были многочисленными.

Все это заставляет меня предположить, что раскопанная нами гробница — это одна из царских гробниц. Несмотря на то что нелегко установить имя женщины, для которой была построена эта гробница и сделан трон, а также выяснить, кто снабдил ее в последний путь столь богатыми дарами, я убежден, что она, несомненно, принадлежала к царскому дому Македонии.

Теперь находки из Вергины экспонируются в Археологическом музее в Фессалониках³. Посетители могут убедиться, что археолог, которому выпало счастье их обнаружить, ничуть не преувеличивает, полагая, что для историков и любителей древности эти находки дают наиболее адекватное представление о греческой цивилизации в тот напряженный и критический момент ее истории, когда эллинизм готовился завоевать Восток.

---

³ Подробнее о находках в Вергине см.: *Andronicos M. Vergina. The Royal Graves in the Great Tumulus // Athens Annals of Archaeology. 1977. X. P. 1—72; idem. The finds from the Royal Tombs at Vergina // Proceedings of the British Academy. 1978. LXV. 1979. P. 355—367; idem. The Tombs at the Great Tumulus at Vergina // Acta of the XI Intern. Congress of Class. Archaeology. L., 1978. P. 39—56; idem. The Royal Tomb at Vergina and the Problem of the Dead // Athens Annals of Archaeology. XIII. 1980. P. 156—178; idem. Vergina, History and Archaeology/Festschrift to G. E. Mylonas. P. 19—37; idem. Vergina. The Royal Tombs and the Ancient City. Athens, 1984 (в этих книгах приведена исчерпывающая библиография); *Saatsoglou-Paliadeli Chr. The Funeral Monuments from the Great Tumulus at Vergina. Thessaloniki, 1984.**

© 1990 г.

К. К. Марченко

БОСПОРСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО ГОРОДИЩА НА ДОНУ

Хорошо известно, что крупнейшим поселением скифского времени в дельте Дона является Елизаветовское городище¹. Находясь на стыке трех больших этнокультурных регионов — скифского, савроматского (сарматского) и меотского и в непосредственной близости от греческих городов Боспорской державы, оно в течение двух столетий (первая четверть V — первая треть III в. до н. э.) было главным центром греко-варварских взаимо-

---

¹ См. *Книпович Т. Н.* Опыт характеристики городища у станицы Елизаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г. // ИГАИМК. 1935. № 104. С. 111 сл.; *Bražinskij I. B., Marčenko K. K. Elisavetovskoje. Skythische Stadt in Don-Delta. München, 1984.*

действий, а также межплеменного обмена всего Северо-Восточного Приазовья — Подонья и одновременно — крайним северо-восточным пунктом прямой торговой активности греков.

Исследования последних десятилетий показали, что Елизаветовское городище было крупным варварским поселением городского типа степной зоны Северного Причерноморья, в числе функций которого наряду с базовой — торговой более или менее отчетливо прослеживаются функции административного и религиозного центра и функция убежища². По своему значению Елизаветовское городище по праву может считаться своего рода «столицей» юго-восточной части Геродотовой Скифии. Среди варварских поселений скифского времени Причерноморья оно, пожалуй, не имеет себе равных в плане выяснения механизма зарождения и развития греко-варварских контактов и взаимоотношений³.

Вместе с тем следует признать, что несмотря на обилие материалов, так или иначе свидетельствующих в пользу непосредственного проникновения эллинских купцов или их агентств в район дельты Дона и на территорию собственно Елизаветовского городища⁴, здесь буквально до последнего времени не удавалось обнаружить бесспорных следов постоянного греческого поселения. Положение дел начало меняться только с 1982 г., когда Южно-Донская экспедиция ЛОИА АН СССР приступила к планомерному и широкомасштабному изучению структуры самых верхних, т. е. наиболее поздних культурных напластований городища. Основным результатом этого изучения стало открытие здесь отчетливых следов совершенно необычных для туземного населения Северо-Восточного Приазовья — Подонья жилых и хозяйственных построек. Дальнейший анализ археологических материалов такого рода позволил констатировать наличие на территории городища остатков сразу двух разновременных колоний Боспора.

Первая и наиболее ранняя из них была обнаружена в западной части городища, в непосредственной близости от его «акрополя». Судя по данным стратиграфии и датировкам импортной греческой керамики, время функционирования этой колонии падает на заключительный период жизнедеятельности Елизаветовского поселения — вторая половина — конец IV — самое начало III в. до н. э.

К настоящему моменту новый памятник эллинской культуры открыт лишь частично, на площади около 1000 кв. м, что существенным образом затрудняет его развернутую характеристику и интерпретацию. Не подлежит сомнению, впрочем, что создание боспорянами собственной колонии в структуре крупного варварского поселения с торговой ориентацией хозяйства было призвано в конечном счете содействовать всемерному расширению и углублению их экономических контактов с местными жителями. Следует думать также, что размеры этой колонии, представляющей собой, по всей видимости, что-то вроде одного из кварталов городища, были относительно небольшими. На это прямо указывает совершенно необычное расположение строительных остатков «квартала» на широком (до 20 м),

² Брашинский И. Б., Марченко К. К. Елизаветовское городище на Дону — поселение городского типа // СА. 1980. № 1. С. 211 сл.

³ Марченко К. К. Die Siedlung von Elizavetovka — ein griechisch-barbarisches Emporion in Dondelta // Klio. 1986. 68. S. 377—398.

⁴ См. Брашинский И. Б., Марченко К. К. Строительные комплексы Елизаветовского городища на Дону // СА. 1978. № 2. С. 207—214; Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л., 1980. С. 89. сл.; Житников В. Г., Марченко К. К. Новые данные о строительных комплексах Елизаветовского городища на Дону // СА. 1984. № 3. С. 167 сл.

скорее всего предварительно снивелированном гребне внешнего (напольного) вала оборонительной линии «акрополя». Совершенно очевидно также, что выбор такого своеобразного места под заселение не случаен. Обеспечивая тесную и надежную связь с центральной, наиболее обжитой частью варварского городища, т. е. с его «акрополем», он одновременно «естественным образом» гарантировал и некоторую обособленность колонии. Нельзя исключать и того, что эта «естественная» изолированность участка была вполне сознательно усилена создателями поселения, выстроившими свои дома в линию таким образом, что их внешний (восточный) фас образовывал одну, возможно непрерывную, стену, проходившую по внутреннему краю оборонительного вала. Точно такая же стена, видимо, была возведена одновременно и вдоль западной, противоположной кромки склона.

Несмотря на плохую сохранность описываемого памятника, вызванную постоянной распашкой его площади и выборкой дефицитного в дельте строительного камня, есть все основания полагать, что его застройка включала в себя по меньшей мере три основных элемента: блок наземных сырцово-каменных домов, занимавших почти две трети территории колонии, улицу, проложенную вдоль внутреннего (западного) фаса блока, и, наконец, сырцово-каменную стену, являвшуюся одновременно западной границей улицы и оградой, отделявшей колонию от периферийных районов городища (рис. 1). Характер раскрытой части застройки — регулярный; все основные элементы ориентированы строго по сторонам света.

К настоящему времени в структуре блока удалось выделить остатки пяти прямоугольных домов. Размеры отдельных строительных комплексов существенно варьируют — от $5,0 \times 6,0$ до $9,0 \times 11,0$ м; соответственно заметно варьируют и их площади — от 30 до 100 кв. м. Судя по наиболее сохранившимся участкам застройки, площади наиболее крупных домов разделены внутренними сырцово-каменными перегородками на ряд (до четырех единиц) прямоугольных помещений и отсеков. В одном из раскрытых зданий колонии обнаружены остатки двух четырехугольных глинобитных печей для обогрева, расположенных у внешних противоположных стен постройки. В другом доме зафиксировано наличие прямоугольного подвала с каменными стенами, выполнявшего, вероятно, функцию погреба-хранилища.

Все дома колонии возведены на небольших ($0,5$ — $0,55$ шириной, $0,25$ — $0,3$ м глубиной) глинобитных фундаментах, впущенных с уровня древней поверхности в толщу насыпного оборонительного вала «акрополя», суммарно датируемого ныне второй половиной IV в. до н. э.⁵ Сырцовые стены построек покоились на каменных цоколях, выполненных в системе иррегулярной постелистой двух-трехслойной кладки на два лица из грубо околотых камней известняка на глине. Основные размеры полностью сохранившихся участков цоколей составляли от $0,3 \times 0,4$ м для внутренних перегородок до $0,5$ — $0,55 \times 0,5$ м для внешних стен домов.

Второй основной элемент застройки — улица шириной от $3,2$ до $4,5$ м — раскрыт на протяжении около 42 м. Каких-либо следов замоста ее поверхности на выявленном участке не обнаружено.

Что касается последнего из вышеназванных элементов — сырцово-каменной стены, отделявшей колонию от периферийных районов городища, то, судя по дошедшим до наших дней остаткам, ее основные характеристики и размеры вполне аналогичны названным для внешних стен домов блока.

⁵ Марченко К. К. Оборонительные сооружения Елисаветовского городища на Дону // СА. 1974. № 2. С. 256.

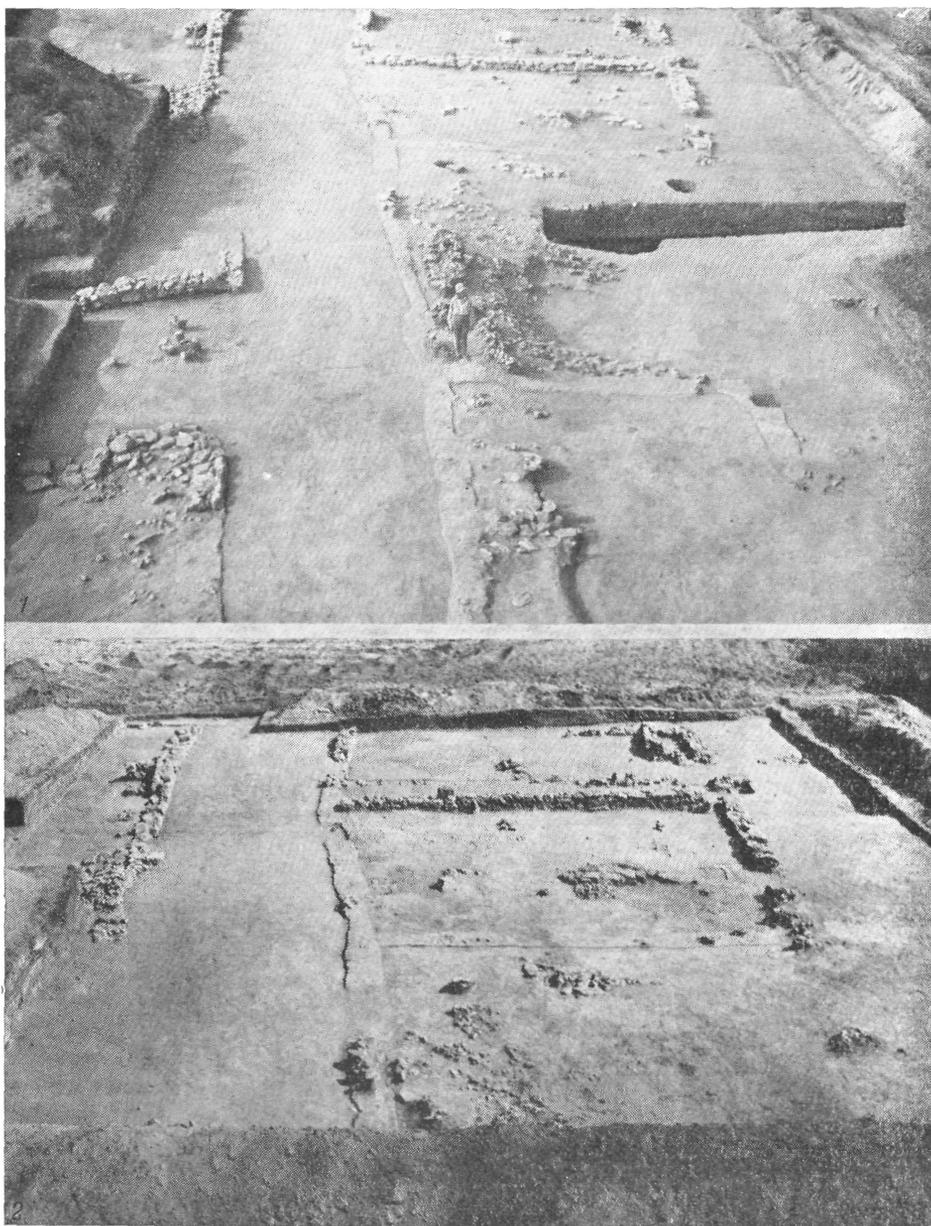

Рис. 1. Остатки боспорского поселения второй половины — конца IV — начала III вв. до н. э. в западной части Елизаветовского городища. 1 — общий вид с юга; 2 — северная половина. Вид с юга

Наиболее примечательным в данном случае оказывается, пожалуй, другое — наличие двойных каменных выступов-контрфорсов, сооруженных с внешней стороны этой ограды для ее большей устойчивости на краю склона вала. Помимо этого на одном из отрезков ограды удалось зафиксировать искусственный разрыв кладки шириной около 5,5 м, оставленный, вероятно, для проезда с территории колонии в западную часть городища. Наличие

же особенно длинных (до 3 м) выступов-контрфорсов по обе стороны разрыва, сложенных, кстати сказать, вперевязь с цоколем ограды, дает некоторые основания предполагать здесь в древности наличие ворот.

И это, собственно говоря, почти все. В заключение характеристики наиболее раннего греческого поселения в дельте Дона необходимо отметить еще одно немаловажное обстоятельство — полное отсутствие на его территории вещественных находок *in situ*, равно как и каких-либо следов пожаров и разрушений построек, обычно указывающих на насильственный характер гибели памятника. Создается впечатление, что небольшая боспорская колония, инкорпорированная в структуре Елизаветовского городища в период наивысшего расцвета хозяйственной и культурной деятельности аборигенного населения Северо-Восточного Приазовья — Подонья, вполне разделила участь последнего и была оставлена своими жителями в самом начале III в. до н. э., т. е., по-видимому, одновременно с запустением самого городища, в относительно спокойной обстановке, позволявшей покидающим насиженные места людям унести с собой весь мало-мальски ценный скарб ⁶.

Анализ имеющихся ныне археологических материалов III в. до н. э. показывает, что промежуток времени между прекращением существования Елизаветовского поселения скифов и его греческого «квартала» и моментом возникновения здесь, в дельте, на территории бывшего «акрополя» городища, второй, в сей раз гораздо более крупной боспорской колонии был, по всей видимости, минимальным. Именно по этой причине, надо полагать, новым хозяевам низовьев Дона — боспорским колонистам — пришлось провести предварительную нивелировку выбранной территории под застройку, включавшую в себя, судя по всему, засыпку многочисленных котлованов туземных землянок и расчистку поверхности от остатков наземных сооружений своих предшественников.

Среди причин, побудивших боспорян возобновить свое присутствие в Нижнем Подонье — неисчерпаемом источнике ценнейших пород рыбы, на первое место, по-видимому, следует поставить сам факт полного прекращения функционирования Елизаветовского торгового центра, до тех пор вполне удовлетворявшего все потребности эллинов в различных видах местной продукции. В таких условиях полноценной заменой греко-варварскому торжищу могло стать только создание здесь собственных опорных пунктов и в первую очередь, естественно, на месте старого и хорошо известного боспорским купцам скифского эмпория. Тот факт, с какой быстротой отреагировал Боспор на исчезновение своего традиционного торгового партнера в дельте и приступил к выводу сюда своей новой колонии, лишь еще раз подчеркивает его крайнюю заинтересованность в получении донской рыбы.

Таким образом, как кажется, у нас есть некоторые основания предполагать а *rigor* основной функцией второго греческого поселения на территории Елизаветовского городища торговлю с соседними варварами и добычу рыбы на экспорт. В этом главном качестве новая боспорская колония была как бы естественным и прямым продолжением Елизаветовского торгового центра.

Перейдем теперь к характеристике облика самого поселения. В силу плохой сохранности и недостаточной изученности этого памятника ⁷ она поневоле может быть дана лишь в очень краткой и обобщенной форме. Не

⁶ Ср. Брашинский, Марченко. Ук. соч. С. 220 сл.

⁷ До 1987 г. включительно исследованная площадь колонии составила около 5500 кв. м.

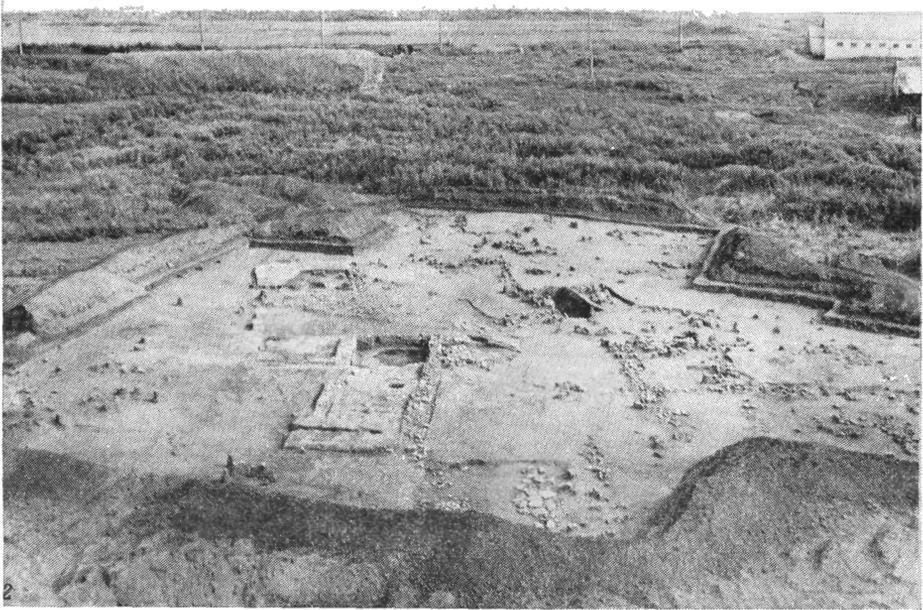
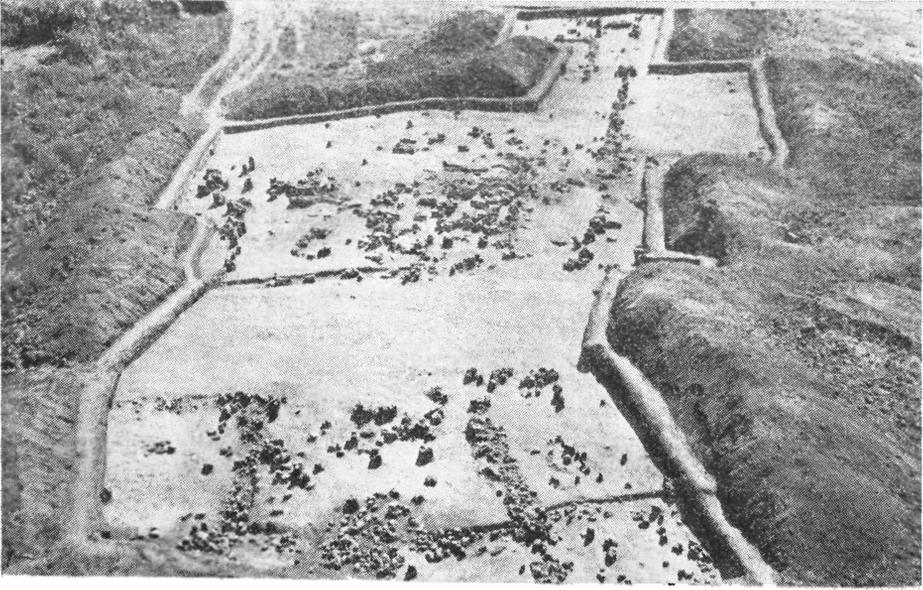

Рис. 2. Остатки боспорского поселения первой трети III в. до н. э. на территории «акрополя» Елизаветовского городища. 1 — участок Большой поперечной улицы между центральным и западным районами. Вид с запада; 2 — участок застройки западного района. Вид с юга

приходится сомневаться, впрочем, что вновь открытая греческая колония занимала весьма значительную площадь — всю или же большую часть «акрополя» Елизаветовского городища, насчитывающего около 12 га, и, таким образом, была намного больше, чем второй, возникший в несколько более позднее время эмпорий Боспора этого же региона — Танаис.

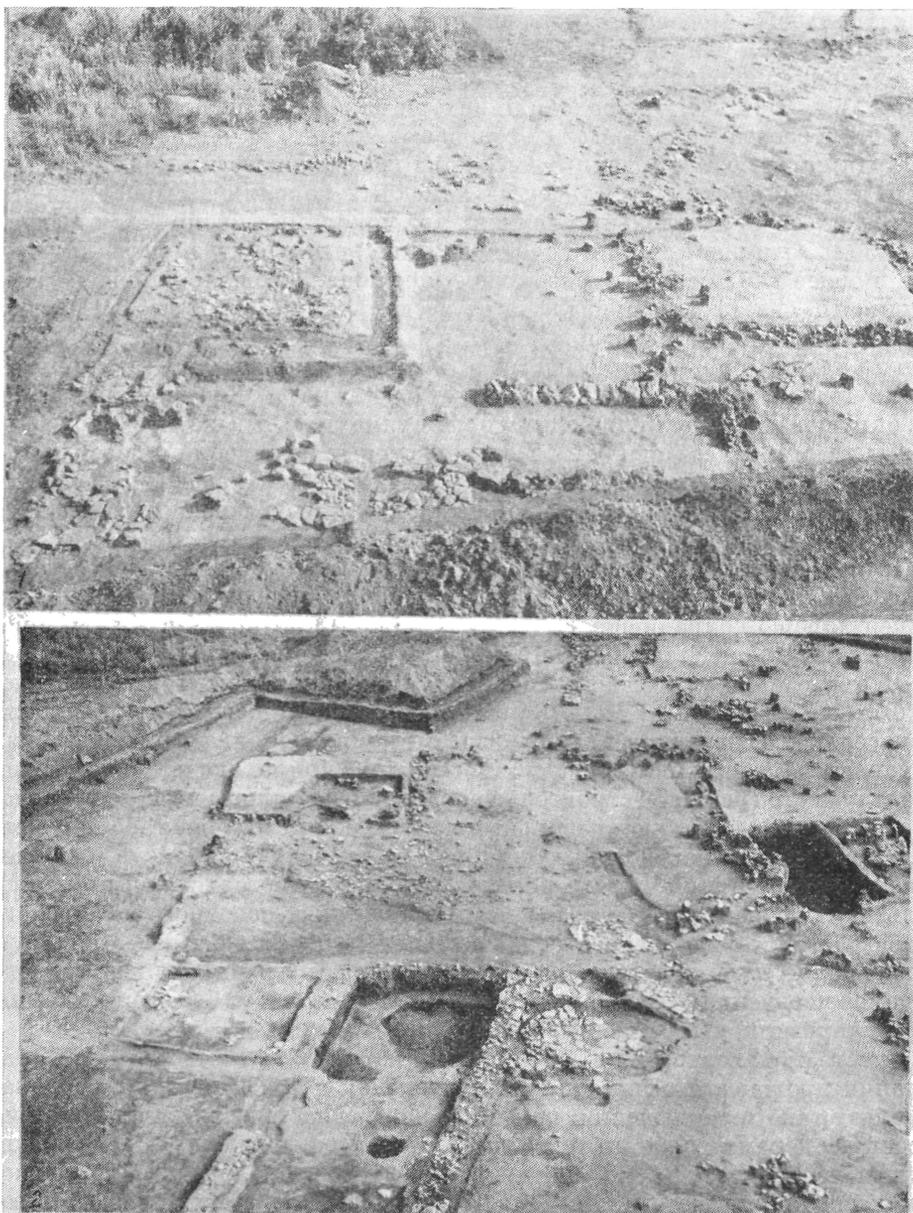

Рис. 3. Остатки боспорского поселения первой трети III в. до н. э. на территории «акрополя» Елизаветовского городища. 1 — дом № 13. Вид с юга; 2 — дом № 1. Вид с юга

Как установлено, буквально все из ныне изученных строительных комплексов нового боспорского поселения в дельте Дона были возведены практически одновременно и, очевидно, по заранее разработанному плану. Система застройки площади — близка к регулярной, сотовая с разбивкой на отдельные кварталы и районы. К настоящему времени более или менее надежно удалось выявить местоположение лишь двух из них — западного

и центрального. Последние отделены друг от друга так называемой Большой поперечной улицей шириной 5,5 — 6,5 м, делящей территорию колонии на две примерно равные части (рис. 2, 1). Значительно менее широкие улицы — от 1,5 до 2,5 м — проходили внутри районов; ориентация основных элементов застройки в пределах отдельных кварталов одинаковая.

Судя по имеющимся данным, все дома греческого поселения принадлежали к типу наземных построек на каменных цоколях с сырцовыми стенами (рис. 2, 3). В отдельных случаях под цоколями фиксируются небольшие (до 0,5 шириной и 0,3 м глубиной) глинобитные фундаменты, впущенные в более ранний культурный слой городища. Площадь домов, по всей видимости, сильно варьировала — от нескольких десятков до 350 кв. м и даже более. Равным образом следует думать, что если не все, то уж, во всяком случае, большинство построек такого рода состояло из нескольких прямоугольных помещений площадью от 8 до 25 кв. м, объединенных в блоки, окружавшие с двух или более сторон прямоугольный же двор площадью до 100 кв. м и более (рис. 3, 2). Полы некоторых помещений и поверхность отдельных дворов были полностью или частично замещены каменными плитами. Один, максимум два дома колонии имели черепичную кровлю, остальные — камышовую.

В пределах площади центрального района поселения выявлены остатки монументального четырехугольного каменного колодца⁸, здесь же обнаружен хорошо сохранившийся четырехугольный алтарь для возжиганий, выложенный из небольших необработанных кусков известняка на глине⁹.

Что касается этнического состава жителей колонии, то, несомненно, он был неоднородным. Какую-то, возможно, даже не очень большую часть ее населения составляли эллины. На это помимо облика самих строений и характера застройки площади поселения, прямо свидетельствующих в пользу чисто греческой строительной традиции эллинистического периода, со всей определенностью указывает и вещественный материал, обнаруженный при раскрытии отдельных комплексов памятника. В числе наиболее показательных в этом смысле находок упомянем многочисленные обломки культовых и жанровых терракотовых статуэток в основном боспорского производства, серию разного рода граффити на керамике и известняковую боспорскую стелу, обнаруженную вместе с базой в кладке цоколя одного из домов поселения¹⁰. В этом же смысле, наконец, могут быть истолкованы и регулярные находки медных боспорских монет¹¹.

Вместе с тем совершенно очевидно, что наряду с греками на территории колонии проживали и выходцы из варварской части населения Боспора. В пользу такого заключения, на мой взгляд, свидетельствует присутствие в составе керамических находок из комплексов довольно значительной группы лепной посуды¹². Заметим также, что в типологическом отношении последняя существенно отличается от лепной керамики предшествующего времени, т. е. собственно варварского городища. Весьма Примеча-

⁸ *Braĭn'skij, Marĉenko*. Op. cit. S. 43. Abb. 22.

⁹ *Ibid.* S. 68. Abb. 45.

¹⁰ *Марченко К. К.* Греческий эмпорий на территории Елизаветовского городища // АО 1982 года. М., 1984. С. 130.

¹¹ *Горончаровский В. А.* К вопросу о времени существования Боспорского эмпория в дельте Дона (по нумизматическим данным) // *Античная цивилизация и варварский мир в Подонье — Приазовье*. Новочеркасск, 1987. С. 10—11.

¹² Около 60—70% обломков керамики без учета амфорной тары.

тельным оказывается и то, что изготовители этой посуды жили в таких же домах, что и греки.

В заключение краткого описания второй греческой колонии на территории Елизаветовского городища необходимо сделать несколько замечаний о ее экономическом облике. Как уже отмечалось выше, основой хозяйственной деятельности населения вновь созданной колонии Боспора в дельте Дона были скорее всего добыча рыбы на экспорт и торговля, что, кстати сказать, находит прямое подтверждение в конкретных археологических материалах. Есть все основания думать, что одним из главных поставщиков импортной продукции в это время, хотя бы и при посредстве боспорских купцов, была Синопа, окончательно оттеснившая на более скромное, второе место Гераклею Понтийскую¹³. Весьма заметным оказывается ввоз в дельту вина из Херсонеса Таврического, Фасоса и Колхиды; разнообразная керамическая продукция поступает из городов Малой Азии. Вместе с тем создается впечатление, что при сохранении относительно высокого уровня торговой активности в «международной» сфере новая колония как посредник в связях эллинов с варварскими племенами Подонья довольно быстро начала терять завоеванные ранее позиции. Данное обстоятельство, по всей видимости, во многом может быть объяснено развитием неблагоприятных тенденций в степных и отчасти лесостепных районах Северо-Восточного Причерноморья, вызванных усилением агрессивности кочевых орд сарматов. Весьма показательным, что именно посредническая торговля первая наиболее четко и однозначно отреагировала на кардинальное изменение конъюнктуры. Дальнейшее ухудшение общего положения в регионе привело в 60—70-е годы III в. до н. э. к гибели самой колонии на территории бывшего «акрополя» Елизаветовского городища, подвергшейся, судя по всему археологическому контексту, прямому нападению кочевников.

С этого времени и до конца античной эпохи единственным форпостом греческой цивилизации в Нижнем Подонье становится сильно укрепленный Танаис.

---

¹³ См. *Кац В. И., Федосеев Н. Ф.* Керамические клейма «Боспорского эмпория» на Елизаветовском городище // *Античный мир и археология*. Саратов, 1986. С. 85 сл.

BOSPORAN SETTLEMENTS ON THE ELISAVETOVSKAYA SITE ON THE DON

K. K. Marchenko

The discovery of distinct traces of the existence at the same time of two colonies of Bosphorus of different periods in the area of the so-called Elisavetovskaya site on the Don, was the most important result of the archaeological expeditions of 1982—1987 to this very large barbarian site of Scythian times in the area of the Lower Don and north-east coast of the Sea of Azov.

The first and earliest of them (second half of the fourth century and beginning of the third century B. C.) was discovered in the western part of the site, on the crest of the outer defensive wall of its «acropolis». Its structure included at least three main elements: a block of surface, undressed stone houses, a street up to 4 1/2 metres wide, and an undressed

stone wall, which separated the colony from the peripheral areas of the site. The cleared part of the structure is regular; all the main elements are strictly oriented according to the points at the compass (Fig. 1). The earliest Greek colony had been relatively small and had been incorporated into the structure of the Elisavetovskaya site, representing a separate quarter as it were of the major barbarian settlement with a trade-oriented economy.

The remains of the second Bosporan colony were discovered in the «acropolis» of the Elisavetovskaya site. All its now excavated building complexes were built to a previously drawn-up plan. The system was a lattice close to regular, with a breakdown into separate districts and quarters. Judging by the archaeological context the second colony was founded by Bosphorus in the delta of the Don at the beginning of the third century B. C., i. e. soon after the departure of the inhabitants from the Elisavetovskaya site itself and its Greek quarter. An essential result of analysis of the building fragments was the discovery of traces of military destruction of this apoikia dated to 270—260 B. C.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

© 1990 г.

К ВОПРОСУ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ЗАГОВОРА ПРОТИВ ФИЛИППА II МАКЕДОНСКОГО

Летним вечером 336 г. до н. э. в старой столице Македонии Эгах был убит царь Филипп II. Завершались торжества, посвященные бракосочетанию его дочери с молосским царем Александром¹. Через несколько дней Филипп должен был отбыть в расположение войск, действовавших против персов в Малой Азии. Сопровождаемый двумя Александрями, зятем и сыном, царь проследовал к входу в театр, где шла подготовка к одной из заключительных церемоний бракосочетания. Узкий проход, ведущий в театр, вынудил свиту отстать; под свод вступил царь, за ним оба Александра и молодой телохранитель Филиппа Павсаний. Спусти несколько секунд царь упал, пораженный кинжалом Павсания. Убийца, бросив оружие, попытался спастись бегством. Устремившиеся в погоню телохранители македонского царя взять Павсания живым не сумели (Diod. XVI. 94).

Гибель Филиппа II и поныне остается волнующей загадкой древности. Отнести этот факт как частность невозможно уже потому, что уход из жизни македонского царя знаменовал собою, помимо прочего, и прекращение воплощения в жизнь идей панэллинизма. Так частный факт стал поводом для проявления исторической закономерности. Не в последнюю очередь по этой причине с самых давних времен предпринимались попытки объяснения истоков и обстоятельств покушения в Эгах, однако разноречивость мнений вынуждает признать, что вопрос этот не может быть сегодня признан окончательно решенным.

Автор данной статьи видит свою задачу в обоснованной реконструкции событий, повлекших за собою покушение в Эгах. Разумеется, необходимо подчеркнуть, что выводы, сформулированные ниже, являются всего лишь гипотезой. Вместе с тем гипотеза эта, как кажется, помогает убрать целый ряд неясностей и свести воедино данные литературных источников, излагающих различные варианты развития событий.

Классическая следственная формула предполагает ответы на вопросы: кто? что? где? когда? с чьей помощью? для чего? кому выгодно? Первые

¹ Источники, повествующие о жизни Александра Молосского, крайне скудны. Единственное известное нам сочинение, посвященное непосредственно исследованию его биографии, которое принадлежит перу Лика Регийского, дошло лишь в малоинтересных фрагментах (см. FGrH III. В. 570). Совершенно не сохранилась автобиография его племянника и политического наследника Пирра, в которой, несомненно, должны были содержаться интересные данные. Более или менее полная информация содержится в литературных источниках (у Тита Ливия и Страбона), но лишь применительно к позднему этапу жизни молосского царя. Практически единственный автор, подробно излагающий данные об Александре Молосском — Юстин (кн. VII. VIII. X. XII), информация которого в этом смысле является уникальной, поскольку Помпей Трог, несомненно, использовал работы Тимея (см. *Зельин К. К. Помпей Трог и его произведение «Historiae Filippicae»* // ВДИ. 1954. № 2. С. 183—202), а Тимей не мог не иметь в своем распоряжении труда Лика Регийского.

четыре ответа очевидны (в этом античные авторы единодушны), иначе обстоит дело с остальными. Окружением наследника убитого была предложена официальная версия: убийство истолковывалось как акт личной мести царю, не удовлетворившему просьбу Павсания о наказании его обидчика². Аттал, приближенный Филиппа, унизил достоинство Павсания, что якобы и заставило молодого аристократа смыть оскорбление кровью. Одновременно официальная версия содержала пункт о причастности к убийству рода Линкестидов, династов из Верхней Македонии, недавно покоренной Филиппом. В рамки этой версии логично укладывалось и происхождение убийцы из другого рода верхнемакедонских династов, Орестидов. Такое объяснение вполне подходило в качестве сиюминутной версии: удовлетворившись ею, войсковое собрание дало царевичу Александру согласие на применение репрессий против верхнемакедонской знати, род Линкестидов был вырезан. Однако очень скоро версия об убийце-одиночке перестала удовлетворять современников; в античной традиции ей доверяют, да и то не без оговорок, только Диодор³. Действительно, даже на первый взгляд официальная версия содержит несколько несообразностей, заставляющих усомниться в ее достоверности.

Безусловно, оскорбление, нанесенное Павсанию Атталом, квалифицировалось современниками как тягчайшее, однако месть в таком случае обычно осуществлялась по отношению к непосредственному оскорбителю, но не к лицам, имеющим косвенное отношение к преступлению. Иными словами, объектом мести должен был стать Аттал, но никак не Филипп. Кроме того, между оскорблением и местью лежит весьма длительный срок (трудно представить, что юноша, неоднократно сталкиваясь с Атталом, выжидал до тех пор, пока обидчик не оказался вне пределов его досягаемости). Далее: после нападения Павсаний попытался спастись бегством, хотя традиции личной мести предполагают сознательное пожертвование жизнью (Liv. XXI.2.6); в этой связи попытка к бегству трудно объяснима. Впрочем, и сама гибель убийцы от рук преследователей вызывает недоумение. Македонские традиции предполагали в таком случае арест преступника, привлечение свидетелей, проведение следствия и громкого процесса в интересах правящей группировки⁴. Несомненно, что убийцу вполне можно было взять живым; если же против него, убежавшего — и, следовательно, не оказывавшего сопротивления, было применено оружие, то закономерно предположить, что следствие и допрос Павсания были кому-то невыгодны; в этом случае преследователям могли быть даны инструкции ликвидировать убийцу⁵. И, наконец, серьезное недоумение вызывает тот факт, что в ходе жесточайших репрессий, обрушенных Александром на македонскую знать, практически не пострадал род Орестидов, род

² Версия об убийце-одиночке ныне отвергнута большинством исследователей. Исключение составляет мнение П. Клоше (*Cloché P. Histoire de Macédoine. P., 1960. P. 246*) и ряда греческих исследователей (например: Νάλτσας Χ. Φίλιπποι Β' ὁ Μακεδών ὁ ἐνωτής τῶν Ἑλλήνων. Θεσσ., 1970).

³ Диодор, строго говоря, не стремится в этом случае к самостоятельному анализу материала. Его изложение событий отличается значительно большей детализацией, нежели у других авторов, и явно опирается на широкий круг источников. Однако, говоря об организаторах заговора, он ограничивается констатацией факта личной неприязни Павсания к Филиппу II.

⁴ Процедура, цели и методы политических процессов в Македонии подробно освещены советскими антиковедами. См. Ковалев С. И. Заговор пажей // ВДИ. 1948. № 1. С. 32—42; Шофман А. С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976. С. 381 сл.

⁵ Сообщение Юстина (XI.2.1) о поимке убийцы и суде над ним прочими источниками не подтверждается.

самого убийцы (Diod.XIX.54); это тем более странно, что с точки зрения права кровной мести именно он должен был стать первоочередным объектом преследования со стороны сына Филиппа, мстившего за отца (Just. XIV.6.5—12) ⁶.

Именно этот ряд несообразностей заставил некоторых античных авторов усомниться в достоверности официальной версии и предложить иную трактовку событий. Признавая личные мотивы Павсания и не отрицая возможную причастность к убийству Ликестидов, Плутарх (Alex.X) и Юстин (IX.6.7) называют в числе соучастников жену Филиппа Олимпиаду и сына Александра. В самом деле, незадолго до гибели царь развелся с Олимпиадой и отдалил от себя сына. Заключение Филиппом второго брака со знатной македонячкой из рода Аттала было с удовлетворением воспринято знатью Македонии. Александр практически потерял статус наследника, так как в глазах македонян уроженка Эпира Олимпиада и ее сын были чужаками: наследниками становились потомки Филиппа от второго брака (Plut.Alex.IX).

Лишь немногие исследователи рискуют полностью отвергать эту версию. Доводы их таковы: Александр был старшим сыном и в силу этого бесспорным наследником отца; он «не имел причин сомневаться в искренности отца», несмотря на «неоднократные стычки с ним»; что же касается Олимпиады, то «она никак не могла быть заинтересована в заговоре против Филиппа, зная, каких трудов стоит борьба за единовластие» ⁷. Любопытно проанализировать эти тезисы. Александр действительно был старшим сыном, но старшинство в македонских условиях отнюдь не гарантировало наследования престола: войсковое собрание и знать были правомочны определять кандидата ⁸. С этих позиций положение Александра выглядит весьма уязвимым: отношение македонских вельмож к нему низводило его после вступления Филиппа во второй брак на уровень незаконного сына (Just.IX.5.9). Именно поэтому смерть отца служила интересам Александра: мужского потомства от второго брака у Филиппа еще не было, а другие претенденты по тем или иным причинам не годились на роль предводителя начинавшегося азиатского похода. Единственным реальным претендентом на престол летом 336 г. оказывается именно Александр. Позиция «кому выгодно?» дает основание предполагать бесспорную заинтересованность царевича в успехе заговора. Но заинтересованность еще не является свидетельством соучастия. Таким свидетельством может стать другой факт: в момент убийства Клиты македонский царь в пьяном откровении произносит фразу: «Отправляйся же к Филиппу, Пармениону и Атталу!» (Curt.VIII.1.33). Аттал, которого Александр ненавидел, и Парменион, которого он боялся, поставлены им в один ряд с отцом. Но ведь и Аттал, и Парменион были убиты по приказу царя. Можно предположить, что этой фразой, произнесенной в момент убийства близкого друга и родича, Александр выдает себя, косвенно признавая свое участие в убийстве

⁶ О жестокости Олимпиады см.: *Шофман А. С.* Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984. С. 54. сл. Несмотря на то, что в данном случае речь идет об устранении политических противников, утонченность репрессий, вплоть до осквернения могил Антипатридов позволяет, на наш взгляд, говорить и об элементах кровной мести со стороны царицы.

⁷ *Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И.* Александр Македонский и Восток. М., 1980. С. 67 сл.

⁸ Сам Филипп II стал царем по решению войска и знати в обход малолетнего племянника, при котором находился в статусе регента-соправителя. См. *Дройзен И.* История эллинизма. Т. I. М., 1890. С. 46; *Шахермайр Ф.* Александр Македонский. М., 1984. С. 22.

Филиппа. Еще одним свидетельством служат сами обстоятельства убийства: Павсаний, рассчитывавший спастись, напал на Филиппа, когда сопровождавшие отстали и рядом с царем остались лишь два Александра, сын и зять. Ни один источник не сообщает о попытке царевича помешать убийце или о его участии в погоне, следовательно, можно предположить, что Павсаний не опасался присутствия царевича. Наконец, весьма показательно, что из всей охраны Филиппа только два непосредственных убийцы Павсания — Пердикка и Леоннат впоследствии стали ближайшими приближенными и исполнителями особых заданий царя⁹. В свете этой информации факт расправы с убийцей становится более понятным: связанные с царевичем лица в царской охране ликвидировали по приказу последнего источник нежелательных разоблачений. В целом сумма косвенных улик против сына Филиппа настолько весома, что даже откровенные поклонники личности Александра, пытаясь отрицать его вину, выдвигают совсем уж субъективные соображения вроде «рыцарственной природы» будущего завоевателя¹⁰.

Еще менее основательны попытки оправдать Олимпиаду. Именно она настроила сына против Филиппа (Just.IX.7.5—6) и пыталась спровоцировать брата, царя молоссов, на войну с Македонией (Just.IX.7.7). Примирение брата с Филиппом лишало ее всех надежд на восстановление прежнего положения, с гибелью же царя она получала прочный статус царицы-матери, а возможно, и пост правительницы страны. Что касается «трудностей борьбы за единовластие», то именно в этот момент их не было: кроме Александра никто другой не годился в вожди азиатского похода, Аттал находился вдали от Македонии (Just.IX.5.8). Следовательно, гибель Филиппа стала для Олимпиады единственным реальным выходом. Помимо предположений существуют и реальные указания на то, что Олимпиада была не только связана с убийцей, но и готовила условия для его побега (Just.IX.7.9).

В целом схема заговора (Павсаний — Линкестиды — семья Филиппа) выглядит вполне приемлемо. Заинтересованность Павсания в заговоре могла быть обусловлена обещанием применения к Атталу самых строгих мер после устранения его покровителя, тем более что в этом интересы Павсания и царской семьи совпадали. Однако и здесь имеются определенные несообразности, заставляющие задуматься о неполноте такой версии. Олимпиада и Александр жаждали полновластия¹¹ и поэтому не могли желать расчленения страны. Следовательно, в этом их позиция противоречила позиции линкестийских династов. Если же истребление Линкестидов после гибели Филиппа явилось не только актом устранения ненужных более сообщников, но и мерой, предотвращавшей сепаратистские мятежи, то снова встает вопрос: почему репрессии не затронули династов Орестиды и других верхнемакедонских районов?

Наконец, существует еще одна версия, предложенная Аррианом (II. 1в4—7) и Курцием (VII. 1.8). Они предполагали, что убийство Филиппа явилось результатом широкого заговора, инспирированного внешними силами, заинтересованными в гибели македонского царя, в первую очередь —

⁹ А. С. Шофман указывает на необъяснимость близости к царю столь бесцветной личности, как Леоннат (Распад империи... С. 57). Если принять предложенный нами вариант развития событий, причина особого доверия становится более понятной.

¹⁰ Шахермайр. Ук. соч. С. 64. Такого рода «доводы» заставляют усомниться в правоте высказывающего их.

¹¹ Шофман. Восточная политика ... С. 222 сл.; ср. Kaerst J. Geschichte des hellenistischen Zeitalters. Lpz, 1901. S. 294.

Персией. Как преклоняющийся перед Александром Арриан, так и не симпатизирующий ему Курций не допускают возможности личного участия Александра в заговоре; они акцентируют внимание на участии в нем македонской знати, оппозиционной Филиппу (Агр. 17.9; 25.3). Общий смысл версии таков: персы вмешивались во внутренние дела Греции, поддерживали своим золотом антимакедонские группировки и в конечном счете организовали убийство царя.

Сохранились упоминания о двух письмах, содержащих сведения о покушении. Первое из них дошло в приблизительном пересказе: Дарий похваляется связью с заговорщиками и участием в убийстве Филиппа, угрожая его сыну подобной участью (Plut. De fort. Al. I. 3. 327D). В другом письме сам Александр, упрекая Дария в связях с антимакедонскими элементами, инкриминирует ему организацию убийства отца (Агр. II.14. 1—8). Какова степень достоверности этих улик? Первое письмо не сохранилось, о нем упоминает Александр в ответе Дарию. Но Дарий, которому адресована отповедь македонянина, лишь весной 336 г., за несколько недель, если не дней, до гибели Филиппа овладел престолом Персии. Подготовка же убийства была делом, требующим длительного времени, следовательно, лично Дарий не мог иметь отношения к покушению в Эгах. Однако Александр прямо подчеркивает личное участие Дария! И более того, указывает на связь его с оппозицией не только в Греции, но и в Македонии. Следовательно, письмо Дария — либо пустая похвальба и угрозы, либо антиперсидская инсинуация, инициированная самим Александром. Ссылка на «письмо Дария» предоставляла ему повод продолжать войну, против чего активно выступала македонская знать (Curt. IV.11—12): месть за отца была достаточной причиной для продолжения наступления. Кроме того, связав персов с македонской оппозицией, Александр получил возможность дискредитировать знать в глазах рядовых воинов. Именно в это время царь начинает серию расправ со своими старыми соратниками, выступающими против перерождения его в восточного деспота (Агр. III.26.2)¹². В целом, исходя из предложенных соображений представляется возможным отрицать серьезность «писем» как улики. Помимо всего прочего, реакция персов на убийство Филиппа ясно показывает, что оно было для них неожиданностью, воспользоваться передышкой Дарий не сумел.

Вместе с тем отсутствие прямого соучастия в заговоре отнюдь не означает отсутствия соучастия косвенного. Сторонники третьей версии утверждают, что «можно с уверенностью сказать, что мы имеем дело... с большим политическим заговором, штаб которого находился в сердце страны... а нити тянутся к варварским племенам на севере, к греческим и персидским городам на юге»¹³. Такие нити действительно были: имеется в виду широкая финансовая поддержка, оказываемая персидским двором антимакедонским группировкам на Балканах. Следует подчеркнуть, что Александр, согласно Арриану (II.14.6), обвиняет Дария в дипломатических

¹² Расправы с македонской знатью, как правило, осуществлялись без видимых причин, а материалы следствия, вынесенные на суд войска, являлись прямой фальсификацией (Агр. III.26.4). См. Ковалев С. И. Александр, Филота и Парменион // Уч. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. 1949. Вып. 14. С. 280—308; он же. Александр и Клит // ВДИ. 1949. № 3.

¹³ Шофман А. С. История античной Македонии. Ч. II. Казань, 1963. С. 117. Думается, что «варварские племена» ни прямого, ни косвенного отношения к заговору не имели; их волнения после гибели Филиппа следует расценивать как реакцию на убийство, но не как результат соучастия в нем.

интригах и — особенно! — в финансировании антимакедонских элементов, т. е. именно в косвенном противостоянии македонской политике.

Данные Плутарха (Dem.XX) и Эсхина (III.156.239) позволяют видеть главного адресата, получавшего и распределявшего «царское золото», в Афинах, точнее — в группе Демосфена. Нельзя признать полную правоту исследователей, пристрастно относящихся к Демосфену¹⁴, однако факты, свидетельствующие о получении афинскими демократами персидских дотаций, бесспорны и отрицать их оснований нет (Diod.XVII.4)¹⁵. В самом деле, политика подкупов, практикуемая Филиппом (Theop. Fr. 27), требовала противопоставления аналогичных методов: золото персов, несомненно, воспринималось Демосфеном как противовес золоту македонян и употреблялось для финансирования групп, оппозиционных македонскому царю.

Таким образом, можно говорить о косвенной причастности Персии к заговору, которая выражалась в предоставлении финансовых дотаций его участникам; передача этих средств могла осуществляться лишь через Афины, также заинтересованные в устранении Филиппа. Но кто мог быть адресатом получения золота непосредственно в Македонии? В действиях Павсания корыстный момент, несомненно, исключен. Нельзя говорить и о связях членов царской семьи с силами, враждебными македонской гегемонии. Единственной стороной, заинтересованной не только в устранении царя, но и в ослаблении центральной власти, оказываются линкестийские династы. В этом их позиция смыкается с позицией персов и афищян, следовательно, можно предполагать наличие связей между ними. Сепаратистский мятеж после гибели царя был бы выгоден внешним силам, следовательно, эти силы могли считать целесообразным финансирование такого мятежа. Однако если признать, что Линкестиды могли получать «царское золото», то следует уточнить: каким путем? Открытые связи династов с Афинами исключались; тайные, но прямые отношения также не были приемлемы, поскольку в обстановке политической борьбы в Афинах они легко могли быть преданы огласке¹⁶.

В общем, третья версия также не кажется убедительной. Ни греки, ни персы не могли прямо соучаствовать в убийстве царя; как и персы, афищяне не ожидали его и не сумели даже подготовиться к действиям против Македонии (Агг. I. 1.3). Однако именно в рамках третьей версии обнаруживается фактор, не учтенный античными источниками. Невозможность прямой передачи «царского золота» из Афин в Линкестиду предполагает наличие посредника, связанного с персидскими дотациями. Можно предположить, что, обнаружив это недостающее в цепи рассуждений звено, мы сумеем понять, каким образом координировались действия разнородных элементов, составивших структуру заговора; если это удастся, то будет возможна реконструкция единой схемы его подготовки и приведение к согласию трех противоречащих друг другу вариантов.

Оценивая изложенные выводы, следует согласиться, что логика фактов приводит нас к еще одному из интересующих нас вопросов — «с чьей помощью?». Имеющийся список возможных соучастников не дает исчерпы-

¹⁴ Старая западная и отечественная историография, как правило, негативно относится к Демосфену. В ее изображении он либо продажный политикан (*Бузескул В. П.* История афинской демократии. СПб., 1909. С. 32), либо безответственный демагог (*Wilcken U.* Alexander der Grosse. Lpz, 1931. S. 51 f.).

¹⁵ Гафуров, Цибукидис. Ук. соч. С. 69.

¹⁶ По поводу позиции группы Демосфена и специфики политической борьбы в Афинах см. *Маринович Л. П.* Афины при Александре Македонском // Античная Греция. Ч. 2. М., 1983. С. 218 сл.

вающего ответа. Однако в самих обстоятельствах покушения можно обнаружить данные, помогающие определить исходный пункт для дальнейших рассуждений. На пути из резиденции в театр портик входа был единственным местом, достаточно узким для того, чтобы царь хотя бы ненадолго оказался вне кольца телохранителей (Diod. XVI.94.2—4). Церемониал шествия, как можно предполагать, устанавливал очередность в соответствии с социальным статусом: в узком проходе первым оказался Филипп, рядом с ним (или — вслед за ним) — родственники царя и лишь потом, парами или по трое — телохранители. Таким образом, в портике входа Филипп на какое-то время остался наедине с тремя сильными вооруженными мужчинами, двое из которых (Павсаний и царевич Александр) могли желать его смерти. Павсаний, несомненно, шествовал сзади, поскольку согласно протоколу он не мог опережать ни царя, ни его родичей. Следовательно, и удар был нанесен сзади и царь не успел от него защититься. Но, совершив убийство, Павсаний уже не имел пути назад: телохранители шли непосредственно за ним. Убийца побежал вперед, миновав обоих Александров. В тесном пространстве, находясь впереди или по бокам и преграждая Павсанию выход, македонский царевич и молосский царь могли бы если и не помешать убийце, то, несомненно, задержать его. Однако ни о схватке с убийцей, ни о попытке задержать его на месте преступления источники не упоминают. Следовательно, в полутемном портике Павсанию было оказано имп косвенное содействие.

Возможность такого содействия со стороны сына Филиппа уже была мотивирована. Однако такое же бездействие зафиксировано и со стороны царя молоссов. Сами обстоятельства покушения, таким образом, вынуждают нас обратить внимание на личность Александра Молосского, тем более что Эпир, единственный из соседей Македонии, никогда еще не рассматривался в свете возможной заинтересованности в гибели Филиппа II. Однако сначала следует совершить краткий экскурс в эпирскую историю.

Еще в V в. повятое «Эпир» не было политическим определением; этим общим термином обозначалась северо-западная область Греции, населенная несколькими племенами, объединенными в союзы, находившимися на более низкой ступени развития, нежели регионы южной и островной Эллады; во всяком случае греческая традиция называет их «варварами» (Thuc. II. 80.5). Впрочем, это определение можно считать относительным¹⁷. Эпир воспринимался греками как часть их мира (Paus. V.14.2), язык большинства эпирских племен был греческим (Strabo. VII. Fr. 1—2)¹⁸ и довольно устойчивы были культурно-религиозные связи греков с этими народами (Herod. II.55). Сами эпирские племена также ощущали себя греческими и пытались активно участвовать в общегреческой политике: в первой половине V в. эпироты сражаются в рядах антиперсидской коалиции, а во второй половине столетия племена региона борются друг с другом под знаменами Афин и Спарты (Thuc. II.80). Постепенно крепнут связи эпирских племен с греческими полисами на побережье Адриатики, развиваются социально-экономические отношения¹⁹. Впрочем, несмотря

¹⁷ Cabanes P. Société et institutions en Epire et en Macédoine à l'époque classique et hellénistique // *Illiria*. 1981. 2. P. 77. По мысли автора, в глазах Фукидида признаком «варварства» является скорее уровень развития, нежели этническая принадлежность.

¹⁸ Лингвистические исследования позволяют сегодня говорить об общих истоках греческого, македонского и молосского языков. См. Цымбурский В. Л. К интерпретации нескольких древнемакедонских глосс // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья*. М., 1984. С. 152—156.

¹⁹ Блаватская Т. В. Рабовладельческие отношения в Эпире // *Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И.* Рабство в эллинистических государствах в III—I вв. до н. э. М., 1969. С. 92—110.

на все это попытки эпиротов установить самостоятельные отношения с ведущими полисами Греции встречают в V в. до н. э. презрительный отказ эллинов (Plut. Them. XXIV).

К началу IV в. гегемоном Эпира становится племя молоссов, которое начинает борьбу за выход к морю и к концу 70-х годов добивается своей цели. В это время международный престиж Молоссии весьма высок: она поддерживает оживленные связи с Этолией (Front. II.V.19), находится в союзе с Фессалией (Xen. Hell. VI.1)²⁰ и, наконец, по инициативе Афин вступает с ними в юридически оформленный союз (Diod. XV.36.5). Внутриполитическое положение молосского государства также отличается стабильностью. Царская династия Эакидов прочно удерживает власть: племенная знать и нарождающиеся торгово-ремесленные круги видят в ней социального посредника, гарантирующего сохранение status quo в их взаимоотношениях. Современники, оценивая значение молосской монархии в этом аспекте, признают ее роль весьма позитивной, на уровне лучших precedентов старшей тирании (Arist. Pol. 1310b.40)²¹.

Завоевав побережье, молосские монархи обращают взор на горные области к северо-востоку от Молоссии, населенные племенами, родственными как эпиротам, так и македонянам (Strabo. VII.7. Fr. 1—2). Племена эти — оресты, тимфей, паравей — издавна считались эпирскими (Thuc. II.80.6), и направление молосской экспансии в их сторону не кажется удивительным. После 370 г. до н. э. земли этих племен вошли в состав Молоссии, причем можно с уверенностью сказать, что проникновение туда молоссов не встретило серьезного сопротивления. Однако результатом этого продвижения стал неизбежный конфликт с Македонией²².

Именно в это время македонское государство находилось в состоянии затяжного кризиса. Усиление центробежных тенденций, дополнившееся неудачами в борьбе с внешними врагами (Diod. XVI.2; Just. VII.5.1), привело Македонию к потере обретенных в конце V в. до н. э. позиций. Естественно, в условиях, когда решался вопрос, быть или не быть самой Македонии, правители ее не могли расплыть силы, оспаривая у койнона молоссов влияние в горных регионах. Положение изменилось с приходом к власти Филиппа II; этот незаурядный правитель сумел преодолеть кризис и, укрепив стабильность государства, приступил к осуществлению обширной внешнеполитической программы (Polyb. VII.11)²³. Реорганизация войска (Just. VII.6.5) и некоторые административные реформы повлекли за собой усиление Македонии и позволили ей начать борьбу с афинским влиянием на полуострове Халкидика (Diod. XVI. 2—4). Естественно, Филипп считал вопросом первостепенной важности отторжение

---

²⁰ Авторитет Фессалии в эпоху тага Ясона был настолько велик, что равноправный союз с нею сам по себе является свидетельством политического авторитета Эпира. См. Фролов Э. Д. Младшая тирания // Античная Греция. Ч. 2. С. 131 сл.

²¹ Следует учесть, что «старшая» тирания объективно являлась фактором, стабилизирующим социальный прогресс (История древнего мира. Ч. 2. Развитие древних обществ. М., 1983. С. 81—84).

²² Эпиграфические памятники, датированные примерно 60-ми годами IV в. (см. Hammond N. Epirus. Oxf., 1967. P. 28), подтверждают вхождение горных областей в состав Молоссии. Анализ памятников позволяет говорить о гибкости внутривнутриполитического устройства койнона молоссов. См. Cabanes P. L'Épire de la mort de Pyrrhos à la conquête romaine. P., 1976. P. 128—129, 156 suiv.

²³ Западные исследователи трактуют Филиппа II как «сверхчеловека» (Дройзен. Ук. соч. Т. I. С. 29 сл.; Wilcken. Op. cit. S. 16). Субъективность такого подхода, несомненно, затрудняет реальный анализ его деятельности (см. Гафуров, Цибукидис. Ук. соч. С. 25 сл.).

от Молоссии горных регионов: не подчинив Орестиду и другие области, он не мог рассчитывать на прочность покорения Линкестиды; иными словами, без присоединения горных княжеств Македония не могла считаться полностью объединенной. Однако открытый конфликт с сильным молосским койноном исключал для Филиппа возможность вмешательства в дела Средней и Южной Греции (Just. VII.6.8), а тем самым и использование наиболее удобного повода для вступления в борьбу за гегемонию над Элладой.

Учитывая это, Филипп сумел найти паллиативный выход: любой ценой избежать войны и нейтрализовать очевидную враждебность Молоссии. Цель эта была достигнута в результате брака Филиппа с Олимпиадой, племянницей молосского царя Аррибы²⁴. Известно, что Арриба рассчитывал на «увеличение своего царства» и добился его (Just. VII.6.12), что, очевидно, выразилось в формальном отказе Филиппа II от претензий на спорные территории.

Лишь после Священной войны Филипп возвращается к идее присоединения горных районов. Решать спор оружием по-прежнему было нецелесообразно: в Греции складывалась мощная антимакедонская коалиция во главе с Афинами. Нападение на Молоссию, связанную с афинянами договором о военном союзе (Diod. XV.36.5), означало войну на два фронта: царь молоссов Арриба был последовательным сторонником афинской ориентации²⁵. Справедливо оценивая личность Аррибы как препятствие своим планам, македонский царь подготовил и осуществил сложную интригу, направленную на смену режима в Молоссии. Орудием этой интриги стал племянник молосского царя Александр, родной брат македонской царицы Олимпиады. Совсем еще мальчик, он, очевидно, был отстранен после смерти отца от наследования; впрочем, Арриба выступал в роли его опекуна и попечителя, и нет оснований утверждать, что юный царевич подвергался каким-либо притеснениям со стороны дяди²⁶.

В начале 40-х годов IV в., пригласив Александра в Пеллу, Филипп циничными и жестокими методами полностью подчинил неопытного юношу своей воле. Подробности дальнейших событий неизвестны, однако уже в середине 40-х годов царь Арриба был свергнут и изгнан из страны (Just. VIII.6.4—9), и власть над молоссами оказалась в руках ставленника Македонии Александра. Однако нет оснований преувеличивать степень зависимости Эпира в этот период, утверждая, что «фактически Эпир стал собственностью Македонии»²⁷. Вне зависимости от того, как именно был устранен Арриба, ясно одно: молосско-македонской войны не было (во всяком случае, о ней не говорят источники, скрупулезно фиксировавшие все кампании Филиппа). Можно предположить, что Филипп воспользовался наличием в Молоссии сил, оппозиционных Аррибе (возможно, из окружения его покойного брата), и инспирировал государственный переворот. Ликвидировать же независимость койнона молоссов без большой войны Филипп не мог, а в такой войне он был не заинтересован. Ему, сле-

²⁴ Даже исследователи, признающие взаимные чувства молодых людей, отмечают политическую подоплеку этого брака. См. *Шахермайр*. Ук. соч. С. 43.

²⁵ Эпиграфические памятники свидетельствуют о том, что именно в это время Арриба удостоивается афинского гражданства (Syll.³ 228).

²⁶ Рассуждения Ф. Шахермайра по этому поводу (Ук. соч. С. 43) неубедительны; источники же (Just. VIII.6.5) утверждают обратное.

²⁷ *Шофман*. История... Т. I. Казань, 1960. С. 254 сл.; сам ход дальнейших событий опровергает этот тезис, вызванный, очевидно, преимущественным вниманием автора к македонским проблемам.

довательно, пришлось удовлетвориться изменением ее внешнеполитического курса и присоединением горных районов ²⁸.

Вместе с тем надеяться на длительную лояльность нового царя молоссов Филиппу не приходилось. Македонский царь понимал, что отношение к нему подраставшего Александра крайне отрицательно: циничные надругательства, с помощью которых Филипп в свое время подчинил подростка, по традициям эпохи, не подлежали прощению (Just. VIII.6.4—7). Возникла необходимость привязать царство молоссов к Македонии политически. И в 342 г. Филипп передает под власть молосского царя греческие полисы, лежащие на эпирском побережье Адриатики (Dem. VII. 32; Theop. 228), что было, очевидно, формальной компенсацией за отторжение Орестиды, Тимфеи и Паравен.

Такой акт нетривиален для политики Филиппа, принципиально отрицавшего идею компенсаций. Однако решение македонского царя представляется обоснованным. Передав молоссам города Элатрию и Пандосию, Филипп сохранил тем не менее контроль над важнейшим центром региона — Амбракией, а вместе с ней — и над эпирским побережьем. Пандосия же и Элатрия, издавна тесно связанные с эпитрами, были предметом давних притязаний Молоссии ²⁹. Кроме того, заняв их, македоняне лишали молоссов выхода к морю. В этом случае война становилась неизбежной: молосская знать приняла бы соответствующие меры, а Александр поддержал бы их, рискуя в противном случае утратить поддержку знати. Передача же этих полисов под юрисдикцию Молоссии закрепляла положительное отношение эпитров к македонской политике. С другой стороны, приняв под свою власть Пандосию и Элатрию, бывших афинскими союзниками, молоссы оказывались в положении активных пособников Македонии; именно так должна была воспринять афинская демократия факт подчинения Филиппом приморских полисов и их передачу под контроль Эпира. Реакция афинян соответствовала замыслам Филиппа (Dem. VII.32). Союзный молосско-афинский договор фактически был денонсирован.

В начале 30-х годов внимание Филиппа к эпирским проблемам ослабевает. Македонянин сталкивается в открытой схватке с афино-фиванской коалицией. Воспользовавшись этим, Александр осуществляет ряд мер, направленных на внутривнутриполитическое укрепление своего государства. Введение им исключительно гибкой системы управления, предусматривавшей широкое внутреннее самоуправление наиболее развитых регионов ³⁰, способствовало органичной интеграции разнородных элементов, составлявших молосский койнон. В итоге реформ Александр Молосский укрепил свои позиции настолько, что смог приступить к осуществлению независимой от воли Филиппа II политики в отношении Иллирии (Front. II.5.10). Учитывая, что земли иллирийцев рассматривались Филиппом как сфера македонского влияния, нельзя не признать, что это — первый симптом начавшегося ухудшения молосско-македонских отношений.

В начале 30-х годов появляются также признаки открытой конфронтации. Оставленная супругом Олимпиада вместе с сыном бежит в Эпир

²⁸ *Cabanus*. L'Épire... P. 131.

²⁹ О роли приморских полисов в социально-экономической и политической жизни Эпира и их взаимоотношениях с Молоссией см.: *Dacaris S. I. Cassopeia and the Elean Colonies*. Athenes, 1974; *Hammond N. J. L. The Colonies of Elis in Cassopea* // Ἀφιέρωμα. Athens, 1954.

³⁰ *Larsen J. A. O. Greek Federal States*. Oxf., 1968. P. 278 f.; любопытно, что Ларсен рассматривает внутреннее устройство Молоссии как симполитию. Если это верно, то следует признать, что Александр провел реформы административного устройства, не уступающие по значению реформам царя Фарисы, описанным Юстином (XVII.3.12).

и находит там убежище (Just. IX.7.5), что со стороны Александра, несомненно, было актом крайне недружественным по отношению к Филиппу и, во всяком случае, свидетельством независимости проводимой молосским двором политики. При дворе брата Олимпиада категорически настаивает на объявлении войны Македонии; любопытно, что и сам Александр не исключал возможности войны и был к ней готов (Just. IX.7.7). Учитывая влияние и мощь Македонии в то время, следует признать, что решиться на открытый конфликт с нею можно было лишь при наличии реальных оснований для надежды на успех.

Показательно поведение Филиппа II в создавшейся ситуации. Война с молоссами в этот момент была равносильна срыву азиатского похода — войскам, уже переправленным в Азию, требовались подкрепления. Война эта угрожала и изменением позиции Греции, подчиненной Филиппом (Polyb. IX.33). Для сторонников демократии она означала бы, что власть Македонии не абсолютна, поскольку в масштабах региона есть силы, способные ее оспорить; естественным результатом могло стать оживление антимакедонской активности. Олигархия же греческих полисов поддерживала Филиппа как потенциального вождя похода против персов и лишь в этом случае готова была мириться с его гегемонией³¹. Война с молоссами, затормозив поход, подорвала бы доверие олигархов к Филиппу. Трезво оценив обстановку, македонянин принял решение предотвратить развитие кризиса: он по с о б с т в е н н о й и н и ц и а т и в е предложил Александру руку своей дочери; брак этот должен был стать гарантией желания Филиппа заключить мир и союз с молосским царем. Согласие на брак было Александром дано.

Бракосочетание, состоявшееся в Эгах летом 336 г., праздновалось с величайшей пышностью, «достойной двух великих царей» (Just. IX.6.1—2). Определение Юстина не представляется случайным. В самом деле, могущественный македонский царь титулуется «царем великим» наравне с правителем небольшого периферийного государства. Это слишком серьезный момент для случайной ошибки; вероятнее, что именно такая формулировка содержалась в источниках, использованных Помпеем Трогом. Но если так, то следует признать, что в 336 г. Молоссия рассматривалась как абсолютно независимое от Македонии государство. Следовательно, основным условием примирения явилось признание Филиппом суверенитета Молоссии и отказ от вмешательства в ее дела; это давало возможность молосскому царю приступить к осуществлению собственных внешнеполитических планов.

Реакция греков на известие о торжестве в Эгах полностью подтверждает наши выводы. Даже Афины не только прислали в Эги посольство, но и приняли декрет о лишении убежища лиц, изменивших Филиппу (Diod. XVI.92). Это означало политическую капитуляцию, тем более вынужденную, что сразу после убийства Филиппа смерть его была пышно отпразднована в Афинах (Plut. Dem. XXII). Можно предположить, таким образом, что окончательная капитуляция Афин произошла не после Хероней, но после того как единственный (в масштабах Балкан) реальный противник Македонии был нейтрализован. Этим реальным противником могло быть (и, по нашему убеждению, было) Молосское государство, возглавляемое царем Александром.

³¹ См. Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950. С. 23—25; П. Кабан по этому поводу подчеркивает, что даже Исократ призывал Филиппа «не задерживаться в Греции» (Société et institutions... P. 76).

Завершив экскурс в историю Эпира, можно вернуться к проводимому нами расследованию. В поисках точного ответа на вопрос «каким образом?» были проанализированы обстоятельства убийства. В результате в поле нашего зрения оказалась незаметная ранее фигура молосского царя. Но еще неясен вопрос, были ли у него мотивы желать смерти Филиппа, который примирился с ним и скрепил союз браком? Иными словами, «с какой целью?»

Стоит повторить, что отношение Александра к Филиппу лично не могло быть приятным (фактически по отношению к Филиппу Александр не мог не испытывать чувств, аналогичных чувствам Павсания к Атталу). Субъективная неприязнь усугублялась объективными причинами: Филипп, несмотря на все демарши, оставался опасным врагом³². Расправа с Молоссией была неизбежной; она лишь была отсрочена на время похода в Азию. Естественно, что Александр не мог не сочувствовать заговору, если знал о нем (знать же, общаясь с Олимпиадой, вполне мог).

В связи с этими соображениями привлекает внимание личность убийцы. Павсаний происходил из рода династов Орестиды, но она была не столько македонской областью, сколько эпирской; в течение сотен лет оресты входили в состав Эпира. Если мечтой династов Верхней Македонии было восстановление политической независимости (в первую очередь это относится к Линкестидам), то для орестов полная независимость была уже очень далеким прошлым. Скорее они могли стремиться к возвращению в состав Молоссии: жесткая система внутривнутриполитической организации Македонии не шла ни в какое сравнение с внутренним устройством Молоссии, допускавшим самое широкое внутреннее самоуправление племен³³. В свете этих соображений этническая принадлежность убийцы весьма многозначительна: оскорбление, нанесенное ему, в условиях права кровной мести есть оскорбление его клана. Но если как личность Павсаний действовал на руку в первую очередь Олимпиаде и ее сыну, то как представитель клана в первую очередь служил интересам Молоссии. Этим можно объяснить и отсутствие репрессий против Орестидов: молосский царь как лицо заинтересованное мог выступить предателем за своих недавних подданных перед мстителем. Олимпиада же и ее сын, естественно, не могли идти на обострение отношений с Молоссией в условиях борьбы за укрепление своей власти.

Признание связей между молосским царем и династами Орестиды позволяет развить нашу систему рассуждений. Помимо желания вернуть горные районы царь молоссов был крайне заинтересован в максимальном ослаблении Македонии. Наиболее рациональным вариантом действий, направленных на дестабилизацию внутривнутриполитической обстановки в Македонии, была, несомненно, поддержка сепаратистских тенденций горной знати из недавно независимых областей, в первую очередь — Линкестидов (Diod. XVII.32.2). Естественно, в своих стремлениях последние могли опираться на помощь царя молоссов. Доказательств существования таких контактов нет, но нет и свидетельств, отрицающих эти контакты. Если же допустить, что они имели место, то логично предположить, что посредниками в их установлении выступили династы Орестиды, несомненно блокировавшиеся с Линкестидами в оппозиции Филиппу II. Александр Молос-

³² Программа Филиппа сводилась к необходимости ограниченной экспансии в Азии и полного подчинения Балканского региона. См. Фролов Э. Д. Панэллинизм в политике IV в. до н. э. // *Античная Греция*. Ч. 2. С. 157 сл.

³³ Гафуров, Цибукидис. Ук. соч. С. 29 сл., 104; ср. Cabanes. *Société et institutions...* P. 79 suiv.

ский не имел, разумеется, возможности поддерживать планы династов военной помощью, помощь политическая не имела смысла, поскольку независимость горных районов была ликвидирована. Однако вполне допустимо, что молосский царь в глубокой тайне оказывал линкестийской знати помощь финансовую: в случае гибели Филиппа Линкестиды могли бы снарядить войско и выступить против власти Македонии. Собственно, сама попытка бегства из столицы сразу после гибели царя изобличает готовность их к сепаратистскому мятежу. В противном случае бегство не имело смысла: доказательств связей их с погибшим Павсанием не было, следовательно, опасаться мести наследника не приходилось. Воспользоваться гибелью царя в своих интересах, находясь в Эгах, Линкестиды также не могли: претендовать на престол они не имели оснований. Спешные, без следствия поиски Линкестидов и расправа именно с ними подтверждают, что Александр, сын Филиппа, располагал сведениями об их намерениях.

Допустив возможность финансовой поддержки династов со стороны Молоссии, следует понять: откуда в распоряжении ее царя оказались столь значительные суммы ³⁴? Теперь имеет смысл вспомнить о «царском золоте». Выше указывалось, что средства, направляемые персами афинским демократам, использовались последними для поддержки антимакедонских элементов во всем греческом мире. Ничего удивительного нет в предположении, что Молоссия, давний союзник Афин, вплоть до свержения Аррибы получала часть этих средств. Безусловно, кризис афино-молосских отношений в конце 40-х годов должен был на время прекратить поступление золота. Однако с возобновлением молосско-македонской конфронтации связи Афин с царем молоссов закономерно должны были возобновиться. Хотя после Херонеи открыто афишировать антимакедонские настроения для группы Демосфена было невозможно, общее нестроение афинского гражданства оставалось недружественным Македонии (Plut. Phoc. XVI). Поскольку в глазах афинян реальной силой, противодействующей Македонии на Балканах, могла оставаться в 338—336 гг. только Молоссия, можно предположить, что афинские демократы в это время поддерживали с ней тайные связи, переправляя молосскому царю «персидское золото».

И наконец, «кому выгодно?» Каковы результаты, достигнутые в итоге заговора каждой из причастных к нему сторон? Что касается Павсания, то враг его Агтал был уничтожен, однако Павсаний уже не мог об этом узнать. Возможный мятеж в Линкестиде решительными мерами сына Филиппа был предотвращен (Diod. XVII.2; Just. IX.2), столь же безуспешной оказалась попытка греков свергнуть македонскую гегемонию (Arr. I.7; Diod. XVII.8). Иными словами, ни одна из сторон, косвенно причастных к заговору, желаемых результатов в итоге не добилась.

На первый взгляд для семьи Филиппа заговор завершился успешно. Александр Македонский утвердился на престоле, а его мать обрела влияние при дворе и статус вдовствующей царицы. Однако первое впечатление на поверку оказалось обманчивым. Сразу же после отбытия сына в поход позиции Олимпиады пошатнулись: македонская знать по-прежнему не желала признавать ее власть (Arr. VII.12. 5—7). После долгих и унижительных конфликтов с македонскими аристократами Олимпиаде пришлось

---

³⁴ Т. В. Блаватская (Ук. соч. С. 93—95) убедительно доказывает, что «эпоха накопления» в Эпире только началась. Наличие отдельных крупных состояний в это время — явление нетипичное.

еще при жизни сына покинуть Македонию и искать убежище в Эпире, при дворе своего брата (Plut.Eum.XIII)³⁵. Сам Александр Македонский, впрочем, тоже в полной мере не пожал плоды убийства Филиппа: с середины 30-х годов балканский мир выпадает из сферы его интересов³⁶. В конечном счете, добившись значительных успехов в Азии, но так их и не закрепив, Александр утратил контроль над Балканами, а македонская знать сохранила свое влияние в стране³⁷. Глубокие противоречия с нею, а также с греческой олигархией привели к тому, что македонские аристократы встали в оппозицию царю, ущемлявшему их интересы, и, вполне возможно, предприняли попытку его физического устранения³⁸.

Принципиально иными оказались результаты заговора для царя молоссов. Сразу после гибели Филиппа Александр Молосский осуществляет ряд военно-политических акций, следствием которых становится почти полное объединение Эпира под властью молосских Эакидов; «койнон молоссов» трансформируется в «койнон эпиротов»³⁹. Активная деятельность молосского царя не встречает противодействия со стороны Македонии: наследник Филиппа связан развертыванием азиатского похода. В 334 г. Александр Молосский выступает в поход на Запад, намереваясь осуществить завоевание Западного Средиземноморья (Just.XII.2.1—2). Мощь Эпира в это время несомненна: даже македонский завоеватель рассматривает его как опасное препятствие своим планам (Just.XII.1.5), но полагает борьбу с ним возможной лишь после серьезнейшей подготовки (Curt. X.17—18).

На основе изложенного становится возможным подвести общие итоги. Нельзя не признать безусловное наличие комплекса как субъективно-личностных, так и объективных мотивов, делающих весьма вероятной причастность царя молоссов к заговору против Филиппа II. Гибель последнего открыла для Александра Молосского перспективу объединения Эпира и реализации самостоятельных политических программ. Поведение молосса в момент покушения вполне согласуется с наличием у него таких мотивов. Более того, только царь молоссов оказался в момент убийства полностью подготовленным к действиям в сложившейся ситуации. Династы Верхней Македонии не сумели организовать выступление и были перебиты; греки и персы, очевидно, не ожидавшие столь быстрой развязки, также не смогли воспользоваться благоприятной обстановкой; наконец, и семье Филиппа не удалось воспользоваться удобным моментом для полной ликвидации оппозиции в среде македонской знати. Именно царь молоссов при ближайшем рассмотрении оказывается также и стороной, которая (единственная!) могла поддерживать связи со всеми разнородными, порой противоречащими друг другу элементами структуры заговора. Признав участие Александра Молосского в его подготовке, мы получаем возможность понять все выявленные в рассмотренных версиях несообраз-

³⁵ Власть над Македонией была Олимпиадой утрачена навсегда (*Шофман*. Восточная политика... С. 53 сл.). Попытка оспорить власть у рода Антипатра завершилась ее поражением и гибелью. Фактически в этой попытке Олимпиада выступала уже как марионетка диадохов (см. *Шофман*. Распад империи... С. 53—55).

³⁶ *Шофман*. Восточная политика... С. 246 сл.; ср. *Kaerst*. Op. cit. S. 359.

³⁷ Наместник Македонии Антипатр был тесно связан с Линкестидами (*Curt.* VII. 1.6—7); Александр Македонский опасался Антипатра и не доверял ему (*Curt.* VI.1.18).

³⁸ Вопрос об этом является предметом дискуссий. Доказательства, приведенные А. С. Шофманом, вполне логичны, и в данном случае мы считаем возможным солидаризироваться с его мнением (*Шофман*. Восточная политика... С. 394—403).

³⁹ *Cabanès*. L'Épire... P. 168—184.

ности. Однако в этом случае очевидно, что молосский царь не просто участвовал в подготовке убийства Филиппа II, но выступал в роли координатора сил, заинтересованных в нем.

Совокупность сформулированных выше соображений дает возможность признать, что Молоссия, представленная в данном случае царем Александром, стала ядром, вокруг которого консолидировались силы, желавшие устранения Филиппа. Анализ всех предшествующих, сопутствующих и последовавших за заговором событий позволяет с большой долей уверенности предполагать, что именно Александр Молосский (возможно, совместно с Олимпиадой) задумал убийство Филиппа II и организовал этот акт, имевший в сущности значение государственного переворота.

Л. Р. Вершинин

THE CIRCUMSTANCES OF THE CONSPIRACY AGAINST PHILIP II OF MACEDONIA

L. R. Vershinin

The true causes of the assassination of Philip II of Macedonia are not yet wholly clarified; the different versions correlate badly. Neither an individual act, nor the direct intervention of Persia and Athens can be considered really possible. Involvement of Philip's family and of the Upper Macedonian dynasts are very probably, but their aims were mutually exclusive and made a direct link between them impossible. The existence of some connecting link, a co-ordinating centre of the conspiracy, seems necessary. The circumstances of the assassination draw attention to the Molassian king Alexander, Philip's son-in-law, who rendered the assassin passive aid, together with Alexander the Great. Analysis of the relations of Alexander of the Molossians and Philip II, and equally examination of Molossian-Macedonian relations in the first half of the fourth century B. C., allow one to establish tension between them, which passed into open hostility.

Close investigation of the problem brings out the point that only Alexander of the Molossians was both extremely interested in getting rid of Philip and directly connected with all the forces opposing the Macedonian king, viz. the dynasts of Upper Macedonia, the Athenians, and Philip's disgraced family. Only Alexander was able, as a result of the assassination, to make use objectively of the change in the situation and realise a number of actions aimed at consolidating the international authority and internal political stability of the Molossians' state. Finally, his whole behaviour, as is obvious from the literary sources, testifies to his direct involvement in the conspiracy. Epirus, represented by the Molossian king Alexander, thus proves to be the co-ordinating centre of the preparation of the conspiracy against Philip II, which was in essence a coup d'état.

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ГРЕЧЕСКОГО ПОРТРЕТА IV в. до н. э.

(По материалам вергинской гробницы Филиппа II)

Прошло более 12 лет с того времени, как Манолисом Андроникосом, профессором Салоникского университета, было сделано сенсационное открытие гробницы македонского правителя в Вергине, на севере Греции¹. Разнообразный материал, обнаруженный в усыпальнице, неоднократно привлекал внимание ученых. Дискутировался вопрос о датировке гробницы, иконографии представленных персонажей, разбирались отдельные экспонаты². Что же касается стиля найденных там пяти миниатюрных портретов из слоновой кости, то он почти не исследовался. Андроникос писал по этому поводу: «Я полагаю, что время для такой полемики еще не пришло»³. Он высказал также предположение, что создателем этих портретов, возможно, был Леохар, однако от окончательного мнения все-таки воздержался. До сих пор вопрос этот, насколько нам известно, продолжает оставаться открытым, а между тем, как неоднократно подчеркивал сам Андроникос, портреты отличаются высоким качеством исполнения, что позволяет рассматривать их как творения выдающегося скульптора IV в. до н. э. (рис. 1).

Не претендуя на полный охват проблемы стиля, мне бы хотелось выделить в ней два аспекта: первый — тема мастера, а второй — место этих изображений в искусстве греческого портрета. В отношении датировки и иконографии я следую за профессором Андроникосом, считающим погребение гробницей македонского царя Филиппа II, убитого в 336 г. до н. э. Таким образом, время появления гробницы связывается с третьей четвертью IV в. до н. э. В миниатюрных портретах, по мнению ученого, запечатлены представители македонской династии: сам Филипп II, его жена Олимпиада, их сын Александр, наследник престола, будущий великий завоеватель, и родители Филиппа — Аминт и Евридика. Следует заметить, что эволюция греческого портрета прослеживается в основном на римских копиях, и в этой связи особое значение приобретают подлинники, свободные от стилистических добавлений, внесенных римскими мастерами. Представляется важным подчеркнуть и то, что портреты из Вергины относятся к IV в. до н. э., т. е. ко времени, когда портретный жанр определялся как самостоятельное явление, завоевывая свои позиции в греческом искусстве.

Естественно напрашивается вопрос, как соотносятся вергинские портреты с теми образцами, которые были созданы в том же столетии ваятелями Эллады? Обратимся к известному произведению из Британского музея — голове Мавсола. В портрете карийского сатрапа, как указывал еще

¹ *Andronikos M.* The royal graves at Vergina. Athenes, 1980.

² Не имея возможности остановиться на всех работах, назову некоторые из них: *Манцевич А. П.* К открытию царской гробницы в Македонии в 1977 г. // СГЭ. 1979. XI—IV. С. 49—51; *Lehmann P. W.* The so-called tomb of Philip II // *AJA.* 1980. 84. № 1. P. 527—531; *Fredricksmeyer E. A.* Again the so-called tomb of Philip II // *AJA.* 1981. 85. № 3. P. 330—334. Продолжение дискуссии: *AJA.* 1982. 86. № 3. P. 437—442; 1983. 87. № 1. P. 99—103.

³ *Andronikos.* Op. cit. P. 40.

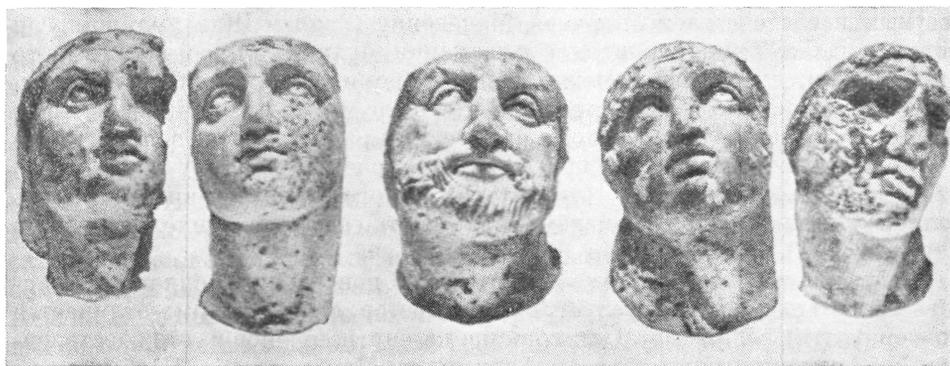

Рис. 1.

Коллиньен, решающим фактором является доминанта типа над индивидуальностью, в трактовке которой явно чувствуется влияние образа Зевса, восходящего к великому Фидию⁴. Сравним этот памятник с портретом Филиппа II из Вергины. Не так много лет отделяют их: статую Мавсола большинство исследователей датируют 50-ми годами, вергинскую находку — 30-ми IV в. до н. э., между тем какая значительная разница в стилистическом решении двух портретов! Если изображение Мавсола рассматривается как характерный пример идеалистического портрета, то образ македонского царя выполнен в совершенно иной стилистической манере. Конечно, при сопоставлении этих произведений надо помнить о разных материалах (мрамор и слоновая кость), о несоответствии размеров (больше натуральной величины в одном случае, 3 см — в другом), однако оба портрета являются творениями греческих ваятелей и принадлежат одному столетию, что и позволяет сравнивать монументальную фигуру Мавсола и миниатюрное изображение головы Филиппа II.

В вергинском портрете на первый план выступает личность с присущими только ей особенностями, включая и поврежденный глаз, о котором сообщают античные авторы; достигается это определенными стилистическими приемами. На смену равновесию частей в трактовке лица Мавсола приходит ярко выраженная асимметрия, наблюдаемая не только в изображении глаз Филиппа II, но и в передаче рта, углы которого располагаются на разных уровнях. При этом нет и намека на натуралистическое копирование, когда важное и второстепенное сливаются в единое безликое целое: здесь введены лишь отдельные, немногочисленные детали (веер морщин у верхних век, наметившиеся мешки под глазами), воссоздающие облик человека зрелых лет. Мастер не ограничился фиксацией внешних черт лица, хотя уже сам по себе подобный подход к натуре в пору становления портретного жанра являлся весьма ценным и свидетельствовал об отходе от принятых идеальных норм и интересе к отдельной личности как таковой. Ему удалось показать и характер своей модели. Легкая полуулыбка, зоркий, холодный взгляд, выразительность которого во многом определяется довольно глубоко врезанным зрачком, сложное движение слегка наклоненной вбок и откинутой назад головы воссоздают живой, исполненный затаенной силы внутренний мир персонажа, властного, умного, светского. В этой связи хотелось бы привести описание Филиппа, данное из-

⁴ Collignon M. Scopas et Praxitèle. La Sculpture grecque au IV-e siècle jusqu'au temps d'Alexandre. P., 1907. P. 59.

вестным исследователем античной Македонии Фрицем Шахермайром: «Он ловко и гибко принаравливался к ситуации, будучи то простодушным, то хитроумным, гуманным или жестоким, скромным или величественным, сдержанным или стремительным... В нем было что-то от понийцев и что-то от деятелей Ренессанса»⁵. Столь полное раскрытие образа, исполненного полярных контрастов, было под силу лишь очень большому скульптору, мастеру-новатору. Считаем, что автором такого произведения мог быть только Лисипп, с чьим именем связывают создание психологического портрета.

Подтверждением выдвинутой гипотезы, на наш взгляд, является и трактовка остальных четырех вергинских портретов, стиль которых отличается подчеркнутым реализмом. Остановимся на портрете юноши, отождествленном М. Андроникосом с образом Александра Македонского. Чтобы лучше почувствовать специфику трактовки этого портрета, сравним его с изображением Александра, найденным в свое время на афинском акрополе и хранящемся ныне в акропольском музее⁶. Большинство исследователей видят в нем подлинное произведение прославленного афинского скульптора Леохара и датируют тем же десятилетием, что и вергинский портрет, т. е. 30-ми годами IV в. до н. э.⁷ Леохар, как считают, выполнил портрет юного македонянина, когда тот посетил Афины, незадолго до гибели Филиппа II. На стиль этого произведения, по общему мнению, значительное воздействие оказала скульптура Парфенона, традиции высокой классики. Так, наблюдается несомненное сходство между Аполлоном с фриза Парфенона и названным портретом Александра работы Леохара, который видел смысл и значение портретного образа в максимальном приближении к возвышенному, прекрасному идеалу, созданному почти за 100 лет до него. В леохаровском портрете выделяется удлинённый овал лица, единая линия носа и лба, обрамленного небольшими, вьющимися прядями прически, величаво сдержанное выражение лица — черты, роднящие, казалось бы, столь разные персонажи: олимпийца и человека, изображение нереального существа и земного юноши.

Подобные портреты приветствовались македонскими властителями, которые всячески пытались утвердить свою связь с Элладой и прежде всего с Афинами. Не следует забывать, что для многих греков македонцы являлись варварами, врагами, посягающими на их независимость тиранами. «Ведь если даже, — гневно говорил Демосфен, обращаясь к афинянам, — все остальные согласятся быть рабами, нам во всяком случае нужно бороться за свободу»⁸. Как отмечают современные исследователи, Филипп II, будучи тонким политиком, ясно сознавал значение идеологических факторов и стремился обработать общественное мнение греков в пользу Македонии и ее правителей. Памятникам искусства отводилась в этой идейной баталии первостепенная роль. Филипп привлекал лучшие художественные силы и среди них Леохара, чье имя после его работы над фризом галикарнасского мавзолея широко было известно в эллистском мире. Именно ему поручается ответственнейший заказ — исполнить для Филиппейона, выстроенного в честь македонского правителя в Олимпии, портреты членов его семьи. Павсаний сообщает, что там «стояли статуи Филиппа и Александ-

⁵ Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., 1984. С. 37.

⁶ Casson S. Catalogue of the Acropolis Museum. V. II. Camb., 1921. № 331a — 331b. P. 232—234.

⁷ Papanicolaou K. Griechische Kunst. P., 1972. Abb. 634.

⁸ Демосфен. Третья речь против Филиппа. 70 // Демосфен. Речи/Пер. С. И. Радцига. М., 1954. С. 124.

ра, а с ними и статуя Аминты, отца Филиппа... Это тоже творения Леохара, из слоновой кости и золота, так же как и статуи Олимпиады и Эвридики» (V.20.10)⁹. Время создания этих памятников — 338 г. до н. э. Оно очень близко к тем годам, когда были выполнены миниатюрные портреты, по-видимому, тех же персонажей македонской династии из вергинской гробницы.

Хронологическая близость произведений, особое положение Леохара при македонском дворе в этот период дает, казалось бы, основание приписать вергинские портреты афинскому скульптору. Подобная гипотеза существует, и ее следует иметь в виду, обращаясь к изучению находок из Вергины. Со своей стороны полагаем, однако, что манера исполнения юношеского портрета из македонской гробницы, как и остальных четырех изображений, позволяет видеть в них руку и творческий подерг великого сикионца — Лисиппа. Нам представляется, что трактовка и стиль портрета не согласуются с именем Леохара, неизменно тяготевшего в своих произведениях к аттическим образцам. Определяя характер искусства второй половины IV в. до н. э., О. Ф. Вальдгауер писал: «Время идеальных спокойных форм, культа человеческой красоты, как таковой, прешло, и тот нервный трепет, который явился результатом высокой дифференциации культурного человека, искал новых образцов, в которых он находил бы отголосок своего „я“». Объективное прекрасное не отвечало субъективному мышлению того сложного психического механизма, которым был новый человек»¹⁰. Известно, что в правление Александра Македонского лидирующим мастером при дворе нового правителя стал Лисипп, «наиболее блестящий выразитель духа своего времени»¹¹.

В портрете Александра из вергинской гробницы, по нашему мнению, в значительной мере раскрывается новая концепция понимания личности как неповторимой индивидуальности. Согласно утверждению Плутарха, «внешность Александра лучше всего передают статуи Лисиппа, и сам он считал, что только этот скульптор достоин ваять его изображения»¹². Особое внимание в вергинском портрете уделено трактовке глаз, передающей ту «томность взгляда», о которой упоминает Плутарх. Они широко открыты и подняты вверх, резко ломающаяся линия надбровных дуг и идущие от них глубокие тени делают лицо подвижным, одухотворенным. Движение головы, как бы отброшенной назад, выразительность взгляда, устремленного наверх, вносят в портрет черты патетики и пафоса. Можно удивляться тому, как в таком миниатюрном изображении мастер сумел передать сложный, мятежный характер своего великого современника.

Если искать стилистические аналогии к вергинскому портрету, то, думается, самой близкой является известная мраморная голова из Археологического музея в Стамбуле, в которой большинство исследователей видят эллинистическую копию с оригинала, представлявшего портрет Александра Македонского работы Лисиппа. Стремление показать образ в движении, раскрыть его характер несомненно присутствует в трактовке этих двух произведений. Что касается иконографического сходства, оно кажется нам бесспорным. Действительно, в обоих портретах чувствуется что-то львиное, как отмечали и античные авторы, описывая внешность

⁹ Пausаний. Описание Эллады/Пер. С. П. Кондратьева. Т. II. М., 1940. С. 55.

¹⁰ Вальдгауер О. Ф. Лисипп. Берлин, 1923. С. 111.

¹¹ Там же. С. 44.

¹² Плутарх. Александр. IV // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. II. М., 1963.

прославленного полководца, — внутренняя сила, свидетельствующая о незаурядности его личности.

Изображений Александра Македонского сохранилось достаточно много¹³. Но почти все они выполнены посмертно и относятся либо к эпохе эллинизма, либо к римскому времени. В этой связи особенно ценно, что раскопки в Вергине дали прижизненный портрет юного царя, выполненный гениальным ваятелем. Важно отметить и то, что до нашего времени сохранились его изображения в мраморе, бронзе, мозаике. Но в слоновой кости, насколько нам известно, до сего времени они не встречались, а между тем слоновая кость издавна привлекала к себе внимание скульпторов, в том числе и мастеров поздней классики.

Портрет из слоновой кости требует рассмотрения и с технической точки зрения — «напомним, что слоновую кость различают по тону — белую, желтоватую и красноватую, и по происхождению — азиатскую или африканскую»¹⁴. Плутарх сообщает: «Александр был очень светлым, и белизна его кожи переходила местами в красноту, особенно на груди и на лице»¹⁵. Скульптор, по-видимому, учел эту особенность во внешности своей модели. Но, к сожалению, мы не располагаем полным, научным описанием вергинских портретов, что, естественно, затрудняет их анализ. Возникают вопросы: были ли следы окраски, какова степень полировки. Для нас они пока остаются без ответа, несомненно одно — мастер очень тонко чувствовал специфику материала, его пластичность, возможности цвета. Известно, что объемная резьба по слоновой кости отличается большой сложностью, малейшее неосторожное движение — и произведение может быть испорчено. По всей вероятности, прежде чем появились портреты Александра Македонского и членов его семьи, скульптор выполнил предварительные эскизы из глины или воска. Но засушенности, момента вторичности здесь нет, в портретах есть живой пульс жизни, ее динамика, энергия.

Женские портреты из вергинской гробницы заслуживают особого внимания: ведь от IV в. до н. э. их сохранилось еще меньше, чем мужских. А между тем в период поздней классики именно женские портреты получили значительное распространение, и среди них — парадные, репрезентативные, как о том свидетельствует изображение Артемисии, один из немногих дошедших до нас оригиналов того времени. Теперь благодаря вергинским находкам их число несколько увеличилось. Остановимся на женском портрете, в котором М. Андроникос видит изображение царицы Олимпиады, супруги Филиппа II и матери Александра Македонского. Произведение сохранилось хуже других: отсутствует часть левого виска, щеки, глаза, пострадал подбородок, и тем не менее даже при столь явном повреждении портрет поражает реализмом трактовки. Смело и непосредственно запечатлел ваятель образ немолодой женщины с резкими, грубыми чертами лица; оно надменно и властно, тяжелый взгляд из-под сдвинутых бровей придает ему мрачное, угрюмое выражение. Подобная характеристика персонажа в вергинском женском портрете вполне согласуется с тем, что говорили об Олимпиаде античные авторы, ссылаясь на которых Шахермайр пишет: «Она могла преступить любые границы, для нее не существовало ни каких-либо моральных принципов, ни традиций, она была „безудержной и демонической в своих увлечениях“»¹⁶. Что касается ее изображений, то

¹³ *Bieber M.* Alexander the great in Greek and Roman Art. Chicago, 1964.

¹⁴ *Вилнер В. Р.* Статьи об искусстве. М., 1970. С. 172.

¹⁵ *Плутарх.* Александр. IV.

¹⁶ *Шахермайр.* Ук. соч. С. 42.

до сего времени они связывались лишь с римской эпохой — монеты и золотой медальон, где она представлена молодой красивой женщиной¹⁷. Нет сомнений, что в основу этих поздних произведений (а медальон относится к середине III в. н. э.) были положены прижизненные портреты македонской царицы: как известно, их создавали ведущие скульпторы IV в. до н. э. Вергинская находка помогает понять развитие женского портрета, который в период поздней классики приобретает ярко выраженные реалистические черты в трактовке мастера-новатора Лисиппа. Анализируя его творчество, Б. Р. Виппер писал: «...и в женские статуи он должен был стремиться внести активность, динамику, сложные контрасты ситуации»¹⁸. На наш взгляд, элементы этого стиля присутствуют и в вергинском женском портрете. Прослеживаются они, как мы полагаем, и в трактовке еще двух изображений, которые Андроникос считает портретами родителей Филиппа II.

Рассмотренные нами три миниатюрных портрета позволяют сделать некоторые выводы. Несомненно, что стиль исполнения пяти портретов из вергинской гробницы един. Мы считаем правомерным видеть в них руку прославленного Лисиппа. Ведь именно с ним связаны новая тектоника, новый ритм, новые акценты в создании портретного образа, в котором особое внимание уделяется передаче глаз, их выражения. В вергинских памятниках есть беспокойство форм, характерное для творческой манеры великого сикионца: смелое обращение к асимметрии, отказ от вертикальной композиции, от принятых пропорций, выработанных в пору высокой классики. Для мастера эти приемы не самоцель. Они направлены на раскрытие духовной сущности персонажа, что отвечало философско-эстетическим критериям той эпохи. Современник Лисиппа Аристотель в самом начале трактата «О душе» говорит, что «познание души много способствует познанию всякой истины»¹⁹ и далее: «...некоторым образом душа есть все сущее»²⁰. Вергинские портреты помогают наглядно понять, как воплощались передовые идеи в художественном творчестве известного скульптора поздней классики.

Наряду с проблемой стиля весьма важным является вопрос о назначении этих памятников. М. Андроникос рассматривает их как украшение ложа или ларца. Я позволю себе выдвинуть иную гипотезу. Исследователь отмечал, что рядом с головами находились миниатюрные руки и ноги, несомненно принадлежавшие тем же изображениям, что и головы. Мне кажется правомерным видеть в них самостоятельные памятники, которые были сделаны в хризоэлефантинной технике. Думается, что они не могли быть простыми украшениями утвари, а имели определенный смысл, связанный с религиозно-мифическими представлениями. Вероятно, их допустимо сравнить с вотивными терракотами, которые опускались в погребения и несли, по мнению ряда ученых, определенные обрядовые функции, вызванные героизацией усопшего²¹. «Объяснение любого погребального комплекса, — указывала А. А. Передольская, — возможно

¹⁷ *Andronicos M.* Thessalonique musée archéologique // Athenes. 1975. № 9—20. P. 26.

¹⁸ *Виппер Б. Р.* Искусство древней Греции. М., 1972. С. 257.

¹⁹ *Аристотель.* О душе. 4022 // *Аристотель.* Сочинения. В 4-х т. М., 1975. Т. I. С. 371.

²⁰ Там же. С. 439.

²¹ В современной советской литературе вопрос о назначении терракот в погребальном обряде с привлечением обширной литературы рассматривался в работе: *Русыева А. С.* Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI—I вв. до н. э.). Киев, 1982. С. 23—26.

лишь в том случае, если решено будет одно принципиальное положение: случаен или не случаен набор вещей в погребении. Наблюдается ли в составе погребального инвентаря определенная закономерность, в чем последняя заключается и чем она объясняется»²². Мы допускаем мысль, что с портретными скульптурами могла быть связана фреска той же гробницы «Похищение Аидом Персефоны». Тема загробного мира, героизация умерших и приобщение к таинствам живых — та основа, которая, возможно, соединяла произведения живописи и пластики, игравшей, по-видимому, не последнюю роль в сложном представлении о жизни и смерти, отразившемся в характере памятников вергинской гробницы. Заслуживает внимания, на наш взгляд, и такой факт: помимо известных пяти портретов, обнаруженных в пачале раскопок в главном помещении, позднее нашли еще более 20 изображений, публикация которых, к сожалению, остается нам неизвестной²³. В этой связи рождается целый ряд вопросов, и в частности: как пластически, какими художественными приемами соединялись между собой персонажи? Ведь по существу вергинские скульптуры — своеобразный групповой портрет, история которого в пластике началась еще с «Тираноубийц». В IV в. до н. э. он получает значительное распространение. Можно привести немало примеров, поскольку в храмах Эллады, особенно в Дельфах и Олимпии, существовали многочисленные скульптурные композиции подобного рода. В частности, Павсаний сообщает, что жители Тарента после одержанной ими победы над варварами посвятили в Дельфы дары: «...они изображают и пеших, и конных воинов, и царя япигов Описа...» (X.13.10)²⁴. Показательно, что в этот период и женские образы становятся также частью группового портрета: памятники из Вергины тому подтверждение.

Высокохудожественное исполнение вергинских портретов, свободных от черт провинциализма, подлинный характер произведений — все это позволяет отвести им особое место в истории греческого портрета, выделить роль македонского двора в формировании нового для классического искусства типа портрета, воплотившего образ правителя. Появление вергинских портретов свидетельствовало о новых требованиях, о новой концепции личности и новых средствах ее выражения. О перспективности подобного подхода говорит дальнейшее развитие не только греческого, но и римского портрета. Нет сомнения, что к вергинским портретам будет обращаться не одно поколение исследователей, ища в них подтверждение и разгадку многих проблем, заключенных в истории античного портретного искусства.

М. М. Лесницкая

---

²² *Перебольская А. А.* Терракоты из кургана Большая Близнаца // *Культура и искусство античного мира*. Л., 1962. С. 52.

²³ *Lehmann*. *Op. cit.* P. 331.

²⁴ *Павсаний*. *Ук. соч.* Т. II. С. 428.

A CONTRIBUTION TO THE SPECIFICS OF THE GREEK PORTRAIT OF THE FOURTH CENTURY B. C.

М. М. Lesnitskaya

This article examines three portraits from the tomb of Philip II in Vergina. Adopting the iconographic and chronological definition proposed by Prof. Andronikos, the author analyses these portraits from the standpoint of their style in connection with the Gre-

ek portrait of the fourth century B.C. She considers them works of the famous sculptor Lysippus (with] whose name is linked the forming of the realist portrait genre in the art of classical Greece).

In contrast to Andronikos' opinion that these portraits are only part of furniture, the author sees them as independent miniature sculptures made in the chrysoelephantine technique linked with the cult of the hero.

The author has tried to show that these works, genuine examples of Hellenistic plastic art, help us understand the specific nature of the Greek portrait of the Fourth century B. C.

© 1990 г.

НАХОДКИ В БОЛЬШОМ КУРГАНЕ В ВЕРГИНЕ И ПРОБЛЕМЫ ТОРЕВТИКИ ЭПОХИ РАННЕГО ЭЛЛИНИЗМА

Еще не так давно наши знания о ювелирном искусстве и торевтике эпохи раннего эллинизма основывались почти полностью на находках из некрополей Северного Причерноморья в XIX в. Однако находки во Фракии, Фессалии и Македонии, сделанные в период между двумя мировыми войнами, вызвали своего рода «переориентацию» в изучении этого материала. Громадное их увеличение в этих регионах после второй мировой войны полностью меняет картину развития ремесел, связанных с драгоценными металлами в эпоху эллинизма.

Сопоставленные с известными фактами родства культур Северного Причерноморья и севера Балканского полуострова, эти новые данные вызвали даже «гиперкритическое» отношение к традиционным точкам зрения о локализации производства и импорте шедевров ювелирного искусства скифской эпохи в курганах Северного Причерноморья. Если ранее господствовало мнение о боспорском ремесленном центре (возможно — Пантикапее) в качестве их источника, то теперь защищалась точка зрения о македонофракийском происхождении ряда важнейших памятников¹.

Сенсационное открытие в ноябре 1977 г. в Северной Греции (в 80 км от Салоник) вблизи селения Вергина проф. Манолисом Андроникосом погребений македонских царей добавило множество первоклассных предметов, проливающих новый свет на проблемы культурных и художественных контактов эпохи раннего эллинизма².

Высказанное М. Андроникосом предположение о том, что одно из открытых погребений принадлежит отцу Александра Македонского Филиппу II³, вызвало большой интерес к находке.

Царский некрополь в Вергине и соединенный с ним дворцовый комплекс ныне связывают с древним культовым центром Эгами, местом ритуальных династических празднеств и заупокойного культа македонских царей.

¹ Манцевич А. П. К вопросу о торевтике в скифскую эпоху // ВДИ. 1949. № 2. С. 196—220.

² Andronikos M. Vergina. The Royal Graves in the Great Tumulus // Athens Annals of Archaeology. 1977. X. P. 1—72; Андроникос М. Гробницы македонских царей // Курьер ЮНЕСКО. 1979. № 7. С. 3.

³ Andronikos M. The Royal Tomb of Philip II // Archaeology. 1978. V. 31. № 4.

Найденная археологами часть перекрытия толоса с надписью, называющей сакрального предка царей — ΠΡΑΚΛΗΝ ΠΑΤΡΩΙΩΝ, подтверждает это предположение⁴. Наряду с Филиппейоном в Олимпии это второй известный ныне династический храм македонских царей.

Не все археологи разделяют убеждение М. Андроникоса в том, что гробница II в Большом кургане содержит прах царя Филиппа II, хотя к прежним данным (роскошь погребения, династические символы, портрет самого Филиппа, кнемиды неравной длины, выдающие принадлежность хромому человеку, царская диадема и т. п.) прибавилось объективное заключение краниологии: на черепе погребенного отмечена травма правой глазницы⁵. Известно, что за 18 лет до смерти Филипп II был ранен в правый глаз стрелой⁶.

Можно, однако, привести контраргументы почти к каждому пункту построения проф. Андроникоса. Три английских исследователя, изучившие череп царя, не вынесли безапелляционного суждения, а другие специалисты, изучавшие череп до них, были еще осторожнее в выводах. Что касается кнемид, то их неравная длина — не такая уж редкость, подобные непарные кнемиды были найдены в кургане Мاستюгино II. К тому же известно, что матерчатая диадема (а именно она воспроизведена здесь в драгоценном металле) была использована впервые лишь Александром и широко распространилась во времена диадохов.

Конечно, нельзя не согласиться с мнением А. Ю. Алексеева о том, что для широких культурно-исторических выводов почти безразлично, принадлежит ли гробница II Большого кургана в Вергине Филиппу II (умершему в 336 г. до н. э.) или она содержит прах его сына Филиппа Арридея (убитого в 317 г. до н. э.)⁷.

Сохранившиеся сведения о разграблении царских гробниц в Эгах галльскими наемниками в 274 г. до н. э. позволяют предположить, что разграбленная гробница I, возможно, принадлежала Филиппу II, а гробница II — Филиппу Арридею. В этом случае найдет себе объяснение и тот затрудняющий исследователей факт, что кнемиды царя в главной камере — одинаковые, а кнемиды во входной камере — непарные, с укороченным экземпляром. Вполне вероятно, что оставленные грабителями громоздкие и менее ценные предметы в погребении Филиппа II могли быть помещены позже в камеру с прахом его сына. Так могло случиться с деревянным ложем, украшенным династическими портретами. Этим может быть объяснено и наличие в гробнице II бронзового треножника с надписью: ΠΑΡ ΠΡΑΣ ΑΡΓΕΙΑΣ ΕΜΙ ΤΟΝ ΑΓΕΘΛΟΝ (около 450 г. до н. э.)⁸. Это — приз за победу, одержанную в Аргосском Герайоне на панэллинских играх. Известно, что македонский царь Александр I одержал победу в Олимпии в 454 г. до н. э., а позже — Деметрий Полиоркет и Филипп V председательствовали в Аргосе на играх в Герайоне. Вспомним, что македонские цари (династия Аргеадов) считали себя потомками выходцев из Аргоса,

⁴ Macedonia. 4000 years of Greek History and Civilisation. Athens, 1983. P. 174.

⁵ Prag A. I., Musgrave I. H., Neave R. A. The Skull from Tomb II at Vergina: King Philip II of Macedon // JHS. 1984. V. 54. P. 60—78.

⁶ По одной версии (*Diod.* XVI. 34) Филипп II был ранен в глаз стрелой во время осады Метоны, по другой (*Plut.* Alex. 3) — царь потерял тот глаз, которым, подглядывая в двери Олимпиады, увидел жену на ложе с огромной змеей.

⁷ Алексеев А. Ю. Хронография Скифии второй половины IV в. до н. э. // Археологический сборник. Вып. 28. Л., 1987. С. 38 сл.

⁸ Alexander the Great. History and Legend in Art. Exhibition. Archaeological Museum of Thessaloniki, 1980. P. 15; Treasures of ancient Macedonia. Exhibition. Archaeological Museum of Thessaloniki, S. a. № 150.

восходивших к самому Гераклу. Если треножник — старая династическая реликвия, то серебряная позолоченная диадема из гробницы II, как упоминалось выше, — инсигния власти, появившаяся только в правление Александра III. М. Андроникос считал, что Большой курган в Вергине был восстановлен и засыпан в 274 г. до н. э.

Одна из находок в гробнице II сразу же привлекла внимание ученых: это золотая обивка горита того типа, что так привычен по находкам в скифских курганах. Она оказалась совершенно идентичной фрагментированной серебряной обивке горита из кургана Карагодеуашх⁹. Часть отечественных исследователей увидела здесь новые данные для упоминавшейся выше полемики о месте изготовления предметов ювелирного искусства и торевтики эпохи раннего эллинизма¹⁰. Другие предпочли пойти по пути интерпретации синхронности археологической находки и исторических явлений, что является гораздо более продуктивным и многообещающим. Предложено объяснение присутствия горита в царской гробнице как трофея, захваченного македонянами после столкновения со скифами, или как дипломатического подарка, полученного во время переговоров¹¹.

Само распространение так называемой троянской серии горитов и ножен на широкой территории от Македонии до Прикубанья в последней четверти IV в. до н.э. связывается со скифо-македонским конфликтом 330 г. до н. э. и посольствами скифов к Александру III в 328—327 гг. до н. э.¹² Изготовленные или в Пантикапее по заказу боспорских правителей (точка зрения А. Ю. Алексеева), или в Македонии по заказу Александра III (таково мнение М. Б. Щукина и Д. А. Мачинского), предметы торевтики, украшенные сюжетами Троянской войны, могли вызвать те или иные ассоциации в зависимости от дарителя, но смысл их заключался в противостоянии эллинского и варварского мира, Запада и Востока.

Такого рода изделия порою соседствуют в скифских курганах с ахеменидскими «трофеями», подобными мечу из Чертомлыкского кургана. Высказано предположение, что этот ахеменидский акинак, когда-то захваченный в Персии и входящий в полный набор дипломатических даров (горит, меч и ножны его), мог служить своеобразным «намеком-предупреждением» со стороны Александра III скифам¹³. Когда в 328 г. до н. э. в Бактрии он принят от скифов в дар предметы оружия, которые у них «считались самыми драгоценными», естественным было бы ожидать и с македонской стороны аналогичных подарков¹⁴.

В самой Бактрии мы находим остатки подобных дипломатических или религиозных, votivных даров. Находки, сделанные в Тахти-Сангине (Таджикистан), содержат ножны акинака из слоновой кости, воспроизводящие старую ахеменидскую схему изображения льва, победителя оленя (V в.

⁹ В 1977 г. на это уже обратил внимание проф. Андроникоса глава Французской археологической школы в Афинах П. Амандри (*Andronikos. Vergina*. P. 66; ср. *Манцевич А. Ш.* К открытию царской гробницы в Македонии в 1977 г. // СГЭ. Вып. 44. Л., 1979. С. 49—51; *Schiltz V.* Deux Gorytes identiques en Macédoine et dans le Kouban // RA. 1979. Fasc. 2. P. 305).

¹⁰ Манцевич. Ук. соч. С. 49.

¹¹ Черненко Е. В. О серийном производстве оружия скифского времени в античных центрах Северного Причерноморья // Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. «Проблемы античной истории и классической филологии». Харьков, 1980. С. 169; Алексеев. Ук. соч. С. 39 сл.

¹² Алексеев. Ук. соч. С. 42 сл.

¹³ Там же. С. 45 (автор приводит эту версию как мнение Д. А. Мачинского, высказанное еще в 1975 г.).

¹⁴ Арриан Флавий. Поход Александра. М.—Л., 1962. IV. 15. 2.

Рис. 1. Александр-Геракл. Фрагмент ножен махайры из слововой кости. III в. до н.э. (?). Душанбе. Институт истории АН Тадж.ССР

до н. э.)¹⁵. Здесь же найдены ножны миниатюрной махайры из того же материала, изображение на которых (рис. 1) поразительно напоминает накладные серебряные рельефы из царских погребений в Вергине (рис. 2). Это — героизированный портрет Александра-Геракла¹⁶. Наличие еще двух изображений Александра в гробнице II в Вергине, да еще того специфического, сакрального типа, где он предстает обожествленным, слившимся с героем — покровителем династии, может, на наш взгляд, служить еще одним аргументом против того, чтобы считать ее погребением Филиппа II.

Возможно, не случайно поразительное сходство многих бронзовых позолоченных сосудов, найденных в 1960 г. у с. Песчаного (рис. 3) на Черкасщине, и находок из македонских курганов¹⁷. Эти предметы торевтики также должны быть связаны с Македонией, и хотя клад включает разновременные вещи, его нижняя дата (по

аналогиям с македонскими находками вторая половина IV в. до н. э.) полностью вписывается в ту «хронографию Скифии», что была предложена А. Ю. Алексеевым¹⁸.

Сходство предметов торевтики из курганов Македонии, степной Скифии и Северного Причерноморья настойчиво повторяется в находках из Рыжановского и Чертомлыцкого курганов (ситулы)¹⁹, из курганов Керченского, Мастюгинского и Нимфейского (гидрии и фиалы)²⁰.

Сегодня нет сомнения, что во многом в эпоху раннего эллинизма Македония была продуктивной, дающей стороной по отношению к своим соседям. Богатые шахты Пангея, открытые при Филиппе II, давали драго-

¹⁵ Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Ножны акинака из Бактрии // ВДИ. 1981. № 3. С. 87; Пичикян И. Р. Первые открытия памятников искусства античной Бактрии // Панорама искусств — 5. М., 1982. С. 224.

¹⁶ Пичикян. Ук. соч. С. 226; ср.: Пичикян И. Р. Ножны скифосов и махайр в Северной Бактрии // СА. 1980. № 4. С. 202.

¹⁷ Ганина О. Д. Античні бронзи з Піщаного. Київ, 1970. Поразительное сходство с находками из македонских гробниц имеют обе ситулы из с. Песчаного (Ганина. Ук. соч. Рис. 2. 18—22, 30 — ср. Treasures of Ancient Macedonia. № 406, 459). Сходны — гидрия с накладным рельефом в виде Сирены (Ганина. Ук. соч. Рис. 2, 42, 44 — ср. Treasures of Ancient Macedonia. № 338; Ганина. Ук. соч. Рис. 8, 39 — ср. Treasures of Ancient Macedonia. № 205) и абсолютно идентичны — кратеры (Ганина. Ук. соч. Рис. 28 — ср. Treasures of Ancient Macedonia. № 223).

¹⁸ Алексеев. Ук. соч. С. 38 сл.

¹⁹ Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н.э. // САИ Д 1—27. 1970. № 408, 765. Ср. Treasures of Ancient Macedonia. № 332, 406.

²⁰ Ганина. Ук. соч. Рис. 43, 45. Ср. Treasures of Ancient Macedonia. № 338; Си-лантьева Л. Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69. Рис. 26. Ср. Treasures of Ancient Macedonia. № 45.

Рис. 2. Серебряный алабастр с накладным изображением Александра-Геракла из Вергины. Вторая половина IV в. до н. э. Фессалоники. Археологический музей

ценные металлы. К этому царь Филипп II добавил золото и серебро фракийских рудников. Нам известны имена македонских торевтов времени Александра III. «ΑΣΤΕΙΟΥΝΙΟΣ ΑΝΑ=ΑΓΟΡΑΙΟΙ ΕΣ ΛΑΡΙΣΑΣ» — подписал бронзовый кратер из кургана в Дервени мастер Астейуниос ²¹ (рис. 4).

В нарративных источниках сохранился рассказ о железном шлеме, сиявшем, как серебряный, который надел на себя Александр в битве при Гавгамелах. Его создателем был мастер Теофил (Plut. Alex. 32). Плиний сообщает о прославленных торевтах Менторе и Мисе (IV в. до н. э.) (HN. XXXIII. 154—155).

Когда золотые копи Пангея исчерпались, правители Македонии обратили свои взоры на Восток. Путь, который избрал Александр в войне с Персидской державой, был продиктован не только политическими и стратегическими соображениями: он стремился захватить районы, богатые драгоценными металлами. До походов царя греки и македонцы знали о персидской роскоши понаслышке и относились к ней скорее враждебно, однако вскоре изменили свое отношение: ювелирные изделия Персии и драгоценные вазы трансформируются в подражаниях. Так рождается тот язык искусства, то «койне» эллинистической эпохи, которое распространяется на огромную территорию (всю тогдашнюю ойкумену). То, что прежде встречалось как редкие островки на карте греческого мира, отныне

²¹ Treasures of Ancient Macedonia. № 184.

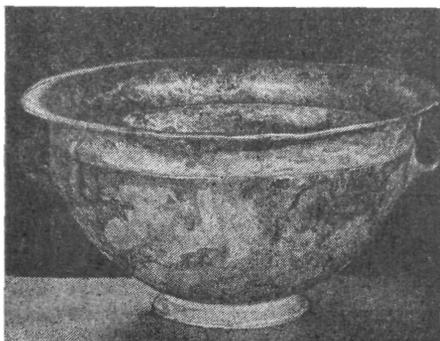

Рис. 3. Бронзовый кратер из с. Песчаного. Вторая половина IV в. до н. э. Киев Музей исторических драгоценностей УССР

Рис. 4. Бронзовый кратер из кургана в Дервени. Вторая половина IV в. до н. э. Фессалоники. Археологический музей

широко разливается от Нила до Ганга. Находки в Вергине и их аналогии в Северном Причерноморье показывают, как продуктивно и сильно было уже начало этого процесса, унифицирующего в ассимиляции самые разные творческие импульсы, исходившие из разнообразных источников. Надо признать, что помимо поздних космополитических идей стоицизма эти памятники — единственное, что доказывает реальность замыслов Александра, стремившегося, «чтобы обычаи и образ жизни самых разных народов смешались в кубке всеобъемлющей любви»²².

О. Я. Неверов

---

²² *Плутарх. О судьбе и доблести Александра. Речь первая. 6 // Плутарх. Сочинения. М., 1983.*

THE FINDS IN THE LARGE TUMULUS IN VERGINA AND THE PROBLEMS OF THE TOREUTICS OF THE EARLY HELLENISTIC PERIOD

O. Ya. Neverov

The discovery of the royal burials in Vergina (Macedonia) has enlivened discussion of the re-evaluation of traditional views on the centres of the production of Hellenistic toreutics. The author suggests that many of the toreutic articles found in Steppe Scythia and the North Black Sea littoral, came from Macedonian craftsmen. It is suggested that the new finds from Vergina are no less interesting as well in the context of the cultural and historical conclusions. The toreutic objects and weapons constitute a stable set of diplomatic gifts and votive offerings, while the map of the finds corresponds to the most important stages of the eastern expansion of Macedonia and the Macedonian kings' diplomatic contacts. The author points out the similarity of the heroicalness of the depictions of Alexander-Herakles from the finds in Vergina and Takhti-Sanghin (Southern Tajikistan). That is yet another argument for a later dating (after 317 B. C.) than that accepted by Prof. Andronikos for burials II of the Large Tumulus in Vergina.

К КОМУ ОБРАЩЕНА АПОЛОГИЯ ТАТИАНА?

Автор сочинения, которому посвящено это сообщение. Татиан, был по происхождению сирийцем, но получил греческое философско-риторическое образование, затем обратился в христианство и стал учеником Иустина Философа. После мученической кончины последнего в Риме он отделился от римской общины (примерно в 172 г.) и отправился на Восток, в Сирию и Месопотамию, где основал нечто вроде экратитской секты. Своей известностью Татиан обязан главным образом составленному им компендию четырех Евангелий, так называемому Диатессарону, сохранившемуся во фрагментах и поздних переводах и игравшему большую роль в литургической практике сирийской церкви. Татиан написал также несколько других сочинений, которые были утрачены и теперь известны (причем, вероятно, не все) лишь по названиям.

Единственное сохранившееся по-гречески произведение этого писателя, «Слово к эллинам», дата создания которого может быть определена лишь весьма приблизительно, обычно относят к числу раннехристианских так называемых «апологий», т. е. сочинений в защиту христианства, к которым принадлежат также произведения Аристида, Иустина, Афинагора. Феофила Антиохийского и некоторых других. Все они были написаны во II в. Однако «Слову» принадлежит в этом ряду особое место, так как оно не адресовано императору или другому представителю власти (как апологии в собственном смысле этого слова, принадлежащие Аристиду, Иустину, Мелитону и Афинагору), и в то же время не представляет собой диалога или полемики с конкретным адресатом, как у Феофила или Минуция Феликса (реальность или фиктивность собеседника в данном случае не имеет значения, поскольку мы рассматриваем исключительно литературный аспект). Сочинение Татиана выделяется тем, что имеет как бы коллективного адресата, и в этом смысле ближе скорее к более поздним полемическо-проповедническим произведениям. Однако по особенностям содержания и общей тональности «Слово к эллинам» должно быть все же отнесено именно к ранней апологетике. Ибо основная цель Татиана заключается не в том, чтобы привлечь своих оппонентов к христианству, обратить их, но лишь в том, чтобы добиться терпимости и определенного уважения к новой вере. Здесь и пролегает рубеж, отделяющий «Слово к эллинам» Татиана от, например, соответствующего произведения Климента Александрийского, озаглавленного уже «Увещание к эллинам» («Протрептик»).

В силу того что Татиана необходимо рассматривать именно в ряду ранних апологетов, вопрос об адресате его сочинения приобретает особую важность. Но он осложняется тем, что в данном случае неприменим метод ретроспективного анализа (во всяком случае, семантики термина «эллин»)). Мы попытаемся исследовать эту проблему, исходя главным образом из текста самого Татиана. Но предварительно необходимо дать самый краткий обзор уже высказанных исследователями точек зрения.

На вопрос, вынесенный в заголовок данной заметки, в разное время и разными людьми давались три различных ответа (к сожалению, это чаще всего было лишь выражением субъективного мнения без детальной аргументации). В прошлом веке бытовал расхожий взгляд на Татиана как на человека, враждебного греческой культуре не столько из-за своей веры, сколько в силу варварского происхождения. Так, Й. Геффкен писал о

Griechenhass Татиана, сравнивая его с Иосифом Флавием ¹. В таком случае «Ἑλλῆνες» должно быть, естественно, этническим наименованием. Однако такая точка зрения, поскольку содержала очевидный оттенок вулгаризации и модернизации, серьезно в сущности не рассматривалась.

Сторонники двух других возможных позиций вели прямую полемику, в ходе которой приводились доводы разной степени убедительности.

Второе из предлагаемых решений сводится к тому, что «эллины» Татиана суть просто язычники независимо от их этнической принадлежности. Сюда включаются и римляне, и сирийцы, и прочие народы ². Но как объяснить, что, когда Татиан упрекает своих оппонентов в том, что у них нет единого языка, но различные наречия, то перечисленные наречия оказываются диалектами только греческого языка, причем именно это многообразие диалектов выделяет эллинов из всех других народов («теперь же получается, что только вы не общаетесь на едином языке» — 1 ³)? Однако самое главное — подобная точка зрения совершенно игнорирует очень весомый для Татиана момент, а именно противопоставление эллинов и варваров. Действительно, если «эллины» включают в себя все языческие народы, то зачем напоминать им, что различные виды деятельности придумали не они, а скажем, карийцы, фригийцы, вавилоняне или еще кто-то? (1).

Оба этих противоречия снимаются, если принять третье истолкование, которое М. Эльце формулирует следующим образом: противоположность философии и христианства выражается исключительно в противоположности эллинизма и варварства, причем эллины у Татиана — это не «исповедующие язычество», но образованные люди ⁴, и данный термин не следует понимать в этнографическом смысле ⁵. Вышеприведенное высказывание относительно языка нужно в этом случае относить лишь к литературному языку, т. е. языку ученой словесности, которая преимущественно и пользовалась к тому времени этими отмирающими диалектами. отождествление «эллинов» Татиана с «образованными людьми» (οἱ πεπαιδευμένοι), выдвинутое впервые А. Гильгенфельдом, получило столь безусловное признание, что попало даже в известный справочник Альтанера ⁶.

Но сколь бы правдоподобной ни казалась данная версия, при более пристальном рассмотрении и в ней обнаруживаются некоторые противоречия. Неясно прежде всего, что же такое «образованность». Либо это ученость с современной точки зрения, либо с позиций самого Татиана, или же, наконец, вопрос заключается лишь в содержании и свойствах этой образованности.

Первая возможность должна быть отвергнута из-за научной некорректности, ибо проблема состоит в том, кого сам Татиан подразумевал под «эллинами», а не в том, против кого объективно оказалось направлено его сочинение. Второму истолкованию противоречит тот факт, что Татиан последовательно применяет к защищаемому им учению такие термины, как φιλοσοφία (31, 1; 35, 11) и φιλοσοφεῖν (32,1; 40,1; 42), а также παιδεία

¹ Geffcken J. Zwei griechische Apologeten. Göttingen, 1907. S. 106—107.

² Kukula R. C. Was bedeuten die Namen «Ἑλλῆνες» und Βάρβαροι in der altchristlicher Apologetik / Festschrift für Th. Gomperz. Wien, 1902.

³ Мы пользуемся изданием: *Tatian. Oratio ad graecos and Fragments* / Ed. M. Whittaker. Oxf., 1982.

⁴ Elze M. Tatian und seine Theologie. Göttingen, 1960. S. 25.

⁵ Ibid. S. 44.

⁶ Altaner B., Stuiber A. Patrologie. Leben, Schriften und Lehre der Kirchenvater. Freiburg usw., 1978. S. 71.

(35,2). При этом слова, производные от φιλόσοφος, часто сопровождаются уточнениями типа «у нас» или «у вас», «ваша» или «наша» (παρ' ἡμῶν и т. д.). Пайдею «их, эллинов» (31,1; 35,1) противопоставлена «наша» (35,2). Сам Татиан называет себя «философствующим» (42). Что же касается выражения οἱ πεπαιδευμένοι, как будто бы употребленного как эквивалент к Ἑλλῆνες, то контекст в этой фразе явно проницеский: «лжесвидетельствуете вы, ученые!» (ψευδομάρτυρες οἱ πεπαιδευμένοι γεγόνατε — 25,2), а потому «ученые» в данном случае равносильно «считающие себя учеными» или «кичащиеся ученостью». Более же близких соответствий «образованности», чем φιλοσοφία и παιδεία вряд ли можно обнаружить не только в тексте Татиана, но и во всей древнегреческой литературе.

Означенная тема действительно занимает у Татиана весьма заметное место, но решается она не противопоставлением «учености» и «неучености», а как выбор между «ученостью» и учением истинным и ложным. Другое дело, что одна из сторон в споре присвоила себе исключительное право на обладание этими ценностями, и задача Татиана — не развенчать саму философию или образованность как таковую, но показать, что у тех «варваров», которым эллины в ней отказывают, она в действительности представлена в наиболее полном и истинном своем выражении. Поэтому отождествление «эллинов» и «образованных» принадлежит не Татиану, а его оппонентам, сам же он против такой позиции полемизирует. Вместе с тем не следует абсолютизировать защиту Татианом «варваров» или, тем более, «варварства» самого по себе. Не случайно в «Слове» такое высказывание: «...и если они называются варварами, не (следует) делать это поводом для насмешек» (εἰ καὶ βάρβαροι λέγοντο — 30, 1—2). Оптатив глагола указывает на то, что автор не принимает данное наименование безоговорочно. Вполне очевидно, что Татиан защищает не всех варваров вообще, но определенную группу людей, обозначенную местоимением «мы» (ἡμεῖς), которую эллины причисляют к варварам (в отличие от Иустина Татиан избегает прямого упоминания Христа или христианства).

Таким образом, из всех трех осталась одна возможность понимать под «образованностью» некую конкретную ученость, античную вообще (т. е. языческую) или специально греческую. Нетрудно заметить, однако, что рассуждение вернулось в свою исходную точку, так как для выяснения специфики «эллинской образованности» необходимо сначала выяснить, кто же такие для Татиана эллины. Поэтому и разбираемая версия («эллины» = «образованные») не может быть признана вполне удовлетворительной.

На вопрос о том, к кому обращено произведение Татиана, т. е. кто подразумевается под словом Ἑλλῆνες, можно ответить, если удастся найти какое-то подобие родового понятия, для которого «эллины» и «мы» (христиане) были бы понятиями видовыми. Иными словами, следует попытаться понять, что такое «эллиństwo» Татиана — народ, «сословие» (в смысле отношения к образованию) или религия? Рассмотрим те из встречающихся в тексте «Слова к эллинам» понятий, которые могли бы служить общим предикатом для «эллиństwa» и христианства. Может быть, противопоставляя «нашу» философию и пайдею «эллинским», Татиан понимает эллиństwo и христианство как два вида философии или учености вообще? Если учитывать те расширительные толкования, которые эти понятия могли получать в христианском словоупотреблении, то такое предположение вполне допустимо. Однако, что касается «эллиństwa», то ни один из двух терминов не может служить Татиану для обозначения этого явления в его полном объеме. Эллинская философия подвергается критике как вполне

определенный аспект «эллинства» наряду с другими — литературой, риторикой, законодательством и религией. Более того, она представляет собой «профессиональное занятие», ἐπιτήδεμα (философ Кресцент злоумышлял против Иустина, поскольку тот критиковал нравы его коллег — 19,1). Несколько сложнее с понятием παιδεία. Оно, конечно, шире «философии», но все же не охватывает таких важных для Татиана сфер, как нравы и обычаи. Следующие фрагменты показывают, что παιδεία не имеет всеобъемлющего значения: «...те же, кто заботится об учености (παιδεία), хвалятся, что видят его (Фаларида.— Д. А.) посредством изображения» (34,1) — «те» (οἱ) не приравнено к «Вы, эллины», что в данном контексте было бы вполне уместно. Обосновывая выбор Моисея и Гомера в качестве точек отсчета для сравнения древности «наших» и эллинских достижений, Татиан говорит: «...Гомер... потому что он древнейший из поэтов и историков... Ибо мы обнаружим, что наше (учение) старше не только учености эллинов, но даже еще и изобретения письма» (31,1). Из этих примеров видно, что слово παιδεία Татиан употребляет в достаточно узком смысле (поэтому мы и переводим его как «ученость» или «образованность») ⁷.

Вместе с тем в «Слове к эллинам» имеется отрывок, который позволяет, как нам представляется, определить надлежащий предикат к слову «эллины»: «(27)... Что пользы от аттических выражений и философских соритов, от убедительности силлогизмов, от измерений земли, и положений звезд, и от путей солнца? Ведь проводить время в подобных изысканиях есть дело человека, самому себе законополагающего установления. (28) Потому осудил я и ваше законодательство. Ибо следовало бы, чтобы у всех была одна общая полития. Ныне же сколько видов городов (γένη πόλεων), столько и законоположений, так что то, что у некоторых позорно, для других добродетельно. Эллины, например, считают неприемлемым сочетаться с матерью, а для персидских магов это — прекраснейший обычай. И мужеложество у варваров преследуется, а у римлян удостоено преимущества, и они стараются собирать мальчиков табунами (ἀγέλας), словно лошадей на пастбище».

Из данного отрывка как будто бы ясно, что «эллины» для Татиана есть γένος πόλεων. Однако ключевым словом является все же другое, а именно πολιτεία. На это, правда, можно легко возразить, что оно относится только к законам и обычаям, а потому не может служить общим родовым обозначением для эллинства и христианства. Но мы не случайно привели конец 27 главы «Слова» (до слова «установления»). Эта фраза показывает, что в сферу, обозначаемую правовой лексикой (типа νομοθεσία), у Татиана входит и грамматика, и философия, и геометрия, и астрономия, но помимо всего этого — и обычаи, и нравственные нормы.

На первый взгляд вызывает недоумение, почему Татиан упрекает эллинов в том, что у них одни обычаи, у персов другие, у римлян — какие-то еще, а у варваров — противоположные римским. Не имеет ли у него слово «эллины» два значения — более широкое и более узкое? На самом же деле логика рассуждения довольно проста: Татиан осуждает законоположения эллинов потому, что их установили люди сами для себя («самому себе законополагающего...»), и эллины, следовательно, не могут доказать, что их законы лучше, чем у персов или кого-то другого (при этом предполагается, что христиане получили свой закон от Бога). Перед нами, таким образом, не что иное, как старый аргумент софистов в пользу относитель-

⁷ Так же толкует значение этого слова у Татиана и словарь Лампа (*Lampe G. W. H. A Patristic Greek Lexicon. Oxf., 1961. s.v.*).

пости человеческой морали, но примененный с совершенно иных позиций ⁸.

Итак, даже отнесение «политии» к области «закона» не сужает значение этого термина, что особенно ясно вырисовывается, если проследить его употребление по всему тексту апологии Татиана.

«Ибо устройство мира хорошо, жительство же (πολιτεῖμα) которое в нем, дурно, и можно видеть, как не знающие Бога словно бы заискивают перед зрителями на празднестве» (19). То, что вместо πολιτεία здесь стоит очень близкое и этимологически, и семантически πολιτεῖμα, большого значения не имеет. Важно, что это слово в приведенной фразе как бы поднимается на очень высокий уровень обобщения, охватывая всю человеческую деятельность, направленную (в данном случае) в недолжную сторону.

Политии, судя по тексту 28 главы, для Татиана существуют разные, но главное, что предстоит выяснить — представляет ли собой христианство одну из них. Вот высказывание, завершающее апологию Татиана (40): «... я предстаю перед вами готовым к исследованию догматов (πρὸς τὴν ἀνάκρισιν τῶν δογμάτων) не отрекаясь от угодной Богу политии (μενούσῃς μοι τῆς κατὰ θεὸν πολιτείας ἀνεξαρνήτου)». Казалось бы, Татиан просто не хочет отречься от праведной жизни, но готов дискутировать о «теории». В действительности, однако, смысл другой. Татиан выражает готовность дать отчет в любом положении своей веры и не собирается от нее отречься. Нужно учесть, что ἀρνέσθαι в христианском употреблении есть фактически термин, означающий именно формальный и публичный отказ от Христа. Это слово и использовано в соответствующем изречении: «Кто отречется от Меня перед людьми, отрекусь от того и Я перед Отцем Моим Небесным» (Мф, 10,33). В другом месте, обращаясь к воображаемому противнику, Татиан говорит: «Я почитаю начальников ничуть не больше, чем Бога, и не скрываю того миропонимания, которое имею. Зачем ты советуешь мне солгать о своем исповедании? (ψέσασθαι τῇ πολιτείαν)» (27). Πολιτεία не случайно переводится здесь как «(веро)исповедание» ⁹. Оппонент Татиана советует ему не перенести образ жизни или воззрения, а формально отречься перед властями, которые, кстати говоря, как раз этого от христиан и требовали. Вот пример, который как нельзя лучше поясняет значение глагола: «Только от Него, если мне прикажут отречься, я не повинуюсь, но скорее умру (τοῦτον μόνον ἀρνέσθαι κελούμενος)» (4).

Итак, слово «полития» применяется Татианом и для обозначения его христианского вероисповедания и, таким образом, для Татиана христианство — тоже полития. Собственно, эта полития и должна была бы быть единой и общей для всех, но до поры помимо нее существуют другие — эллинов, персов, римлян и прочих народов. В отличие от христианства они соотносены с некоторыми совокушностями городов (γέννη πόλεων), т. е. с определенными этнополитическими единствами. Если эллинизм есть одна из политий, то, чтобы определить, по какому признаку человека можно причислить к эллинам, необходимо раскрыть содержание понятия «полития».

⁸ Было бы, однако, поспешным усматривать здесь чистую риторику, так как упоминаемые Татианом обычаи он, скорее всего, наблюдал сам. Достаточно сказать, что с противоестественными зороастрийскими браками, бытовавшими в пограничных областях Месопотамии (т. е. как раз там, где Татиан родился), пришлось бороться еще Юстиниану I (см. Corpus Juris Civilis. V. 3. Nov. CLIV).

⁹ В переводе П. Преображенского «верование» (Раннехристианские Отцы Церкви. Апология. Брюссель, 1978. С. 394).

Нам представляется, что этнический аспект, несомненно, присутствует в Татиановом понимании «политии». Об этом свидетельствует текст цитированной выше 28 главы «Слова», и высказывания Татиана о языке. Одно из них, об отсутствии у эллинов единого языка, уже приводилось. Но гораздо интереснее другое, показывающее, что христиан и эллинов разделял и языковой барьер: «и если они называются варварами, не (следует) делать это поводом для насмешек: ибо найти причину того, что не все понимают наречие друг друга, вы, если захотите, сможете» (30). Следующий момент, охватываемый «политией» — религия и мировоззрение вообще. Татиан, правда, не говорит об отличиях эллинской формы язычества от всех прочих, но это не значит, что он их не осознавал. И, наконец, как уже говорилось, в «политии» входят законы и обычаи.

С вопросом об отношении политии и государства тесно связана и другая тема — о месте римлян в системе аргументации «Слова к эллинам».

Как явствует из текста 28 главы о разных политиях, Татиан различает греков (эллинов), римлян и варваров (это понятие включает многие народы, но частично также и христиан). Об отношении Татиана к двум первым народам весьма удачно сказал уже упоминавшийся А. Гильгенфельд, который писал, что «от эллинов как носителей образованности Татиан отличает римлян как власть имущих... всякий раз как чуждый ему внутренне-народ»¹⁰. Действительно, обличая эллинских профессиональных философов, Татиан порицает их за то, что они получают от царя (т. е. императора) римлян ежегодное жалование (*ἐτησίους χρῆσους* — 19). Он нигде не говорит о «ваших» начальниках или «вашем царе». Создается впечатление, что эллины у него не имеют вообще никакого отношения к государственности. А каким образом они вредят христианам, ясно из следующей фразы: «(4) Зачем, мужи эллины, вы хотите, как в кулачном бою, сталкивать с нами политии? И пусть я не хочу пользоваться чьими-то узаконениями (*νόμιμα*), почему меня ненавидят как самого мерзкого человека? Приказывает император платить подать — я готов давать ее, господин велит прислуживать и быть рабом — я признаю рабство».

Совершенно очевидно, что *νόμιμα* здесь — это не правовые нормы, исходящие от государства. Татиан считает, что полития, как он ее понимает, не должна быть объектом государственного контроля. Компетенция государственной власти у него ограничивается взысканием податей (рабство, по-видимому, воспринимается просто как универсальный и неизбежный общественный институт). Эллины же хотят противопоставить христианам другие политии (примечательно тут множественное число) и, самое главное, государственную власть. В этой связи нелишне вспомнить дошедший до нас фрагмент апологии Мелитона Сардского, в котором он говорит, обращаясь к Марку Аврелию: «И твой отец... написал городам, чтобы они ничего не замыслили на нас: лариссейцам и фессалоникийцам, и афинянам, и всем эллинам» (Euseb. H. E. IV. 26.10). Инициаторами преследований христиан здесь выступают эллины в самом что ни на есть «этническом» и даже территориальном смысле этого слова.

Лучше всего различие между римлянами и эллинами выражено у Татиана в такой фразе: «Поэтому, распрощавшись с кичливостью (*μεγαλαυχία*) римлян, и с пустословием (*ψυχρολογία*) афинян... я обратился к нашей варварской философии» (35). Кичливость есть характеристика римлян как обладающих властью, а пустословие — эллинов, в чьем исключительном ведении, по их собственному мнению, находится *πίστις* (мы полагаем,

¹⁰ Цит. по кн.: Kukul. Op. cit. S. 359.

что «афиняне» в данном случае — то же, что и «эллины», а такое наименование взято лишь для того, чтобы получить полноценную риторическую антитезу «Рим — Афины», как «Афины — Иерусалим»). В этом и заключаются реальные предпосылки концепции, ставящей знак равенства между «эллинами» и «образованными» в апологии Татиана.

Необходимо оговориться, что когда мы употребляем термины «этнический» или «этнополитический», это происходит только в целях полемики со сторонниками упомянутого мнения. Это совсем не значит, что мы согласны с первой из трех перечисленных в самом начале концепций. Ее приверженцы (а они встречаются и сегодня) утверждают, что Татиан недолго любил эллинов, поскольку чувствовал себя ущемленным из-за своего негреческого происхождения¹¹. Если ограничиваться текстом «Слова к эллинам», то такой взгляд опровергается уже тем, что принадлежность к той или другой политике, по Татиану, может и должна быть предметом *свободного выбора*. Эллины третировали Татиана как варвара именно потому, что он был христианин, а не наоборот. Если же подходить к данной проблеме как бы извне, в более широкой перспективе, то можно предложить следующее рассуждение.

Слово «эллины» может иметь у Татиана либо специфически христианское, либо какое-то общепринятое, обиходное значение. В специальном христианском употреблении данное слово может означать либо язычников вообще, либо какую-то их часть (идолопоклонников)¹². Как уже было показано, в сочинении Татиана ни то, ни другое не применимо. Следовательно, нужно исходить из обиходного смысла термина «эллины». Однако здесь и возникают весьма существенные трудности, поскольку этот вопрос неразрывно связан с пониманием и истолкованием самого явления эллинизма. Мы не можем в небольшой работе подробно останавливаться на чрезвычайно обширной историографии. Достаточно указать на то, что некоторые исследователи, истолковывая понятие «эллины» и «эллинство» в эпоху после Александра Македонского, выделяют в качестве основного культурный аспект¹³, другие — национальный (что, как правило, не обходится без модернизации)¹⁴. Нетрудно заметить, что эти два подхода и проявились применительно к анализу сочинения Татиана в виде первой и третьей концепций по нашему перечню. Однако есть исследователи, которые, как нам представляется, решают эту проблему глубже и более всесторонне. Вот замечательное по четкости и точности определение М. И. Ростовцева: «Их (греков). — Д. А.) единство не было ни политическим, ни расовым. Это было единство цивилизации, причем связью между членами его было тождество языка, образования, ментальности, групповой ориентации, образа жизни и религиозных представлений»¹⁵. Наш анализ «Слова к эллинам» привел к практически идентичным выводам от-

¹¹ См., например, *Contreras C. A. Christian Views of Paganism // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Bd II. 23, 2. 1980. S. 992.*

¹² *Lampe. Op. cit. s.v.*

¹³ *Jones A. H. M. The Greek City. Oxf. 1940. P. 37; Ehrenberg V. Ost und West. Brünn usw., 1935. S. 30—35.*

¹⁴ *Schubart W. Die religiöse Haltung des frühen Hellenismus // Der Alte Orient. 1937. 35.2; Herter H. Hellenismus und Hellenentum // Das Neue Bild der Antike. Bd I. Lpz, 1942. S. 334—353.*

¹⁵ *Rostovzeff M. I. The Social and Economic History of the Hellenistic World. V. II. Oxf., 1941. P. 1057. О социальном значении термина «эллины» см. также Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950. с. 210 и Зельин К. К. Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте II—I веков до нашей эры. М., 1960. с. 363—364.*

посительно семантики термина «Ἕλληνας». Остается добавить, что самого пристального внимания заслуживает у Татиана исчезновение государственно-политического содержания из таких понятий, как πολιτεία, а также *πολιτεία* и родственных с ним, что и сделало возможным обозначение первым из названных терминов христианства во всей его целокупности.

Д. Е. Афиногенов

TO WHOM WAS TATIAN'S APOLOGY DIRECTED?

D. E. Afinogenov

The sole extant work of Tatian's writing is entitled «Λόγος πρὸς Ἕλληνας». There are three different views of whom he had in mind by the «Hellenes»: that they were all pagans in general, that they were the educated part of society, and finally that he himself was motivated in his polemic with the «Hellenes» by national considerations, since he was a Syrian by origin. None of these points of view finds satisfactory confirmation in the text of the «Λόγος πρὸς Ἕλληνας». The problem can be solved if we can find a generic concept for which «Christianity» and «Hellenism» were specific ones. Analysis of the text indicates that the concept embracing the whole aggregate of Christianity (from profession of faith to way of life) in Tatian was politeia. At the same time, this term is also applied to «Hellenes» in certain fragments. «Hellenes» and Christians are thus two opposed politeiai, in addition to which there were others — Romans, Persians, etc. The concept politeia retained a clearly expressed legal shade of meaning in Tatian (although quite devoid of a constitutional-political content), and at the same time included the purely religious sphere. Tatian himself began to be regarded as a barbarian because he had deliberately elected a barbarian politeia (Christianity), but not the contrary. He was therefore defending not barbarians as such against the Greeks but only Christians, whom the Greeks considered barbarians (with which Tatian unreservedly did not agree).

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1990 г.

М. И. Ростовцев

ГЛАВА VI. ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

2. ГОСУДАРСТВО И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ЭПОХИ РИМСКОГО ПРОТЕКТОРАТА*

Наряду с выше охарактеризованным, поскольку это было возможно при скудости наших данных, городским самоуправлением отдельных общин Боспора существовала на Боспоре и центральная царская администрация. Сведения об этой администрации, центральной и провинциальной, также чрезвычайно скудны, но все же дают очень поучительную и оригинальную картину, параллели к которой могли бы нам дать, пожалуй, только административная организация Армении и Парфии, к сожалению, почти совершенно нам неизвестная.

Систему этой администрации, может быть, можно уловить в поздней надписи коллегия аристократов, поставленной в честь одного из самых поздних царей Боспора Тиберия Юлия Тейрана и его жены. Так как эта надпись содержит почти исключительно указания на должности, которые нам известны и из других более ранних надписей, то становится весьма вероятным, что система администрации в целом и в это позднее время осталась старой и в общем неизменной.

Надпись поставлена коллегией аристократов. Значение этого коллегия правильно определено Латышевым путем сближения основы обозначения *πόλις* с техническим обозначением «двора» в персидской монархии — *ḫōrān*. Формуляр надписи очень близок к формуляру списков выше разобранных коллегий, особенно к формуляру не раз упоминавшейся надписи горгийских навклеров. И здесь мы имеем прежде всего дату, затем упоминание верховных божеств, царя и царицы, наконец, перечисление посвященных. Единственным названным в надписи магистратом коллегия является жрец, раньше занимавший военную должность (*λοχαγός*). После чего названы члены коллегия, причем во главе списка стоят наиболее знатные члены, те, которые занимали высокие посты в государственном управлении, может быть, в нисходящем порядке, рядом с ними, однако, имена без указания каких-либо титулов.

Новый отдел в надписи вводится следующим заголовком (строка 42 сл.): *καὶ οἱ ἐπιμηνίσαντες*, после чего опять ряд имен без титулов. Исправлять *ἐπιμηνίσαντες* в *ἐπιμηνισθέντες*, как предлагает Стефани¹¹; вряд ли имеются основания, хотя я не сомневаюсь, что *ἐπιμηνίσαντες* есть или гибридная форма глагола *ἐπιμηνισθῶ*, или описка вместо *ἐπιμηνισθέντες*.

* Окончание. Начало см. ВДИ. 1989. № 1—4.

Наконец, последний отдел вводится рубрикой (строка 76) νεώτεροι («Младшие»), за которой опять следует ряд имен без титулов.

Значение надписи правильно объяснил Стефани. И я не сомневаюсь, что мы имеем перед собою сакрально-военный коллегий, объединивший в себе двор царя, его гвардию, и, может быть, пажей.

Во главе стоят высшие чины, затем ежемесячно сменяющийся отряд телохранителей царя (по эллинистической терминологии — σωματοφύλακες), по всей вероятности, поставляемый гражданской милицией, объединенной в коллегии. Они обозначаются как те, которые принесли ежемесячную жертву. Это объяснение я предпочитаю другому, также возможному: «те, которые получили свое месячное жалование». Наконец, νεώτεροι, т. е. παῖδες или νεανίσκοι βασιλικοῖ эллинистических дворов, здесь может быть представительство от отдела νεανίσκοι в гражданских коллегиях.

Особенно важно для нас перечисление высших чинов. Упоминаются, конечно, только те, которые находятся в Пантикапее. Естественно поэтому отсутствие упоминания правителей Горгииппии и «Острова», а также легата Танаиды.

На первом месте назван ὁ ἐπὶ βασιλείας καὶ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας далее χειλιάρχης καὶ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν, ἀρχιγραμματεὺς, λοχαγός, бывший политарх, действующий политарх, бывший ἐπὶ τῶν λόγων, действующий ἐπὶ τῶν λόγων. Наконец, среди имен без титулов мы имеем ὁ πρὶν ἐπὶ τῆς πεναχίδος, γραμματεὺς и упоминавшийся нами уже ранее ὁ ἐπὶ τ[ῆς или ῶν] Παρισιάδου.

Перед нами система чиновничества, построенная всецело по эллинистическому образцу, т. е. коренящаяся в основе своей в организации персидского двора. Система эта известна нам при дворах Птолемеев, Селевкидов, в более позднее время в понтийском царстве Мифрадата, в Армении, Парфии, Коммагене. Везде, за исключением, может быть, двора Птолемеев, в обрывках.

Среди названных чиновников выделяются главным образом военные должности ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας, χειλιάρχης и λοχαγός. Оригиналелен πολεिताρχης, о котором речь будет ниже. Ὁ ἐπὶ τῶν λόγων соответствует скорее всего римскому a rationibus, ὁ ἐπὶ τῆς πεναχίδος — римскому a commentariis, ἀρχιγραμματεὺς и γραμματεὺς ближе всего стоят к римским ab epistulis.

Характерно, что некоторые (а может быть и все должности) срочны. В двух случаях наряду с действующими названы те, которые, вероятно, только что оставили свою должность.

Разберемся в приведенной надписи при помощи остального имеющегося в нашем распоряжении материала. Очень характерно отметить здесь же, что начинается наш материал с правления Савромата I. Если это не случайность, то придется и в деле стройной административной организации государства приписать Савромату I роль определяющего фактора.

Наиболее интересной должностью является высшая должность царства ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας. Впервые эта должность упоминается при Савромате I. Напомню трех братьев — Парфенокла, Прима и Антимаха, поставивших большую надпись IOSPE. II, 26 в воспоминание о большой победе Савромата I над скифами. Все они носят титул ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας.

При этом один из братьев имеет тот же титул в надписи IOSPE. II, 187, где, однако, он уже имеет римское гражданство и носит родовое имя M. Ulpus. В 107 г. (IOSPE. II, 254) Антимах управляет «Островом», Парфенокл умирает в Ольвии, может быть, как начальник боспорского гарнизона. В 97 г. Primos еще частный человек. Обо всем этом речь была выше подробнее.

Из этого сопоставления ясно, что все три брата занимали должность ἐπί τῆς βασιλείας одновременно и притом в течение сравнительно недолгого времени.

Возможность замещения должности одновременно несколькими носителями подтверждается много раз уже упоминавшейся надписью горгийских навклеров (ИАК. 37, 38 слл., № 2, стр. 10)¹², где на первом месте стоит: Ἀθηνόδορον Σελεύκου πρῶτον ἐπί τῆς βασιλείας.

Вряд ли в этом πρῶτος можно видеть указание на то, что перед нами первый по времени носитель только что созданной должности. Вероятнее, что и в это время должность исправлялась коллегией во главе с Афенодором.

В надписи из Танаиды, прославляющей победу Савромата II (IOSPE. II, 423), о которой речь была выше, упоминаются в конце три стратега πολεῖτων, из которых два были «бывшими наместниками царской страны». Так как перед перечислением имен мы имеем ἐπί στρατηγῶν, что может быть дополнено и ἐπί στρατηγῶν(ν) и ἐπί στρατηγῶν(ι), то остается неясным, имеем ли мы дело с стратегом Танаидских граждан и двумя бывшими ἐπί βασιλείας или с тремя стратегами гражданского войска вообще, из которых два были раньше ἐπί βασιλείας. Интересно, во всяком случае, что только два последних имеют римское гражданство и то же помен gentile, что и царь. Из этого следует, что получение ими права гражданства связано было с исполнением упомянутой высшей государственной должности. В 249 г. (IOSPE. II, 46) в честь одного из носителей этой должности ставится надпись гераклеотом, строка 5 слл.: «...известного Августам Аврелия Годона, сына Лоллэя, наместника царской страны, тысяченачальника и римского всадника...».

Этот последний получил таким образом не только право римского гражданства, но и звание римского всадника.

Должность существовала и в IV в. по Р. Хр, и носила, очевидно, тот же характер. В 307 г. фанагориты ставят скромную погребальную стелу М. Аврелию Андронику, сыну Паппа, и его сыну Александру; первый был πρῶτον ἐπί τῆς βασιλείας. Оба, вероятно, пали в бою.

Первое, что бросается в глаза в разобранной должности, это ее высокая титулатура, не имеющая себе аналогий во всем мире эллинизма. Возможно, что в царстве Селевкидов имелся особый заместитель царя с титулом ὁ ἐπί τῶν πραγμάτων, но этот титул далеко не покрывает определенного титула ὁ ἐπί τῆς βασιλείας*. Во всяком случае, существование наряду с царем чиновника, компетенция которого распространялась на все государство, в высшей степени характерно и требует объяснения.

На правильный путь толкования наводит нас отмеченный факт получения всеми без исключения носителями этой должности римского гражданства, даже римского всадничества. Гражданство это при этом даруется, несомненно, римским императором непосредственно, причем помен gentile обычно то же, что у правящего императора, в одном случае, однако, то же, которое имеет и царь. Этим ὁ ἐπί βασιλείας сравнивается с царем, также римским гражданином, и носитель этой должности выдвигается как агент римской власти наряду с царем. Надо помнить, что на римское гражданство в пределах вассального царства надо смотреть совершенно иначе, чем на римское гражданство в городах римского государства, даже в civitates liberae, каковой номинально был Херсонес.

* Beloch. Gr. gesch., III, 391 сл. В царстве Птолемеев мы ничего подобного не имеем. См. Wilcken, Grundzüge der Papyruskunde, I, 1, 713.

Я думаю поэтому, что должность ἐπί βασιλείας была навязана Боспору римской империей и что носитель ее был непосредственным агентом римского императора при боспорском дворе. Прототипом для этой должности могли быть, с одной стороны, кураторы и корректоры отдельных городов и провинций, появляющиеся впервые как раз при Домициане, с другой, praefecti praetoria римской империи.

Судя по именам заместителей этих должностей, они были местными уроженцами, т. е. подданными царя. Назначались они, вероятно, по соглашению с боспорскими царями и оставались в должности сравнительно короткое, может быть, заранее определенное время.

Естественно, что функции их не были определены и что они играли видную роль в военной истории Боспора. Понятна и возможность совмещения в одном лице как должности ἐπί βασιλείας, так и других высших должностей, как хилиарха или губернатора Феодосии, т. е. ближайшего к Пантикапею административного округа. Не исключена возможность, что они играли в области Пантикапея до известной степени ту же роль, что правители Гориппии, Острова, Танаиды на азиатской стороне.

Очень заманчиво было бы видеть в кураторе, спор с которым при Реметалке разрешается в Риме, как раз такого ἐπί τῆς βασιλείας. Несомненно смущает только коллегиальность должности. Но и это находит себе параллель в удвоении числа префектов претория в римской империи.

Уже имя χειλιάρχης или χειλιάρχος показывает, что мы имеем дело с чисто военной должностью. Вряд ли мы должны усматривать в этом титуле перевод латинского tribunus militum. Гораздо естественнее усматривать в этой должности старую эллинистическую традицию. В эпоху Александра и его преемников этот титул носил ближайший помощник царя, унаследованный им от персидского царя, командир царской гвардии, тысячи μηλοφόροι, несших постоянно караульную службу при царе (Brandis у Pauly — Wissowa, R. E. III, 2276)¹⁴.

Весьма вероятно, что и при боспорском дворе хилиарх был командиром царской гвардии. Трудно предположить, чтобы наряду с гражданской милицией боспорские цари для своей личной охраны не содержали корпуса наемных солдат, которым вверена была его личная охрана и во главе которых он в любое время мог выступить в поход. Мы имеем здесь прямую преемственность от той наемной армии, которая составляла главную силу Спартокидов.

С таким объяснением вполне согласуются имеющиеся свидетельства. В IOSPE. II, 357 хилиарх Юлий Менестрат ставит статую царю Савромату II, называя его: «своим богом и владыкой». Того же характера надпись IOSPE. II, 41 (216 г.), где опять-таки мы видим формулу τὸν ἑαυτοῦ σωτῆρα καὶ δεσπότην.

Тот же Юлий Менестрат впоследствии в 192 г. делается легатом Танаиды и носит в это время дворцовый титул ἀρχικουβωνίτης (IOSPE. II, 428).

В 249 г. (IOSPE. II, 46) должности хилиарха и заместителя царя, как мы видели, объединяются в одном лице. Наконец, в надписи аристопилитов хилиарх одновременно является и ὁ ἐπί τῶν Ἀσπυργιᾶν.

Последняя должность или титул представляется довольно загадочным. Мы встречаемся с ней только еще один раз и опять-таки наряду с другой должностью. В надписи IOSPE. II, 431 bis этот титул носит легат Танаиды. Возможно, что мы имеем дело не с реальной должностью правителя Аспургиян, занявших, как известно, часть Таманского полуострова и составлявших мост между Таманью и Кубанскими сарматскими племенами. В реальном и прямом подчинении Аспургиян Боспору я сильно

сомневаюсь. Можно думать, что мы имеем дело только с почетным титулом и что кумуляция этого титула с должностью хилиарха не случайна. Вполне допустимо, что боспорские цари сохранили тесную связь с аспургианами, сыгравшими, как мы помним, немаловажную роль в истории укрепления династии, и что это племя поставляло в царскую гвардию основной контингент ее солдат. Это было бы новым указанием на источник постепенной сарматизации Боспора и имело бы себе параллель в германской гвардии римских императоров.

Может быть, солдата этой царской гвардии называет надпись IOSPE. IV, 359: «...один из числа придворных, прощай», хотя здесь, конечно, можно видеть указание и на одного из дворцовой челяди царя.

Мы видели, что рядом с хилиархом, с одной стороны, с городскими стратегами, с другой, называется всегда один *λοχαγός* (IOSPE. II, 29, ср. 363).

Весьма вероятно, что мы имеем в его лице не командира отдельного *λόχος*, а ближайшего помощника хилиарха и стратега. Его высокий ранг в надписи аристопилитов указывает на высокое занимаемое им положение.

Одиноко стоит политарх. Имя его в других надписях Боспора не упоминается. Я склонен был бы и его считать военным магистратом, верховным начальником гражданской милиции, аналогичным стратегам других городов. Это мне представляется более вероятным, чем возможное а priori предположение, что мы имеем дело с суррогатом пантикапейской гражданской магистратуры, аналогичным архонтам Фанагории и Танаиды.

Особый начальник флота — наварх засвидетельствован нам дважды, оба раза в связи с большой морской победой. Одно упоминание относится к эпохе Асандра (IOSPE. II, 25), другое к эпохе Котиса II (*ibid.* 27). Я не думаю, чтобы мы имели дело с постоянной должностью. Как самый флот ограничивался, по моему мнению, *ad hoc*, для нанесения большого удара, так и должность наварха появлялась в связи с организацией больших морских экспедиций.

Особый интерес представляют должности представителей центральной власти в городах царства и прилегающих областях. Нами засвидетельствованы три такие должности: *ὁ ἐπὶ Νήσου*, *ὁ ἐπὶ Γοργιππείας* и *ὁ ἐπὶ Θεοδοσίας*. Особняком стоит Танаидский легат.

Под именем *Νῆσος* понималась вся или, лучше, северная часть Таманского полуострова. Надо помнить, что в древности эта часть территории Боспорского царства была действительно островом или, вернее, Полинесией (см. карты у Герца, Археологическая топография Таманского полуострова. Москва, 1870 г.). Это были главным образом территории двух городов — Фанагории и города на месте нынешней Таманской станицы. К ним примыкали: область Аспургиан и с юга территория Горгиппии, древняя Синдика.

Выше уже была речь о том положении, которое занимала Фанагория в Боспорском царстве. Характерно, что исключительное положение Фанагории, несомненно входившей в состав Боспорского царства, подчеркивается тем, что агент центрального правительства в области, где лежала Фанагория, называется не по имени города *ὁ ἐπὶ Φαναγορείας*, а по имени области. Это соответствует тому положению, которое существовало в эпоху Спартокидов, когда в титуле царя имя Фанагории не называется наряду с именами Феодосии и Синдики.

Мы знаем трех правителей «Острова». Один относится еще ко времени Аспурга (IOSPE. II, 36), второй это уже знакомый нам Ульпий Антимак

времени Савромата I (IOSPE. II, 254—107 г. по Р. Хр.), третий выполняет в эпоху Котиса II в 130 г. какую-то постройку в Фанагории, может быть, ἐκ τῆς βασιλικῆς προσόδου. Из этого следует, что сатрапия Νῆσοι является старейшей сатрапией Боспора, так как для такого раннего времени остальные сатрапии не упоминаются.

К сожалению, мы не знаем, каковы были отношения между городами и агентом центральной власти. Управление Танаидой и ее округом было организовано иным образом. В организации этой Боспор руководствовался той же необходимостью считаться со старыми традициями.

Настоящего правителя, такого же как в Горгиии и на «Острове», Боспор в Танаиде не имел. Судя по титулу, речь идет скорее о дипломатическом представителе Боспора в Танаиде, хотя титул этот, как и римское образование legatus, мог не соответствовать действительности и прикрывать собою организованное Боспором центральное управление Танаидой.

В сущности говоря, титулом ограничивается наше знакомство с боспорским правителем Танаиды. В этом титуле наблюдается некоторое колебание. В древнейшей надписи (до времени Евпатора, так как надпись IOSPE. II, 246 стоит на оборотной стороне надписи № 422 времени Евпатора) назван: «Эпитинханон, занимающий должность (смотрителя эмпория?)». Но при Евпаторе правитель Танаиды носит уже имя πρεσβευτή (IOSPE. II, 422), а при Савромате II его должность определяется еще более подробно: «посланный царем в эмпорий» (IOSPE. II, 423 — это уже известный нам сын городского стратега «Зенона, сына Дада»). Позднее, однако, удерживается титул πρεσβευτή (в 192 г. — IOSPE. II, 428, в 220—236 гг. — *ibid.* 430, 431, 431 bis, ср. 434, 435).

В 192 г. должность эту занимает уже известный нам Юлий Менестрат, бывший хилиарх, в 220—236 — «Зенон, сын Фанна», носящий в надписи 431 bis титул «начальника аспургий»; в 236 г. он, как кажется, сделался «наместником царской резиденции», так как в этом году он присоединяет этот титул к своему обычному «пресбевта», и в том же году в должности «пресбевта» засвидетельствован «Хофрасм, сын Форгабака» (*ibid.* 434, 435). Все эти лица известны нам как принимавшие участие в укреплении города.

Характерно, что должность Танаидского легата поручается обыкновенно местным людям. Для «Зенона, сына Дада» (IOSPE. II, 423) это несомненно, равно как и для «Зенона, сына Фанна»: все эти имена обычны в надписях коллегиев, причем в одной надписи (II, 446) появляется в качестве члена коллегия, по всей вероятности, будущий легат «Зенон, сын Фанна». Не раз упоминается в списках членов коллегиев и «Хофрасм, сын Форгабака» (см. IOSPE. II, 445—447; в надписях 446 и 447 он исполняет обязанности жреца, в надписи 445 он — παραλλάγαθος).

Тем не менее, как показывает титул, это не муниципальные, а государственные чиновники. Напомним, что один из них был первоначально хилиархом, другой сделался «наместником царской резиденции». Неоднократно упоминается и ὁ ἐπὶ τῆς Горγίπτείας («наместник Горгиии»). В эпоху Савромата I эту должность занимает «Фарнакион, сын Пофа» (ИАК. 23, 48, ср. 37, 61, № 42)¹⁵; его же, может быть, называет и надпись IOSPE. IV, 434. При Савромате II мы имеем «Мойродора, сына Неокла»; в надписи навклеров то же или соименное лицо фигурирует как συναγωγός («синагог») (ИАК. 37, 38, № 2). Возможно, что и синагог Аполлоний (ИАК. 37, 46, № 6) занимал тот же пост.

Мы видим, что и правители Горгиии принадлежали обыкновенно к местной знати. Все названные имена обычны в списках горгийских фиасотов.

«Наместник Феодосии» упоминается только один раз в надписи аристопилитов. Так как Феодосия дала нам очень мало надписей, то эта редкость упоминания может быть случайной.

Вопрос о функциях названных верховных правителей центральной власти в сатрапиях остается открытым. Надписи не дают на этот вопрос почти никаких указаний. Участие их в укреплении городов и военных действиях позволяет думать, что функции их были главным образом военного характера. Каковы, однако, были эти функции и в какой мере правители Боспора принимали участие в других сторонах городской жизни, нам неизвестно.

Интересно то, что большинство из них не пантикапейцы, а местные уроженцы. В этом также сказывается внимательное и осторожное отношение царей к подвластным им городам, без деятельного и добровольного сотрудничества которых царям, очевидно, невозможно было поддерживать единство государства.

Я уже приводил надпись, называющую нам высокого государственно-го чиновника — $\delta\ \epsilon\pi\iota\ \tau\omega\nu\ \iota\epsilon\rho\omega\nu$. Характерно, что мы не встречаем упоминания этого чиновника в надписи аристопилитов, что сближает его с чиновниками, жившими и действовавшими вне Пантикапея. В полном согласии с этим стоит то, что должность эта упоминается почти исключительно в надписях Фанагории и Горгииппии. В эпоху Савромата I (IOSPE. II, 352) он заведует восстановлением храма Афродиты в области Фанагории. При Реметалке, как мы видели, он от имени царя возвращает храму Афродиты раньше принадлежавшую ему территорию (IOSPE. II, 353). В списке фиасотов из Горгииппии (IOSPE. IV, 434) он назван сейчас же после правителя Горгииппии и функционирует как $\phi\rho\nu\nu\iota\sigma\tau\acute{\eta}\varsigma$ коллегия. Единственное упоминание его в Пантикапее (IOSPE. II, 50) содержит надпись, в которой он заботится о постройке храма на священные деньги. Носитель должности в этой надписи одноименен со старейшим легатом Танаиды («Антимах, сын Харитона»).

Об организации храмов в Боспорском царстве будет еще речь ниже. Мы видели, что храмы местных божеств владели большими имуществами, главным образом земельными. Естественно, что цари, как мы это наблюдаем и для других восточноэллинистических государств — Понта, Каппадокии, Армении, стремились, как высшие представители государства перед божеством, держать в своих руках нити финансового управления храмами, иметь в своих руках контроль над средствами храмов и над их расходованием жрецами.

Весьма вероятно, что к этим финансово-контрольным функциям и сводилась вся деятельность «ведающего священными делами». В культурной жизни храмов они, как кажется, участия не принимали. По крайней мере, в надписи (IOSPE. II, 342), где царь действует в качестве верховного жреца, его представителем является не «ведающий священными делами», а $\delta\ \epsilon\pi\iota\ \tau\eta\varsigma\ \alpha\iota\lambda\eta\varsigma$ («управляющий царским двором») (ср. IOSPE. II, 48 и 65).

Отмечу еще, что на том месте, где в горгииппийской надписи IOSPE. IV, 434 появляется «ведающий священными делами», в надписи навклеров назван, вероятно, городской $\iota\epsilon\rho\omega\nu\ \omicron\iota\kappa\nu\nu\omicron\nu\omicron\mu\omicron\varsigma$ — («управляющий священным хозяйством»). Эта должность встречается и в других надписях коллегиев. Должны ли мы думать, что $\iota\epsilon\rho\omega\nu\ \omicron\iota\kappa\nu\nu\omicron\nu\omicron\mu\omicron\varsigma$ был ближайшим помощником $\delta\ \epsilon\pi\iota\ \tau\omega\nu\ \iota\epsilon\rho\omega\nu$ в наблюдении за финансовым управлением храмов Горгииппии или что оба эти чиновника действовали рядом, «ведающий священными делами» наблюдая за финансами храмов, не входяив-

ших юридически в территорию города, «управляющий священным хозяйством» — городской магистрат — за финансами храмов городских?»

Из остальных пазванных в надписи аристопилитов высших должностных лиц упоминается в других надписях только ὁ ἐπὶ τῆς πινακίδος («заведующий пинакидой») (см. IOSPE. II, 131 и надпись византийского времени *ibid.* 49, стр. 292). Ничего, кроме титула, и эти надписи нам не дают.

Быше я уже говорил подробно об организации дипломатической службы и сношений с соседними племенами через институт переводчиков — драгоманов (ἐρμηνεῖς). Может быть, во главе специального дворцового управления стоял уже упомянутый нами «управляющий царским двором», который, конечно, мог замещать царя и в других делах (см. IOSPE. II, 43 (225 г.) — постройка башни; 342 — культовые дела). Если Тиберий Юлий Фаумаст (IOSPE. IV, 202) действительно носил титул ὁ περὶ ἀλλήν («хранитель дворцовой казны»), то весьма вероятно, что этот титул либо является перифразой титула ὁ ἐπὶ τῆς ἀλλήης, либо обозначает принадлежность Фаумаста к дворцовым служащим вообще. Специальной его функцией могло быть заведование личными средствами царя, если только Шкорпил в упомянутой надписи правильно дополняет сохранившиеся буквы γα-, как γαζοφύλαξ, что возможно и вполне соответствовало бы Мифрадатовским традициям*.

К дворцовой челяди принадлежали евнухи (IOSPE. II, 121), может быть, спальники (χρῆσταιρίοι — *ibid.* 297; ИАК. 10. 65, № 68 — 140 г. по Р. Хр.)¹⁷. При дворе имелся и особый педагогий, засвидетельствованный и для дворцового управления римского императора (см. ИАК. 14, 117, № 39: «Согам (?), сын Юлия Деметрия, заведующего школой» и т. д.)¹⁸. Значение этого слова ясно, но роль педагогия в дворцовом управлении спорна.

Таковы наши сведения об организации центрального и местного управления Боспора в эпоху вассальной зависимости от Рима. Нельзя их назвать обильными и содержательными. Все же мы усматриваем из них, прежде всего, удержание старых эллинистически-восточных традиций, вероятно, унаследованных от Мифрадата. Возможно, что некоторое влияние оказала и организация римского императорского двора, в основных своих частях также примыкавшая к эллинистическим традициям. Насколько, однако, соответствовала эллинистическим традициям и реальная сумма власти царя над управляемым им царством, это не вполне ясно. Но и организация местного управления, как и организация войска, говорят за то, что царю прежде всего приходилось считаться с городами и главным образом с городской аристократией землевладельцев и купцов — экспортеров. По отношению к их правам царю приходилось быть особенно осторожным, если он хотел обеспечить себе их содействие в деле управления государством и особенно в деле его защиты. Такое положение царя по отношению к городской аристократии создавалось, несомненно, не без содействия римлян, которые в этом видели не только залог прочности государства, но и гарантию против великодержавных стремлений боспорских царей. В общем, та же политика, которую вели императоры и в провинциях, поддерживая городскую аристократию и давая ей через провин-

---

* Должность эта засвидетельствована и для двора Александра. см. Филарха фр. 29 (FHG. I. 341; Athen. VI, 78, 261 B). Слово γαζοφύλακτον встречается и в надписи из Милета; Wiegand, Abh. d. Berl. Ak., 1908, Anh. стр. 355 слл.¹⁷

циальные собрания: возможность контроля над правителями провинций и возможность обжалования их действий.

Думается, что рука римлян видна и в сохранении традиционной организации храмов, существование которых также являлось до некоторой степени ограничением влияния царя на население.

Роль царя сводилась по преимуществу к роли защитника государства от набегов соседних варваров, посредника между ними и Римом и организатора хозяйственной жизни страны, обеспечивающего Риму, главным образом его восточным войскам, достаточный подвоз продуктов питания и других материалов. В этих пределах Рим поддерживал власть и авторитет царя, не давая ему, однако, возможности развить свою власть до тех пределов, в которых она могла бы быть опасной Риму¹⁹.

Комментарии

¹¹ Древности Босфора Киммерийского. Т. II. СПб., 1854. Табл. XVIII.

¹² Латышев В. В. Неизданные Горгиппийские надписи // ИАК. 1910. Вып. 37. С. 36—63.

¹³ *Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd I—II. Strassburg, 1893—1904; Wilcken U. Grundzüge und Chrestomatie der Papyrskunde. Bd. I, 1. Lpz, 1912.*

¹⁴ *Brandis. Chiliarchos // RE. 1899. III. 6. S. 2276.*

¹⁵ Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной России. Находки 1906 г. // ИАК. 1907. Вып. 23. С. 28—48.

¹⁶ *Wiegand Th. VI. Vorläufiger Bericht über Ausgrabungen in Milet und Didyma // Abh. Preuss. Akademie, Anhang. V., 1908.*

¹⁷ Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной России. Находки 1901—1903 гг. // ИАК. 1904. Вып. 10. С. 1—91.

¹⁸ *Он же.* Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 1905. 14.

¹⁹ На этом завершается та часть рукописи II тома книги М. И. Ростовцева «Исследование по истории Скифии и Боспорского царства», которая хранится ныне в ЦГИА СССР (ф. 1041, оп. 1, № 24). Текст рукописи и комментарии к нему были подготовлены к изданию В. Ю. Зуевым.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 1990 г.

Античная балканистика. М., 1987. 157 с.

Рецензируемый сборник статей, частично составленный по материалам симпозиума «Античная балканистика. Карпато-балканский регион в диахронии» (М., 1984), задуман редакционной коллегией (Л. А. Гиндин, Е. С. Голубцова, И. А. Калужская) как очередной шаг на пути междисциплинарного изучения языковой и этнокультурной истории карпато-балканского ареала. Это стремление к комплексному решению сложнейших проблем лингвистической и исторической балканистики позволило объединить в одной книге ряд ценных статей по древнебалканским и современным балканским языкам, по истории и археологии Балкан, а также по многим другим смежным проблемам. В редакционном предисловии к сборнику подчеркивается его филологическая направленность. Правда, судя по всему, филология понимается при этом весьма специфическим образом — как нечто противопоставленное лингвистической реконструкции и этнической атрибуции археологических культур, как «наука об интерпретации письменного текста» *par excellence*. В истории науки известно немало попыток воздвигнуть такого рода искусственные барьеры между отдельными гуманитарными дисциплинами, и опыт показывает, что ни одна из таких попыток не принесла пользы. Понятно, что ограничение классической «критикой текста» не способно принести конструктивных результатов. К счастью, практика (содержание большинства статей) в данном случае не следует декларируемой теории.

Ряд статей в сборнике посвящен чисто исторической проблематике. Работа О. В. Ивановой «К вопросу об этнополитической ситуации в районе Фессалоники в начале 80-х годов VII в.» представляет собой анализ V главы II книги «Чудес св. Димитрия». Весьма существенны результаты автора, относящиеся к статусу сермисиян и к их взаимоотношениям с протоболгарами, а также к положению и роли славянского населения. О. В. Иванова убедительно показывает, что в этот период область к западу от Фессалоники фактически находилась под контролем славян, что определяло и отношение к ним сермисиян, вынужденных проходить через эти земли. Проблемам, связанным со славянизацией карпато-балканских земель, посвящена и статья Е. П. Наумова «Менандр о вторжениях „варваров“ во второй половине VI в.», в которой разбираются сообщения Менандра Протиктора о событиях 559—582 гг. Анализируя употребление Менандром терминов *ἔθνος* и *φύλον* применительно к славянам (склавинам и антам), Е. П. Наумов делает заключение о новом этапе истории славяно-византийских отношений, отраженном у Менандра, о «переходе к становлению на Балканах новых славянских (т. е. уже южнославянских) народов». Пребывание славян к северу от Дуная он датирует началом VI в.

В статье А. И. Иваичика «О киммерийцах Аристия Проконнеского (Hdt. IV, 13)» предлагается новая интерпретация сообщения Аристия о том, что «киммерийцы, живущие у южного моря, теснимые скифами, покидают страну». Как полагали ранее, под «южным морем» следует разуметь Черное море. Согласно А. И. Иваичику, речь в данном случае идет о Средиземном море, а киммерийцы должны быть локализованы в Киликии, откуда они затем переселяются в Каппадокию. Этот весьма ответственный вывод автор основывает прежде всего на анализе соответствующих словоупотреблений

у Геродота. Однако, как кажется, А. И. Иванчику удалось доказать лишь принципиальную возможность того, что под *νοτιή θάλασσα* в данном пассаже понимается Средиземное море; альтернативная гипотеза («южное море» = Черное море) осталась все же непровергнутой.

Несколько статей сборника посвящены проблемам античной культуры. Новые существенные результаты излагаются в работе И. А. Левинской «Культ *θεός Ξφιστος* на Боспоре. 1. К вопросу о влиянии культа Сабазия». Опираясь на античные источники и тщательно исследовав историографию проблемы, И. А. Левинская убедительно опровергла предположения о существовании синкретического (иудео-языческого) культа Сабазия — Диониса — Саваофа, о зависимости культа *θεός Ξφιστος* от культа Сабазия и показала, что культ *θεός Ξφιστος* на Боспоре находился в сфере влияния иудаизма. В работе А. Ф. Лосева «Об одном античном термине, лежащем в основе последующей философии» подвергается разбору термин *αρχή* в философии досократиков, Платона, Аристотеля, стоиков и Плотина, причем подчеркивается «моделирующее и текуче-сущностное значение» этого термина в античности. Сопоставительный анализ греческого изобразительного искусства во Фракии и в Скифии (прежде всего в его сюжетном аспекте и в плане исследования культурно-исторических факторов) предложен в статье Д. С. Раевского «Эллинистические изобразительные памятники в культуре Фракии и Скифии». Существенно, что именно типологический подход позволяет автору достаточно определенно высказаться против этнографического толкования «сцен из жизни скифов».

Название статьи В. Н. Топорова «Понятие предела и *Ἔρως* в платоновской перспективе (этимологический аспект)» по сути дела значительно уже ее реального содержания. В действительности В. Н. Топоров анализирует платоновскую концепцию Эроса (и ее более поздние историко-культурные импликации) в духе других своих исследований последних лет, в которых собственно этимологическая проблематика (и методика) принципиально неотделимы от философской интерпретации и исторического мировоззрения. Все названные аспекты трактуются на самых различных уровнях сознания (научного, мифопоэтического, этического и др.), где подчас закономерно оставляются за пределами внимания поверхностные субъектно-объектные отношения.

В сборнике представлены также исследования по культуре современных балканских народов. Материалы для календаря особых праздников, соблюдаемых восточными романами для защиты людей и скота от волков и оборотней, содержатся в статье Т. Н. Свешниковой «Календарь „волчьих дней“ у румын». Проблема запаха как культурно-эстетической категории в античной и современных балканских традициях ставится Т. В. Цивьян в работе «Мотив суда / спора цветов в балканском фольклоре и „одористический“ код в античной традиции», продолжающей цикл аналогичных исследований того же автора, опубликованный в последние годы.

Представляют большой интерес статьи сборника, посвященные эпиграфике. Работа Ю. Г. Виноградова «Табличка дикаста из эрмитажного собрания» содержит публикацию и анализ надписи на бронзовой табличке из собрания Гос. Эрмитажа. Автор с оговорками высказывается в пользу ольвийского происхождения таблички и предположительно датирует надпись III в. до н. э. К концу III — началу II в. до н. э. относит С. Ю. Сапрыкин публикуемые им надписи в статье «Два граффити на черепице из усадьбы хоры Херсонеса». Любопытно, что одна из надписей содержит поэтический текст. Наконец, ряд надписей из раскопок на о-ве Березань опубликован в статье В. П. Яйленко «Несколько греческих граффити и „сарматская“ надпись с Березани». Среди них привлекает пристальное внимание костяная пластинка с «сарматскими» знаками, последовательное расположение которых (включающее и изображения животных) заставляет В. П. Яйленко видеть в них не владельческие символы, а знаки письменности, словесно-пиктографическое сообщение. К аргументам В. П. Яйленко в пользу этого предположения можно было бы добавить, что в последовательности из восьми знаков один символ повторяется трижды, остальные — по одному разу, что

было бы полной бессмыслицей, если бы перед нами в самом деле были знаки собственности.

По сути междисциплинарный (лингво-археологический) характер имеет статья Е. Н. Черных «Протоиндоевропейцы в системе Циркумпонтийской провинции». Автор увязывает индоевропейскую прародину с культурами Циркумпонтийской области раннего бронзового века второй половины IV — первой половины III тыс. Тем самым работа Е. Н. Черных — по крайней мере прочитанная глазами лингвиста — имеет острополемическую направленность и развивает концепцию, вступающую в противоречие и с переднеазиатской теорией Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, и с балканской теорией И. М. Дьяконова. Не вдаваясь здесь в суть собственно археологической аргументации автора, хотелось бы заметить, что в сфере лингвистики некоторые утверждения Е. Н. Черных не кажутся вполне убедительными. Неоснованно, например, утверждение, что «„п्राязык“ индоевропейцев воссоздается... на основе некоторых данных письменных переднеазиатских и малоазиатских памятников, датированных самым концом III и началом II тыс. до н. э.» (с. 143). В действительности индоевропейская реконструкция организована совершенно иным (и, во всяком случае, не столь прямолинейным) образом, о чем недвусмысленно свидетельствует, в частности, упоминаемый Е. Н. Черных труд Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова. С точки зрения лингвиста методически неправомерны и дальнейшие выводы Е. Н. Черных из процитированной выше ложной посылки: отнесение праиндоевропейского к энеолитическому периоду и сомнения относительно того, «действительно ли предлагаемая реконструкция индоевропейских лексем является истинным праязыком». Хотелось бы подчеркнуть: из сказанного вытекает не то, что автор этих строк полностью убежден в правильности археологических привязок, предложенных Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым (их теория еще долгое время будет обсуждаться научной общественностью), но лишь то, что на недостаточно обоснованных лингвистических взглядах, излагаемых Е. Н. Черных, вообще невозможно базировать какие бы то ни было археологические выводы. К сожалению, это вновь возвращает нас к традиционной проблеме междисциплинарного «непонимания».

Около половины статей сборника посвящены лингвистической проблематике. На содержании этих работ хотелось бы остановиться несколько подробнее.

Новый материал представлен в статье Л. С. Баян «Фрако-анатолийские языковые связи в сравнительно-исторической перспективе», где указан ряд интересных фрако-анатолийских тождеств. Весьма убедительными кажутся следующие идентификации: фрак. *μῖνα* в *Βοῦρδῶ-μῖνα* — общелув. **mena-* 'город' (лув. иер. URU *mina* то же, лик. *meṣne* то же); фрак. *Ζαρῆ-δαυα* — хетто-лув. **sarh-* 'нападать, сражаться' (хетт. *šarḫ-* 'нападать, набрасываться', мил. *zrqqi-* 'сражаться, нападать'); фрак. *Ζωσι-δαυα* — мил. *zusi* 'Зевс' (из греческого); фрак. *ἀδῖμα* — лик. *adīma*, *adamīma*. Как сводка материала представляет известный интерес работа В. А. Воробьева «Индоевропейское и неиндоевропейское в греческой медицинской терминологии». Заслуживает внимания наблюдение В. А. Воробьева, отмечающего, что индоевропейскими по происхождению являются названия внешних органов и тех внутренних органов, которые имели значение для жертвоприношений и для гадания по внутренностям.

Весьма информативна обзорная работа Л. А. Гиндина «К вопросу о статусе языка древних македонцев». Особенно подробно анализируется в этой статье старая литература вопроса, которая, заметим, не утратила своего значения и по сей день. Исследования последних десятилетий охвачены Л. А. Гиндиным не столь полно, что, по-видимому, объясняется ограниченным объемом статьи. Обзор имеющихся мнений приводит автора к выводу, что древнемакедонский язык представляет собой «генетически — ... чрезвычайно архаический протогреческий диалект, ареально — оригинальный язык центрально-балканской зоны». Остается совершенно неясным, какой смысл вкладывает автор в столь неожиданно переосмысленное противопоставление генетического

и ареального аспектов; еще большие сомнения вызывает не вытекающий из содержания статьи эпитет «протогреческий». Если допустить, что Л. А. Гиндин в данном случае имеет в виду наличие у древнемакедонского и греческого общего праязыка, т. е. относит их к одной подгруппе индоевропейской семьи, он безусловно прав и следует традиционному пониманию древнемакедонской проблемы.

В большинстве случаев в статье достаточно полно изложены известные этимологии древнемакедонских слов. К сожалению, при разборе др.-макед. ἰργίπους автор не учел более широкие сопоставления, указанные недавно И. М. Дьяконовым и С. А. Старостиным и включающие, с одной стороны, урарт. Arçib/və (имя коня, предположительно 'Орел'), с другой стороны, вост.-кавк. *wārcēwV 'орел'. В статье вновь отвергается вполне здравая конъектура О. Гофманна ἰβροβῆς на месте засвидетельствованного ἰβροβῆς 'брови', а последнее рассматривается как соответствие др.-русск. *бруди* 'волосы на лице, растущие от виска к щеке' (!).

Обзор Л. А. Гиндина, по-видимому, свидетельствует в пользу концепции, развитой Л. С. Баян и автором в ряде публикаций последних лет и предполагающей наличие особой диалектной группы, которая, по нашему мнению, включала древнегреческий, древнемакедонский и фригийский языки. Иными словами, названные языки рассматриваются в наших работах как дивергенцы единого праязыка. В свете сказанного невольное удивление вызывает корректурное дополнение к статье Л. А. Гиндина, где сообщается, что «опубликованные недавно М. Леженом и К. Бриксом... материалы древнефригийских надписей как будто позволяют сделать предварительный вывод о том, что фригийский язык, аналогично древнемакедонскому, может рассматриваться в качестве протогреческого диалекта». И на этот раз, оставляя без обсуждения странное употребление термина «протогреческий», считаю необходимым возразить против замалчивания результатов, полученных коллегами по работе.

Статья Л. А. Гиндина и В. Л. Цымбурского «О Езеровской надписи и фрако-этрусских связях: проблемы мнимые и подлинные» фактически представляют собой развернутую рецензию на небольшую заметку автора этих строк, посвященную поиску возможных этрусских вкраплений в тексте знаменитой надписи из Езерава. Рецензенты провели большую аналитическую работу, и некоторые из выводов и наблюдения бесспорно полезны. Жаль, что статья носит на себе следы некоторой спешки, что выразилось и в не совсем удачном способе опровержения моего главного тезиса (тождество имени ΑΡΑΖΕΑ из Езеровской надписи и этр. ЛИ *agaziia*), и в не вполне приемлемом тоне, и в недостаточно корректном цитировании пассажей из моей работы, написанной по-английски. И все же достоинства статьи, которые заключаются в стремлении к живому обсуждению научной проблемы, перевешивают, на мой взгляд, указанные недостатки.

В статье Вяч. Вс. Иванова «Микенское и гомеровское греческое название соленого моря в свете сравнительного языкознания» на основе данных различных индоевропейских диалектов исследуется схема семантического развития 'соль' → 'соленый водоем' → '(соленое) море'. Автор приводит убедительные доказательства того, что сохранение в греко-армяно-индоиранском названии 'соленого моря' объясняется, тем, что в этих диалектах основа *mog-/*mag- еще не получила вторичного значения 'море'. Внимание этимологов несомненно привлечет к себе и гипотеза Вяч. Вс. Иванова о принадлежности греч. θάλασσα к субстрату северокавказского типа, что подтверждается такой формой, как авар. *galad* 'море'. Некоторое препятствие в данном случае можно усмотреть в том, что аварское слово, в котором выделяется суффиксальное *-d*, продолжает сев.-кавк. *Nāršwī, в фонетическом плане достаточно далекое от греч. θάλασσα.

Работа И. А. Калужской «К возможности относительной хронологизации некоторых албано-восточнороманских лексических схождения» представляет собой перечень известных (ранне)албанских заимствований в восточнороманский, свидетельствующих о наличии двух способов передачи праалб. *tš) алб. *th* — с помощью вост.-ром. *ț* и *s*. В статье «К проблеме словенско-западнороманских языковых связей»

Л. В. Куркина продолжает весьма перспективное изучение изоглосс, характеризующих положение словенского языка среди других славянских. В статье приводится значительный по объему материал, свидетельствующий о древности и интенсивности словенско-западнославянских связей. В большинстве своем перед нами, видимо, действительно сепаратные изоглоссы, объединяющие словенский (п часть сербохорватского диалектного ареала) с западославянскими или — шире — северославянскими языками. Однако в отдельных случаях могут быть сделаны добавления и по части южнославянского материала. В дополнение к некоторым уже указанным нами примерам (см. «Советское славяноведение». 1987. № 5) упомянем здесь болг. диал. *vitva* 'растение *Clematis vitalba*' как соответствие приведенному Л. В. Куркиной словен. *vitva* 'прут', которое далее сравнивается с н.-луж. *witwa*, польск. *witwa* 'ива', русск. *vitvina*.

Обзор результатов в области изучения минойского языка дан А. А. Молчановым в работе «Минойский язык: проблемы и факты». Статья с достаточной широтой раскрывает содержание основных работ в этой области, где фактов пока значительно меньше, чем проблем. Естественно, что многие суждения автора остаются, как кажется, далеко не бесспорными. Когда это касается таких вопросов, как минойская морфология и лексика (например, размышления А. А. Молчанова над префиксацией в минойском), спорный характер высказываний ученого следует только приветствовать — только таким путем можно в конце концов прийти к истине. В нашей науке имеется достаточное количество серьезных в методическом отношении исследований по минойскому как самого А. А. Молчанова, так и, например, Н. Н. Казанского. Когда автор обзора затрагивает более далекие от него вопросы, он, к сожалению, не всегда достаточно критичен. Так, А. А. Молчанов поддерживает в своей работе печально известную теорию специальной «пеласго»-фракийского языковой близости, от которой, кажется, отказались даже авторы — ввиду полного отсутствия подтверждений в области лексических изоглосс.

Основываясь на свидетельствах Плиния и Солина, а также на тексте ольвийского декрета в честь Протогена, где упоминается топоним Канкит, О. Н. Трубочев в статье «Indoarica в Северном Причерноморье. *kank-uta- 'a gruibus fugatos/pulsos'» реконструирует еще один индоарийский лексический элемент *kank-uta-, ср. др.-инд. *kañká-ḍapla* и *ūta-*, прич. прош. страд. от ав- 'гнать'. Существенным подтверждением этой этимологии оказывается то обстоятельство, что у Солина эквивалентом туземного *Casythron* является вполне прозрачное название *Gegania*. К тому же индоарийскому источнику относит О. Н. Трубочев и нижнеднепровский гидроним Конка (ср., однако, варианты типа *Конская*, *Конские воды*, которые О. Н. Трубочев ранее считал опорными).

К лингвистическим по основной своей направленности относится и статья В. Л. Цымбурского «Беллерофонт и Беллер (Реминисценция древнебалканского мифа в греческой традиции)». Автор достаточно подробно анализирует существующие попытки дать этимологию загадочного имени Беллерофонта. Видимо, В. Л. Цымбурский прав, когда высказывается «против слишком большого доверия к современным балканским формам», используемым для объяснения имени Беллера; верно отмечена возможность контаминации последних с лат. *belua*. Едва ли, однако, оправданно предлагаемое автором возвращение к недоказуемой корневой этимологии Руссу, заставляющее выводить имя Беллера из и.-е. **bhel-* 'растаться, раздуваться'. Значительно более вероятно, на наш взгляд, сопоставление рассматриваемого имени с алб. *bullag* и *bul-lungë*). Весьма перспективным кажется и сближение имени Беллера с греческой глоссой *πέλλερα-Πετρώδη και αϊγίβωτα χωρία*; того же, к сожалению, нельзя сказать о кельтологическом экскурсе В. Л. Цымбурского, где он явно был введен в заблуждение «сиревой созвучия». Вместе с тем допустимое с этимологической точки зрения сравнение, указанное выше, автор пытается совместить со своим толкованием (как кажется, достаточно произвольным) грамматической и синтаксической структуры имени

Беллерофонт (якобы с нейтрализацией по признаку диатезы, что не подтверждается материалом) и с весьма буквальным пониманием соответствующих мест у Гесиэия и Евстафия, которые — в силу их очевидной противоречивости — вряд ли стоило воспринимать *à la lettre*.

Все сказанное выше (с учетом нашего сознательного стремления не следовать принципу *de collegis aut bene aut nihil*) свидетельствует о том, что сборник «Античная балканистика» получился острым и интересным. Быть может, он и не способен служить подтверждением общих соображений, высказанных в предисловии (да можно ли и стоит ли категорически утверждать, например, примат критики текста над диахронической лингвистикой?), но зато читатель с интересом познакомится с конкретными работами, вошедшими в состав книги. Наряду со статьями, обзорными и выдержанными в полемическом тоне, в сборнике есть немало исследований, содержащих ценную новую информацию, — а это в конечном счете и есть одна из основных целей научного труда. Среди общих недостатков многих работ, вошедших в книгу, следовало бы еще назвать случаи не слишком удачного терминовтвораства («миноистика» — А. А. Молчанов, «древнее балканское языкознание» — Л. А. Гиндин) и не всегда тщательно выверенный аппарат (характерный пример — цитация восточнороманских форм со ссылкой на албанские словари у В. Л. Цымбурского). Однако рецензию хотелось бы завершить указанием на общие достоинства книги — смелость в постановке ряда серьезных научных проблем сочетается в сборнике с принципиальным стремлением отстаивать свои научные взгляды. Остается надеяться, что у новой «Античной балканистики» будет та судьба, которой она, бесспорно, заслуживает.

В. Э. Орел

© 1990 г.

Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М.: Наука, 1984. с. 279.

Название и подзаголовок рецензируемого сборника лишь частично отражают тематическую, хронологическую и географическую специфику содержащихся в нем статей. Поэтому я ограничусь здесь в основном рассмотрением исследуемых в книге проблем конкретно-источниковедческого изучения истории и этногеографии Северного и Западного Причерноморья, а также этногенеза и ранней истории славян. Такое условие представляется объективно оправданным, поскольку позволяет проанализировать не менее половины статей сборника.

Книга посвящена одной из самых насущных проблем всего комплекса гуманитарных наук — методике междисциплинарных исследований — применительно главным образом к области античной балканистики. Она открывается работой Л. А. Гиндина и Н. Я. Мерперта «Античная балканистика и этногенез народов Балкан (К методологии междисциплинарных исследований)». Важно, что она написана археологом и лингвистом именно совместно, поскольку это встречается в нашей науке вообще не часто. «Античная балканистика» понимается как вся совокупность фактов культуры, определяемых понятием «неклассические древности» от самых ранних археологических эпох до раннего Средневековья, в их взаимодействии. Понятие этногенеза включает в себя сумму всех взаимосвязанных факторов, участвовавших в разные периоды догосударственной и раннегосударственной истории в формировании известным нам этносов и этнических общностей. Особо подчеркивается, что вопросы этногенеза составляют по преимуществу историческую проблему, а также признается недостаточность отвлеченных лингвистических реконструкций и этимологий в этногенетических построениях

и утверждается необходимость широкого филологического подхода к проблемам этногенеза. Это надо особо отметить, поскольку такие взгляды пока еще не очень приняты среди лингвистов. Авторы правомерно настаивают на том, что главным условием междисциплинарных штудий должны стать самостоятельность и независимое совпадение конечных результатов филологических и археологических исследований, а их отождествление должно всесторонне аргументироваться. Утверждение о близости языков этнических групп языкам их археологических предков может быть корректным в том случае, если в данном регионе наблюдается преемственность культурного развития, выводимая из сохранения единства основного комплекса признаков археологической культуры. Оно возможно и в случае сохранения комплекса «этнизирующих признаков», минимально связанных с экономическим и социальным развитием человеческого общества вообще и исключающих их спонтанное возникновение у различных этнических групп. К сожалению, авторам не везде удалось строго соблюсти сформулированные ими принципы. Так, на с. 7 понятия этнической и языковой группы употреблены как синонимы. Между тем лишь именно совмещение определенной языковой группы с определенным типом культуры и создает феномен этноса. Из того факта, что в области славянского этногенеза филология пока опережает археологию (с. 10), нельзя все же делать вывод, что первая дает направление второй и ставит перед ней конкретные задачи. На с. 5 неоправданно смешиваются понятия этногенеза и ранних этапов этнической истории: ведь пока этногенез не закончился, этнос как таковой еще не существует, а этническая история возможна только у уже существующего народа.

Статья А. И. Мелюковой «Археологические данные о фракийцах на территории СССР в I тыс. до н. э.» дает пример корректной реконструкции истории фрако-скифских отношений на юге России собственно археологическими средствами. Граница фракийской и предскифской, а затем и скифской (четко обособленных) культур для X — III вв. до н. э. устанавливается по Нижнему Дунаю и Пруту, севернее же — по рубежу лесостепи и степи. С середины IV в. до н. э. в нее включается также частично и Днестро-Дунайское междуречье. Фракийские черты в культуре скифов возникали в результате или ассимиляции или же культурных заимствований в аристократическую среду. Заметное присутствие фракийского этнического элемента в степях Северного Причерноморья фиксируется лишь начиная с III в. до н. э. Характерно, что эта независимо созданная на археологических материалах картина в целом соответствует и лингвистическим данным.

Теми же принципами руководствуется и Н. Я. Мерперт в статье «Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века». Значительность культурных сдвигов в Юго-Восточной Европе на рубеже IV — III тыс. позволяет говорить о том, что они связаны с наслоением индоевропейцев на неиндоевропейский субстрат, поскольку наблюдается несомненная преемственность происшедших тогда изменений с позднейшими культурами хорошо известных индоевропейских народов. В системе этих сдвигов Балканы представляют собой центр, а Малая Азия — периферию. Сравнивая эти результаты с самостоятельными выводами языковедов, автор заключает, что они в целом соответствуют лингвистической теории контактных зон, языковых союзов и скрещивания языков. Но он избегает сопоставления археологических и лингвистических материалов в деталях, что делает его позицию более сильной, чем Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова в их совместной книге.

В статье «О происхождении др.-греч. ἐλέφας 'слоновая кость, слон'» В. В. Иванов приводит в подтверждение гипотезы П. Кречмера хетто-лувийские параллели. Убедительно предположение о том, что название слоновой кости (распространенное в последствии и на само животное) было заимствовано в индоевропейский из семитских языков. Кречмер возводил к той же основе название верблюда как вторичное, в частности, в мотском языке. Для Иванова такое развитие семантики служит подтверждением «миграции носителей пражаладноевропейских диалектов через среднеазиатские степи» из Передней Азии, где в период жизни там «носителей общиндоевро-

пейского языка еще водились слоны». Но фиксации хеттской, микенской и готской лексики разделяют тысячелетия, отчего практически невозможно установить, когда реально произошло такое изменение значения данного слова. Не ясно также, почему индоевропейцы могли познакомиться с верблюдом исключительно в Средней Азии, тогда как ареал распространения этого животного был и остается значительно шире.

Н. Л. Членова в статье «О времени появления ираноязычного населения в Северном Причерноморье» предполагает, что носители срубной культуры были одновременно и физическими, и языковыми предками скифов. В подтверждение последнего указывается, что ареал распространения иранских топонимов совпадает с крайней северо-восточной областью бытования памятников срубной культуры. Вместе с тем исследовательница верно отмечает, что топонимический материал изучен пока еще весьма слабо. Поскольку же ареал распространения указанных топонимов соответствует расселению исторических иранцев и ничто в принципе не мешает их возникновению уже в скифское время, а собственно лингвохронология может дать только относительные, но не абсолютные точки отсчета, впредь до сплошного изучения топонимики всего ареала срубной культуры остается правомерным и альтернативное представление об ираноязычности именно пришедших с Востока в Причерноморье носителей многих характерных элементов скифской культуры, ассимилированных срубниками.

Статья Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского «Об иранском и „индоарийском“, населении Северного Причерноморья в античную эпоху» посвящена критике известной концепции О. Н. Трубачева. Авторы не исключают возможность пребывания индоариев в южнорусских степях еще в эпоху существования здесь единой индоиранской общности, но отрицают наличие серьезных аргументов в пользу их присутствия здесь в скифскую эпоху. Они акцентируют трудности изучения скифского языкового материала, поскольку он представлен главным образом разрозненным и немногочисленным ономастическим фондом, сохранившимся в иноязычной передаче. К тому же весьма небольшой сравнительный материал и в архаической передаче, и в новых языках относится к другим диалектным группам. Поэтому языковые интерпретации и последующие этноисторические выводы должны обязательно базироваться прежде всего на источниковедческом исследовании и учитывать исторический контекст, в котором выступают привлекаемые имена, и закономерности иноязычных передач при определении допустимой оригинальной формы имени, а предлагаемые значения имен, в том числе сложных, должны быть семантически оправданы и по возможности иметь аналогии в ономастике и фразеологии. Каждое языковое явление не может рассматриваться в отрыве от серии аналогичных ему феноменов. Реконструкции Трубачева не отвечают этим условиям, поэтому им пока не указано ни одного явно индоарийского имени в припонтийской ономастике. Отсутствие же в настоящее время иранских этимологий некоторых имен, бытовавших в иранской среде, само по себе еще не может служить доказательством их неиранского происхождения.

Справедливость конкретных замечаний двух авторов хорошо иллюстрирует материал статьи О. Н. Трубачева «Indoarica в Скифии и Дакии», помещенной здесь же. Тут некорректно используется археологический материал, вследствие чего, например, предполагается существование таврского (т. е. индоарийского) населения в меотском Приазовье. Этим подтверждается и упрек Грантовского и Раевского, что по мере умозрительного расширения ареала распространения «индоарийских» этимологий общая концепция стала у Трубачева существенно превалировать над разбором конкретного материала. Неглубокое в целом проникновение Трубачева в изучаемый материал и реальную историческую ситуацию демонстрирует утверждение, что лексема ΣΑΣΤΗΡΑ в тексте херсонесской присяги — таврский реликт со значением «священная книга». Греческий язык сам располагает богатым фондом подобных терминов. Консервативная дорийская община Херсонеса не была расположена к равноправным контактам с варварами. Поэтому проникновение данного слова в текст, который по самому своему сакральному и традиционному характеру должен был бы быть огражден

от подобных новаций, следовало бы прежде объяснить, исходя из истории культуры и этнопсихологии греков. Критики упрекают Трубачева в том, что при создании своих этимологий он не учитывает возможность альтернативных вариантов реконструкции. И здесь при интерпретации имени Анахарсиса не учтен вариант, при котором его первый звук имеет не привативное, а копулятивное значение. Предлагая индоарийскую этимологию основы *prosedam-*, он отвергает вероятность восстановления иранской праформы **fra-hada-*, хотя признает, что персидское имя *Farhad*, близкое **fra-hada-*, имеет иную этимологию. Не учтено также, что *h* могло давать в латинской передаче *s*, отчего иранская и арийская этимологии, если они имеют право на существование, должны рассматриваться как равноправные (в латинском языке возможен и переход **f > p*). Трубачев вообще не обращает внимания на необходимость хронологического обоснования реальности предлагаемых этимологий. И в данной статье для доказательства присутствия индоарийцев в Сарматии привлекаются термины, впервые зафиксированные Плинием. А к этому времени чистые индоарии в любом случае должны были уже давно перемешаться с другими этническими группами. Поэтому прямое этимологизирование латинских форм, без учета нескольких иноязычных последующих звеньев вообще невозможно. В имени агафиров предлагается видеть сочетание дакийского и индоарийского компонентов. При этом отмечают, хотя и не анализируются, только лингвистические трудности такой реконструкции. Вопрос же о том, когда, где и в каких условиях мог возникнуть такой гибрид, даже не ставится. Критика уже отмечала, что в подобных реконструкциях Трубачев объединяет различные части речи, упуская при этом из виду, что достаточно часто семантика полученного гибрида не совпадает со значением того феномена, которому он должен соответствовать. И здесь также, рассматривая этимологию рекомы, по свидетельству Плиния, названия корня на вкус обжигającego и вяжущего, Трубачев видит решение в воссоздании гибридной, из именной и глагольной индийских основ, формы со значением «царапать» и «лен» (?). В конце же статьи он предполагает этимологическую близость у явных омофонов.

В. И. Абаев в статье «Фракийский социальный термин *Tarabosteis*» предлагает иранскую его этимологию со значением «носящий лобную повязку». Так фракийцы называли социальный слой, выдвигавший правителей и жрецов, которых греки за их особый головной убор — *пилос* — называли *пилофорами*. В этой связи надо отметить, что уровень дифференциации фракийского общества не отстал от скифского, поэтому здесь был бы желателен подробный историко-культурный комментарий к ситуации, в которой фракийцам понадобилось заимствовать социальный термин для обозначения своей высшей касты у иранцев. *Пилос* — валяная шапка, закрывающая голову, уши и шею и заканчивающаяся наверху загнутым вперед сужающимся закругленным концом, — ничем не напоминает лобную повязку с длинными свисающими концами, многократно обернутую вокруг головы ленту, встречающуюся в изображении скифских жрецов на пластинках из Амударьинского клада. На этом основании предположение, что греческий термин «*пилофор*» есть калька с заимствованного фракийцами иранского слова со значением «*тюрбаносец*», кажется довольно рискованным.

Л. А. Гиндин в статье «Членение скифских племен по данным лингво-филологического анализа (Геродот, кн. IV)» в целом удачно намечает разграничение семантических полей глаголов *οἰκέω* и *ἔμμεναι*. Плодотворным было бы сплошное обследование текста Геродота для уточнения их дистрибуции. Но уже сейчас подтверждается предложенная В. И. Абаевым этимология ЭН «скифы-земледельцы». Однако автор неоправданно упускает из виду возможность того, что глаголы *ἔμμεναι* I и *ἔμμεναι* II могут быть омофонами, сблизившимися частично в своем значении лишь в результате длительного развития.

С. Р. Тохтасьев обобщил «Киммерийскую топонимию» Северо-Восточного Причерноморья. Он удачно вписал в этот континуум нечасто привлекаемые стихи Эсхила и убедительно разобрал запутанный пассаж Страбона. Однако статья

написана несколько сумбурно, недостаточно четкую позицию автор занимает в вопросе о Киммерийских укреплениях, упоминаемых Геродотом. Кроме того, толкование стихов Эсхила о «Киммерийском перешейке у самых теснин (Меотийского) озера» слишком буквально, отчего его отождествление с Киммерийской хорой Геродота выглядит натянуто: ведь Тохтасьев сам признает присутствие элемента не-реальности в боспорской географии поэта. Думается, что именно поэтому Эсхил вполне мог так назвать весь Керченский полуостров с Акманайским перешейком. К тому же возможность узкой локализации киммерийской топономии на Боспоре районом входа в пролив со стороны Меотиды вообще несколько преувеличена: древний Киммерик, например, расположен на черноморском побережье Керченского полуострова.

С. А. Иванов («Материалы для Index Prosopiana, I. χωρος») проводит семантический анализ одной из лексем в произведениях Прокопия Кесарийского. Здесь χωρος в значении «храм» напрасно отрывается от его значения «замкнутое, обособленное пространство, защищенное стенами», ибо по сути своей храм представляет собой священный, а потому обособленный и защищенный, участок. К тому же широкому семантическому полю примыкает по принципу обособленности и χωρος в значении «холмистый район» (поскольку как горы могут ограничивать долину, так и холмистая местность может быть островком среди равнины), а также лесистый χωρος. Тот же термин, обозначающий участок стены, надо объединить с его же значением места, защищенного стенами. χωρος, связанный с наличием какой-либо воды, должен быть очевидно включен в его значение «пространство, окруженное водой»; а его понимание как «место вообще» в поле χωρος — «пространственная точка». В итоге семантическое поле этого слова легко делится на четыре компактные группы понятий, причем все последующие группы несомненно зависят от первой, отражающей основное значение — замкнутый, ограниченный участок пространства; χωρος с личным именем, что маркирует его в окружающем мире; точка в пространстве; удаленность от замкнутого участка. Мы не можем согласиться с мнением автора, что основное значение χωρος — участок, умозрительно выделенный человеком внутри дикой природы и подвергшийся его цивилизирующему воздействию. В подтверждение он апеллирует к тому, что Прокопий обозначает так земли, обжитые и окультуренные славянами. Но последние заселили в Подунавье уже давно цивилизованные территории. К тому же для такого утверждения не хватает анализа альтернативных лексем, — τῆλος и γῆ. Ведь показательно, что слово χώρα, которое автор считает антиподом χωρος, со значением «пространство вообще, без границ и внутренней структуры», на самом деле стабильно обозначает сельскохозяйственную территорию античного полиса. И наконец, кочевник вовсе не воспринимает землю только как пространство для передвижения. Он, как и земледелец, видит в ней объект хозяйственной деятельности, но только более обширный, чем у оседлого жителя.

В. П. Яйленко публикует на с. 219—222 сборника недавно найденный фрагмент боспорского декрета, датируя его второй половиной IV в. до н. э. и сближая с надписью Перисада (КБН 1). Но форма перечисленных им на с. 220 букв, а также весь характер письма аналогичны надписям, датированным именем Левкона I, правившего в первой половине IV в. В первой сохранившейся строке автор верно восстановил оборот ἐν παντὶ Βοσπόρῳ (отмечу, что последняя йота видна на камне, а не пропала, как считает издатель), но упускает из виду, что привилегии «во всем Боспоре» мог давать не один какой-то полис, распоряжавшийся своей территорией, но только правители всего государства. В стк. 2 восстановление [ὅν ἂν εἰσάγη ἢ ἐξάγη] (sc. ἀπέλειαν πάντων χρημάτων) считается автором бесспорным. Но данный оборот — совершенно уникальная для понтийской эпитафии локальная особенность формульного стиля ольвийских проксенических декретов] (см. ВДИ. 1985. № 1. С. 61 сл.). Кроме того, Яйленко выбросил из него местоимение αὐτός (αὐτοί), ибо оно не вписывалось в рассчитанную им длину строки, что недопустимо. Поэтому и поиск объяснения грамматически неоправданного перехода с множественного (восстанавливаемого в утерянной преамбуле дарование ателлии чествуемому и его потомкам) на единственное число (εἰσάγη κτλ.),

в том, что право ввоза и вывоза товаров будет осуществляться в индивидуальном порядке, выглядит надуманно. Ведь именно в таких случаях в ольвийских декретах этот оборот ставился либо во множественном числе (*αὐτοὶ εἰσαγωγῶσιν κτλ.*), либо расширялся упоминанием потомков (*αὐτὸς εἰσάγηι ... ἢ παῖδες κτλ.*). В усеченном виде, предложенном издателем, он нигде не известен. Возможны два варианта реконструкции начала стк. 2: [*καὶ ἐν Σινδικίῃ*] (Ю. Г. Виноградов) и [*καὶ Θεοδοσίῃ*] (Ф. В. Шелов-Коведяев). Второй представляется сильнее, так как находит себе аналогию в формуле титулатуры боспорских правителей, с чем согласился и Ю. Г. Виноградов. Так высчитывается средняя длина строки: 20—22 буквы, а не 28, как предлагает издатель. Формально следуя аналогиям, он возвращается к множественному числу в восстановлении стк. 3. Предлагая реконструировать здесь формулу *προξένους/αὐτὸν καὶ παῖδ*] *ἐποίησαντο*, автор контаминирует два различных типа оборота, существующих по отдельности в рамках этой конструкции в языке греческих псефисм. Первый из них (совсем не редкий!) упоминает чествуемого в ед. ч. и его сыновей — во мн. ч.: *πρόξενον αὐτὸν καὶ παῖδας ποιεῖν*. Второй — целиком выдерживает *pluralis*: *προξένους αὐτοῦς* (sc. *τὸν δεῖνα καὶ παῖδες* — откуда и мн. ч.!) *ποιεῖν*; этот оборот может расширяться (но необязательно), если чествуемых лиц несколько: *προξένους αὐτοῦς καὶ παῖδας* (*ἐκγόνους κτλ.*) *ποιεῖν*. Но мн. ч. *προξένους* с ед. ч. *αὐτὸν* и мн. ч. *καὶ παῖδας* не встречено нигде. Очевидно, это совершенно противно законам греческой стилистики. Документы, содержащие этот оборот, дают нам прекрасную аналогию, которая позволяет восстанавливать здесь: *προξένους/[καὶ πολίτ]ης ἐποίησαντο*. Чрезмерная приверженность автора стандартному порядку слов в формуле заставляет восстанавливать его в стк. 4: [*καὶ γῆς καὶ οἰκίας ἐ]γκτησιν ἔδωσαν*. Я предлагаю [*αὐτοῦς καὶ ἐ]γκτησιν ἔδωσαν* ср. ВДИ. 1985. № 1. С. 63 сл.). Восстановление же целиком должно выглядеть так: [*χρη:άτων ἐν παντί* *Βοσπόρω* (23)/[*καὶ Θεοδοσίῃ καὶ προξένους* (24)/[*καὶ πολίτ]ας ἐποίησαντο* (20)/[*αὐτοῦς καὶ ἐ]γκτησιν ἔδωσαν* (23)/[*γῆς καὶ οἰκίας καὶ πολ]έμου* (22)/[*καὶ εἰρήνης εἰσαγωγῆν/καὶ ἐξαγωγῆν ἄσυλει καὶ/ἀσπονδει.*] или [*καὶ εἰρήνης εἰσπλοῦν/καὶ ἐκπλοῦν ἄσυλει καὶ/ἀσπονδει.*] Надо отметить, что при всей приверженности букве восстановления Яйленко не заметил на камне остатков пятой строки, а также непоследовательно употребляет термины: на с. 221 право захвата он именует ущербом (!); а право приобретения Земли (т. е. сельскохозяйственного участка) и дома (т. е. участка под дом в полисе) на с. 222 формулирует тремя различными способами — право приобретения земли и сооружений; земли и дома; земли и строений.

В статье С. Б. Бернштейна «Некоторые вопросы методики изучения проблем этногенеза славян» приводится обзор достижений и возможностей в этой области, формулируются *desiderata*, обращенные в этой связи к этнографам, правильно указывается на отсутствие строгой методики и произвольный отбор привлекаемых явлений в междисциплинарных исследованиях по этногенезу славян, когда в доказательство каждой данной концепции приводятся исключительно подтверждающие ее факты при полном игнорировании ей противоречащих. Формулируется основная задача исследователей праславянского языка — стратификация лексики, в чем археология может серьезно помочь лишь на позднейшем этапе развития праславянской культуры. Четко ставится требование «ясного разграничения таких областей науки, как глоттогенез, этногенез и этническая история» славян. Справедливо указывается, что расхождение между культурными и языковыми признаками — обычное явление во все периоды человеческой истории. К сожалению, всему этому противоречит утверждение автора о том, что археолог, причисляя ту или иную культуру к славянским, не отдает себе отчета в том, что он решает этим фактически лингвистическую проблему. Но считая славянской любую культуру, хронологически предшествующую историческим славянам, археолог пытается определить культурных предков славян (хотя субъективно и может считать их носителями праславянского языка). И лингвист, определяя территорию праславян, устанавливает лишь языковых предков данного народа. И только слияние этих двух неоднозначных комплексов накануне появления исторических славян сформировало

славянский этнос в собственном смысле слова.

Л. А. Гиндин в статье «К хронологии и характеру славянизации карпато-балканского пространства (по лингвистическим и филологическим данным). II. Славянские топонимы у Прокопия Кесарийского» предлагает славянские этимологии для ряда топонимов, локализуемых на правобережье Дуная Прокопием, и терминов — Приском. По мысли автора, они могут свидетельствовать о славянской принадлежности населения в междуречье среднего течения Моравы и верховьев реки Тимок, начиная с середины V в., в качестве форпоста гуннского союза племен, вклинившегося узким острием в земли Дакии. В этой связи хочется обратить внимание на то, что если ко времени написания Прокопием трактата «О постройках» достоверно славянские древности уже достигают Подунавья, чем фиксируется реальное славянское присутствие в этом районе, то для более раннего времени бесспорных материалов такого рода нет.

В. Н. Топоров в статье «Oium Иордана (Getica, 27—28) и готско-славянские связи в Северо-Западном Причерноморье» считает, что идея германских сказаний о южной влагобильной и богатой стране соотносилась по мере продвижения готов на юг с разными реальными географическими пространствами и в конечном счете с Нижним Подунавьем. Он пишет о готско-славянских сказочных параллелях и заимствованиях, касающихся этой страны и связанных с нею реалий, дает этимологии германского и славянского ее названий. Представляется, что автор все же излишне доверяет историчности сообщаемых Иорданом сведений. Не ясно также, зачем предлагается гипотеза об иранско-германском гибридном тавтологическом образовании названия Дуная, поскольку в другом месте сам Топоров признает, что латинизированная форма Danub(v)ius — кельтского происхождения. Следовательно, речь может идти лишь о переосмыслении ее готами на основе германских языковых соответствий. Автор полагает, что готы впервые столкнулись с «этноязыковым элементом, который позже был осмыслен как славянский», двинувшись из Повисленья к югу; относит контакты готов со склавенами и антами в Причерноморье к III/IV—V вв. и утверждает на этом основании наличие, не только общеготско-праславянских, но и восточногерманско-южно-восточнославянских языковых контактов. Но присутствие этноязыкового славянского элемента южнее Повисленья во II в. не подтверждается археологическими материалами. Представление о присутствии славян в Причерноморье в III—V вв. базируется на неподтвердившемся мнении об участии славян в формировании черняховской культуры. Сведения об исторических славянах (только склавенах, ибо этническая атрибуция авторов спорна) появляются в письменных источниках с VI в. Попытки удревить их путем компилирования разных данных авторов различной хронологии и достоверности в настоящее время не выдерживают критики.

Г. Г. Литаврин в статье «Славини VIII—IX вв.— социальнo-политическая организация славян» прослеживает развитие этого понятия от чисто географического (в ед. ч.) до социальнo-политического (во мн. ч.). Хочется только отметить, что упоминание близ Фессалоники τῆς ἐκείνης Σκλαβηνίας можно все-таки рассматривать и как географическое определение «там расположенной области славян». Надо быть также осторожнее с безоговорочным отнесением сведений Тацита о венедах и Иордана об антах к историческим славянам.

Ф. В. Шелов-Коведяев

AMJET P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500—1700 avant J.-C. Paris: Editions de la Réunion des musées nationaux, 1986. 332 p. 207 ill.

Последние десятилетия в науке о древнем Востоке отмечены усилением внимания к синтетическим исследованиям, выдвижением множества гипотез общего и частного характера, острым ощущением необходимости совместных работ исследователей письменных источников, археологов, социологов, этнографов, представителей естественных наук. Представление о культуре как о системе заставляет видеть за отдельными ее явлениями, за отдельными категориями памятников конкретный исторический фон, так что «узкие» разработки нередко ведут к широким построениям. Важное место в работах зарубежных исследователей культур Месопотамии, Ирана, цивилизации Инда занимают проблемы обмена и торговли в тесной связи с общественными отношениями, характером развития ремесла и т. д. В контексте всего сказанного большой интерес представляет обобщающее исследование П. Амье «Эпоха обмена в Иране. 3500—1700 гг. до н.э.».

Автор книги — известный французский ученый, много сделавший для изучения культуры народов Месопотамии и Ирана, до недавнего времени главный хранитель Отдела восточных древностей Лувра. Цель ее — рассмотрение с точки зрения современных данных и концепций древностей Ирана, как его внутренних областей, расположенных на Плато, так и внешних. Автор освещает все важнейшие проблемы развития хозяйства населения Ирана IV—II тыс. до н.э., ремесла, обмена, социального строя, в частности формирования города, сложения первых государственных образований и их специфики, характера раннегосударственной администрации и многие другие вопросы. Одна из задач книги — атрибуция и выявление историко-культурного значения памятников в намечаемой картине развития региона.

Справедливо считая, что для осмысления накопленных археологических факторов, для их исторического анализа необходимо использование методов различных наук, автор акцентирует внимание на важности изучения иконографических памятников в их сопоставлении с реалиями материальной культуры, данными письменных источников. Существенно, с его точки зрения, для реконструкции исторического процесса в древнем Иране привлечение данных хорошо документированных периодов — античности, средневековья, а также современных, относящихся к сфере традиционной культуры. Он полагает, что история Элама более тесно, чем это обычно считают, связана с процессами в государстве Ахеменидов и в более поздних образованиях. Изучение этих сведений для реконструкций явлений древности представляется, по его мнению, более продуктивным, чем распространенная практика обращения к культурным реалиям Америки или Африки.

Отправной точкой анализа в книге является Сузиана. Работы последних десятилетий в Сузах позволили внести коррективы в старые периодизации, попытаться увидеть за периодами смены керамических стилей исторические эпохи, этапы культурного развития в целом, а также выйти за пределы чистой археологии для моделирования процессов заселения Сузианы в различные эпохи, развития взаимоотношений с Плато, опираясь на работы Р. Мак Адамса и его последователей, в том числе Г. Т. Райта, Г. А. Джонсона и др. Раскопки крупного поселения Чога Миш в Сузиане, памятников Луристана, Годиш Тепе, Тепе Яхья, Тали Мальяна, поселений и могильников в пустыне Лут, Шахри Сохте, памятников Афганистана и Южной Туркмении позволили по-новому взглянуть на историю и культуру Сузианы. Особое место в ее истории, как, впрочем, и всего Ирана, занимали взаимоотношения с Месопотамией, картина которых выглядит сейчас весьма сложной.

Первые зафиксированные контакты с Месопотамией относят сейчас ко второй

половине VI—V тыс. до н.э.: в Чога Ссфиде (среднее течение Тигра) обнаружена керамика типа «переходного Чога Мамп». Сузы были основаны около 4200 г. до н.э.; первый период Сузы I длился долго: на позднем этапе он одноуровневым началу урукской культуры Месопотамии. П. Амье вслед за другими исследователями полагает, что керамику этого времени ошибочно связывали с позднелувийской, она тяготеет к расписной керамике Плато. Связи с горцами, в том числе Лурпистана, фиксируются и другими материалами, в частности происходящими оттуда печатями-штампами. Необычайно большое количество металлических изделий в погребениях Суз (ничего подобного не было в Месопотамии того времени) также может свидетельствовать о связях с горцами. Металл (мышьяковистая бронза), возможно, происходил из месторождения Талмессе близ Анарака. Сузы, таким образом, на этом этапе предстают вовлеченными в обмен с населением более или менее отдаленных районов Ирана, но, что примечательно, не Месопотамии. Посредниками в этом обмене могли быть кочевые и полукочевые племена, практиковавшие сезонные перегоны скота с гор на равнину.

Недавние раскопки выявили существование, как полагает наряду с другими исследователями автор, общин горцев, специализировавшихся на металлургическом производстве и работавших не только для удовлетворения нужд соплеменников, но и для обмена. Появление их относят к началу IV тыс. до н.э. Так, в Тесе Габристане (120 км западнее Тегерана) обнаружено поселение ремесленников — здесь много мастерских литейщиков с горнами, тиглями, литейными формами, готовыми вещами. Подобная община обитала в Тали Иблисе (80 км к юго-западу от Кермана) ок. 4000 г. до н.э. Существование монументальной архитектуры в Сузах I, характер погребального инвентаря, размеры Чога Миша и некоторые иконографические памятники позволяют предполагать существование городов, возможно, формирование протогосударств, «протоцарской» власти.

Во II главе рассматриваются памятники урукского периода, времени рождения «потенциально исторической цивилизации». В эту эпоху как в Месопотамии, так и в Сузиане происходит рост оседлого населения. П. Амье считает, что в обеих областях его можно объяснять оседанием на землю полукочевых и кочевых населения. Если в Месопотамии подъем урукской цивилизации был результатом внутреннего развития, то в Сузиану она была принесена небольшими группами переселенцев из Месопотамии, а ее расцвет обязан интенсивности связей между этими двумя регионами. Так впервые обнаруживается характерная для развития Сузианы модель — чередование доминирующих связей то с Месопотамией, то с горцами Ирана. В период, синхронный раннему урукскому, согласно исследованиям Г. Т. Райта и Г. А. Джонсона, общая площадь поселений в Сузиане выросла с 30 до 95 га, при этом существовало 49 поселений — 45 деревень, три центра средней величины и крупный — Сузы (12 га).

Иерархия поселений отражает структуру государства, а не объединения типа *цифдом*, которому соответствует более простая структура поселений на двух уровнях. В начале эпохи Сузы II (средний урук, слои Эанна XII—VIII в Уруке) существовало уже 52 поселения (127 га), в которых, по предположениям, могло обитать 25 000 человек, а структура стала уже четырехуровневой.

Монументальная архитектура (терраса на акрополе Суз — предполагаемое основание храма) — одно из свидетельств существования группы лиц, специальной функцией которых было управление. Другое свидетельство усложнения общественной структуры — появление калькуляции. В развитии письменности Сузы отставали от урукской Месопотамии: помимо числовых обозначений на табличках изредка встречается лишь один знак.

В эту пору начинается развитие имеющего богатую дальнейшую традицию камнерезного ремесла и искусства, появляются цилиндрические печати — важный индикатор характера социальной и культурной жизни. Сузианская глиптика при сходстве с урукской обнаруживает значительное своеобразие, свидетельствующее о сильных

местных традициях и связях с архаичной глиптикой Плато. Важны изображения персонажка, традиционно именуемого «царь-жрец», подобные которым известны в Месопотамии. Их существование предполагает в обоих регионах развитие, как пишет П. Амье, «монархической власти», или по крайней мере, большой роли в общественной жизни правителя.

Автор касается важного вопроса о характере и причинах распространения ранних цивилизаций на примере урукской. Он полагает, что ее экспансия была скорее спонтанной, чем организованной (как в более позднее время в Месопотамии). Урукских переселенцев на Евфрате (Хабуба Кабира и Джебел Аруда) и в Ассирии (Нивевия IV), по его мнению, не следует рассматривать как колонистов, направляемых центральной властью. К этому переселению применима скорее греческая модель: расселение в результате гражданских войн и роста населения.

Наиболее древние свидетельства этого движения на Плато обнаружены в Спалке IV. Характер сочетания урукских культурных элементов с местными предполагает, что здесь иммигранты из Сузианы были интегрированы в местную культуру. Урукская керамика зафиксирована к западу от Тегерана, в Тепе Габристане, на востоке Луристана, в Тепе Гяне. Годии Тепе (долина Кангавара) — единственное поселение которое П. Амье считает возможным уподоблять урукским колониям на Евфрате. По мнению авторов раскопок, в цитадели (Годии Тепе V) обитали сузские купцы, а сама цитадель была одним из форпостов на длинном торговом пути. П. Амье полагает, что изолированное размещение «колонистов», на цитадели указывает на их привилегированное положение по отношению к местному населению.

В заключении главы делаются некоторые общие выводы об урукской цивилизации. Автор считает, что урукское общество не было строго централизованным и унифицированным, напротив, это общество разнообразия. Именно это обстоятельство способствовало широкому распространению его культуры, носители которой достигли Египта эпохи Нагада II и внесли в эту страну нечто свое, способствовавшее процессу перехода от праистории к протоистории. Он приводит новые материалы, свидетельствующие о связях Египта непосредственно с Сузами. Сами Сузы в эту пору были независимой столицей в пределах урукской общности.

Отдельная глава посвящена калькуляции и протописьменности в эпоху урука. Автор дает обзор документов и гипотез, в том числе новейших — Д. Шмандт-Бессера, М. Брандеса, С. Либермана, А. Ваймана и других. Детально анализируется проблема назначения полых булл со счетными камешками (или изготовленными из глины предметами) внутри, происхождение числовых обозначений. Выдвигаются предположения о назначении особых жетонов, булл-пакетов и табличек, находимых в складских помещениях. Все эти материалы предполагают существование общественной группы (статус которой остается неясным), игравшей важную роль в организации обмена. П. Амье полагает, что отсутствие четких стандартов, разнообразие документов указывают скорее на существование «частной» инициативы вне государственной власти, которая еще не сформировалась окончательно.

В IV главе рассматривается протоэламская эпоха в Сузиане. Урукская цивилизация здесь закончилась катастрофой, что автор связывает с вторжением горцев, разрушивших земледельческую культуру равнины и способствовавших формированию новой этнической ситуации. Сузиана перестала составлять общность с месопотамским миром. Сейчас выяснено, что протоэламская цивилизация была распространена на территории, прежде охваченной урукским влиянием, — в долинах Бахтиарских гор, Фарсе, Кермане, отчасти в Сеистане. В протоэламской цивилизации переплелись сузианские компоненты с компонентами культур горцев, при этом последние приобрели доминирующее значение. Материалы, в первую очередь глиптика, свидетельствуют о нарушении тесных связей с Месопотамией, о чем говорит и введение новой письменности. Протоэламским табличкам и проблемам дешифровки протоэламской письменности посвящен специальный раздел.

В V главе рассматриваются памятники протоэламской цивилизации на **Плато**. Особое место среди них принадлежит Тали Мальяну (предполагаемому Аншану). В ряде слоев раскопаны здания с протоэламскими табличками, возможно, архивы купцов или администрации. Раскопки отдельного маленького телья открыли поселения металлургов меди, а также ремесленников, обрабатывавших камень и изготавливавших бусы.

Среди поселений, в которых замечены следы протоэламской цивилизации, особый интерес представляет Шахри Сохте, главное поселение в дельте Гильменда в Сеистаге. Его формирование частично связано с перемещением к югу населения Южной Туркмении (Геокюрский оазис, эпоха Намазга III) и с носителями протоэламской цивилизации, но как конкретно происходило взаимодействие этих двух компонентов, остается неясным. Керамика, сходная с геокюрской, обнаружена, как неоднократно отмечали и советские ученые, в Мундигаке и в долине Кветты. П. Амье считает, что ее однообразие указывает на существование какой-то культурной общности.

Сложную проблему представляет формирование протоэламской цивилизации. Падение предшествующей ей урукской цивилизации в Сузиане объяснялось как внутренними войнами, так и столкновениями между кочевниками-горцами и оседлыми земледельцами равнины. П. Амье думает, что в результате этого поредевшее население Сузианы могло, перейдя к кочевому или полукочевому скотоводству, подпасть под власть горских вождей. Последние активно воспринимали культуру обитателей Суз, что позволило им по образцу этого города создать свою столицу в Тали Мальяне. Аналогичные процессы много позднее привели к основанию Пасаргад и Персеполя в этой прежде малозаселенной местности.

Начало исторической традиции Элама связано с Аншаном, известным как столица по документам конца III тыс. до н.э. По предположению французского исследователя Ф. Валла, Аншан был столицей собственно Элама, а Сузы — Сузианы. Эти две области были тесно связаны; расцвет Элама всегда находился в зависимости от его отношений с Сузами. Эта зафиксированная в историческое время ситуация, как полагает П. Амье, может служить моделью и для протоэламского времени. И в тот период могла существовать конфедерация областей с этнически близким населением, административная элита которой была постоянно или периодически оседлой. Многокомпонентность протоэламского единства, его обширные размеры и необходимость поддержания отдаленных связей, для чего была необходима многочисленная администрация, были источниками его политической и культурной слабости, как и в более позднее время у его исторических преемников.

VI глава посвящена исследованию внутрииранского обмена в III тыс. до н.э. Первый этап новой цивилизации в Сузах (Сузы III) отмечен оживлением связей с Месопотамией, хотя, по предположению автора, это затронуло только элиту. О широких связях Суз свидетельствуют металлические изделия. Примеси в меди указывают на ее происхождение с Аравийского полуострова. В то же время отсутствие хозяйственных документов (табличек) говорит, по мнению П. Амье, о застойном характере экономики и не подтверждает старой гипотезы о сохранении протоэламской письменности до аккадской эпохи, что лишней раз свидетельствует о принадлежности этой письменности специфически горской, а не сузианской цивилизации.

Культура Луристана обнаруживает связь с Сузами и Месопотамией III периода архаических династий. Луристанская металлургия превосходила сузианскую, ее образцы были близки лучшим месопотамским. Металлургией и металлообработкой могли заниматься ремесленники, возможно, жившие изолированно, подобно потомкам библейского Каина.

Другие свидетельства интенсивных связей этой эпохи обнаружены в Тепе Яхья (слой IV), где найдена мастерская резчика по местному хлориту. Создававшиеся здесь сосуды найдены в Месопотамии, Сузах, долине Инда, на острове Тарут в Персидском

заливе. П. Амье настаивает на своеобразии существовавшего здесь искусства, возражая К. Ламберг-Карловски, назвавшему его стиль «интеркультурным». Это искусство архаизирующее, а не архаичное, оно обнаруживает влияние Месопотамии середины III — начала II тыс. до н.э. Шумерские надписи на сосудах позволяют думать, что некоторые из них могли производиться в самой Месопотамии, возможно, пришлыми из Кермана купцами-ремесленниками; не исключено, однако, что заказчики-шумеры находились на юго-востоке Ирана. Подъем камнерезного ремесла объясняется потребностями богатых месопотамских клиентов, для удовлетворения которых и складывались длинные цепи обмена. Согласно документам, в городах Месопотамии жили «люди Мелуххи», происходившие, как полагают сейчас, из Юго-Восточного Ирана или долины Инда. На хлоритовой вазе из Ура с посвячительной надписью аккадского царя (Римуша?) упоминается страна Барахши (Мархашши), название которой использовано для обозначения экзотического камня *мархушу*, из которого делали сосуды для благовоний. П. Амье предполагает, что хлорит и был этим камнем, а страна, где его добывали и обрабатывали, находилась в Кермане.

Автор ставит вопрос о возможности связи между подъемом протоэламской цивилизации и расцветом общин оседлых или кочевых ремесленников, обитавших на путях между Месопотамией и Центральной Азией, в Загросе и Кермане. Он настаивает на том, что они были не просто посредниками в обмене, но создателями своеобразных культур, которые в Луристане и Кермане имели общие черты, определявшиеся традициями горцев. Возможно, носители этих культур стали и мореплавателями и приняли участие в установлении морского пути в Персидском заливе.

VII глава посвящена обмену в Иране в период существования «первых империй» Месопотамии. Цари династии Аккада направили усилия на завоевание пограничных иранских областей. В эту пору Сузы культурно и политически, вероятно, принадлежали Аккадской империи, о чем свидетельствуют употребление аккадского письма и ряд памятников материальной культуры. Реальная власть правителей Аншана в конце III тыс. до н.э. не простиралась на глубинные горные районы, которые лишь фиктивно в новошумерскую эпоху подчинялись правителям «династии» Симашки (Шимашки).

В начале II тыс. до н.э. присутствие носителей цивилизации, общей для Месопотамии и Сузианы, обнаружено в Луристане, Тепе Гияне, районе Керманшаха и в долине Кангавара. Важные находки были сделаны в Чога Гаване близ Шахабад-Гарба, в 70 км к юго-западу от Керманшаха. Здесь обнаружены клинописные таблички, позволяющие предполагать, что на этом поселении находилась колония сузианских купцов, подобная ассирийским в Каппадокии. Как допускает П. Амье, с присутствием подобных купцов правомерно связывать предметы с надписями, содержащими имена месопотамских и сузских правителей, считая, что эти изделия выполнены на месте на заказ, а не были захвачены в походах. Таким же образом он предлагает рассматривать вещи с именами вавилонских чиновников.

Около XVIII в. до н.э. в Иране происходят изменения, приведшие к запустению длительное время существовавших поселений и к перерыву, если не прекращению, целых традиций. Луристанская металлургия в начале II тыс. до н.э. находится в расцвете, но в конце XVIII в. угасает. В Тепе Яхья на последнем этапе (ок. 2200—1800 гг. до н.э.) существовала процветающая деревня, но не более того. Широкая обработка хлорита прекратилась. Поселение запустело в то же время, когда угасла «цивилизация» пустыни Лут.

Далее, в главе VIII, П. Амье рассматривает памятники культур за пределами собственно Ирана или расположенных на его границах — от Персидского залива на юге до Афганистана и юга Туркмении на востоке и севере. Интенсивный обмен с заморскими странами начинается в Месопотамии с эпохи архаических династий. Среди них — Дильмун-Бахрейн и близлежащая часть аравийского побережья, Шерихум на иранском побережье Персидского залива, Мелухха—Макран и долина Инда, Ма-

гаи/Маккан — полуостров Оман. На побережье и островах Персидского залива археологические исследования ведутся недавно и опубликованы лишь частично. На полуострове Оман обнаружена убейдская и джемдетнарская керамика. На острове Тарут найдено множество хлоритовых сосудов — здесь, как полагают, был почти единственный порт на пути, по которому экзотические вещи и материалы попадали из Юго-Восточного Ирана в Месопотамию. В Умм ан-Наре и Омани наряду с некрополями найдены поселения с круглыми башнями (предположительно хранилищами) и мастерские литейщиков. Керамика дает аналогии с найденной на юго-востоке Ирана. Общество Омана в конце IV—III тыс. до н.э. было структурно сложным, но неурбанизированным. Помимо земледельцев существовали категории населения, занимавшиеся добычей, выплавкой и экспортом меди. Возможно, во главе стояли правители, символами и инструментами власти которых были башни-хранилища. Как и население Юго-Восточного Ирана, жители Омана были не только посредниками в торговле на далекие расстояния, но и создателями своеобразной культуры.

Путь с Плато в Белуджистан шел по долине Бампура, где также расположены характеризующие в книге памятники, а на пути, как считает возможным предположить П. Амье, связывавшим прстоэламский Иран с «цивилизацией Геоксюра», находился Шахри Сохте. Во второй половине III тыс. до н.э. здесь существовал квартал ремесленников, обрабатывавших лазурит, сердолик, бирюзу, морские раковины. Эти материалы доставлялись издалека, вблизи находились только месторождения хлорита и медной руды. Сокращение размеров и запустение Шахри Сохте объясняют кризисом специфической формы урбанизма, чрезмерно развившегося на основе ремесла, практиковавшегося кочевниками.

Культурной близостью Шахри Сохте отмечен Мундигак, на основании чего М. Този отнес оба центра к одной «цивилизации». В Мундигаке, как и в ряде поселений Северо-Западного Ирана, Южной Туркмении и Афганистана эпохи бронзы обнаружены монументальные постройки, импозантность внешнего облика которых находится в противоречии с хаотичностью внутренней планировки. Заслуживает внимания точка зрения П. Амье, противоречащая распространенным предположениям об их культовом или дворцовом назначении, — он считает их резиденциями глав родов или больших семей.

Особый интерес для советского читателя представляет раздел, посвященный культурам Южной Туркмении, Узбекистана и Северного Афганистана — областей, для исследования которых так много было сделано и продолжает делаться нашими учеными. Автор полагает, что географическая ситуация позволяет сравнивать анаускую культуру с культурами, располагавшимися в Месопотамии и долине Инда: природные условия способствовали такому же, как и в долинах великих рек, формированию культурного единства. Детально анализируется предположение В. М. Массона о существовании на Алтың-дэпе зиккурата, подобного месопотамским. П. Амье считает, что это сооружение более правомерно сблизать с упоминавшимися монументальными постройками престижного характера. Ряд черт указывает на принадлежность «цивилизации» Намазга V к сфере культур «Внешнего Ирана», но с самим Ираном связи слабы, тогда как с Харапшой они более выражены. Касается он и поселений древней дельты Мургаба, исследование которых сейчас идет быстрыми темпами. Найденные в Сапалли (Узбекистан) следы шелковой ткани автор считает свидетельством связей с Китаем, как и характерные прорезные и перегородчатые печати, подобные которым известны в Ордосе. Постройки особого плана, найденные в Дашлы 1 и 3 в Афганистане, П. Амье, считает жилищами семейных или родовых групп, к которым принадлежали общественные лидеры. Возможно, вокруг таких центров периодически собирались кочевые или полукочевые племена. Характеризуя памятники материальной культуры, происходящие в основном из грабительских раскопок, П. Амье, определяет их стилистические черты как архаизирующие, перекликающиеся со стилем вещей в протоэламских Сузах, луристанских бронз досаргоновского времени, месопотамских изделий аккадской эпохи. Однако он считает их более поздними, и в этой связи примечательно сходство некоторых

предметов с сирийскими времени аморитских царств (XVIII—XVII вв. до н.э.) и египетскими.

Происходящие из грабительских раскопок скульптуры женщины из зеленого хлорита и белого известняка, выполненные в свойственном культурам «Внешнего Ирана» архаизирующем стиле, автор считает восходящими к скульптурам эламских царяц, известным по изображениям на цилиндрах из Суз и Аншана. Они фиксируют определенный момент связей с Эламом — время первых царей Симашки и первых суккальмахов.

По мнению П. Амье, бактрийская «цивилизация» сложилась на основе культуры Намазга VI, но при этом вклад в нее внесли частично осевшие на землю кочевники. В то же время не исключено проникновение в Бактрию «колонистов» из других областей, однако это могли быть, как он полагает, небольшие группы. Эта «цивилизация» принадлежала «транспиранской» общности, куда входили Горган, Сеистан, Керман. Существование обмена и связей других типов позволило бактрийской элите заимствовать некоторые элементы культуры великих городских цивилизаций, но общество здесь оставалось мало иерархизованным.

Подводя итог, автор отмечает, что торговля на далекие расстояния была вызвана потребностями городских цивилизаций в экзотических произведениях и материалах. Созданная в эламское время система связей, приведшая к сложению своего рода культурного «койне», охватывавшего Иран и прилегающие области, была восстановлена в ахеменидское время.

Книга П. Амье — исследование, необходимость которого ощущалась весьма остро. Главное ее достоинство, помимо охвата обширного материала — богатство идей. Безусловно, не все они в равной мере обоснованы, что признает сам автор, но стимулирующее их значение не вызывает сомнений.

Е. В. Антонова

© 1990 г.

ТРИ ИСТОРИКА АЛЕКСАНДРА

N. G. L. HAMMOND. Three Historians of Alexander the Great. The So-called Vulgate Authors, Diodorus, Justin and Curtius. Cambridge University Press (Cambridge Classical Studies). 1985. 205 p.

Один из «проклятых» вопросов, над решением которого бьется уже не одно поколение антиковедов, — источники истории Александра Македонского. Написано много, выдвинута не одна теория, строятся сложные схемы, поражающие изобретательностью и «хитроумием» их авторов, материализуются неизвестные историки (типа грека-наемника у В. Тарна)¹. Историки и филологи достигли уже немало, ряд положений можно считать несомненно установленным, хотя многое еще остается в области предположений. В последние годы (помимо статей по частным вопросам) появилось несколько больших трудов, посвященных анализу основных источников истории жизни и деятельности Александра: прекрасный комментарий к первым трем книгам «Анабасиса Александра» Арриана (не только исторический, но и источниковедческий), принадлежащий перу А. Б. Босворта², комментарий к книгам 3 и 4 «Истории Александра Великого» Квинта

¹ О состоянии разработки см.: *Seibert J. Alexander der Grosse. Darmstadt, 1972; Маринович Л. П. Время Александра Македонского // Источниковедение древней Греции. М., 1982. С. 22 сл.*

² *Bosworth A. B. A Historical Commentary of Arrian's History of Alexander. V. I. Commentary on Books I—III. Oxf., 1980.*

Курция Руфа Д. Аткинсона³, вступительная статья к блестящему изданию 17-й книги «Исторической библиотеки» Диодора в серии Budé, подготовленному французским эллинистом Р. Гуковским⁴. Следует назвать также имя Г. Вирта — одного из крупнейших знатоков Александра⁵. Самое последнее по времени исследование об источниках Александра написано известным английским историком Н. Г. Л. Хаммондом, автором работ о Греции, Эпире, Македонии и Александре Македонском⁶.

Главная задача исследователя, как справедливо указывает Хаммонд (с. 1), заключается в том, чтобы определить ценность каждого из пяти основных дошедших до нас источников. Сам он обращается к трем из них — Диодору, Юстину и Курцию Руфу, поскольку в их сочинениях (в отличие от двух других — Плутарха и Арриана) обычно прослеживается традиция так называемой вульгаты.

Само понятие «вульгата» восходит к работе С. Рауна⁷, идеи которого восприняли и развили Э. Шварц и Ф. Якоби. Суть этой концепции заключается в том, что три названных историка восходят к одному и тому же источнику, а именно к Клитарху, отсюда введенное в антиковедение понятие «Клитархова вульгата». Первую попытку разрушить «вульгату» предпринял В. Тарн⁸, который стремился показать ошибочность такого построения, однако и после него вопрос неоднократно дискутировался и имеет большую литературу⁹. Сразу же отметим, что Хаммонд выступает против этой концепции.

Рецензируемая работа начинается анализом 17-й книги Диодора, посвященной Александру Македонскому. Заметим, что ни о какой другой книге «Исторической библиотеки» не написано столько и столь противоречивого. Полагали, что историк, непосредственно или опосредованно, использовал от одного до многих источников (теория «мозаики» В. Тарна). Хаммонд следует методу, который выработал ранее, при анализе книги 16-й¹⁰: исходя из полноты изложения, точности и других критериев он выделяет отдельные группы со свойственными им чертами, свидетельствующими об их общем источнике, идентифицируемом с возможным автором.

Для пояснения остановимся на первой группе, составленной из пяти отрывков: 8.2—14 (разгром Фив); 19.3—21 (от Трапиза до Сард); 32.2—38.3 (Исс и персидские женщины); 56—61 («Арбела»); 87—88 (битва с Пором). Им присущи следующие черты: 1) пренебрежение к истине при описании битв, о которых рассказывается как о событиях героической эпохи Гомера; 2) причудливый сенсуализм в рассказах об ужасах войны — окровавленные воины, страдания женщин, детей и стариков, грабежи и жестокость; 3) похвала героизму, будь то греки, персы или Александр; 4) протодушное, почти детское пристрастие к грекам, особенно к фессалийцам, симпатия к персам и неприязнь к македонянам. Автор хорошо знает то, что касается персов, подробно говорит о планах Дария и его командиров, проявляет необычную осведомленность о персидских обычаях и законах.

³ Atkinson J. E. A Commentary on Q. Curtius Rufus' *Historiae Alexandri Magni*. Books 3—4. L., 1980.

⁴ *Diodore de Sicile*. Bibliothèque historique, livre XVII / Texte établi et traduit par P. Goukowsky. P., 1976.

⁵ Arrian. *Der Alexanderzug*. Indische Geschichte / Griechisch und deutsch von G. Wirth und O. von Hinüber. T. I—II (Anhang zu «Der Alexanderzug» von G. Wirth), B., 1985.

⁶ Hammond N. G. L. *A History of Greece to 322 B.C.* 3-rd ed. Oxf., 1986; *idem*, *Epirus. The Geography, the Ancient Remains, the History and Topography of Epirus and Adjacent Areas*. Oxf., 1967; *idem*, *History of Macedonia*. V. I (with G. T. Griffith). Oxf., 1972; v. II. 1979; *idem*, *Alexander the Great: King, Commander and Statesman*. L., 1981.

⁷ Raun C. *De Clitarcho Diodori, Curtii, Justini auctore*. Bonn, 1868.

⁸ Tarn W. W. *Alexander the Great*. V. II. Cambr., 1948. P. 132.

⁹ Seibert. *Op. cit.* P. 16 ff.; Маринович. Ук. соч. С. 32 слл.

¹⁰ Hammond N. G. L. *The Sources of Diodorus Siculus* // *CQ*. 1937. V. 31. № 2. P. 79—91; 1938. V. 32. № 3—4. P. 137—151.

Обращаясь к идентификации источника Диодора для этих отрывков, Хаммонд исключает всех, кто придерживался промакедонской точки зрения, т. е. Каллисфена, Птолея, Аристубула, Марсия из Пеллы. Считаю, кроме того, что этот историк должен был быть хорошо известен во времена Диодора, он находит такового в лице Клитарха, отец которого, Динон, написал сочинение о Персии, что хорошо объясняет интерес сына к персам и его хорошую осведомленность об их жизни. Описания отдельных географических мест и обычаев народов у Клитарха ценны, так как восходят к участникам похода Александра, но у него есть и много ошибок, неточностей и преувеличений, к тому же его рассказы о военных действиях полны риторики. Цицерон, Страбон, Плутарх и Арриан рассматривали Клитарха как лгуна, так что его сочинение вполне может быть названо исторической фантастикой. Сравнение соответствующих фрагментов труда Клитарха, прежде всего сохранившегося у Афиня отрывка о Фивах (4.418e—f), показывает, что Диодор использовал его непосредственно и точно.

Обращаясь к имеющему большую литературу вопросу о последовательности историков Александра¹¹, наш автор считает, что Клитарх опубликовал свое сочинение раньше Аристубула и Птолея.

Выявляя второй источник для некоторых глав 17-й книги, где говорится о начале правления Александра, Хаммонд находит в них определенные черты сходства с концом 16-й книги и полагает, что все они восходят к труду Диилла, сына Фанодема, который написал историю Афин. Самому Дииллу (родился примерно в 350—340 гг. до н. э.) принадлежит общая история Греции, Македонии, Персии и Сицилии в 26 книгах, начинающаяся с событий 356/5 г. до н. э. Время окончания труда Диилла неизвестно. По мнению Хаммонда, он мог писать еще в 70-е годы III в. до н. э. и, следовательно, ознакомиться с сочинениями других историков Александра (включая Птолея) и взаимодействовать у них какой-либо материал. Труд Диилла замечателен тем, что автор привлекал речи аттических ораторов, декреты афинского народного собрания и другие первоисточники, и поэтому, как подчеркивает Хаммонд, соответствующие отрывки из его произведения заслуживают особого доверия. Вероятно также, что Диилл обращался к очевидцам, и, например, повествуя об убийстве Филиппа и перечисляя военные силы Александра, вероятнее всего, следовал Птолею.

Рассматривая вопрос о собственном вкладе Диодора¹², Хаммонд приходит к выводу, что, заимствуя материал, историк не придавал излагаемому политической окраски. Так, он не дал исторической интерпретации отношениям Александра с греками, с Фивами или Агисом. Конечно, он кое-что добавлял, вставлял связующие фразы, но не заботился о согласованности. Хотя во введении Диодор высказывает свое суждение об Александре, в других местах македонский царь предстает таким, каким историк нашел его в своих источниках. Индивидуальность Диодора проявляется в стиле, что особенно очевидно при описании военных действий, сражений и осад. Вместе с тем, вставляя отдельные клише, Диодор следует обычной практике греческих историков с их приверженностью к общим местам и повторяет традиционные взгляды.

Анализируя последующие главы 17-й книги, Хаммонд находит те же два источника — труды Диилла и Клитарха, за небольшим исключением (§ 115 он склонен возвести к Эфиппу, автору сочинения «О конце Александра и Пармениона»).

Итак, по мнению Хаммонда, основой для 17-й книги Диодору послужило сочинение Диилла, но Диилл при описании военных действий был краток и мало эффектен, поэтому Диодор обратился к Клитарху — самому популярному историку Александра в его время, к которому, в частности, восходят описания осад (Фив, Галикарнаса), сражений (при Гранике, Иссе), смерти Агиса, красочных событий (посещение оазиса Ши-

¹¹ Состояние разработки вопроса см.: *Маринович*. Ук. соч. С. 33—35.

¹² Помимо литературы, приведенной Л. П. Маринович (Ук. соч. С. 48), см.: *Diodore de Sicile*. P. IX ss. (см. прим. 4); *Chatoux F. Diodore et la Macedoine // Ancient Macedonia III. Papers read at the Third International Symposium held in Thessaloniki. Institute for Balkan Studies. 193. Thessaloniki, 1983. P. 57—66.*

вы, визит амазонок, события в Персеполе и др.). Диодор не делал никаких усилий, чтобы скорректировать взгляды Диилла и Клитарха, в том числе и на Александра. В целом он использовал Диилла больше в первой половине книги, чем во второй, сам внося в текст весьма мало (введение и похвала Александру). Фактологический, детальный рассказ Диилла оставался неприукрашенным, в то время как риторический стиль Клитарха более отвечал вкусам Диодора и Клитарховы отрывки подвергались небольшим изменениям. Однако собственный стиль Диодора и его словарь не разрушили источников и не скрыли духа оригинала даже там, где Диодор давал волю своим риторическим приемам.

Исследование источников Помпея Трога затруднено тем обстоятельством, что Юстин, делая сокращение его очень большого труда, был довольно небрежен. Он многое опустил, путал имена и даты, хотя основа сочинения Помпея Трога все же осталась, что позволяет изучать его источники. Рассказ Юстина важен, так как он, по мнению Хаммонда, независим от единственного дошедшего до нас более раннего рассказа (т. е. Диодора); некоторые сведения содержатся только у Юстина или излагаются им подробнее.

Разделив относящийся ко времени Александра материал на три части (9.5.8—10; 11; 12—13.1), Хаммонд пользуется тем же методом, что и при анализе Диодора, выделяя отдельные источники его труда. Как считает наш автор, Трог вообще не использовал истории Диилла, возможно, потому, что нашел его скучным, фактологичным и слишком лояльным по отношению к македонянам.

В период Поздней республики и Ранней империи из историков Александра популярностью пользовался Клитарх, в сочинении которого яркое, выразительное описание похода Александра сочеталось с враждебностью к македонянам и их царю — завоевателю мира, испорченному властью. Эти взгляды подошли Трогу, который взял за основу своего труда именно Клитарха, но в отличие от Диодора не смягчал его эффективные описания, а полностью их воспроизвел: достаточно сравнить сцены смерти Александра у Диодора (XVII. 117.1—4) и Юстина (12.13.6—9 и 15.1—12). Помимо Клитарха Трог мог использовать материал, почерпнутый у какого-то биографа, который имел еще больший вкус к скандальным историям, чем Клитарх, и, отдаленный от описываемых событий, действовал еще свободней. Хаммонд считает таковым Сатира. По его мнению, вполне вероятно, что у Сатира Трог взял версии, согласно которым убийство Филиппа организовали Олимпиада и Александр, а Александра отравили Антипатр с сыновьями. У него же Трог нашел яркие сцены смерти Агиса и Александра Молосского. Для индийского похода Трог, как кажется, обратился к какому-то третьему источнику. Речи же Трог несомненно сочинял сам.

Анализ источников Курция Руфа Хаммонд начинает со сравнения 3-й и 4-й книг Курция с трудом Диодора. Отметив в ряде мест сходство между ними¹³, наш автор склонен объяснять его не непосредственным обращением Курция к труду Диодора, а их общим источником, т. е., судя по всему, все тем же Клитархом. К такому же выводу Хаммонда приводит сравнение указанных книг Курция с Юстином: там, где они имели общий источник (о чем свидетельствует сходство между ними), им наверняка (или вероятно) был Клитарх. Подводя итоги анализа книг 3-й и 4-й Курция, Хаммонд называет их основным источником Клитарха, кроме того, для двух эпизодов — Диилла и для одного — Гегесия. Если Курций и читал Диодора, то непосредственно им не

¹³ Список параллельных мест у Диодора и Курция дал Э. Шварц (*Schwartz E. // RE. 31. 1901. Sp. 1873 f. S.v. Curtius.*); cf. *Hamilton J. R. Cleitarchus and Diodorus 17 // Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory. Studies Presented to Fritz Schachermeyr on the Occasion of His Eightieth Birthday / Ed. by K. H. Kinzl. B.—N. Y., 1977. P. 127; Badian E. Alexander the Great. 1948—67 // The Classical World. Bibliography of Greek and Roman History. N. Y.—L.,—1978. P. 199.*

пользовался, однако он, несомненно, был знаком с трудом Помпея Трога и мог заимствовать у него некоторые риторические приемы для речей.

Рассмотрев далее книги 5—6, 7—8 и 9—10, Хаммонд приходит к выводу, что для 5-й и 6-й книг источниками послужили сочинения Диилла и Клитарха, для 7-й и 8-й книг основная часть заимствована у Клитарха, но много взято у Аристобула, а отдельные эпизоды — у Диилла, Онесикрита и Хареса, источники же 9-й и 10-й книг — Клитарх и Диилл. Следует помнить, что Курций вводил собственные речи и трактовал свои источники со значительной долей свободы.

Общее заключение книги посвящено методам работы Диодора, Юстина (Трога) и Курция.

Анализируя обращение историков к Дииллу, которого Диодор и Курций использовали преимущественно при изложении событий в Греции, Хаммонд объясняет этот выбор тем, что в Клитарховой истории основное внимание обращено на Азию (Клитарх не писал о военных действиях Александра в Европе, о его вовлечении в греческие дела сколько-нибудь детально, кроме разрушения Фив). Причиной обращения Диодора к Дииллу стало сходство в том, что он — тоже автор «всеобщей истории». Помимо этого, и Диодор, и Курций опирались на труд Диилла для описания некоторых отрезков восточного похода Александра (частично — одних и тех же), но можно только предполагать, что именно побудило их к этому выбору. Видимо, Диодора не удовлетворили соответствующие главы Клитарха, и для ряда эпизодов он, как и Курций, предпочел здесь Диилла.

Полнее всего Клитарха использовал Помпей Трог, следуя ему (за небольшим исключением) при изложении событий начиная с воцарения Александра и вплоть до смерти Дария. Далее основной материал он извлекал из сочинения Клитарха, обращаясь, однако, теперь и к другим источникам. Хаммонд предполагает, что Трог нашел в Клитархе близкие ему по духу черты: неприязнь к авторитарному правлению, антипатия к македонянам и вкус ко всякого рода сенсациям.

Из всех троих Диодор извлек из сочинения Клитарха пропорционально меньше сведений, поскольку наивно восхищался Александром и не мог принять его антимакедонских настроений, однако он тоже хотел описать волнующие события и поэтому заимствовал у Клитарха материал об осадах и больших сражениях, изложение которого занимает значительную часть книги 17-й.

Использование Клитарха Курцием Руфом более сложно, так как Курций — оригинальный писатель, он ввел в свое произведение много им самим составленных речей: некоторые его описания несут на себе явное влияние современности, а в отдельных отрывках его собственные идеи сливаются с тем, что он вычитал у других. Однако несомненно, что и Курций многое почерпнул у Клитарха, у которого, как и Помпей Трог, находил близкие ему по духу характеристики.

Юстин обязан многим писателям — Сатиру, Дейнону и др., чем отличается от Диодора, который хотя и обращался к разным источникам по отдельным вопросам (Диаду из Пеллы — об искусстве осады, Гиерониму — об отравлении Александра и др.), в основном следовал двум авторам — Клитарху для истории Азии и Дииллу — для Европы, используя его времена и для рассказа об азиатских событиях, когда находил у него более выразительные эпизоды, чем у Клитарха.

Курций хорошо знал литературу об Александре, в том числе и труды своих предшественников, Диодора и Помпея Трога. Он обращался также к Гегесию, Аристобулу, Онесикриту, Тимагену, возможно Марсию из Пеллы, Харесу, и перечень этот, вероятно, далеко не полон. Но перед Курцием стояла та же проблема, что и перед Диодором, — найти основной источник информации о походе Александра, каковым для него стал Клитарх, а для Греции и Македонии он дополнил его сведениями, извлеченными из сочинения Диилла.

Н. Г. Л. Хаммонд уверен, что все три историка использовали Клитарха и Диилла непосредственно (кроме Трога, который вообще не обращался к Дииллу), и возвра-

жает против мнения о том, что они заимствовали материалы у более ранних авторов через посредника, каковым в научной литературе называют Тимагена. Труд Тимагена не содержал полного рассказа об Александре, кроме того, он — современник Диодора и близок по времени Помпею Трогу. Почему же он один имел доступ к более ранним писателям? — резонно недоумевает Хаммонд. В свое время гипотеза о Тимагене была выдвинута для объяснения сходства между Диодором, Юстином и Курцием, однако различия между ними столь же значительны, а сходство вызвано скорее использованием всеми тремя Клитарха (а Диодором и Курцием — еще и Диилла). Разница между ними объясняется двумя причинами: каждый заимствовал разные отрывки из Клитарха и из Диилла (кроме Трога); каждый обращался к различным дополнительным источникам.

На последних страницах своей работы Хаммонд решительно выступает против теории «вульгаты», сторонники которой упрощают проблему источников истории Александра и тем самым замалчивают трудности в исследовании источниковедческих вопросов, с ней связанных. Главное, что хотел показать Хаммонд, заключается как раз в противоположном; нет одного источника, к которому бы восходили Диодор, Юстин и Курций. Наш автор протестует против наметившейся в работах последнего времени тенденции противопоставлять традицию «вульгаты» Арриану. Общая ошибка тех, кто верит в эту традицию, — считать, что если один ошибочен, то другой — верен, однако «болезнь одного не доказывает здоровья другого» (с. 169).

Итак, перед нами еще один пример источниковедческого анализа истории Александра Македонского, анализа тщательного, сделанного на современном уровне антиковедения и принадлежащего к тому же одному из крупнейших эллинистов. Труд Хаммонда, несомненно, интересен и полезен. Его значение заключается прежде всего в том, что автор решительно порывает с традицией «вульгаты», призывая судить, насколько это возможно, о достоверности и ценности каждого свидетельства отдельно. Мнение об использовании сочинения Клитарха Диодором, Помпеем Трогом и Курцием Руфом не ново (на нем, собственно, и основывалась сама идея традиции «вульгаты»), но Хаммонд хорошо показал сложность их трудов с точки зрения источниковедческой. До сих пор, несмотря на большое число работ об источниках Александра, у нас не было такого всеобъемлющего сравнительного анализа, какой предлагает книга Хаммонда. Более того, Хаммонд стремится выявить специфику использования источников каждым из названных историков. Конечно, когда приходится решать задачу со многими неизвестными, т. е. судить о степени и способе использования сочинения, от которого в лучшем случае сохранились фрагменты и о характере которого мы можем составить лишь самое общее представление, предложенные построения (как бы тонок ни был анализ) останутся на уровне гипотезы, более или менее вероятной. Так и здесь. Тезис о Диилле, которому наш автор отводит заметную роль в трудах Диодора и Курция Руфа, вызывает сомнения и ставит под удар концепцию Хаммонда. Все дело заключается в том, что, как уже отмечалось¹⁴, мы по существу очень мало знаем о труде Диилла, от которого почти ничего не дошло, чтобы судить о нем как источнике для других сочинений. Сказанное, однако, не значит, что подобные анализы — тупиковый путь. Помимо дальнейшего совершенствования методики, можно возлагать надежды и на появление новых материалов, как показывает недавняя публикация одного папируса. Он содержит один из ранних (II или I в. до н. э.) и значительных по объему фрагментов истории Александра птолемеевского времени, речь в котором, очевидно, идет о компании Александра в Иллирии и Фракии. Текст важен для изучения малочисленных первичных источников и позволяет, по всей видимости, говорить об открытии нового, ранее неизвестного сочинения. Анализ его выявляет некоторые

¹⁴ Cf. *Hornblower S. // Cl. Rev.* 1984. V. 34. № 2. P. 262.

своеобразные черты, дающие возможность видеть в его авторе военного, служившего под командой Александра, но, однако, не Птолемея¹⁵. Таково мнение самих публикаторов. Однако автор рецензируемой книги, уже откликнувшийся на эту публикацию, склонен видеть в папирусе отрывок из труда олипфского историка Страттиса, написавшего, по его мнению, пять книг «Об эфемеридах Александра»¹⁶.

Подведем итог. Отдавая должное исследовательскому мастерству Н. Г. Л. Хаммонда и тонкости его источниковедческого анализа, признаем, что значение его работы заключается не только (и может быть, даже не столько) в тех позитивных построениях, которые явились результатом этого анализа, сколько в разрушении традиции «вulgаты». Хотя он здесь далеко не первопроходец и дух отрицания, пренебрегающий его исследование, придется по вкусу далеко не всем, учитывая разнообразие суждений, которые высказывались ранее и, несомненно, появятся в будущем¹⁷, направление труда Хаммонда, как кажется, более отвечает потребностям времени¹⁸.

Л. П. Маринович

---

¹⁵ Clarysse W., Schepens G. A Ptolemaic Fragment of an Alexander History // *Chronique d'Egypte*. 1985. LX. P. 30—47.

¹⁶ Hammond N. G. L. A Papyrus Commentary on Alexander's Balkan Campaign // *GRBS*. 1987. V. 28. № 3. P. 331—347; *idem*. The Royal Journal of Alexander // *Historia*. 1988. V. 37. № 2. P. 149 f.

¹⁷ Cf. Tonnet H. La «Vulgate» dans Arrien // *Zu Alexander d. Gr. Festschrift G. Wirth zum 60. Geburtstag / Hrsg. von W. Will unter Mitarbeit von J. Heinrichs*. Bd I. Amsterdam, 1987. S. 635—656.

¹⁸ Ср. Маринович. Ук. соч. С. 35.

© 1990 г.

V. GASSNER. *Die Kaufläden in Pompeii*. Wien, 1986

Монография австрийского антиковеда Верены Гасснер продолжает тот ряд появившихся в последние годы работ, который посвящен детальному и всестороннему исследованию отдельных аспектов экономической жизни Помпей. В книге поставлена задача изучить и систематизировать все известные на сегодняшний день таберны в Помпеях и на основе этого выделить критерии, применимые для анализа типов лавок и торгово-ремесленных заведений в античности. Работа состоит из Вступления и пяти глав: 1. Общие замечания; 2. Историческое и экономическое развитие Помпей; 3. Устройство помпейских таберн; 4. Типология торговых лавок; 5. Взгляд на развитие торговых лавок. Подробные и обширные приложения содержат указатели используемых при исследовании источников, литературы и описания всех помещений, которые можно идентифицировать как таберны, а также чертежи наиболее типичных из них.

Подметив, что лавки в Помпеях, как правило, так или иначе связаны с жилыми кварталами, автор делает попытку типологизировать варианты планировки лавок в различных комбинациях с жилыми домами или инсулами. Разработке своеобразной социоархитектурной типологии лавок предпослан профессиональный анализ лингвистического и археологического материала, а также исторический обзор социально-экономических и юридических аспектов торговой деятельности в Помпеях.

Первоначально taberna — хижина, маленькое жилище, где обитали и трудились древние италийцы. Впоследствии производственные функции возобладали, и таберной стали называть не только лавку, но и мастерскую. В. Гасснер и рассматривает вместе

ремесленные и торговые заведения Помпей, тем более что лишь для 20% таберн с уверенностью определяется, что именно в них производилось или продавалось¹.

Торговля в Помпеях велась купцами, которые оперировали крупными партиями, товаров, и непосредственными производителями, сбывающими свои изделия в розницу. Мелкие лавочники могли работать сами или вместе с одним-двумя рабами. Крупные предприниматели вели дело через рабов или вольноотпущенников. Точного соотношения между этими группами по источникам проследить невозможно. Таберны и на частной, и на общественной земле либо управлялись хозяином, либо сдавались в аренду, что регулировалось римскими законами.

В очерке экономического развития Помпей от небольшого оскского поселения VII в. до н. э. до гибели города в 79 г. н. э. главное внимание автор уделяет периоду римского господства, отмечая, что и крупные торговые фамилии, и мелкие лавочники торговали в основном сельскохозяйственной продукцией, ремесленными изделиями из нее и продуктами питания. Перепроверяя дискуссионную гипотезу об увеличении числа лавок в городе после землетрясения 62 г., В. Гасснер отмечает, что сооружение новых таберн в жилых домах приходится лишь на 20 случаев из почти 600 лавок, что заставляет оценивать рост торгово-ремесленной деятельности в последние годы существования города более сдержанно. Да и из-за скудости стратиграфических исследований точно указать количество лавок в каждый период невозможно. Дистанция между знатью и торгово-ремесленными кругами в Помпеях была, по сравнению с Римом, всегда невелика, и многие знатные и богатые фамилии членов *ordo decurionum* обязаны своим богатством торговой деятельности. Поэтому землетрясение 62 г. было тяжелым ударом для торговой жизни города.

При описании обстановки и внешнего вида помпейских таберн интересно исследование функций и эволюции верхнего полуэтажа (*pergula*), который, по подсчетам автора, имелся почти у 40% лавок.

Переходя к типологии торговых лавок, В. Гасснер выбирает критерием местоположение таберны в доме или в инсуле, а также число и расположение комнат. При определении типа таберн автор учитывает только полностью раскопанные помещения, не принимая во внимание наличие верхнего этажа, порой плохо сохранившегося. Всего из 577 помещений, интерпретированных как таберны, 501 может быть отнесено к определенному типу. Исследовательница перепроверяет их датировки, решительно отбрасывая сомнительные и малоубедительные и принимая лишь достоверные данные. Правда, время возникновения оказалось возможным выяснить лишь для 30% лавок. На основании этого автор выделяет четыре типа лавок: *A, B, C, D*. *A* — таберны, расположенные вдоль фасада по обе стороны от входа в атриумный дом как органичная его часть (их насчитывается 176), *B* — таберна, расположенная как обособленное строение в инсуле (таких 242); *C* — таберна, включенная в состав дома нерегулярной планировки (таких таберн 49); *D* — таберна с присоединенным жилищем в задних комнатах (таких 34). Внутри каждого типа, кроме *D*, выделено шесть видов: 1) однокомнатные таберны; 2) таберны со смежным помещением; 3) таберны со многими смежными комнатами; 4) таберны, у которых одно или несколько помещений устроено в углу; 5) таберны, у которых, кроме помещения в углу, сзади во всю ширину расположено другое помещение или двор; 6) двойные таберны, т. е. две связанные между собой лавки одного или разных типов.

Наиболее многочисленны лавки следующих видов: *A/1* — 122 таберны. Атриумные дома сооружались с IV в. до н. э., а лавки в них — лишь со II в. до н. э. К этому периоду относится возникновение большинства таберн этого типа, хотя отмечено их возникновение и в последующие периоды. *A/2* — таберны атриумного дома, связан-

¹ *Mayeske B. Bakeries, Bakers and Bread at Pompeii. A Study in Social and Economic History. Diss. Univ. Maryland, 1972; Moeller W. O. The Woolen Industry at Pompeii. Diss. Univ. Maryland, 1962; idem. The Wool Trade of Ancient Pompeii. Leiden, 1976; Packer J. E. Inns at Pompeii. A short survey // Cron. Pomp. 1978. IV. P. 30 ff.*

ные с соседней задней комнатой, которая в итальянской литературе обозначается как *retrobottega*. Часто прослеживается превращение лавок *A/1* в *A/2* посредством присоединения спальни (*cubiculum*). *Retrobottega* из-за слабого освещения могла быть складом или спальней, но не рабочим помещением. Самые первые таберны такого типа относятся еще к самнитскому времени. Отмечен рост числа таких лавок в императорское время. *B/1* — самая простая форма лавки — встречается в данном типе наиболее часто (126 раз). Здесь ясно видно происхождение *taberna* из маленькой однокомнатной хижины. Таберны этого типа прослеживаются на форуме, под зданием Эвмахии и храмом Веспасиана. Это, несомненно, самые ранние лавки в Помпеях, и относятся они к IV в. до н. э. Особенности их расположения и планировки свидетельствуют, что эти таберны были не частными, а общественными. Такого типа таберны возникали и позже. В лавках типа *B/2* подсобное помещение располагалось сзади или сбоку. Лавки были самых различных конфигураций и в основном относились к императорскому времени, хотя есть и очень ранние — самнитского времени. *C/1*: на однокомнатные лавки приходится 30 случаев из 49, относящихся к типу *C*. Первый пример восходит к середине II в. до н. э., а большинство относится к императорскому времени. К типу *D* относятся лавки, вход в которые был и входом в жилой дом. Они напоминают расширенный тип *B*, но по размерам и внутреннему устройству это настоящие дома, как в типе *C*. Большинство из этих мастерских датируются I в. н. э., но есть и I в. до н. э.

Так как торгово-ремесленная деятельность рамками этих типов лавок не ограничивается, то автор отдельно рассматривает таберны, сооруженные в общественных зданиях на форуме, вокруг терм и т. п., или целые комплексы зданий, состоящие только из лавок, как «караван-сарай» возле Геркуланских ворот. Автор считает возможным отнести их к типам *B/1* и *B/2*.

На основе такого детального анализа помпейских таберн автор реконструирует тенденции развития торгово-ремесленной деятельности в городе. Первые таберны возникли уже в IV в. до н. э. на форуме, а со II в. до н. э. широко представлены лавки типов *A*, *B*, *C*, а преобладают *A/1*, *A/2*, *B/2* и *B/5*. Последние два типа представляются автору развитыми формами от *B/1* и *B/4*, поэтому предполагается, что и они тоже существовали, но почему-то археологически не прослежены. Основание колонии Суллой в 80 г. до н. э. не внесло изменений в архитектуру таберн, только добавился тип *B/1*, а *B/5* представлен шире. Интересно, что в начале римской колонизации таберны сооружались вместе с инсулой, а в императорское время лавки строятся в старых комплексах. Сокращается число лавок типа *A*, но растет типа *B/1* и *B/2*. В то же время исчезают многокомнатные таберны типа *B/5*, на смену которому приходят типы *C* и *D*. Бросается в глаза преобладание однокомнатных таберн, что связано с мелким характером производства. Лавки расположены неравномерно на территории города: их больше в центре и вдоль основных дорог. Не в целом провести четкое деление на жилые и торговые районы в Помпеях невозможно. Правда, лавки типа *A* сосредоточены в старых аристократических жилых районах, типа *B* — во внутреннем городе и вдоль *cardo*. Таберны типа *C* и *D* чаще встречаются в восточном районе города, возникшем в последний период. В. Гасснер полагает, что весь ход развития должен был привести к унификации таберн в рамках одного типа — регулярных рядов лавок, но этому помешала катастрофа 79 г.

Некоторые выводы этого интересного исследования представляются спорными, а в ряде случаев можно предложить иную интерпретацию собранного В. Гасснер материала. Так, торгово-ремесленную деятельность в древнеримском обществе нельзя представлять единой отраслью. Параллельно существовали два типа торгово-ремесленной деятельности: 1) в рамках отдельной фамилии, ее силами и в ее интересах, и 2) осуществлявшаяся в интересах и силами общины в целом. Если под этим углом посмотреть на помпейский материал, то некоторые моменты, отмеченные В. Гасснер, можно оценить по-другому. Тип *A* (треть всех таберн) отражает существование внутрифа-

мильного ремесла. Сюда же следует отнести и лавки типа *B/5*, также связанные с домом. Тогда появление последнего типа в самнитское время уже не покажется нелогичным и неожиданным. Помпейский материал показывает, как в монопольную с IV в. до н. э. область организации общинного ремесла вторгаются со II в. до н. э. крупные фамилии. И в дальнейшем экономическая жизнь города представляла собой цепь непрерывных взаимоотношений общинных и фамильных элементов.

При таком подходе возникает вопрос и о правомерности прямолнейного, без всяких оговорок, сравнения помпейского материала с греческим и эллинистическим. Той самостоятельной экономической силы, какую имела римская фамилия, греческая семейно-родовая организация не знала, и сравнение с эллинским материалом дает одностороннюю картину. Ведь и В. Гасснер признает, что в греческих полисах лавки располагались лишь на рыночной площади, но не в жилых домах. В италийской же общине наблюдаются два пути эволюции внешнего вида лавок: типы, связанные с трудом независимого мелкого производителя (*B/1*, *B/2*, в общественных зданиях на форуме), и типы помещений, в которых работал ремесленник, занятый в фамильном производстве (*A*, *D*, *B/5*). И слиться они, вопреки предположению автора, не могли, пока существовали в римском обществе фамилия и община.

Несмотря на отдельные спорные моменты, типология, разработанная В. Гасснер, должна быть оценена высоко, и без учета материалов и выводов автора дальнейшее исследование социально-экономической истории Помпей и древнего Рима представляется невозможным.

Б. С. Ляпушин

© 1990 г.

Soziale Typenbegriffe im alten Griechenland und ihr Fortleben in den Sprachen der Welt/Hrsg. von E. Ch. Welskopf. Band 1—2: *Belegstellen-Verzeichnis altgriechischer sozialer Typenbegriffe von Homer bis Aristoteles*/Hrsg. von E. Ch. Welskopf. 1—2 Teil. В.: Akademie-Verlag, 1985. XXXVII. 1988 Sp.

Два рецензируемых тома являются последними по времени выхода в свет из монументального семитомного издания, посвященного типовым понятиям, употреблявшимся в общественной жизни древней Греции, и их судьбе в последующие эпохи. Все издание было подготовлено по инициативе и под руководством проф. Элизабет Вельскопф, к сожалению, уже не увидевшей выхода в свет работы, которой она отдала столько лет своей жизни.

Чтобы оценить по достоинству весь труд, заверченный двумя рецензируемыми томами, нужны совместные усилия историков и лингвистов, и к тому же из самых разных областей языкознания. Если т. 3 и 4 представляют собой исследование избранных типовых понятий социальной терминологии в древнегреческом языке и их дальнейшей судьбы в античности и в средневековье, то т. 5 посвящен целиком судьбе этих понятий в немецком языке, а т. 6 и 7 — в различных языках мира (числом свыше 40), включая русский, польский, чешский, английский, итальянский, испанский, венгерский, китайский, японский и множество других вплоть до суахили. Ясно, что квалифицированная оценка столь разнообразного материала выходит за пределы возможностей одного человека¹. Моя задача значительно скромнее: познакомить читателей с содержанием и методикой отбора терминологии в двух первых томах.

¹ Наверное, не случайно все появившиеся до сих пор отклики касаются 3—5-го томов. Сюда относятся достаточно краткие сообщения: *Sprachpflege*. 1982. Bd 10. S. 160 (H. M. Militz); *Historische Zeitschrift*. 1983. Bd 237. S. 104 f. (P. Frei); *Listy filologické*. 1984. V. 107. P. 52 s. (P. Oliva) и более полные: *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*. 1983. S. 147—150 (G. Audring) и *Quaderni di storia*. 1984. № 20. P. 285—296 (V. Citti).

Они представляют собой, как правило, собрание всех пассажей в древнегреческом языке от Гомера до Аристотеля, отражающих употребление понятий, которые составители относят к сфере социальной терминологии. Речь идет не об отсылках, а именно о собрании текстов, так как огромное большинство указаний на авторов сопровождается цитатами, помогающими уяснить, в каком контексте выступает данное понятие. Наряду с авторскими текстами использован материал папирусов и надписей (см. индекс в специальном приложении, с. 1979—1988)².

Таким образом, человек, пользующийся словарем, избавлен от необходимости проверять употребление и значение каждого понятия в окружающем его контексте в десятках источников. Естественно поэтому, что целый ряд статей, посвященных важнейшим терминам общественной жизни, занимает многие десятки убористо набранных столбцов (например, *πολίτης* — около 54; *πολίτευμα* — свыше 45, *ἄρχεῖν* — около 44, *βασιλεύς* — свыше 48, *τέχνη* — свыше 47). Слову *πόλις* уделено 33 столбца, но многие из них заполнены только ссылками, так как приведение всех текстов из Гортинских законов, Ксенофонта, Исократы, Демосфена, Платона и Аристотеля, где встречается понятие *πόλις*, заняло бы добрую половину тома. Точно так же составители ограничиваются ссылками и в ряде других статей, где какое-либо понятие употребляется в значении, сходном с уже процитированными пассажами. Если учесть, что вся эта работа (включая папирусы и надписи) проделана не по словарям, а заново по всем текстам и что заняты ею были всего 12 человек (см. их имена на с. XXII), то можно вполне оценить проделанный ими титанический труд и его результаты.

Вместе с тем следует помнить об огромной методологической сложности, возникшей перед авторским коллективом. Дефиниции «социальной терминологии» по существу до сих пор нет, и каждый раз приходилось решать, что собственно к ней относится, а что — не относится. Конечно, для таких слов, как «царь», «господин», «государство», «гражданин», «раб», «богатый», «бедный», «труд», «ремесло» и многих десятков им подобных, всякие сомнения в их принадлежности к социальной терминологии исключаются. Сложнее обстоит дело с понятиями, касающимися рода и семьи.

Слово *γένος* (правда, в избранных примерах) в рецензируемом издании отражено, хотя в принципе составители не включают в него понятия, возникшие из семейных отношений (например, *οἶος*, *γάμβρος* и т. п.). Когда, однако, Эдип у Софокла говорит о Иокасте: «Пусть она радуется своему богатому происхождению (роду)» (*πλοῦσιφ... γένει*, Царь Эдип, 1070), то, по мнению Эдипа, жена подозревает в нем человека низкого происхождения и поэтому разочарована в брачном союзе с ним. Несомненно, *γένος* имеет здесь значение социального термина, но его очень трудно отделить от семейных отношений.

Другой пример. В свод свидетельств включено прилагательное *γνήσιος* — собственно, «принадлежащий к роду», отсюда «законнорожденный»³; какое значение имело в афинской демократии происхождение от родителей-граждан, хорошо известно. Вместе с тем ясно, что исходным пунктом для определения гражданского состояния служили семья и законный брак. Недаром отец, вручая дочь будущему мужу, отдавал ее «для

---

² Полезным следует признать предпосланный основной части словаря список лексических гнезд, группирующихся вокруг коренного слова (с. XXVI—XXXVII). Особенно ценен он в тех случаях, когда корневая часть составляет вторую половину сложного слова (например, *αἰχμηάλωτος—δωριάλωτος*, *δεσπότης—φιλοδέσποτος*) или гнездо подобрано по семантическому сходству (*ἄπικρίζειν—λακωνίζειν—συβαρίζειν*). Правда, не вполне понятно, почему *πλοῦτος* и еще 28 производных от него объединены вокруг прилагательного *πλούσιος*, — по-видимому, разумнее было бы исходить из существительного. То же самое касается группы, во главу которой поставлено *τίμιος*.

³ При этом непонятно, почему указание на источники начинается только с Софокла: *γνήσιος* есть уже у Гомера (Ил. XI. 102; ср. Од. XIV. 202). Пропущен в списке ссылок и Геродот (III. 2).

произведения законных детей»⁴. Побочные дети (νόθοι) допускались в состав граждан в порядке редкого исключения, — вспомним, чего стоило Периклу зачисление в полноправные граждане его сына от Аспасии. Сообщающий это Плутарх приводит современные Периклу свидетельства, в которых Перикл-Младший аттестуется однозначно как νόθος (Перикл, 24; 37). Следовательно, νόθος также относится к гражданскому состоянию, как и γνήσιος, — между тем словарной статьи о νόθος мы в двухтомнике не найдем. Само слово, конечно, не раз попадет в цитатах, где оно либо прямо противопоставляется γνήσιος (Софокл, фр. 87 R), либо употребляется в связи с упреком в происхождении от взятой в плен девушки — αἰχμαλωτῆς (Софокл. Аякс, 1228). Думается однако, что νόθος заслуживает и самостоятельной статьи.

Третий пример — различное положение женщины, состоящей на содержании. К чему имеют более близкое отношение эти представительницы «древнейшей профессии» — гетеры и сожительницы — к семье или к общественному статусу неполноправного члена полиса? Я думаю, ко второму. Между тем слово παλλακῆ «сожительница» в словарь не вошло⁵, а для слова ἑταῖρα приведены только свидетельства, где оно имеет значение «подруга» (примеры начинаются почему-то только с Аристофана, хотя ἑταῖρα в этом значении встречается гораздо раньше — у Гомера и Сапфо). Какое из значений слова ἑταῖρα ближе к сфере социальной терминологии — «подруга» или «гетера»? Я думаю, — второе, и как раз судьба этого слова (как и родственного ему ἑταιρεία «содружество») очень показательна для процесса превращения нейтрального понятия в социальный термин.

Второе изъятие из общественного словаря, сознательно допущенное составителями, касается наименования должностных лиц. Проведено оно, впрочем, не вполне последовательно. Так, например, в словарной статье ἄρχων есть несколько свидетельств, имеющих в виду афинского архонта как должностное лицо (Аристофан Ах. 67; Осы, 304, 1108, 1441). В словарной статье γέρον тоже ряд свидетельств относится не столько к возрасту, сколько к юридическому состоянию γέροντες как членов царского совета Ил. VI. 113) или спартанской герусии (Гиртей, фр. 3а, 5; 3б, 5; Пиндар, фр. 199. 1). Есть, наконец, отдельным словом и сама γερουσία, но нет βουλή, πρωτανεία, нет даже понятия проστάτης, имевшего такое большое значение в афинской политической терминологии и к тому же не являвшегося обозначением должности.

Трудности классификации и вычленения собственно социального смысла того или иного понятия можно показать еще а примере двух прилагательных — πολλοί и πονηρός.

Так, когда Колбасник у Аристофана (Всадники, 735) уверяет Демос, что он давно любит его и желает ему добра, а вместе с ним ἄλλοι, πολλοί καὶ καλοὶ κἀγαθοί, то ясно, что «многие» — это огромное большинство простого народа, отличное от «добрых и знатных». Но когда Эдип, выслушав рассказ Иокасты о гибели Лаия (Царь Эдип, 845), успокаивает себя тем, что «один не может быть равен многим», то здесь никакого социального смысла нет — просто Эдип формулирует «арифметическую» аксиому. В другом примере (Еврипид. Андромаха. 638) констатируется, что «многие незаконно-рожденные лучше законнорожденных» — смысловое ударение падает на уже знакомых нам νόθοι, а не на их число; социальное значение этому высказыванию придает оппозиция νόθοι — γνήσιοι, а не определение πολλοί.

Аналогичная ситуация — с прилагательным πονηρός. Опять же πονηροί (во множеств. числе) в противопоставлении к ἀγαθοί, ἐσθλοί и т. п. имеют очевидный социаль-

⁴ Παῖδων ἐπὶ ἀρότῳ γνήσιων (Менандр. Брюзга. 842; Самиянка, 727; Остриженная, 1013 сл.).

⁵ Показательно, что в уже упоминавшейся статье γνήσιος цитируется ксенофоновская «Киропедия» (IV. 3.1), где παλλακίδες как раз противопоставляются γνήσιοι.

ный смысл, подобно русскому «худые» в оппозиции к «боярам», «благородным» и т. п. Но если в одном из фрагментов Эсхила (90 R) мы встречаем мысль, что «смерть славнее худой жизни», то едва ли *πονηρός* употреблено здесь в социальном значении. Еще нагляднее — пример из софокловского «Филоклетта», 437: война забирает всегда не дурного человека (*πονηρόν*), а достойных (*χρηστούς*). Вне контекста можно было бы подумать, что благородные герои (Патрокл, Ахилл, Аякс) погибли, а «презрительный Ферсит» все еще жив. На самом же деле под «худым» Филоклет имеет в виду Одиссея, т. е. противопоставляет его другим благородным же героям только по нравственным свойствам, и, следовательно, социальный смысл в определении *πονηρός* здесь совершенно отсутствует.

Наконец, остановлюсь на некоторых случаях, где мне представляется неоправданным исключение отдельных ссылок или, наоборот, включение отдельных слов.

К первой группе я отнесу в качестве примера статью *τιμή*. В эсхилловских «Евменидах», 894, Эринии спрашивают у Афины: «Какую ты мне дашь почетную долю (*τιμή*)?». Здесь понятие *τιμή* обозначает определенный круг общественных прав и обязанностей, которые Афина обещает предоставить древним богиням. Ссылки на этот стих в указанной статье нет, хотя учтен ряд пассажей из гесиодовской «Теогонии», где *τιμή* употреблено именно в таком смысле (ст. 112, 203, особенно 414—420, где речь идет о «доле» Гекаты в жизни людей). Нет в этой статье и отсылок к «Илиаде». I. 159; III. 286, где *τιμή* обозначает удовлетворение, компенсацию, наказание,— я думаю, что все это имеет прямое отношение к социальной типологии.

Наоборот, лишним мне кажется включение таких слов, как, например, *πάνταρχος*, которое встречается за весь период всего один раз и притом в обращении к Зевсу (Софокл. Царь Эдип. 1085); или *πατρόπολις* — шуточное *ἄπαξ*, введенное в комедию по образцу *μητρόπολις* Антифаном (фр. 220, 2 Эдм.), не говоря уже о фантастическом *ἑρδρος οἰοσικαφαντοδικοταλαίπωρος*, придуманном опять же к случаю Аристофаном (Осы. 505), — к числу устойчивых социальных понятий оно, конечно, не относится.

Все высказанные здесь соображения ни в коей мере не умаляют высокой оценки рецензируемого двухтомника. Они только показывают, сколько всякого рода размышлений вызывает толкование понятий, так или иначе относимых к сфере социальной терминологии, с какими оттенками значений приходится считаться при их осмыслении, в котором трудно совсем исключить и определенную долю, субъективного восприятия. Бесспорной, во всяком случае, остается констатация, что в дальнейшем любое исследование социальной лексики в древнегреческом языке должно начинаться от материала, тщательно собранного и обобщенного составителями этого прекрасного словаря-справочника.

В. Н. Ярхо

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОГО МИРА,
ОПУБЛИКОВАННОЙ В СССР В 1986 г.*

- VII. СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ.
ПЛЕМЕННЫЙ МИР.
КАВКАЗ И ЗАКАВКАЗЬЕ.
СРЕДНЯЯ АЗИЯ.
РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА.
СБОРНИКИ СТАТЕЙ
370. Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Сб. науч. тр. / Редкол.: В. А. Анохин (отв. ред.) и др. Киев: Наукова думка, 1986. 165 с.
371. Археологические открытия 1984 года. М.: Наука, 1986. 509 с.
372. Археология Украинской ССР. В 3-х т. / Редкол.: И. И. Артеменко и др. Киев: Наукова думка, 1986. Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология / Редкол.: С. Д. Кржицкий (отв. ред.) и др. 591 с.
373. *Кржицкий С. Д.* Антична тематика в Інституті археології за 50 років // Археологія. 1987. Вип. 57. С. 38—44. [Рез. на рус. яз.]
374. Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. Сб. науч. тр. / Одес. археол. музей АН УССР. Редкол.: Г. А. Дзис-Гайко (отв. ред.) и др. Киев: Наукова думка, 1986. 163 с.
375. *Петерс В. Г.* Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья / Отв. ред. Г. А. Кошелевко. М.: Наука, 1986. 191 с.
376. Причерноморье в эпоху эллинизма. Матер. III Всесоюз. симпоз. по древней истории Причерноморья, Цхалтубо, май 1982 г. / Отв. ред. О. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1985. 739 с. [Рез. на англ. яз. Часть текста на нем. и фр. яз.]
Содержание: Предисловие. С. 3—7. Раздел I. Общие проблемы эллинизма. *Лордкипанидзе О. Д.* «Эллинизм», «Эллинистический мир», «Эллинистическая культура» (Трудности дефиниций). С. 8—34; *Маринович Л. П.* Полис и эллинистическая монархия: К пробл. генезиса отношений. С. 34—41; *Свенцицкая И. С.* Некоторые особенности религиозного синкретизма в эпоху эллинизма. С. 41—49; *Сапрыкин С. Ю.* «Северная лига»: Международные отношения в Южном Причерноморье в период ран. эллинизма. С. 49—61; *Циркин Ю. Б.* Эллинизм и периферийные общества (На примере Карфагена). С. 62—69; *Козловская В. И.* Греческие полисы крайнего Запада в эпоху эллинизма. С. 70—78; *Голенко В. К.* Некоторые аспекты денежного обращения и экономической географии раннеселевкидского государства. С. 79—94; *Кржицкий С. Д.* К вопросу об определении количества населения в греческом эллинистическом городе. С. 94—103; *Диккусся С.* 103—129; *Олива Павел.* Der Archaische Band zwischen Makedonien und Sparta. С. 130—139; *Trohani George.* Formations politiques au Bas-Danube entre le IV-e et le I-er siecles av. n. e. С. 139—156; *Guadalupe-Lopez Montaguado.* Le commerce Grec sur la Mer Noire et dans la Peninsule Iberique: le groupe de sculptures de Porcuna et les vases de Kerch. С. 156—164; *Blazquer Martinez J. M.* La sculpture funeraire Iberique et les paralleles a Pont Euxin. С. 164—176; *Bernard P.* Ai Khanoum, Afghanistan. С. 176—184.
- Раздел II. Эллинизм и Причерноморье. А. Северное Причерноморье. *Щеглов А. Н.* О греко-варварских взаимодействиях на периферии эллинистического мира. С. 185—198; *Брашинский И. Б.* Черноморская торговля в эпоху эллинизма. С. 199—206; *Гороховская Л. П., Циркин Ю. Б.* Северное причерноморье и Карфаген. С. 206—212; *Шталь И. В.* Мотивы вазовой живописи в искусстве Северного Причерноморья эллинистического периода. Мифо-эпический мотив борьбы пигмеев с журавлями (Локализация и семантика мифа). С. 213—220; *Лейпунская Н. А.* Эллинистические тенденции в экономике Ольвии. С. 220—233; *Доманский Я. В.* Скифия и Ольвия в раннеэллинистическое время. С. 233—242; *Марченко К. К.* Ойкеты декрета в честь Протогена (IRE, I², 32). К вопросу о зависимости населения Ольвии эллинистического времени. С. 242—256; *Зедгендзе А. А.* О генезисе некоторых проблем истории Херсонеса периода эллинизма. С. 256—266; *Золотарев М. И.* Эллинистическое домашнее святилище в Херсонесе. С. 266—276; *Николаенко Г. М.* Организация хоры Херсонеса Таврического на Гераклеяском полуострове. С. 277—285; *Кач В. И.* Типология и хронология херсонесских магистратских клейм. С. 286—293; *Монахов С. Ю.* Производство амфор в эллинистическом Херсонесе (Вопросы технологии и объема). С. 294—306; *Янушевич Э. В., Николаенко Г. М., Кузьмилова Н. Н.* Виноградарство в Херсонесе Таврическом в IV—II вв. до н. э. по археологическим и палеоботаническим исследованиям. С. 307—320; *Щеглов-Коведяев Ф. В.* О периоде «протоэллинизма» на греческой периферии (На примере Боспора). С. 320—333; *Греч Н. Л.* Нимфей в конце IV—

I вв. до н. э. (Особенности развития). С. 333—341; Яковенко Э. В. К проблеме происхождения предметов торевтики из раннеэллинистических курганов Скифии и Боспора. С. 341—352; Толстиков В. П. Эллинистические элементы в фортификационных системах Боспора. С. 352—365; Молева Н. В. Греческое и варварское в боспорских антропоморфных надгробиях. С. 365—374; Сорокина Н. П. Новые данные по истории архитектурного ансамбля эпохи эллинизма на Азиатском Боспоре. С. 374—382; Дискуссия. С. 382—447; Юсифов Ю. Б., Бабаев И. А. Кавказская Албания в эллинистическую эпоху. С. 448—455; Б. Колхида. Вашадидзе Н., Кахидзе А. Ю. Могильники эллинистического времени в Юго-Западной Грузии. С. 456—458; Воронов Ю. Н. Восточное Причерноморье в системе эллинистического мира. С. 459—468; Личели В. Т. Торгово-ремесленное поселение III—II вв. до н. э. во внутренней Колхиде. С. 468—473; Лордкипанидзе О. Д. Вани в IV—III вв. до н. э. (Об инновациях в материал. культуре). С. 473—489; Маташвили Н. П. Эллинизм и религиозные верования древних колхов. С. 489—497; Муравьев С. Н. Страбон XI. 3.2 «Ханес», «Ройтакес», «Сандобанес» — реки античной Колхиды. С. 498—508; Толордава В. А. Инновации в погребальных обрядах Колхиды эллинистического времени. С. 508—517; Хахутайшвили Д. А., Кахидзе А. Ю. Пичняри в эллинистическую эпоху. С. 517—519; Чкониа А. М. Ювелирное искусство Колхиды в IV—II вв. до н. э. (Вопросы инноваций). С. 519—527; Дискуссия. С. 527—550; Раздел III. Понтийская держава Митридата VI и Причерноморье. Шелов Д. Б. Понтийская держава Митридата Евпатора. С. 551—572; Карышковский П. О. О титуле Митридата VI Евпатора (К вопросу об иранских и эллинских традициях в понтийской державе). С. 572—581; Молев Е. А. Митридат Ктисст — правитель Понта. С. 581—589; Виноградов Ю. Г., Молев Е. А., Толстиков В. П. Новые эпиграфические источники по истории митридатовой эпохи. С. 589—600; Дундуа Г. Ф., Лордкипанидзе Г. А. Грузия и Митридат VI (По нумизматическим данным). С. 601—608; Гилевич А. М. Херсонес и понтийская держава Митридата VI по нумизматическим данным. С. 608—617; Яйленко В. П. Новые эпиграфические данные о Митридате Евпаторе и Фарнаке. С. 617—627; Дискуссия. С. 628—682; Summaries. С. 683—729; Список принятых сокращений. С. 730—737; Алфавитный указатель авторов. С. 733—735.

377. Скржинская М. В. Народы Северного Причерноморья в греческой мифологии эпохи архаики // В № 47. С. 46—53.
 378. Скржинська М. В. Методика дослідження писемних джерел в античної історії північного Причорномор'я // Укр. іст. журн. 1986. № 12. С. 34—41.
 379. Тохтасьев С. Р. Из ономастики Северного Причерноморья // В № 47. С. 69—87.
 380. Финогенова С. И. «Театральные» терракотовые маски Северного Причерноморья // Тез. докл. науч. сессий, посвятивших работам ГМИИ им. А. С. Пушкина за 1985 год. М., 1986. С. 16—18.

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО

381. Алексеева Е. М. Анапская экспедиция в 1973—1984 гг. // КСИА. 1986. Вып. 188. С. 61—69.
 382. Алексеева Е. М. Культы Горгииппии // СА. 1986. № 4. С. 34—52.
 383. Алексеева Е. М., Зуйкова Е. В., Шаверин А. С. Работы Анапской экспедиции // В № 371. С. 87—88.
 384. Алексеева Е. М. Царская тамга на золотом перстне из Горгииппии // В № 48. С. 118—125.
 385. Арсеньева Т. М. Новые находки италийских и западноримских изделий из Танаиса // В № 48. С. 129—135.
 386. Арсеньева Т. М. Раскопки в Танаисе // В № 371. С. 89—90.
 387. Атавин А. Г. Раскопки в Фанагории // В № 371. С. 90—91.
 388. Буравчук Н. П. К вопросу о трансформации мифологических сюжетов на боспорских пеликах // В № 374. С. 84—92.
 389. Васильев А. Н. К вопросу о сопративительстве на Боспоре // В № 47. С. 33—45.
 390. Горлов Ю. В. К истории Фанагории IV в. до н. э. // В № 48. С. 135—137.
 391. Горончаровский В. А. Раскопки Илурата // В № 371. С. 227—228.
 392. Дмитриев А. В., Масленников А. А., Онайко Н. А. Раскопки могильника в урочище Широкая Балка // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 80—84. Памятник I—II вв. в р-не Новоросийска
 393. Долгоруков В. С. Литейная форма из Фанагории // В № 48. С. 145—149.
 394. Долгоруков В. С. Работы Таманско-Фанагорийской экспедиции // В № 371. С. 95—96.
 395. Зинько В. Н. Проблемы исследования хоры Боспора Киммерийского IV—III вв. до н. э. // Вестник ЛГУ. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. 1986. Вып. 3. С. 96—99. [Реуз. на англ. яз.]

396. *Кастанаян Е. Г.* Раскопки Порфмий // *В № 371.* С. 240.
397. *Коровина А. К.* Позднеантичная Гермоноасса (По материалам раскопок 1973—1975 гг.) // *В № 48.* С. 160—168.
398. *Коровина А. К.* Раскопки Гермоноассы в 1985 году // Тез. докл. научн. сессий, посв. итогам работы ГМИИ им. А. С. Пушкина за 1985 год. М., 1986. С. 11—12.
399. *Крыкин С. М.* К вопросу о существовании культа конного героя на Боспоре // Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях. М., 1986. С. 30—45.
400. *Марченко К. К.* Боспорский эмпорий в дельте Дона // *В № 371.* С. 268—269.
401. *Масленников А. А.* Геракл Савромата II // *В № 48.* С. 175—183.
402. *Масленников А. А.* Исследования античных памятников Крымского Приазовья // *В № 371.* С. 269—270.
403. *Молев Е. А.* Археологические исследования Китея в 1970—1983 гг. // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск, 1985. С. 40—67.
404. *Молев Е. А.* Боспор и варвары Северного Причерноморья накануне походов Диофанта // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Ростов-на-Дону, 1986. С. 54—64.
405. *Молев Е. А.* Боспорське місто Кітій VI—III ст. до н. э. (За матеріалами розкопок 1970—1981 рр.) // Археологія. 1986. Вип. 54. С. 33—46. [Рез. на рус. яз.]
406. *Молев Е. А.* Раскопки Китея // *В № 371.* С. 273—274.
407. *Николаева Э. Я.* Работы Ильичевской экспедиции // *В № 371.* С. 105—106.
408. *Николаенко Т. Д., Паромов Я. М.* Разведки на Таманском полуострове // *В № 371.* С. 106.
409. *Паромов Я. М.* Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1981—1983 гг. // КСИА. 1986. Вип. 188. С. 69—76.
410. *Петерс Б. Г.* Раскопки поселения близ с. Михайловка // *В № 371.* С. 292—293.
411. *Савостина Е. А.* Типология и периферизация уступчатых склепов Боспора // СА. 1986. № 2. С. 84—99. [Рез. на англ. яз.]
412. *Сазанов А. В.* Мелкая пластика Боспора I—IV вв. н. э. (Боспорские ритуальные терракоты вида гротесков класса верховного женского божества): Автореф. дис... канд. ист. наук. Ин-т археологии АН СССР. М., 1986. 25 с.
413. *Салов А. И.* Архаическое поселение на окраине Анапы // *В № 48.* С. 188—195.
414. *Сидорова Н. А.* Архаическая керамика из раскопок Пантикапея // Тез. докл. научн. сессий, посв. итогам работы ГМИИ им. А. С. Пушкина за 1985 год. М., 1986. С. 18—20.
415. *Соколова О. Ю.* Комплекс находок IV—III вв. до н. э. из раскопок Нимфея 1970 года // Древние памятники культуры на территории СССР. Л., 1986. С. 43—57.
416. Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина / Под общ. ред. И. Е. Даниловой. М.: Сов. художник, 1984. Вып. 7: Культура и искусство Боспора. Пантикапей. 199 с. Из содержания: *Марченко И. Д.* Раскопки Пантикапея в 1965—1972 годах. С. 3—27; *Толстиков В. П.* О системе обороны акрополя Пантикапея. С. 28—56; *Марченко И. Д.* Об акротериях Пантикапея. С. 57—70; *Сидорова Н. А.* Чернофигурная керамика из Пантикапея (Раскопки 1959—1969 гг.) С. 71—110; *Лосева Н. М.* Аттическая краснофигурная керамика Пантикапея. С. 111—124; *Лосева Н. М.* Аттический краснофигурный стамнос, найденный в Керчи. С. 125—132; *Забелина В. С.* Эллинистическая импортная керамика из Пантикапея. С. 133—152; *Забелина В. С.* Импортные «мегарские» чаши из Пантикапея. С. 153—172; *Финогенова С. И.* Художественная резная кость из Пантикапея. С. 173—180.
417. *Сопова Н. К.* Правление Асандра на Боспоре и некоторые аспекты международных отношений в Причерноморье в освещении русской и советской историографии // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Ростов-на-Дону, 1986. С. 64—77.
418. *Сорокина Н. П.* Родосская амфора с граффити из Кеп // *В № 48.* С. 195—199.
419. *Толстиков В. П.* Новые материалы по истории Пантикапея // Тез. докл. научн. сессий, посв. итогам работы ГМИИ им. А. С. Пушкина за 1985 год. М., 1986. С. 12—14.
420. *Трейстер М. Ю.* К вопросу об изготовлении на Боспоре парадного оружия «скифского» типа // Там же. С. 14—16.
421. *Усачева О. Н.* Новая находка подражания римским денариям из Кеп // *В № 48.* С. 199—201.
422. *Финогенова С. И.* Настенные росписи и мозаичные полы пантикапейского пританея // *В № 48.* С. 205—209.
423. *Цветасева Г. А.* Посвятительные граффити из Горгииппии IV в. до н. э. // *В № 48.* С. 215—217.
424. *Чевелев О. Д.* Раскопки в Керчи // *В № 371.* С. 323—324.
425. *Шилик К. К.* Работы Боспорского отряда // *В № 371.* С. 493.

426. *Шургая И. Г.* Аграрная магия в Илурате // *В № 48.* С. 217—222.
427. *Яковенко Э. В.* О дипломатических контактах Боспора со Скифией времен Атея (К истории международных отношений в Причерноморском регионе) // *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века.* Ростов-на-Дону, 1986. С. 43—54. См. также № 144, 152, 156, 164, 165, 169, 341, 356, 376, 451.

ХЕРСОНЕС
И СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ

428. *Алексеева О.* Керкивитада возвращается (Археологические раскопки в Крыму) // *Вокруг света.* 1986. № 6. С. 48—52.
429. *Беляев С. А.* Работы Херсонесской экспедиции // *В № 371.* С. 213—214.
430. *Дашевская О. Д.* Исследования городища Беляус // *В № 371.* С. 232—233.
431. *Золотарев М. И.* Раскопки в северо-восточном районе Херсонеса // *В № 371.* С. 235—236.
432. *Золотарев М. И.* Херсонес и Ольвия в конце VI—II в. до н. э. (Проблемы взаимоотношений): Автореф. дис... канд. ист. наук. Ин-т археологии АН СССР. Ленингр. отд-ние. Л., 1986. 17 с.
433. *Зубар В. М., Ридов С. Г., Шевченко А. В.* Дослідження склепів пізньантичного часу із Херсонеса в 1981 р. // *Археологія.* 1986. Вип. 54. С. 58—70. [Рез. на рус. яз.]
434. *Зубарь В. М., Сорочан С. Б.* Новый погребальный комплекс II—IV вв. н. э. и экономическое развитие Херсонеса // *В № 370.* С. 101—129.
435. *Зубарь В. М.* О свинцовых зеркалах из некрополя Херсонеса // *В № 48.* С. 150—154.
436. *Зубарь В. М.* Раскопки Западного некрополя Херсонеса // *В № 371.* С. 236—237.
437. *Кадева В. И.* Правовое и социальное положение граждан античного Херсонеса // *В № 48.* С. 155—160.
438. *Кадева В. И.* Раскопки в Херсонесе // *В № 371.* С. 239—240.
439. *Колесникова Л. Г.* Хронология антропоморфных надгробий Херсонеса // *В № 370.* С. 86—101.
440. *Кругликова И. Т.* Башни на сельскохозяйственных усадьбах Гераклеяского полуострова // *В № 48.* С. 168—175.
441. *Кутайсов В. А.* Житловий комплекс IV—II ст. до н. э. в Керкінтіді // *Археологія.* 1986. Вип. 56. С. 61—72. [Рез. на рус. яз.]
442. *Кутайсов В. А.* Раскопки Керкивитады // *В № 371.* С. 259.
443. *Латышева В. А.* Исследования Севе-

- ро-Крымской экспедиции // *В № 371.* С. 263.
444. *Латышева В. А.* Развитие земледелия на территории Херсонесской хоры (По данным поселений Маслины и Гроты) // *Археологические памятники Юго-Восточной Европы.* Курск, 1985. С. 68—86.
445. *Монахов С. Ю.* О некоторых особенностях расчета стандартных мер емкости остродонных амфор // *В № 2.* С. 106—114.
446. *Назарова Т. О.* Краниологічні матеріали із склепів некрополя Херсонеса // *Археологія.* 1986. Вип. 54. С. 70—75. [Рез. на рус. яз.]
447. *Николаенко Г. М.* Исследования на Гераклеяском полуострове // *В № 371.* С. 280—281.
448. *Пальцева Л. А.* К вопросу о формировании гражданской общины Херсонеса // *В № 49.* С. 88—105.
449. *Подольный Р.* Посередине мира. (Археологические раскопки в Херсонесе: V—I вв. до н. э.) // *Знание — сила.* 1986. № 6. С. 36—38.
450. *Рыжов С. Г.* Керамический комплекс III—IV вв. н. э. из северо-восточного района Херсонеса // *В № 370.* С. 130—139.
451. *Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колоний в VI—I вв. до н. э. // *Отв. ред. Е. С. Голубцова.* М.: Наука, 1986. 248 с.
452. *Федоров В. Н.* Некоторые особенности укрепления каменных блоков в зодчестве Херсонеса Таврического IV—II вв. до н. э. // *В № 48.* С. 201—205.
453. *Чубова А. П.* Херсонесские саркофаги с гирляндами и поддерживающими фигурами // *СА.* 1986. № 4. С. 250—253.
454. *Шевченко А. В., Костромичева Т. М.* Деметра и Кора-Персефона в коропластике Херсонеса // *В № 370.* С. 77—86.
455. *Яценко И. В.* Городище Чайка и его округа // *В № 371.* С. 334—335.
456. *Яценко И. В.* Кубок Гигиен // *В № 48.* С. 226—231.
- См. также № 149, 153, 168, 376.

ОЛЬВИЯ И ЕЕ РАЙОН

457. *Буйских С. Б., Иевлев М. М.* О топографии городищ Нижнего побужья первых веков нашей эры // *В № 370.* С. 64—76.
- Оборонительные сооружения ольвийской хоры I в. до н. э. — середины III в. н. э.
458. *Денисова В. И.* Раскопки в Ольвии // *В № 371.* С. 233

459. Денисова В. И. Чернофигурный кра-тер из Ольвии // В № 48. С. 138—145.
460. Клейман И. Б. Стауя актера в обра-зе Паппо-Силена из района Ольвии // В № 374. С. 115—120.
461. Козуб Ю. И. Стекланные бальзама-рии из некрополя Ольвии // В № 370. С. 41—52.
462. Крапивина В. В., Кудренко А. И. Винодельни первых веков нашей эры в Ольвии // В № 370. С. 52—64.
463. Крыжицкий С. Д. Работы Ольвий-ской экспедиции // В № 371. С. 258—259.
464. Левина Э. А. Светильники с мифоло-гическими сюжетами из коллекции ОАМ (I в. н. э.) // В № 374. С. 120—124.
465. Марченко К. К., Доманский Я. В. Античное поселение Кудуруб I // Археол. сб. Гос. Эрмитажа. 1986. Вып. 27. С. 48—60.
466. Марченко К. К. Раскопки поселе-ния Кудуруб I // В № 371. С. 269.
467. Ольвия и ее округа. Сб. науч. тр. / Редкол.: А. С. Русева (отв. ред.) и др. Киев: Наукова думка, 1986. 136 с. Содержание: Крыжицкий С. Д., От-решко В. М. К проблеме формирова-ния Ольвийского полиса. С. 3—17; Буйских С. Б. Некоторые вопросы про-странственно-структурного развития Ольвийской хоры (VI—II вв. до н. э.). С. 17—28; Лейпунская Н. А. Жилой район Ольвии к юго-западу от агоры (1972—1977 гг.). С. 29—47; Русе-ва А. С., Мазарати С. Н. Археологиче-ские исследования у Широкой Балки близ Ольвии. С. 47—58; Виногра-дов Ю. А., Марченко К. К. Античное поселение Лупарево 2. С. 59—68; Анохин В. А. Монеты — стрелки. С. 68—89; Ольговский С. Я. Металл литых монет Нижнего Побужья. С. 89—105; Крапивина В. В. Архаические ве-совые гири Березани и Ольвии. С. 105—111; Скржинская М. В. Грече-ские серьги и ожерелья архаического периода. С. 112—126; Назарчук В. И. Фрагментированный килик из Ольвии. С. 126—133.
468. Островерхов А. С., Отрешко В. М. Новый образец звериного стиля, най-денный близ Ольвии // В № 374. С. 61—66.
469. Охотников С. Б. Раскопки поселе-ния Надлиманское III // В № 371. С. 286—287.
470. Русева А. С. О культурной жизни Ольвии послегетского времени // В № 370. С. 3—25.
471. Русева А. С., Сазонова Н. Г. Кера-мичный комплекс архаичного часу из Ольвии // Археология. 1986. Вып. 55. С. 48—63. [Рез. на рус. яз.]
472. Тарадаш А. М. Фрагмент вазы мас-тера Клеофона // В № 374. С. 82—84. См. также № 149, 150, 151, 161, 163, 376, 432.
- ПРОЧИЕ ОБЛАСТИ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
473. Бокий Н. М. Греко-варварские свя-зи в Причерноморском регионе (По материалам правобережно-днепровско-го пограничья степи и лесостепи VII—III вв. до н. э.) // Международные отно-шения в бассейне Черного моря в древно-сти и в средние века. Ростов-на-Дону. 1986. С. 3—14.
474. Ганжа А. И. Раскопки поселения Козырка IX // В № 371. С. 226.
475. Доманский Я. В., Виноградов Ю. Г., Соловьев С. Л. Березанская археологи-ческая экспедиция в 1982 году. (Пред-варит. итоги) // Древние памятники культуры на территории СССР. Л., 1986. С. 25—36.
476. Клейман И. Б. Исследования Тиры / В № 371. С. 242—243.
477. Кокоржинская Т. Н. Хиосские чер-нолаковые кубки из Никония // В № 374. С. 79—82.
478. Копейкина Л. В. Расписная керами-ка архаического времени из античных поселений Нижнего Побужья и Под-нестровья как источник для изучения торговых и культурных связей // АСГЭ. 1986. Вып. 27. С. 27—47. [Рез. на англ. яз.]
479. Лагочева Н. М., Смытко И. А. Мра-морное изваяние с о. Березань // В № 374. с. 58—60.
480. Мазарати С. Н., Назаров В. В. Ис-следования в районе Березани // В № 371. С. 491—492.
481. Мазарати С. Н. Исследования на о. Березань // В № 371. С. 265.
482. Новиченкова Н. Г. Раскопки святи-лища у Гурзуфа // В № 371. С. 282.
483. Охотников С. Б. Терракоты из ар-хаических поселений Нижнего Под-нестровья // В № 374. С. 66—70.
484. Паршина Е. А. Раскопки Кутлак-ской экспедиции // В № 371. С. 288—289.
485. Рогов Е. Я. Раскопки некрополя по-селения Панское I // В № 371. С. 297—298.
486. Русев Н. Д. Геометрические орна-менты из циркульных окружностей на подвесках римского времени // В № 374. С. 134—142.
487. Секерская Н. М. Керамика группы St. VALENTIN из Никония // В № 374. С. 70—79.
488. Сон Н. А. К истории позднеантич-ной Тиры // В № 370. С. 142—153.
489. Щеглов А. Н. Работы в Черномор-ском районе Крыма // В № 371. С. 333—334.

490. *Абикулова М. И., Былкова В. П.* Работы Херсонского музея // *В № 371*. С. 209.
491. *Абрамова М. П.* Исследования в Карачаево-Черкесии // *В № 371*. С. 86.
492. *Абрамова М. П.* Некоторые особенности погребений III—I вв. до н. э. предгорной зоны Центрального Предкавказья // *Новое в археологии Северного Кавказа*. М., 1986. С. 177—182.
493. *Андрюченко В. П.* Раскопки у с. Пожарная Балка // *В № 371*. С. 209—210.
494. *Андросов А. В.* Надпорожская группа памятников Степной Скифии // Проблемы археологии Поднепровья. Днепрпетровск, 1985. 2. С. 120—127.
495. *Анфимов И. Н.* Погребальный комплекс II в. до н. э. у хут. Элитный (Краснодарский край) // *Новое в археологии Северного Кавказа*. М., 1986. С. 190—197.
496. *Анфимов И. Н.* Работы Новолабинской экспедиции // *В № 371*. С. 88.
497. *Анфимов Н. В.* Античное влияние в меотской керамике // *В № 48*. С. 125—129.
498. *Анфимов Н. В.* Курганный комплекс сарматского времени из бассейна р. Кирпили // *Новое в археологии Северного Кавказа*. М., 1986. С. 183—190.
499. *Аптекарев А. Э.* Комплекс вещей V в. до н. э. из станицы Старокорсунской // *СА*. 1986. № 4. С. 245—249.
500. *Баран В. Д., Гопак В. Д.* Залізні вироби з поселення черняхівської культури поблизу с. Теремці у Придністров'ї // *Археологія*. 1986. Вип. 55. С. 68—76. [Рез. на рус. яз.]
501. *Беспалый Е. И.* Работы Приморского отряда // *В № 371*. С. 91—92.
502. *Бессонова С. С., Скорый С. А.* Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму // *СА*. 1986. № 4. С. 158—170.
503. *Блаватская Т. В.* Известия Геродота о будинском граде Гелоне и его обитателях // *СА*. 1986. № 4. С. 22—23.
504. *Бойко Ю. Н.* Исследования в бассейне Ворсклы // *В № 371*. С. 215—216.
505. *Бойко Ю. Н.* Социальный состав населения бассейна р. Ворсклы в скифское время (VII—III вв. до н. э.): Автореф. дис... канд. ист. наук. МГУ. М., 1986. 19 с.
506. *Болтрик Ю. В.* Раскопки в низовьях Молочной // *В № 371*. С. 216—217.
507. *Буданова В. П.* Древние авторы о размещении готов на Балканах накануне их переселения на теорриторью империи // *ВВ*. 1986. Т. 46. С. 52—58.
508. *Буйнов Ю. В.* Работы Харьковского университета // *В № 371*. С. 219.
509. *Буйских С. Б.* Раскопки поселения Чертоватое VII // *В № 371*. С. 219—220.
510. *Вакуленко Л. В., Приходнюк О. М.* Исследования в Прикарпатье // *В № 371*. С. 220—221.
511. *Вдовиченко И. И., Колтухов С. Г.* Курган скифского времени в Северном Крыму // *СА*. 1986. № 2. С. 235—240.
512. *Виноградов В. Б.* Клад Второго Бельтинского могильника // *КСИА*. 1986. Вып. 186. С. 84—88.
513. *Виноградов В. Б.* Могильники в Чечне // *В № 371*. С. 92—93.
514. *Виноградов Ю. А.* Работы Мирмекийского отряда // *В № 371*. С. 222—223.
515. *Гаврилюк Н. А.* Раскопки поселения Лысая Гора // *В № 371*. С. 225—226.
516. *Гей А. Н., Каменецкий И. С.* Северо-Кавказская экспедиция в 1979—1983 гг. // *КСИА*. 1986. Вып. 188. С. 36—51.
517. *Гей О. А.* О времени возникновения черняховской культуры в Северном Причерноморье // *СА*. 1986. № 1. С. 77—86. [Рез. на англ. яз.]
518. *Гей О. А.* Погребение сарматского времени у хут. Малаи // *КСИА*. 1986. Вып. 186. С. 73—76.
519. *Гмыря Л. Б.* Исследование Паласьютского могильника // *В № 371*. С. 93—94.
520. *Голубчик Л. М.* Скифські мечі та кинджали у збірниках Дніпропетровського історичного музею // *Археологія*. 1986. Вип. 56. С. 78—81.
521. *Гошко Т. Ю., Отроченко В. В.* Погребения киммерийцев в катакомбных и подбойных сооружениях // *СА*. 1986. № 1. С. 168—183.
522. *Гросу В. И.* Сарматское погребение в Поднестровье // *СА*. 1986. № 1. С. 258—261.
523. *Гудкова А. В.* Исследования в бассейне оз. Ялпуг // *В № 371*. С. 230.
524. *Гудкова А. В.* Об одном типе каменных домов на причерноморских черняховских поселениях // *Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья*. Киев, 1986. С. 161—177.
525. *Гудкова А. В.* Орнаментация черняховской сероглиняной керамики с памятников Буджака // *В № 374*. С. 143—159.
526. *Гудкова А. В.* Скифские могильники в низовьях Дуная // *В № 371*. С. 230—231.
527. *Дзиговский А. И., Субботин Л. В.* О верхней дате сарматских памятников Понизовья Дуная // *Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья*. Киев, 1986. С. 150—157.
528. *Евдокимов Г. Л.* Работы Краснознаменской экспедиции // *В № 371*. С. 233—234.

529. *Екимов Ю. Г.* Памятники киммерийского времени в лесостепном Подонье // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1986. С. 124—133.
530. *Засецкая И. П.* Некоторые итоги изучения хронологии памятников гунигской эпохи в южнорусских степях // АСГЭ. 1986. Вып. 27. С. 79—91.
531. *Зінько В. М.* Сільські могилиники Східного та Північно-Західного Криму V—III ст. до н. э. // Археологія. 1986. Вип. 56. С. 24—32. [Рез. на рус. яз.]
532. *Игнатов В. Н.* Бронзовые зеркала из курганов Краснодарского края // СА. 1986. № 3. С. 233—234.
533. *Игнатов В. Н.* Катакомбы сарматского времени из курганов у ст. Хоперская // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 65—68.
534. *Каспарова К. В.* Поздняя фаза зарубинедких могилиников // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 5—25.
535. *Клочко Л. С.* Реконструкція конусоподібних головних уборів скіф'янок // Археологія. 1986. Вип. 56. С. 14—24. [Рез. на рус. яз.]
536. *Ковпаненко Г. Т.* Работы на Днепровском Правобережье // В № 371. С. 248—249.
537. *Ковпаненко Г. Т.* Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев: Наукова думка, 1986. 151 с.
538. *Козак Д. Н.* Исследования на Воляни // В № 371. С. 249—250.
539. *Колтухов С. Г.* Об оборонительных сооружениях цитадели городища Красное (Кермен-Кыр) // СА. 1986. № 1. С. 250—253.
540. *Копылов В. П., Марченко К. К.* К вопросу о взаимодействии этнокультурных массивов на Нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье в V—III вв. до н. э. (Об этнической принадлежности населения Елизаветовского городища) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Ростов-на-Дону, 1986. С. 22—36.
541. *Кореневский С. Н.* Работы Ставропольской экспедиции // В № 371. С. 99.
542. *Кореневский С. Н., Петренко В. Г., Романовская М. А.* Работы Ставропольской экспедиции // КСИА. 1986. Вып. 188. С. 51—60.
543. *Костенко В. И.* Исследования сарматского могилиника на нижнем Днепре // В № 371. С. 252—253.
544. *Косыненко В. М.* Египетский импорт из некрополя Кобыкова городища // СА. 1986. № 3. С. 235—236.
545. *Котигорошко В. Г.* Исследования в Закарпатье // В № 371. С. 253—254.
546. *Ксенофонтова И. В.* Бронзовая чаша из четвертого Уляпского кургана // Науч. сообщ. Музея искусства народов Востока. М., 1986. Вып. 18. С. 172—174.
- Памятник середины V в. до н. э. в Краснодарском крае.
547. *Кузнецова Т. М.* О сюжете изображения на персте царя Скила // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 3—8.
548. *Литтер Ю. А.* К методике исследования стеклянных изделий черняховской культуры // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 56—60.
549. *Лящук П. М.* Нож из позднескифского поселения Доброе // СА. 1986. № 3. С. 232—233.
550. *Магомедов Б. В.* Черняховский могилиник в Винницкой области // В № 371. С. 264.
551. *Максименко В. Е., Захаров А. В., Безуглов С. И.* Исследования курганных могилиников на р. Быстрая // В № 371. С. 100—101.
552. *Максименко В. Е.* К вопросу о времени установления политического господства сарматов в Северном Причерноморье // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Ростов-на-Дону, 1986. С. 36—43.
553. *Максимов Е. В., Петрашенко В. А.* Работы Каневского отряда Днепровской экспедиции // В № 371. С. 265—266.
554. *Мамонтов В. И.* Погребение VIII в. до н. э. из Ильевского курганного могилиника // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 61—63.
555. *Марченко И. И.* Впускные сарматские погребения Правобережья Кубани. (Калин. курган. группа) // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 37—71.
556. *Мазнева О. А.* Работы в Неапольском // В № 371. С. 270—271.
557. *Махортих С. В., Скорый С. А.* Мечі та кинджали скіфського часу без наверхів // Археологія. 1986. Вип. 56. С. 72—78. [Рез. на рус. яз.]
558. *Мельник В. И.* Раскопки в восточном Приазовье // В № 371. С. 105.
559. *Минасян Р. С.* Литые бронзовые котлов у народов степей Евразии (VII в. до н. э.—V в. н. э.) // АСГЭ. 1986. С. 61—78.
560. *Мирошина Т. В.* Новые сарматские погребения в Ставропольском крае // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 69—73.
561. *Мирошина Т. В.* Сарматские погребения Александровского района Ставропольского края // КСИА. 1985. № 184. С. 95—100.
562. *Мирошина Т. В.* Сарматские погребения, исследованные Ставропольской

- экспедицией // СА. 1986. № 2. С. 170—179.
563. Михайлов Б. Д. Нові сарматські поховання на р. Молочній // Археологія. Київ, 1986. Вип. 56. С. 81—88. [Рез. на рус. яз.]
564. Мозолевский Б. Н. К вопросу о скифском Герросе // СА. 1986. № 2. С. 70—83.
565. Моруженко А. А. Животноводство и охота лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в VII—III вв. до н.э. // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1985. 2. С. 128—138.
566. Моруженко А. А. Исследования на территории Донецкой области // В № 371. С. 276—277.
567. Мурзин В. Ю. О работе Чертомлыкской экспедиции // В № 371. С. 277—278.
568. Мурзин В. Ю. Про утворення Прівнопричорноморської Скіфії // Археологія. 1986. Вип. 55. С. 1—10. [Рез. на рус. яз.]
569. Некрасова А. Н. Могильник черняховской культуры под г. Сумы // В № 371. С. 279—280.
570. Обломский А. М. Культурно-типологические группы позднезарубинецких памятников Подесенья и их взаимоотношение с деснянским вариантом киевской культуры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 39—67.
571. Обломский А. М. Опыт классификации и хронологии фибул с треугольным щитком на ножке (так называемых зарубинецких) // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 50—56.
572. Ольховский В. С. Раскопки в Сакском районе Крыма // В № 371. С. 284.
573. Орел В. Э. Комментарий к Hdt. IV. 94. 4 // В № 47. С. 116—123.
574. Отращенко В. В., Рассмакин Ю. Я. Раскопки скифского кургана у с. Великая Знаменка // В № 371. С. 285—286.
575. Паньков С. В. Черная металлургия племен лесостепной зоны Восточной Европы в конце I тысячелетия до нашей эры — первой половине I тысячелетия нашей эры: Автореф. дис... канд. ист. наук. Ин-т археологии АН УССР. Киев, 1986. 16 с.
576. Пелешин М. А., Позіховський О. Л. Охоронні розкопки поселення VIII—VII ст. до н.е. поблизу с. Хорів на Горині // Археологія. 1986. Вип. 53. С. 87—91. [Рез. на рус. яз.]
577. Пеняк С. И., Попович И. И. Работы Закарпатской экспедиции // В № 371. С. 290.
578. Переводчикова Е. В. Воспроизведение вида животного в скифском зверином стиле // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 8—14.
579. Петренко В. Г. О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 158—177.
580. Плешкова С. Л. Проблема происхождения галлов во французской публицистике XVI в. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1986. № 4. С. 65—74.
581. Пузикова А. И. Работа скифо-сарматского сектора в 1983—1984 гг. // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 105—108.
582. Радзиевская В. Е. Исследования на Харьковщине // В № 371. С. 296—297.
583. Раев Б. А. Погребение прохоровской культуры у Новочеркасска // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 63—65.
584. Рафалович И. А. Данчены. Могильник черняховской культуры. III—IV вв. н. э. / Отв. ред. В. В. Кропоткин. Кипшинев: Штиинца, 1986. 222 с. [Рез. на англ. и фр. яз.]
585. Рикман Э. А. Одежда народов Восточной Европы в раннем железном веке. Скифы, сарматы и гето-даки (середина I тыс. до н.э.—середина I тыс. н.э.) // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 7—29.
586. Романовская М. А. Аланское погребение из Ставрополя // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 77—80.
587. Рябова В. А. Металлические кубки из скифских курганов // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986. С. 138—149.
588. Санжаров С. Н. Раскопки курганов в Донбассе // В № 371. С. 305—306.
589. Симоненко О. В. Пізньоскіфський комплекс з с. Мар'івка Миколаївської обл. // Археологія. 1986. Вип. 55. С. 63—68. [Рез. на рус. яз.]
590. Скиба Л. Є. Знахідка ливарної формочки III ст. н. е. в Києві // Археологія. 1986. Вип. 53. С. 68—72 [Рез. на рус. яз.]
591. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья / Е. В. Черненко, С. С. Бессонова, Ю. В. Болтрик и др. Отв. ред. Е. В. Черненко, С. С. Бессонова. Киев: Наукова думка, 1986. 368 с.
592. Смирнова Г. И. Скифское поселение у с. Долиняны (Раскоп «у тока») // Древние памятники культуры на территории СССР. Л., 1986. С. 37—42.
593. Сорокина И. А. Курганный могильник Греки IV в степном Прикубанье // КСИА. 1986. Вып. 188. С. 114—122.
594. Сорокина Н. П., Дзиговский А. Н., Трейстер М. Ю. Бронзовое прямоугольное зеркало в орнаментированном футляре из сарматского погребения у с. Михайловка // В № 374. С. 124—134.
595. Талтаджян С. А. Идеализация скифов: Эфор и предшествующая ему традиция // В № 47. С. 53—68.

596. *Терехова Н. Н.* Технология изготовления железных изделий из могильника Султан-гора III // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 21—25.
597. *Тоцев Г. И.* Курганы эпохи бронзы у оз. Ялпуг // В № 371. С. 319.
598. *Фялко Е. Е., Болтрик Ю. В.* Ларец из кургана Огуз // СА. 1986. № 2. С. 241—247.
599. *Фялко О. С.* Киммерийские похоронения поблизу Молочного лиману // Археология. 1986. Вып. 56. С. 58—61. [Рез. на рус. яз.]
600. *Фокеев М. М.* Типы сарматских могильников в Буджакской степи // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986. С. 157—161.
601. *Хачеу В. П.* Гетский могильник у с. Спея // В № 371. С. 388.
602. *Храпунов И. Н.* Раскопки Булганакского городища // В № 371. С. 321.
603. *Чалый В. В., Белинский И. В., Перевозчиков В. И.* Работы Азовской экспедиции // В № 371. С. 109—110.
604. *Шарафутдинова Э. С.* Раскопки в зоне Краснодарского водохранилища // В № 371. С. 111.
605. *Широкова Н. С.* Бибракте — город древних кельтов // В № 49. С. 132—151.
606. *Шлетте Ф.* Кельты между Алезией и Пергамом. История кельтской культуры / Пер. с нем. Ю. Селирауд. Таллин: Валгус, 1986. 183 с. [На эст. яз.]
607. *Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д.* К вопросу о железообрабатывающем ремесле в степной Скифии // СА. 1986. № 2. С. 156—169.
608. *Шрамко Б. А.* Раскопки города Гелона // В № 371. С. 332—333.
609. *Щегельский Г. Г.* Техника обработки керамичного посуду VII ст. до н. э.—II ст. н. э. в Среднем Подністров'і // Археология. 1986. Вып. 54. С. 13—26. [Рез. на рус. яз.]
610. *Щербакова Т. А.* Черняховский могильник у с. Чалык // В № 371. С. 389.
611. *Янушевич Э. В., Кузьмина Н. Н., Щербакова Т. А.* Растительные остатки из поселения позднеримского времени Чалык II на территории Молдавии // Флора и растительность. Кишинев, 1986. С. 73—84.
612. *Яценко С. А.* Диадемы степных кочевников Восточной Европы в сарматскую эпоху // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 14—20.
- См. также № 145, 158, 376, 403.

КАВКАЗ И ЗАКАВКАЗЬЕ

613. *Аветисян Г. Г.* Раскопки Кагни Хача // В № 371. С. 425.
614. *Акопян А. М.* Каменные ядра из Арташата // В № 48. С. 232—237.
615. *Акопян А. П.* Римская система укреплений на границе Малой и Великой Армении // ИФЖ. 1986. № 4. С. 138—155. [На арм. яз. Рез. на рус. яз.]
616. *Александров А. И.* О терракотовых статуэтках из древней Шемахи // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1980—1981 гг.). Баку, 1986. С. 18—22.
617. *Алексеев А.* Греческая керамика из Александропольского кургана // СГЭ. 1986. № 51. С. 35—38.
618. *Алиев В. Г., Агазаде Т. Д.* О бронзовом грифоне, обнаруженном на территории сел. Загалы // Изв. АН АзССР. Сер. истории, философии и права. Баку, 1986. № 3. С. 75—80. [На азерб. яз. Рез. на рус. яз.]
619. *Алиев К. Г.* Античные источники по истории Азербайджана. Баку: ЭЛМ, 1986. 131 с.
620. *Амаян С. Г.* Культурные сооружения, жречество, ритуалы и представления о трехчастности вселенной в Урарту // ИФЖ. 1986. № 1. С. 113—133. [На арм. яз. Рез. на рус. яз.]
621. *Андреева М. В., Козенкова В. И.* Комплекс начала I тысячелетия до н. э. из урочища Клин-яр (Кисловодская котловина) // СА. 1986. № 1. С. 253—258.
622. *Апакидзе А. М., Николаишвили В. В.* Мцхетская экспедиция // В № 371. С. 391—392.
623. *Апакидзе Дж. Б. К* вопросу производства цветных, каменных и стеклянных бус в древней Колхиде // Сообщ. АН ГССР. 1986. Т. 123. № 3. С. 657—660. [На груз. яз. Рез. на рус. и англ. яз.] По материалам раскопок двух поселений VIII—VI вв. до н. э.
624. *Аракелян Б. Н., Хачатрян Ж. Д.* Раскопки Арташата // В № 371. С. 426.
625. *Арсланов Г. Г.* Шамхорский могильник. Баку: ЭЛМ, 1986. 11 с. Памятник VII—IV вв. до н. э. в Азербайджане.
626. *Ахведиани Д. В.* Черепица Грузии эллинистической эпохи по материалам Ванского городища. Автореф. дис. .. канд. ист. наук. Ин-т археологии и этнографии АН АрмССР. Ереван, 1986. 24 с.
627. *Ахундов Д. А.* Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана. Баку: Азернешр, 1986. 311 с. [Рез. на англ. яз.]
628. *Бабаев И. А., Рахманов А. А.* Новые исследования на городище античного времени в Кабале // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1980—1981 гг.). Баку. 1986. С. 32—35.
629. *Батчаев В. М.* Сармато-аланские элементы в традиционной культуре балкарцев // Новые материалы по ар-

- хеологии Центрального Кавказа в древности и средневековье. Орджоникидзе, 1986. С. 154—172.
630. *Богочадзе А. В.* Городище античной эпохи Дзалиса // Тр. ТГУ. 1984. Т. 249. С. 56—85.
631. *Вашакидзе В. В.* К уточнению значения одного термина в «Географии» Страбона // Изв. АН ГССР. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусства. 1986. № 4. С. 104—109. [На груз. яз. Рез. на рус. яз.]
632. *Виноградов В. Б., Нераденко Т. Н.* К вопросу о южных связях кобанских племен: Бронзовые оружия и орудия труда // Изв. АН ГССР. Сер. истории археологии, этнографии и истории искусства. 1986. № 1. С. 37—57.
633. *Виноградов В. Б., Петренко В. А.* Погребения сарматского времени из Ханкальских могильников // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 15—36.
634. *Гаглов Р. Х.* Могильник Морго позднеантичного времени в Южной Осетии // Изв. Юго-Осетинского НИИ. Тбилиси, 1985. Вып. 29. С. 18—21.
635. *Гаглов Р. Х.* Работы Монастырского отряда // В № 371. С. 394—395.
636. *Гадиров Ф. В.* О полевых исследованиях сельбирского (кабалинского) археологического отряда (1980) // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1980—1981 гг.). Баку, 1986. С. 42—44.
637. *Гамбашидзе О. С.* Месхет-Джавახетская экспедиция // В № 371. С. 396.
638. *Гозиберидзе Н. В.* К вопросу о датировке украшений, декорированных «перлам». (По археологическим материалам Грузии) // Изв. АН ГССР. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусства. 1986. № 2. С. 153—167. [На груз. яз. Рез. на рус. яз.]
639. *Гоиладзе В. И.* Вопросы истории Грузии, Албании и Армении в третьем томе «Истории древнего мира» // Вопросы истории феодальной Грузии. Тбилиси, 1986. 5. С. 16—25. [На груз. яз. Рез. на рус. яз.]
640. *Голубкина Т. И., Рагимова М. Н.* Свинце в материальной культуре Кавказской Албании // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1980—1981 гг.). Баку, 1986. С. 37—42.
641. *Давудов О. М.* Погребальный обряд населения Южного Дагестана в албанское время (III в. до н. э.—III в. н. э.) // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986. С. 49—70.
642. *Джапаридзе В. В.* Исследования в Эгриси // В № 371. С. 397—398.
643. *Джафаров Г. Ф.* Исследования в Ходжалах // В № 371. С. 418.
644. *Есян С. А., Зардарян М. О.* О некоторых привозных изделиях, обнаруженных в Ошакане / ИФЖ. 1985. № 4. С. 152—161. [На арм. яз. Рез. на рус. яз.]
645. *Есян С. А.* Раскопки Ошакана в 1985 г. // Вестник Ереванского гос. ун-та. 1985. № 3. С. 28—29. Архитектурный комплекс дворцовых сооружений начала VII—VI вв. до н. э. Ванского царства.
646. *Есян С., Канецян А.* Формы и конструкция античных погребений Ошакана // Вестник обществ. наук. АН АрмССР. 1986. № 1. С. 66—73. [На арм. яз. Рез. на рус. яз.]
647. *Зарян А. К.* Очерки по истории древнего и средневекового градостроительства Армении. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1986. 203 с. [На арм. яз.]
648. *Инадзе М. П.* Храмовые центры древней Колхиды // Изв. АН ГССР. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусства. 1986. № 4. С. 33—53. [На груз. яз. Рез. на рус. яз.]
649. *Ишханян Р. А.* Вопрос о древнейших государствах и населении Армянского нагорья // Вестник Ереванского гос. ун-та. Обществ. науки. 1986. № 1. С. 101—121. [На арм. яз. Рез. на рус. яз.]
650. *Квицинадзе К. Д.* Цнисисхевский могильник // В № 371. С. 399.
651. *Квициния В. К., Шенкао Н. К.* О находках в с. Атара // В № 371. С. 399.
652. *Керефов Б. М.* Новые погребальные комплексы скифского времени из Кабардино-Балкарии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа в древности и средневековье. Орджоникидзе, 1986. С. 33—44.
653. *Козенкова В. И.* Пседахский могильник кобанской культуры (по раскопкам 1976—1977 гг.) // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 134—158.
654. *Ланчава О. И., Квириквелия Г. Т., Личели В. Т.* Работы Кутаисской экспедиции // В № 371. С. 399—400.
655. *Ломоури Н. Ю.* К выяснению некоторых сведений «Notitia dignitatum» и вопрос о так называемом Понтийском лимесе // ВВ. 1986. Т. 46. С. 59—74.
656. *Лордкипанидзе Г. А.* Некоторые вопросы истории античной культуры Грузии // В № 48. С. 237—242.
657. *Лордкипанидзе Г. А.* Раскопки некрополя в Пицунде // В № 371. С. 400.
658. *Лордкипанидзе О. Д.* Археология и древняя Колхида. Тбилиси: Сабчота сакартвело, 1986. 152 с. [На груз. яз.]
659. *Лордкипанидзе О. Д.* Раскопки в Вани // В № 371. С. 401.

660. *Мамедов И.* Торговля и торговые пути древнего Азербайджана (IV в. до н. э.— III в. н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Азерб. пед. ин-т им. В. И. Ленина. Баку, 1987. 25 с.
661. *Мамедова Ф.* Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н. э.— VIII в. н. э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ин-т истории АН АзССР. Баку, 1986. 44 с.
662. *Мамедова Ф.* Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н. э.— VIII в. н. э.). Баку: Элм, 1986. 282 с. [Рез. на азерб. и англ. яз.] Рец.: *Алиев И.* Серьезный вклад в албанистику // Изв. АН АзССР. Сер. истории, философии и права. Баку, 1986. № 4. С. 111—114.
663. *Мирианавили Н. Г.* Новоткрытый античный памятник из с. Агахани // Тр. ТГУ. 1984. Т. 249. С. 35—55.
664. *Мухизулашевили Н. З.* Раскопки в с. Варсимаанткари // В № 371. С. 403—404.
665. *Нуриев А. Б., Касимов Э. А., Дадашлева С. А.* Раскопки в Галаджике // В № 371. С. 424.
666. *Османов Ф. Л., Джабиев Г. Дж.* Акрополь на Гырлартепе // В № 371. С. 424.
667. *Османов Ф. Л., Джабиев Г. Дж., Рамазанов Г. Х.* Природа и люди по раскопкам античного поселения Узунбойлар // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1980—1981 гг.). Баку, 1986. С. 85—89.
668. *Панцхава Л. Н.* Некоторые вопросы колхидской и кобанской культур (По материалам чабарух. и пасанаур. кладов) // Вестник Музея Грузии им. Джанашиа. 1986. Вып. 38-В. С. 23—24.
669. *Петросян С.* Древнейшие названия Черного моря, озер Уршия и Ван в свете мифологических предположений древних армян // Вестник обществ. наук АН АрмССР. 1986. № 4. С. 53—64.
670. *Сланов А. Х.* Некоторые итоги исследования Кливанского могильника // Известия Юго-Осетинского НИИ. Тбилиси, 1985. Вып. 29. С. 3—17. Памятник позднекобанской культуры.
671. *Сланов А. Х.* Раскопки Второго Кливанского могильника // В № 371. С. 408.
672. *Техов Б. В.* Раскопки Тлийского могильника // В № 371. С. 408—409.
673. *Тирицян Г. А.* Армения в VI в. до н. э.— III в. н. э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук в форме науч. докл. Ин-т истории АН АрмССР. Ереван, 1985. 56 с.
674. *Тирицян Г. А.* Раскопки древнего Армавира // В № 371. С. 436—437.
675. *Тоникян А.* Типы кладки жилых сооружений в древнем Арташате (Попытка классификации) // Изв. АН АрмССР. 1986. № 8. С. 94—99. [На арм. яз.]
676. *Хазарадзе Н. В.* Этнополитические проблемы древней истории Грузии (Мо-схи): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ин-т истории, археологии и этнографии АН ГССР. Тбилиси, 1985. 50 с.
677. *Халилов Д. А.* Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н. э.— III в. н. э.). Баку: Элм, 1985. 277 с.
678. *Хачатрян Ж. Д.* О сисианском скле-пе с уступчатым перекрытием и происхождении «ложного свода» в Ар-мениии // В № 48. С. 243—248.
679. *Цхитишвили Г. Г., Гетадзе Д. П.* Раскопки в Каспском районе // В № 371. С. 411.
680. *Чамчянц М.* История Армении. С древнейших времен до 1784 г. В 3 т. Ереван: Изд-во Ерев. гос. ун-та, 1985. Т. 1. С древнейших времен до 441 г. 1985. 803 с.
681. *Чейшвили Г. Г.* К вопросу о лока-лизации Париадра // Изв. АН ГССР. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусства. 1986. № 3. С. 118—127. [На груз. яз. Рез. на рус. яз.]
682. *Чихладзе В. В., Робакидзе Ц. В.* Изучение Жинвальского могильника // В № 371. С. 412.
683. *Шамба Г. К.* Работы в пос. Крас-ный Маяк // В № 371. С. 414.
684. *Шамба С. М., Козабян Б. С.* Рас-копки Гюэноса // В № 371. С. 413. См. также № 160, 376.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

685. *Абдулгазиева Б.* Раскопки на горо-дище Кургантепе // История матер. культуры Узбекистана. Ташкент, 1986. Вып. 20. С. 60—68.
686. *Абдуллаев К. А., Аннаев Т. Д.* Изоб-ражение слона в искусстве античной Бактрии (Археологические данные) // Природа. 1986. № 5. С. 46—49.
687. *Андрианов Б. В., Мухамеджанов А. Р.* Роль привагции в социальной истории древней Средней Азии // Древ-ние цивилизации Востока. Материалы II сов.-амер. симпоз. Ташкент, 1986. С. 34—44.
688. *Акишев К. А.* Экономика и общест-венный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней (V в. до н. э.— V в. н. э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ин-т археологии АН СССР. М., 1986. 49 с.
689. *Александров В. П., Голман И. И.* Антро-пологический состав и происхождение населения, оставившего могильник Ко-кэль // Проблемы антропологии древ-него и современного населения Совет-ской Азии. Новосибирск, 1986. С. 87—107.

- Памятник гунно-сарматского времени в Туве.
690. *Алекшин В. А.* Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (По археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). Л.: Наука, 1986. 191 с.
691. *Беленицкий А. М., Мешкерис В. А.* Змей-драконы в древнем искусстве Средней Азии // СА. 1986. № 3. С. 16—27.
692. *Беляева Т. В.* Архаический, античный и раннесредневековый Ходжент по данным письменных и археологических источников // Исследования по истории и культуре Ленинабада. Душанбе, 1986. С. 82—100.
693. *Беляева Т. В.* Городище Нуртепа // В № 371. С. 478.
694. *Бульгина Т. Н.* Новые находки египетских изделий в Фергане // СА. 1986. № 2. С. 247—253.
695. *Буряков Ю. Ф.* Археологические материалы к этнической истории бассейна Средней Сырдарьи в древности и средневековье // Матер. к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986. С. 50—67.
696. *Буряков Ю. Ф.* К динамике становления и развития городской жизни Ташкентского оазиса (Типол., функция и пространств. анализ) // Древние цивилизации Востока. Материалы II Сов.-амер. симпоз. Ташкент, 1986. С. 67—81.
697. *Буряков Ю. Ф., Филанович М. И.* Первый советско-французский коллоквиум по проблеме истории городской культуры Бактрии — Тохаристана и Согда // ОНУ. 1986. № 10. С. 68—70.
698. Городская среда и культура Бактрии — Тохаристана и Согда (IV в. до н. э. — VIII в. н. э.). Тез. докл. сов.-фр. коллоквиума. Самарканд, 25—30 авг. 1986 г. / Отв. ред. Г. А. Пугаченкова. Ташкент: Фан, 1986. 128 с.
699. *Грицина А. А., Алимов К.* Каунчинские печати // История матер. культуры Узбекистана. Ташкент, 1986. Вып. 20. С. 36—45.
700. *Дресвянская Г. Я.* Исследования Камышинского маршрутного отряда // В № 371. С. 458.
701. *Загьялов В. А.* Раскоп 6 на городище Зартепе // В № 371. С. 458—459.
702. *Исаков А.* Саразм. Горизонты древней цивилизации (Материалы археологических раскопок в Средней Азии) // Комментар. Г. Кошеленко // Наука и жизнь. 1986. № 4. С. 78—81.
703. *Исамиддинов М., Хасанов М.* К вопросу о специализации ремесленного производства древнего Согда (По материалам Еркургана) // История матер. культуры Узбекистана. Ташкент, 1986. Вып. 20. С. 50—60.
704. *Коляков С. М.* Раскопки поселения Гяур 3 // В № 371. С. 471.
705. *Крашенинникова Н. И.* Древнеземледельческий оазис Южного Согда // В № 371. С. 461.
706. *Кругликова И. Т.* Дильберджин. Храм Диоскуров. Материалы сов.-афг. археол. экспедиции / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука, 1986. 119 с.
707. *Лобачева Н. П.* К истории календарных обрядов у земледельцев Средней Азии // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. Ист.-этногр. очерки. М., 1986. С. 6—31.
708. *Логинов С. Д.* Материалы к истории денежного обращения Апаварктикены // Изв. АН ТуркмССР. Сер. обществ. наук. 1986. № 4. С. 34—42.
709. *Логинов С. Д.* Проблема локализации Апаварктикены и ее центра Апаварктики // Там же. 1985. № 5. С. 63—69.
710. *Лоховиц В. А., Рапопорт Ю. А.* Раскопки на Топраккале // В № 371. С. 461—462.
711. *Лунина С. Б., Усманова З. И.* Персонаж со змеями на фрагменте оссуария // ОНУ. 1986. № 5. С. 37—40.
712. *Мамбетуллаев М. М., Ягодин В. Н.* К оценке хронологии и исторической динамики культурного слоя древней Хивы // ОНУ. 1986. № 8. С. 43—51.
713. *Мамбетуллаев М.* Находки из Хумбузтепе // В № 371. С. 463.
714. *Мамбетуллаев М.* Топрак-кала Хивинская (раскопки 1973—1974 гг.) // Археология Приаралья. Ташкент, 1986. Вып. 3. С. 65—73.
715. *Мамбетуллаев М.* Топрак-кала Шаватская (раскопки 1979—1980 гг.) // Там же. С. 12—51.
716. *Массон В.* Кочевнические компоненты кушанского археологического комплекса // В № 48. С. 258—264.
717. *Мукашева Р. Р.* О типологии городов древней Средней Азии // Вопросы археологии, древней истории и этнографии. Самарканд, 1985. С. 51—57.
718. *Мухамеджанов А. Р., Мирзаалмедов Д. К., Адылов Ш. Т.* К изучению исторической топографии и фортификации Бухары // История матер. культуры Узбекистана. Ташкент, 1986. Вып. 20. С. 98—113.
719. *Негматов Н. Н., Беляева Т. В.* Проблемы начального этапа урбанизации Уструшаны (по материалам Нуртепа) // Древние цивилизации Востока. Материалы II сов.-амер. симпоз. Ташкент, 1986. С. 181—188.
720. *Пидаев Ш. Р.* Костяная статуэтка с городища Старого Термеза // ОНУ. 1986. № 9. С. 40—42.

721. *Пичикян И. Р.* Раскопки храма Окса // *В № 371*. С. 482.
722. *Пугаченкова Г. А.* Об эфталитской чаше из Чилека // *В № 48*. С. 273—279.
723. *Пугаченкова Г. А.* Очажные подставки из Булакбаши (К идеологии древнего скотоводческого населения Самаркандского Согда) // ОНУ. 1986. № 5. С. 34—37.
724. *Пьянков И. В.* Александрия Крайняя в известиях античных авторов // Исследования по истории и культуре Ленинабада. Душанбе, 1986. С. 73—81.
725. *Пьянков И. В.* Восточный Туркестан в свете античных источников // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986. С. 6—23.
726. *Ртвеладзе Э. В., Сагдуллаев А. С.* Памятники минувших веков. Ташкент: Узбекистан, 1986. 134 с. Древняя история и культура Бактрии и Согда.
727. *Ртвеладзе Э. В.* Стена Дарбанда Бактрийского // ОНУ. 1986. № 12. С. 34—39.
728. *Сагдуллаев А. С.* Два редких сосуда из Даратепе // ОНУ. 1986. № 3. С. 50—51.
729. *Сарианиди В. И.* Монументальный комплекс Тоголок 21 в Маргиане // *В № 371*. С. 473—474.
730. *Ставиский Б. Я.* Исследование Каратепе в Старом Термезе // *В № 371*. С. 466—467.
731. *Ставиский Б. Я.* Четверть века на Каратепе (Записки начальника археологической экспедиции). Ташкент: Узбекистан, 1986. 64 с. Буддийский культовый центр II—III вв. в Старом Термезе.
732. *Тургунов Б.* Раскопки буддийского храма на Дальверзвинтепе // *В № 371*. С. 468—469.
733. *Филанович М. И.* Две находки на Шаштепе в Ташкенте // История матер. культуры Узбекистана. Ташкент, 1986. Вып. 20. С. 45—50. К исследованию городской культуры Парфии.
734. *Хожаниязов Г.* Ангка-кала — позднеантичная крепость древнего Хорезма (О памятнике архитектуры I—III вв. По археологическим данным) // Вестник Каракалп. фил. АН УзССР. 1986. № 1. С. 57—64. [Рез. на англ. яз.].
735. *Яблонский Л. Т.* К этногенезу населения Северной Туркмении (Могильник раннесакского времени Сакарчага 3) // СЭ. 1986. № 5. С. 45—54. См. также № 155, 159, 167, 376.

Сост. А. Н. Старицын

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

© 1990 г.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ДЕРЕВА И ГИПСОВЫЕ УКРАШЕНИЯ ДЕРЕВЯННЫХ САРКОФАГОВ ИЗ ПАНТИКАПЕЯ В СОБРАНИИ ЛУВРА

В коллекциях греко-римских древностей крупнейших музеев мира далеко не ведущее место занимают изделия боспорских ремесленников, относящиеся к первым векам новой эры. Однако их художественное своеобразие и культурно-историческая ценность несомненны. Они всегда были привлекательны для исследователей-антиковедов как источник изучения экономики, быта и идеологии населения Боспора¹.

Круг памятников боспорской истории периода первых веков н. э. широк, и едва ли не главную роль среди археологических материалов играют те, что происходят из некрополей городов, прежде всего Пантикапея. Уникальной по объему и качеству этих материалов коллекцией располагает Государственный Эрмитаж. Значительны и ценны собрания керченских древностей в таких музеях, как Государственный Исторический музей и Государственный Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве, Одесский Археологический музей, Киевский музей западного и восточного искусства, Керченский историко-культурный заповедник. Многочисленны памятники римского времени с территории Северного Причерноморья и в ряде европейских музеев — в Лувре, Британском и Оксфордском музеях, национальных музеях Праги и Варшавы, в государственных музеях Берлина и Художественном музее в Бонне. Представлены причерноморские древности и в других музейных и частных собраниях Европы и США.

На материалах коллекций глубоко и всесторонне изучались разные группы памятников из погребений боспорской знати и рядовых захоронений. Обширна литература, посвященная исследованию керамики, стекла, терракот, надгробий, изделий из металла и дерева. Пожалуй, менее других освещен в литературе такой вид ремесленной продукции, как гипсовые накладные украшения на деревянные саркофаги. Эта разновидность погребального декора использовалась для оформления гробниц состоятельной частью населения Боспора и была распространена в I—II вв. н. э.

Самой богатой коллекцией гипсовых наклепных украшений обладает Государственный Эрмитаж, причем собрание, основа которого была заложена в прошлом веке и в первые десятилетия нынешнего, в настоящее время значительно пополнилось. К украшениям саркофагов из погребальных комплексов некрополя Пантикапея и покупкам отдельных коллекций² теперь прибавились находки из земляных и каменных гробниц нимфейского некрополя³.

Судьба вещей, извлеченных из погребений некрополя Пантикапея в XIX в., различна — долгий путь проделали многие из них, пройдя через руки собирателей и люби-

¹ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.— Л., 1949. С. 349.

² В частности — собрания А. А. Бобринского и эльтигенского землевладельца-коллекционера А. В. Новикова.

³ Археологические исследования некрополя Нимфея проводились в 1966—1967 гг. и с 1973 по 1978 г. экспедицией Гос. Эрмитажа под руководством Н. Л. Грач.

телей старины, прежде чем осели в музейных собраниях. Случалось, что разрознились комплексы и находки из одного погребения попадали в итоге в разные музеи. Так, известно, что даже части одного деревянного саркофага хранятся в коллекциях Эрмитажа и Лувра ⁴. Упоминались и гипсовые украшения с решеткой саркофага, происходящего из Керчи, хранимые в Лувре ⁵.

Ввиду того, что луврская коллекция древностей из Пантикапея в значительной степени дополняет аналогичное эрмитажное собрание, особенно важным представляется выход в свет в 1986 г. каталога деревянных и гипсовых изделий из Лувра, подготовленного в результате многолетнего сотрудничества хранителем Отдела греко-римских древностей Лувра П. Пинелли и научным сотрудником Института истории материальной культуры Польской Академии наук А. Вонсович ⁶.

В издание включено более сотни предметов — резные и налепные украшения саркофагов и их фрагменты, ларцы, пиксиды, веретена, поступившие в Лувр из Керчи и ее окрестностей во второй половине XIX в. и в 1920 г. Несмотря на то что данные луврских инвентарных книг скупо информируют о путях проникновения исследуемых вещей в Париж, авторы указывают четыре источника пополнения коллекции пантикапейских древностей в крупнейшем музее Франции.

Так, некоторые гипсовые изделия (6 шт.) и терракоты поступили в 1889 г. благодаря покупке Феардена через посредство Кариакова. Против описания этих вещей имеется пометка: «набор предметов, найденных в могилах Керчи». Пометка «передано г-ном Рейнаком как анонимный дар» значит против группы гипсовых украшений (15 шт.), поступивших в 1897 г. ⁷ Однако в книге поступлений Лувра упоминается и фамилия одного из дарителей — генерала А. Л. Бертье-Делагарда ⁸. Третьим источником пополнения коллекции керченских древностей стала покупка в 1920 г. довольно значительного собрания Месаксуди — вещи происходили из раскопок на принадлежащей ему земле и из коллекций Терлецкого, де Бока, либо были приобретены у крестьян Керчи и Тамани ⁹. Часть коллекции Месаксуди находится ныне также в музее Сен-Жермен ¹⁰.

Отмечен и еще один источник пополнения луврского собрания. Приведена ссылка на письмо г-на Лонгперье, хранителя Отдела древностей Лувра, директору Musée du Vozâg от 28 февраля 1856 г. «Об отправке древностей, захваченных французскими войсками во время Крымской войны (1854—1856 гг.) в Керченском музее и новых вещей — в музее Севастополя». В письме сообщается, что Лувр не располагал до тех пор подобными древностями. Особо выделяются 20 фигурок из белого гипса с раскраской (мифологические персонажи и головы Медузы) — «прилепы негреческие и невысокохудожественные».

⁴ Имеется в виду саркофаг из Змеиного кургана и фрагментированная кариатида, принадлежность которой этому саркофагу доказана учеными (*Coche de la Ferté E. Une identification archéologique par examen microscopique // La Revue des Arts. 1951. № 3. Wąsowicz A. Objets antiques en bois des collections du musée du Louvre de Paris // Archeologia. 1964. XV; Сокольский И. И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М., 1969. С. 31—35. Табл. 14—17 (1, 2). № 22; он же. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971. С. 122; Vaulina M., Wąsowicz A. Bois grecs et romains de l'Ermitage. Wrocław—Warszawa — Kraków — Gdansk, 1974. P. 52—58. № 2. Fig. 5—9. Pl. XII—XV).*

⁵ Сокольский. Античные деревянные саркофаги... С. 61. Табл. 32, 8. № 82.

⁶ Pinelli P., Wąsowicz A. Catalogue des bois et stucs grecs et romains provenant de Kertch. Musée du Louvre. P., 1986.

⁷ Ранее изданы: de Villefosse H. Musée du Louvre. Département des Antiquités grecques et romaines. Acquisitions de l'année 1897 // Bulletin de la Société nationale des Antiquaires de France. 1897. P. 425—426; Besque S. Catalogue raisonné des figurines et reliefs en terre cuite grecs, étrusques et romains. III. Époques hellénistique et romaine. Grèce et Asie Mineure. P., 1972.

⁸ Pinelli, Wąsowicz. Op. cit. P. 21.

⁹ Ibid. P. 21. Not. 5.

¹⁰ Rostovzew M. Skythien und der Bosphorus. B., 1931. S. 224. Not. 2; Besques. Op. cit. P. 56.

ственные, однако самобытные. Санкт-Петербург владеет такими вещами в большом количестве, а в Лувре эта эпоха, такой стиль подобными памятниками совсем не представлены¹¹. Гипсовые украшения из этого поступления в инвентарную книгу были записаны значительно позже, однако П. Пинелли и А. Вонсович удалось хотя бы отчасти установить соответствие между записями и группой вещей, включенных в каталог.

Последним назван дар М. Омэр де Элля Национальной библиотеке (ныне в Кабинете Медалей)¹².

Итак, четыре упомянутых источника и дар де Элля образуют сегодня коллекцию древностей из Пантикапея в собрании Лувра. П. Пинелли и А. Вонсович вводят в научный оборот новый, значительный по объему массив изделий из дерева и гипса, хранящихся в Лувре, большая часть которых ранее не публиковалась. Ценность издания этих памятников возрастает также ввиду того, что практически все они находятся в фондах музея и не представлены в его постоянной экспозиции. Сопоставление гипсовых аппликаций эрмитажного собрания с материалами Лувра показывает, что луврская коллекция располагает некоторыми оригинальными видами и вариантами таких украшений. Более всего это относится к фигуркам традиционных мифологических персонажей и апотропеев, богато представленных в собрании Гос. Эрмитажа. Несколько отличны от эрмитажных изображения Аттисов (рис. 1), точными аналогиями которым располагает Художественный музей в Бонне¹³. Необычен бюст Эрота (рис. 2), стилистически близкий боннскому бюсту Ники, также выполненному из гипса¹⁴. Интересны 11 масок Медузы (№ 28, 29, 30а, 30b, 31а, 31b, 31с, 31d, 32, 33, 34 каталога), причем три последние значительно отличаются по типу от имеющихся в Эрмитаже, а одна (№ 28) моделировкой лица более всего приближается к аналогичным изделиям, выполненным в терракоте, и лишь общее решение роднит ее с гипсовой маской Керченского музея, приведенной Н. И. Сокольским¹⁵. Из девяти представленных в издании театральных масок особого внимания заслуживает маска с прорезным ртом и рисованными глазами, обрамленными частыми черными ресницами (№ 36), — тип, также не представленный в коллекции Эрмитажа. Композиции с изображением борьбы зверей — лев, настигающий лань (рис. 3), собака, грызущая голову кабана (рис. 4), — мотивы, находящие отзвук в деревянной резьбе и торевтике, но в гипсовом исполнении малоизвестные¹⁶.

Пристальное внимание привлекает публикация гипсового акротерия, изображающего, по мнению авторов каталога, фигуру женского сфинкса en face (рис. 5). Сопоставление со сфинксами из коллекций отечественных музеев¹⁷ показывает, что в данном случае перед нами предстает совершенно иной, сильно варваризованный образец трактовки этого персонажа. Односторонне выпуклый прилеп, по очертаниям несхожий с привычным обликом сфинкса, вызывает, однако, определенные ассоциации с его фантастической фигурой благодаря беглой, грубоватой росписи. Издание этого предмета несомненно расширяет представление о стиле исполнения изделий из гипса и дает возможность глубже анализировать такие вопросы, как преломление варварским искусством традиционных античных образов.

Безусловно интересна и небольшая луврская коллекция изделий из дерева. Если та ее часть, где представлены фрагменты саркофагов, значительно уступает эрмитаж-

¹¹ Pinelli, Wąsowicz. Op. cit. P. 21.

¹² Ibid. Op. cit. P. 22.

¹³ Ibid. P. 61.

¹⁴ Ibid. № 25. P. 88.

¹⁵ Сокольский. Античные деревянные саркофаги... Табл. 48, 2; ср. с. 91 луврского каталога.

¹⁶ Там же. С. 66—68.

¹⁷ Берзина С. Я. Производство гипсовых изделий на Боспоре // Археология и история Боспора. Т. II. Симферополь, 1962. С. 242—244. Рис. 3, 5.

Рис. 1. Аттис

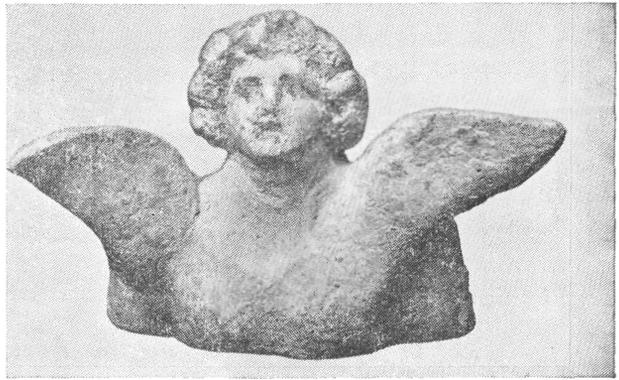

Рис. 2. Бюст Эрота

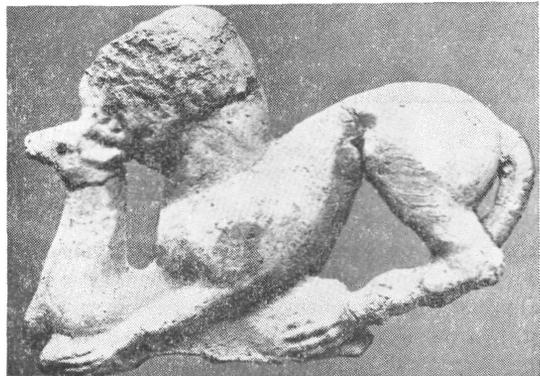

Рис. 3. Лев, терзающий лань

ному собранию ¹⁸, то, обратившись к рассмотрению пиксид, мы вновь встретимся с разновидностями известных типов вещей, расширяющими наши представления об этих изделиях художественного токарного ремесла ¹⁹. В частности, в группе пиксид IV в. до н. э. интересен сосуд в форме флакона (№ 61 каталога), аналогичный хранящемуся в Керченском музее ²⁰. Известный тип цилиндрических пиксид с горизонтальным риф-

---

¹⁸ Деревянные предметы из собрания Эрмитажа нашли отражение в совместном издании, предпринятом А. Вонсович и М. П. Ваулиной (см. *Vaulina M., Wąsowicz A. Bois grecs et romains de l'Ermitage. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdansk, 1974*).

¹⁹ Ср. *ibid.* P. 145—149.

²⁰ *Сокольский. Деревообрабатывающее ремесло...* С. 212. № 23 — ср. с. 145 каталога.

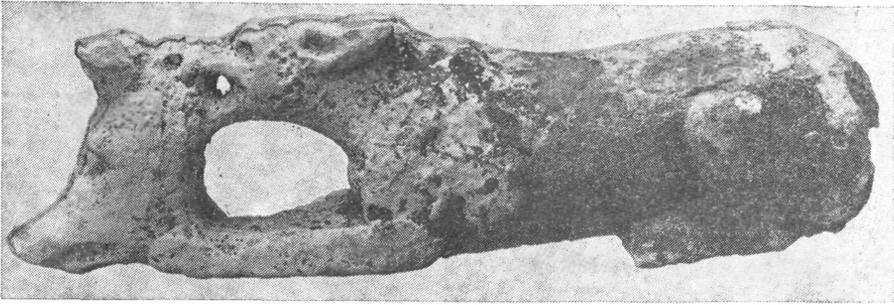

Рис. 4. Собака, грызущая голову кабана

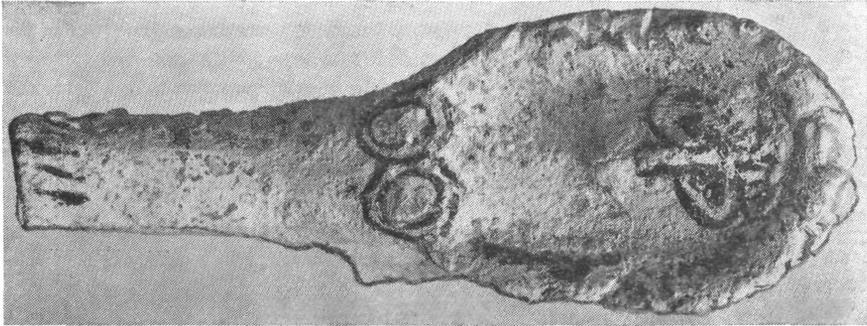

Рис. 5. Гипсовый акротерий с изображением сфинкса

лением и резьбой пополнен публикацией нового варианта (№ 59 каталога). Гладкие формы пиксид римского времени дополняются однотипными, но украшенными глубоким врезным геометрическим орнаментом, заполненным белой краской (№ 73—76 каталога). Это составляет особенность луврской коллекции сравнительно с другими музеями — римские пиксиды с резьбой и циркульным орнаментом здесь представлены наиболее полно ²¹.

Двумя целыми экземплярами представлены в Лувре редкие среди находок античного времени деревянные веретена (№ 93—94 каталога) ²².

Исходя из опубликованных в каталоге материалов, авторы поднимают ряд проблем и предлагают варианты решений некоторых конкретных вопросов. Иные из них выходят за рамки цитированного издания. Так, помимо упомянутого исследования А. Вонсович о придании, в основу которого легло изучение веретен, опубликована статья П. Пинелли, где выдвинута гипотеза о возможности воссоздания полностью гипсового декора деревянного саркофага ²³. В каталоге же наряду с указанными широкое освещение по-

²¹ Pinelli, Wąsowicz. Op. cit. P. 23; Vaulina, Wąsowicz. Op. cit. P. 145.

²² Специальное исследование об античных веретенах см.: Wąsowicz A. Une quenouille antique d'un type méconnu // La Revue du Louvre et des Musées de France. Octobre. 1987. № 4. P. 268—273.

²³ Pinelli P. A propos d'un décor de sarcophage provenant de Kertch // Ibid. P. 273—277.

лучили вопросы датировки саркофагов и гипсовых аппликаций, проблема поиска художественных прототипов последних, затронуты вопросы социальной стратификации населения Боспорского царства, сформулировано предположение о существовании в городах небольших мастерских, изготавливавших по заказу боспорян предметы мелкой пластики из глины и гипса. Широкий историко-культурный фон этих исследований расширяет представление о некоторых аспектах жизни боспорского общества на протяжении весьма продолжительного периода — от IV в. до н. э. до первых веков н. э.

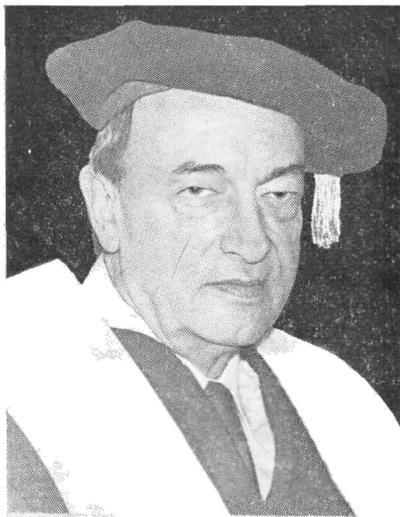
Сказанное, думается, хорошо иллюстрирует научную значимость скромной на первый взгляд коллекции. А ее сопоставление с известными вещами других собраний приводит к выводу о ее своеобразии, что удачно подчеркнуто самим фактом издания такого солидного труда, каким, безусловно, является «Catalogue de bois et stucs grecs et romains provenant de Kertch de Musée du Louvre».

Н. К. Жижина

PERSONALIA

К 75-летию ИГОРЯ МИХАЙЛОВИЧА ДЬЯКОНОВА

Крупнейшему советскому специалисту по древнему Востоку, доктору исторических наук Игорю Михайловичу Дьяконову 12 января 1990 г. исполнилось 75 лет, и эту юбилейную дату он встречает полным творческих замыслов, окруженный множеством учеников, единомышленников и друзей. В наше время все большего дробления и специализации научных дисциплин он является одним из немногих в мире универсалом — исследователем языков, истории и культуры всех народов древней Передней Азии, а также индоевропейских и африканских народов и языков. И почти все его работы (18 монографий и более 200 статей), написанные им за более чем полвека научной деятельности (на четыре года прерванной войной), сохраняют свою актуальность, а многие из них имеют первостепенное, основополагающее значение.

Игорь Михайлович родился в Петрограде, с 1921 по 1929 г. вместе с отцом, сотрудником торгпредства, жил в Норвегии. В 1932 г. поступил в Ленинградский государственный институт истории, философии и лингвистики (позже — филологический факультет ЛГУ). В 1937 г. была опубликована его первая научная работа: «К истории одного термина (от родового жилища до мирового города)» (Бюллетень «Лингвист», 1937. № 3. С. 117—132). Недавно эта работа была переиздана за рубежом: *From a collective gentilic dwelling to an imperial city (On the history of a term)* (Oikumene. 1986. 5. P. 55—62). Эта студенческая работа представляет ныне еще больший интерес, чем во время своей первой публикации.

С 1937 по 1959 г. И. М. Дьяконов работал в Государственном Эрмитаже, ведя одновременно преподавательскую работу в ЛГУ. В июле 1941 г. он добровольно вступил в Красную Армию, но был возвращен в Эрмитаж для участия в эвакуации музеев.

С сентября 1941 г. по декабрь 1945 г. он находился на Карельском фронте, работая в разведотделе и политуправлении фронта, и закончил войну в чине капитана и с наградами.

С 1952 г. Игорь Михайлович работал в Институте истории АН СССР в должности младшего научного сотрудника, а в следующем году был переведен в Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, где и работает до сих пор (в последнее время — главным научным сотрудником).

Такая биография более или менее обычна для ученого, принадлежащего к этому поколению. Но то совершенно исключительное положение, которое занимает Игорь Михайлович Дьяконов в советской и мировой науке о древнем Востоке, объясняется его индивидуальными качествами — огромной широтой интересов и ярким талантом, высочайшей эрудицией в сочетании с научной строгостью и принципиальностью. Именно эти качества и позволили ему создать работы, известные во всем мире. Именно эти качестванискали ему почетное избрание во многие международные научные общества и академии; недавно он получил титул почетного доктора Чикагского университета.

Перечислять здесь его работы нет смысла — они и без того хорошо известны специалистам. Отметим лишь, что сейчас в печати находятся три его новые монографии

«Люди города Ура» и «Архаические мифы Востока и Запада» (Изд-во «Наука»), а также «Протоафразийский и староаккадский: исследование по исторической фонетике» (в США). Уже этого списка достаточно, чтобы увидеть, что юбиляр полон новых планов и продолжает обогащать науку новыми ценными трудами.

Редколлегия и редсовет ВДИ, все специалисты по истории и культуре древности сердечно поздравляют Игоря Михайловича — члена редсовета и постоянного автора журнала и желают ему доброго здоровья и новых работ, всегда ожидаемых многочисленными учениками и почитателями его таланта.

75-летию ГАЛИНЫ АНАТОЛЬЕВНЫ ПУГАЧЕНКОВОЙ

7 февраля 1990 г. исполнилось 75 лет крупнейшему знатоку культуры зарубежного Востока и Средней Азии, академику АН Узбекской ССР, доктору искусствоведения, профессору Галине Анатольевне Пугаченковой. Г. А. Пугаченкова внесла значительный вклад в отечественную и мировую науку своими трудами по истории и культуре древних и средневековых цивилизаций Азии.

Уже более 50 лет назад, впервые участвуя в работах Термезской археологической комплексной экспедиции, Г. А. Пугаченкова ясно ощутила, что познание древнего зодчества Средней Азии возможно лишь с помощью археологических раскопок, ибо наземных памятников эпохи античности и раннего средневековья здесь почти не сохранилось. С этого времени начинается ее приобщение к археологии. В 1946—1961 гг. она возглавила 14-й отряд Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, изучив помимо большого числа памятников эпохи ислама также парфянские сооружения Старой и Новой Нисы, раннесредневековые постройки Мервского оазиса, терракоты и резные печати Мерва. В 1946 г. Галина Анатольевна организовала и возглавила при Институте искусствознания им. Хамзы УзССР Узбекскую искусствоведческую экспедицию, успешно работающую по сей день. В активе работ УзИскЭ — исследования памятников кушанской культуры Халчаяна, Айртама, Дальверзин-тепе, Будрача, Кампыр-тепе на юге Узбекистана, Курган-тепе в Самаркандском Согде. Эти работы внесли много нового в познание культуры Бактрии и Согдианы. В 1972—1974 гг. Галина Анатольевна участвовала в работах Советско-афганской археологической экспедиции, открывшей интереснейшие античные и раннесредневековые памятники Южной Бактрии — Тохаристана.

Почти четверть века (1960—1984 гг.) Г. А. Пугаченкова была заведующей сектором истории искусств и архитектуры Института искусствознания им. Хамзы. В 1962 г. ей было присвоено звание профессора, в 1964 — звание заслуженного деятеля науки УзССР. В 1969 г. она была избрана членом-корреспондентом АН УзССР, в 1984 — действительным членом АН УзССР, до 1986 г. она была академиком-секретарем Отделения истории, языковедения и литературы. С 1986 г. по настоящее время она — академик-советник при Институте истории АН УзССР. В 1976 г. ей было присуждено звание доктора *honoris causa* Страсбургского университета (Франция), в 1985 г. была избрана членом-корреспондентом Германского археологического института (ФРГ), в 1987 — членом-корреспондентом Итальянского Института Среднего и Дальнего Востока.

Г. А. Пугаченкова — автор свыше 30 монографий, более 400 научных и научно-популярных статей. Значительная часть их связана с древней художественной культурой Среднего Востока (Средняя Азия, Афганистан, Индия). Освещая проблемы и объекты архитектуры, скульптуры, живописи, торевтики, коропластики, глиптики, нумизматики, они содержат первую публикацию экспедиционных объектов и их интерпретацию. По ее инициативе и под ее редакцией в Узбекистане был подготовлен и издан ряд тематических сборников, отражавших новые исследования в области художествен-

ной и материальной культуры Среднего Востока. Достаточно указать только на ряд ее трудов, чтобы оценить их значение в развитии отечественной и мировой науки: «Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма» (М., 1958); «Парфянские ритоны Нисы» (Труды ЮТАКЭ. Т. IV. Ашхабад — Москва, 1959; соавтор М. Е. Массон); «Искусство Афганистана. Три этюда» (М., 1963); «Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии» (Ташкент, 1966); «Скульптура Халчаяна» (М., 1971); «Художественные сокровища Дальверзин-гепе» (на рус. и франц. яз.) (Л., 1978); «Искусство Бактрии эпохи Кушан» (М., 1979); «Искусство Ганджары» (М., 1982); «Шедевры Средней Азии» (Ташкент, 1986); «Древности Минкаля» (Ташкент, 1989).

Редколлегия и редсовет ВДИ, все специалисты по истории и культуре древности сердечно поздравляют Галину Анатольевну — постоянного автора и члена редсовета журнала, желают ей здоровья и новых творческих удач.

Наши поздравления

К 75-летию ЛИИ МЕНДЕЛЕВНЫ ГЛУСКИНОЙ

27 июня 1989 г. исполнилось 75 лет Лии Менделевне Глускиной, крупнейшему специалисту по классической Греции, чьи труды — одна из наиболее ярких и интересных страниц советского антиковедения. Жизненный и творческий путь Л. М. Глускиной служит прекрасным примером органичного соединения исследовательского таланта и высоких нравственных качеств. Уже в первой ее работе, написанной под руководством С. Я. Лурье и защищенной как кандидатская диссертация, — «Афинские метеки в борьбе за восстановление демократии» проявились ее качества исследователя — отточенное профессиональное мастерство, свободная ориентация в историографии, вдумчивость и глубина суждений. Основное внимание Л. М. Глускина сосредоточила на двух полисах, занимавших ключевое положение в классической Греции, — Афинах и Дельфах. Ее докторская диссертация «Проблемы социально-экономической истории Афин в IV в. до н. э.», изданная как монография, сыграла большую роль в исследовании этого переходного периода в истории Греции. Целую серию статей Л. М. Глускина посвятила Дельфам, их религиозной и политической жизни.

Следуя лучшим традициям антиковедения, Л. М. Глускина плодотворно занималась не только научной, но и педагогической деятельностью. В течение нескольких десятилетий она преподавала историю древнего мира в Ленинградском гос. педагогическом институте им. А. И. Герцена и воспитала многие поколения высококвалифицированных специалистов-антиковедов. Ее перу принадлежат разделы в пособиях для учителей и учебниках для ВУЗов, которые отличаются четкостью и ясностью изложения, концептуальностью. Большой вклад внесен юбиларом в перевод важнейших источников, таких, как речи Исократы и Демосфена, в издание фундаментального труда С. Я. Лурье о Демокрите. Л. М. Глускина удачно выступила и в роли популяризатора научной литературы. В ее переводе русские читатели познакомились с книгой Э. Бикермана «Государство Селевкидов».

Редколлегия и редсовет ВДИ, отдел истории древнего мира Института всеобщей истории АН СССР, друзья и ученики Лии Менделевны Глускиной поздравляют с юбилеем и желают ей крепкого здоровья и новых творческих успехов на благо нашего антиковедения.

К 60-летию АВРААМА ГРИГОРЬЕВИЧА ЛУНДИНА

25 декабря 1989 г. исполнилось 60 лет Аврааму Григорьевичу Лундину, видному сабеисту, признанному специалисту по истории и культуре, эпиграфике древнеюжноаравийских государств. Выпускник ленинградского востфака, ученик Н. В. Пигулевской, Авраам Григорьевич сразу и навсегда отдал свое сердце южноаравийским древностям. Блестящее знание текстов, природный талант в дешифровке и интерпретации надписей, широкая научная эрудиция позволили ему предложить и блестяще обосновать целый ряд остроумных и изящных гипотез, по-новому освещающих социально-экономические и политические вопросы, историю и культуру Сабы, Маина, Хадрамаута, Катабана, Химйара — древних государств на юго-западе Аравийского полуострова. В своих последних исследованиях он развивает одно из важных направлений сегодняшней сабеистики — изучение происхождения алфавита в связи с южноаравийскими материалами.

В 1986 г. начинается новый этап в научной биографии Лундина — Авраам Григорьевич принимает активное участие в работе Советско-йеменской комплексной экспедиции. Наконец-то исследователю удалось физически ощутить то географическое пространство, тот мир, в котором жили и действовали мукаррибы и кайли, цари Сабы и Зу Райдана, воины арабского племени кинда и земледельцы древнего Хадрамаута — «герои» и «персонажи» его научных произведений. Впервые ученый получил возможность собственными руками доставать из земли и тут же прочитывать (конечно, предварительно) новые, никому доселе не известные надписи. И здесь, в этой новой полевой работе, с иной стороны проявились научная смелость и чутье исследователя, столь присущие А. Г. Лундину.

«Вестник древней истории», сотрудники Советско-йеменской комплексной экспедиции, коллеги по Институту востоковедения АН СССР сердечно поздравляют Авраама Григорьевича с юбилеем и выражают надежду, что еще неоднократно свои интересные работы он принесет в ВДИ, а самые выдающиеся открытия, которые он совершит, еще ждут его в благодатной земле Йемена.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

© 1990 г.

К 90-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА КОРОСТОВЦЕВА

23 апреля 1990 г. исполнилось бы 90 лет выдающемуся отечественному востоковеду, египтологу, академику Михаилу Александровичу Коростовцеву, человеку яркой и непростой творческой и жизненной судьбы.

М. А. Коростовцев родился 23 апреля 1900 г. в с. Поповка Павлоградского уезда Екатеринославской губернии в дворянской семье. По материнской линии он принадлежит к старинному грузинскому аристократическому роду Герсевановых, который возводят к XI в. Его дед М. Н. Герсеванов был крупным инженером по строительству гражданских сооружений на Кавказе, дядя Н. М. Герсеванов — известным ученым в области строительной механики.

М. А. Коростовцев получил превосходное домашнее образование и с детства свободно владел тремя европейскими языками. Блестяще окончив в 1919 г. 6-ю Тифлисскую гимназию, в течение двух лет он учился на экономическом факультете Политехнического института в Тифлисе. С 1922 г. на протяжении многих лет М. А. Коростовцев служил в торговом флоте на Черном, Каспийском, Баренцевом и Балтийском

морях, начав свой путь рядовым матросом. Плавая на иностранных и советских кораблях и увлеченно овладевая морской наукой, М. А. Коростовцев одновременно занимался древней историей и заочно окончил общественный факультет Бакинского университета.

Еще в гимназические годы завязалась его переписка с крупнейшим русским востоковедом академиком Б. А. Тураевым, ставшая исходным пунктом его долгого пути в египтологию. Только в 35 лет штурман дальнего плавания М. А. Коростовцев навсегда оставляет флот — тяга к морским странствиям окончательно уступает желанию всецело посвятить себя науке. По предложению академика В. В. Струве он переходит на научную работу в Ленинградское отделение Института истории АН СССР.

23 апреля 1940 г. он защищает кандидатскую диссертацию «Рабство в древнем Египте в эпоху Нового царства», в 1943 г. — докторскую диссертацию «Письмо и язык древнего Египта (опыт культурно-исторического исследования)». В 1944 г. ему было присвоено звание профессора.

В годы войны М. А. Коростовцев добровольцем вступил в Красную Армию, участвовал в обороне Ленинграда. В 1943 г. его назначили ученым секретарем Института истории АН СССР в Москве. В 1944 г. официально переведенный на работу в Институт востоковедения АН СССР, М. А. Коростовцев был направлен в Египет в качестве корреспондента ТАСС. Непосредственное знакомство с Египтом, его древними памятниками явилось важным этапом в творческой биографии М. А. Коростовцева. Но последовавший в 1947 г. незаконный арест и затем ссылка — мгновенный «перелет из страны Хеми (т. е. древнего Египта) в страну Коми», как горько шутил он впоследствии, почти на девять лет прервали его научную деятельность, остановили нормальную жизнь, разъединили семью.

По возвращении из ссылки в январе 1955 г. М. А. Коростовцев гигантскими усилиями стремится наверстать утраченное им для науки время. Его восстанавливают в статусе

старшего научного сотрудника ИВ АН СССР, с 1965 г. и до конца своей жизни в 1980 г. он возглавлял Отдел древнего Востока. За выдающиеся заслуги в области египтологии он был избран членом Французского египтологического общества и почетным членом Египтологического института в Праге. В 1974 г. он становится действительным членом АН СССР.

Круг научных исследований М. А. Коростовцева широк и многообразен: это и проблемы древнеегипетской истории, духовной культуры и филологии, социально-экономических отношений древних обществ, культурных контактов Египта и сопредельных стран; и вопросы, касающиеся истории отечественной ориенталистики и современных международных отношений. Но основной вклад был сделан М. А. Коростовцевым в изучение древнеегипетского языка, его грамматики и лексики. Ему принадлежат такие труды, как «Египетский язык» (М., 1961), и не имеющая аналогов в мировой литературе книга «Введение в египетскую филологию» (М., 1963). Многолетние исследования среднеегипетского и новоегипетского языка, которым М. А. Коростовцев посвятил серию статей в советской и зарубежной периодике, позволили ему решить задачу создания современной грамматики новоегипетского языка (*Grammaire du neogégyptien*. М., 1973). Трудно перечислить все открытия Михаила Александровича, сделанные им на основе изучения колоссального текстуального материала, в морфологии, синтаксисе, методике транскрипции.

Большое значение для египтологии имело издание в переводе и с комментариями М. А. Коростовцева древнеегипетских памятников письменности: иератических папирусов № 167 («Древний Египет». М., 1960) и № 127 («Иератический папирус 127 из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина». М., 1961), ранее не публиковавшихся и не изучавшихся в специальной литературе; таких важнейших текстов, как повествующее о социальных смутах «Пророчество Неферти» («Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», вып. XLIV, 1961) и описанные в иератическом папирусе № 120 злоключения Ун-Амуна («Путешествие Ун-Амуна в Библи». М., 1960), где говорится об упадке влияния Египта конца XX династии в странах Восточного Средиземноморья. Постоянный интерес Михаила Александровича к древнеегипетской литературе — сказкам, историческим повестям, биографиям, текстам религиозного, дидактического и пророческого характера — нашел отражение в публикациях им переводов наиболее ярких и значительных памятников, которые вышли в «Библиотеке всемирной литературы» («Поэзия и проза древнего Востока». М., 1973) и в виде отдельного сборника («Повесть Петеисе III». М., 1978).

Наиболее крупные работы М. А. Коростовцева в области духовной культуры древнего Египта — книга о египетской «служилой интеллигенции» — «Писцы древнего Египта» (М., 1972) и монография «Религия древнего Египта» (М., 1976) — подробный научно-популярный очерк, написанный на основе новейших достижений науки.

М. А. Коростовцев никогда не замыкался только на собственных научных интересах. Много сил было отдано им деятельности научно-организационной, общественной и педагогической. Он преподавал в вузах Москвы и Ленинграда. Добродетельный наставник, Михаил Александрович воспитал и помог определиться в науке многим молодым специалистам-востоковедам.

В течение длительного времени М. А. Коростовцев был членом редакционной коллегии «Вестника древней истории».

О. И. Павлова

© 1990 г.

XVIII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭЙРЕНЕ»

(Будапешт, 1988 г.)

XVIII Международная конференция общества античников социалистических стран «Эйрене» проводилась 29 августа — 2 сентября 1988 г. в Будапеште. В ней приняли участие около двухсот ученых из 20 стран, в том числе 20 представителей нашей страны из Москвы, Ленинграда, Горького, Тбилиси, Еревана. В работе Постоянного комитета «Эйрене» участвовала Е. С. Голубцова, член этого комитета.

Работа I секции (Античная литература) отличалась цельностью, далеко не всегда присущей конференциям такого масштаба, привлекающей к себе внимание ученых с достаточно разнообразными интересами. В этом очевидна заслуга оргкомитета, су-

мевшего так построить программу, что почти на каждом заседании доклады объединялись вокруг одной темы или проблемы.

Вопросам, связанным с древнегреческим эпосом и особенно с соотношением устного и письменного начал в нем, были посвящены доклады *С. Р. Слингса* (Нидерланды) «Устная поэзия и призвание поэта (положение поэта в древней Греции в сопоставлении с состоянием устного творчества в современной Полинезии и Западной Африке)», *С. Дарани — Г. Ковач — А. Абрани* (Венгрия) — «На пути к моделированию устной поэзии», *И. В. Шталь* (СССР) — «Эпическая Гераномахия и изображение пигмеев». Большой интерес вызвал доклад *Д. Феллинга* (ФРГ) о первоначальной форме сказания о Троянской войне и его переработке в «Илиаде» одним поэтом.

Доклад *З. Екеля* (Финляндия) «Эстетическая функция лирических и эпических элементов в греческой трагедии» послужил своего рода мостом от эпоса к драме V в. В докладе *Дж. Хауи* (Великобритания) «Алкестиды» Еврипида была разобрана в свете моральных представлений древних греков; *Д. Карсан* (Венгрия) рассмотрел вопрос о трагической вине в «Ипполите». На сходство между трагедией и комедией V в. с точки зрения их общественных функций обратил внимание *Г. Кух* (ГДР). «Коммуникация, назначение и структура греческой комедии» — такова тема доклада *И. Штарка* (ГДР), отношению поэта средней аттической комедии Антифана к современной ему философии и риторике уделена внимание *А. Лукинович* (Швейцария). *Гр. Надь* (США) в докладе «Чтение про себя как характеристика тирана в классической греческой поэтике» привлек для обоснования своей мысли пролог из аристофановских «Всадников».

Специфические способы коммуникации в таких различных жанрах, как греческая лирика VII—VI вв. и проза V—IV вв., стали предметом рассмотрения соответственно в докладах *В. Н. Ярхо* (СССР) «Поэтическое „я“ как общественно-коммуникативный символ в древнегреческой лирике» и *Р. Мюллера* (ГДР) — «Риторика и литературная коммуникация в V и IV вв.».

Развитию трагического идеала в немецком идеализме на примере образа Антигоны посвятила свой доклад *Е. Кочиски* (Венгрия). Несколько в стороне от общей тематики секции оказался доклад *О. Дэвидсон* (США) о традиционных мотивах в иранском эпосе о Рустаме и Сохрабе. Много внимания было уделено истории римской литературы, начиная с вопроса о проникновении в латинский язык греческого понятия «поэт» (доклад *Т. Дер*, Венгрия) и кончая анализом знаменитого пассажа из Августина, который послужил отправным пунктом для доклада *А. К. Гаврилова* (СССР) «Чтение вслух и про себя в классической древности». *Р. Хойслер* (ФРГ) охарактеризовал так называемую *fabula praetexta* и ее терминологическое окружение, *И. Тар* (Венгрия) — влияние эллинистических эстетических принципов на римскую художественную мысль в I в. до н. э., *Т. Адамик* (Венгрия) — на римскую теорию стилей. Два доклада были посвящены творчеству Катулла: *Б. Немет* (Венгрия) проанализировал эстетические взгляды поэта в стихотворениях 37 и 39, *Ю. Блуш* (ФРГ) — композицию стихотворения 64. Эволюцию задачи приемов в римской исторической прозе рассмотрела *Ф. Хойбнер* (ФРГ). «Речи и молчание в тацитовском „Диалоге об ораторах“» — тема доклада *Т. Кёвеш-Цулауф* (ФРГ). Своеобразную переключку с последним докладом составил анализ «молчания» в трагедиях Сенеки (*Э. Веселовска*, ПНР). Дидактической поэме Колумеллы — соотечественника и современника Сенеки — «О возделывании садов» (10 книга его сочинения «О земледелии») посвятил свой доклад *И. Миколайчук* (ПНР). Творчество другого автора «серебряной латыни» — Публия Стация — получило отражение в докладе *Франше д'Эспере* (Франция) о двух типах конфликта — драматическом и эпическом — в его «Фиваиде». К еще более позднему памятнику — «Протрептику» Галена как произведению позднеантичной риторики — обратился *М. Шармаз* (ПНР).

О рукописи, находящейся в Венской Национальной библиотеке и содержащей отдельные части латинского сочинения Фрутольфа из Бамберга (X—XI вв.) об Александре Македонском, сообщила *В. Гавловска* (ПНР). Интересными наблюдениями над отношением к фольклорному наследию в латинском и немецком вариантах ранних средневековых хроник поделился *А. Визкелети* (Венгрия). Упомянем, наконец, выступление *Д. Слабоховой* (ЧССР) об историческом романе недавно умершей писательницы М. Юрсенар «Мемуары Адриана», на материале которого был поставлен общий вопрос о характере современного романа на античную тему.

На III секции (Философия) было заслушано 16 докладов. Проблема досократовской философии нашла свое отражение в докладе *К. Тушынської-Мациевской* (ПНР) «АПАТЕ Горгия как неизбежная и прощательная ошибка в эстетической деятельности человека», *Ф. Франчиози* (Италия) — «Начала греческой науки и так называемый этический интеллектуализм», *М. Сильвестр* (Италия) — «Философия и наука в учении Анаксагора». В двух докладах рассматривались проблемы, связанные с философией Платона: *А. Матэ* (Венгрия) — «Платон и теория собственности» и *М. Йоо* (Венгрия) — «Платоновские штудии: специальная дисциплина или философия?». Раз-

личным аспектам эпистемологических и космологических представлений Аристотеля были посвящены доклады *С. Пану* (Греция) — «Философия как наука. Аристотелевская постановка вопроса», *И. М. Боднара* (Венгрия) — «Сферопея (Проблемы небесной механики Аристотеля)» и *А. Яноши* (Венгрия). Более поздние этапы развития античной философской мысли нашли свое отражение в докладах об Эпикуре, с которыми выступили *О. Лонго* (Италия) «Космология Эпикура между наукой и философией» и *П. Лаутнер* (Венгрия) «Взаимосвязь понятий у Эпикура», а также в докладе *К. Традэ* (ФРГ) «Пиццерон против Демокрита» и *И. Ирмшера* (ГДР) — «Наука и философия в Платоновской Академии в конце Римской империи». Космологическим аспектам античных и раннесредневековых представлений была посвящена группа докладов, которые сделали *Дж. Барнс* (Великобритания) — «Определение размеров Солнца в античности» и *А. В. Подосинов* (СССР) — «Сакральная ориентация по странам света в древней Греции», *М. Мариай* (Венгрия) — «IV эклога Вергилия как аллегория перехода с лунного календаря на солнечный в юлианском календаре» и *Э. Я. Даниэлян* (СССР) — «Космологические представления в античных и раннесредневековых философских воззрениях». В последнем докладе большое внимание было уделено развитию космологических взглядов армянских ученых и мыслителей V—VII вв., в частности Давида Непобедимого и Аняния Ширакаци.

В IV секции (История) было сделано более 20 докладов. Проблемам греческого полиса были посвящены три доклада — вызвавший большую дискуссию доклад *Д. Лотце* (ГДР) «Так называемый полис», *В. М. Строгоцкого* (СССР) — «Полис и элита: к вопросу о роли и характере правящих политических групп в Спарте и Афинах» и *Е. С. Голубцовой* (СССР) — «Полис и монархия в эпоху Селевкидов». *Д. Лотце* возражает против попытки объяснять политические общности многих греческих городов неким греческим национальным духом и присущей грекам государственной идеей. *В. М. Строгоцкий* прослеживает судьбы стоявших у власти в греческих городах богатых слоев населения, называя их элитой. *Е. С. Голубцова* пришла к выводу, что в эпоху эллинизма существовали самые разные формы отношений монархии и полиса и нельзя говорить только о неограниченной власти монарха и подчиненном положении полиса. Кулыт Посейдона в связи с консолидацией ионийского этноса во II — начале I тыс. до н. э. — тема доклада *Г. Т. Залюбовиной* (СССР).

Большой интерес и оживленное обсуждение вызвали проблемы эллинизма, освещенные в докладах *Й. Вольского* (ПНР), *Х. Ноймана* (ГДР). Концептуально они были поставлены в докладах *Л. П. Маринович* (СССР) — «Некоторые теоретические проблемы становления эллинизма» и *В. И. Исаявой* (СССР) — «Греческая идеология IV в. до н. э. и эллинизм». *Л. П. Маринович* прослеживает, как соотносилась деятельность Александра Македонского с реальным ходом исторического развития. *В. И. Исаява* говорила о постепенном формировании тенденций эллинизма в греческой философии, литературе, публицистике, а также об эволюции идеи панэллинизма. *Й. Вольский* интересно показал, что судьба именитых парфянских фамилий была связана с экономической и социальными отношениями общества. Эти семьи имели большие земельные владения, пользовались привилегиями в государстве. Завоевания Александра нарушили сложившиеся в Парфии отношения и лишили эти семьи их реальной власти. *Х. Нойман* поставил вопрос о правовых отношениях в Вавилонии эллинистического времени по клинописным источникам и пришел к выводу, что вавилонское право ко времени эллинизма в значительной степени отражало традиционные черты древнего права Месопотамии. Однако в нем нарождались и новые тенденции, в частности, связанные с развитием торговли, экономики, эволюцией социальных отношений.

Можно выделить ряд докладов, посвященных анализу и критике источников. К важной проблеме обратился *Л. Хаваш* (Венгрия), поставив вопрос о том, в какой мере освещаются в сочинениях античных авторов восстания рабов. Он отмечает, что об этом сюжете говорят лишь немногие, в частности Флор, сведения которого, правда, имеют большие лакуны. Восстановлению текста Флора и был посвящен его доклад. *М. Тачева* (НРБ) проанализировала надпись из Аполлонии Понтийской, посвященную фракийскому царю Реметалку III, уточнив ее датировку, и сопоставила с другими эпиграфическими памятниками того же времени. Интерпретации ряда надписей было посвящено и сообщение *Г. И. Землера* (США), рассмотревшего эпиграфические памятники из фокейского города Антикиры, относящиеся ко II Македонской войне. Источниковедческий характер носил и доклад *Э. Шуман* (ГДР) «Характеристика гетер у Плавта как отражение их социального положения».

Много внимания было уделено римской истории. В докладе *Й. Злинского* (Венгрия) были поставлены вопросы государства и права в архаическом Риме. Автор подчеркивает, что современные источники позволяют судить о ранней римской истории с наибольшей достоверностью. Законы XII Таблиц отражают законодательство царского периода и отчасти сакральные законы догосударственного периода римской истории. Три доклада были посвящены эпохе конца Республики: проблеме аграрной реформы

Граков (Ю. фон Унгерн-Штернберг, Швейцария), стратегии римского империализма (И. Кертеш, Венгрия). В первом из этих докладов отмечается, что вопрос об аграрной реформе Граков следует рассматривать не сам по себе, а как следствие тех экономических трудностей, которые переживала Римская республика в конце II в. до н. э. — сложности с набором войска, отсутствие свободных земель. Э. Мароти (Венгрия) в докладе «Организация труда у Колумеллы: терминология рабочего персонала» показал, как важно проанализировать терминологию его сочинения, особенно выделив при этом слова: *colonus, vilicus, actor, procurator, magister, vinitor*. Рассмотрев формы взаимоотношений знати и ремесленников в древнем Риме II в. до н. э. — II в. н. э., Б. С. Ляпустин (СССР) выделил два направления развития ремесла: 1) для удовлетворения потребностей общины и 2) для нужд и интересов отдельных фамилий. Эти два направления различались между собой по принципам организации, набору ремесел, составу рабочей силы. К. Вагтель (ГДР) остановился на вопросе о том, какие структурные изменения произошли в среде господствующего класса в эпоху Ранней империи (I—II вв. до н. э.). Важнейшими из них он считает смену сенаторской знати из провинциалов-италийцев провинциалами в собственном смысле слова, выдвигание богатых семей, их активное участие в экономической и политической жизни Рима, высокую социальную мобильность. Доклад А. Фельди (Венгрия) был посвящен древнеримскому гражданскому процессу. Также были прочитаны доклады: Г. Гамза (Венгрия) — «Цицерон о пути развития римской юриспруденции» и В. М. Смирнова (СССР) — «К пониманию римских представлений о собственности». Проблема колоната нашла свое освещение в докладе К.-П. Йоне (ГДР), который подчеркнул, что это явление зародилось задолго до падения Римской империи и имело самостоятельное экономическое и социальное значение еще в эпоху Республики. Начиная со времени Константина характер колоната изменяется. Свободные крестьяне, уплачивающие налоги, сменяются прикрепленными к земле земледельцами. Другому аспекту изучения земельных отношений на материале галло-римских вилл IV—V вв. был посвящен доклад Е. В. Ляпустиной (СССР). Спецификой их было своеобразное сочетание и взаимопроникновение местных и римских элементов, обусловившее постоянный рост крупного землевладения за счет мелких и средних земельных собственников. Х. Фишер (ГДР) в докладе «Проблемы развития городов Римской империи во II—III вв.» показал противоречивость происходивших процессов: с одной стороны, этот период характеризуется восстановлением городов и ruin эпохи гражданских войн, с другой же, города испытывают постоянные продовольственные трудности, переживают экономический упадок.

На конференции также работали секции II (Филология и языкознание), V (Микология) и VI (Археология).

Е. С. Голубцова, А. В. Подосинов, В. Н. Ярхо

© 1990 г.

ТРЕТИЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМАМ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ВОСТОКЕ (Ереван, 18—22 мая 1988 г.)

18—22 мая 1988 г. в Ереване проходил Третий Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Его организаторами были сектор античной археологии Института археологии АН СССР и Отдел античной археологии Армении Института археологии и этнографии АН Армянской ССР. В работе симпозиума приняли участие около 60 специалистов по истории, археологии, искусству и нумизматике из научно-исследовательских институтов, музеев и вузов РСФСР, Украины, Грузии и Армении. В течение пяти дней состоялось семь заседаний, на которых было заслушано и обсуждено 30 докладов, посвященных истории культуры и искусства Закавказья и Северного Причерноморья в период эллинизма.

Во вступительном слове Б. Н. Аракелян остановился на проблеме культурного взаимодействия стран древнего Востока в эллинистическую эпоху, подчеркнув необходимость комплексного изучения процессов и выявления в то же время специфики развития культуры каждого из регионов.

В докладе «Греческие божества в эллинистической эпиграфике и изобразительное искусство Западного и Восточного Ирана» И. Р. Пичикян и Ф. В. Шелов-Коведяев (Москва) убедительно показали необходимость отказаться от прямолинейного отождествления греческих богов с иранскими, указав три случая, когда, по их мнению,

можно определенно видеть соответствие эллинских и восточных божеств: 1) при наличии билинга, где одни и те же боги названы греческими и собственными именами; 2) при упоминании в греческих надписях эллинского и местного имен бога рядом и без союзного соединения; 3) при сочетании «эллинского» изображения божества с местным его именем в надписи. При этом не следует в каждом греческом посвящении или сакральной надписи, найденных на Востоке, искать местные эквиваленты — их могло и не быть. К тому же ряд аналогий показывает, что отождествление эллинских и восточных божеств могло быть поверхностным. В прениях по докладу Г. А. Тиращян подчеркнул опасность упрощенного понимания синкретизма, указав, что ни перевод имени божества в надписи, ни иконографические заимствования о нем еще не говорят. Е. В. Зеймаль отметил случаи посвящения в храм предметов, не связанных непосредственно с культом бога этого храма. Ю. Г. Виноградов привел ряд примеров, показывающих, что механизм посвящения богам изображений, не связанных с их культом, известен довольно широко.

В докладе *И. Ш. Шифмана* (Ленинград) «Социальные идеалы эллинизма» были проанализированы понятия «добро», «правда», «справедливость» и др. в контексте особенностей экономической и социально-политической организации эллинистического общества Сирии и Палестины. Докладчик старался показать, что идея всеобщей закономерности бытия, характерная для идеологии эллинизма, может иметь и эллинские, и ближневосточные прототипы. Разница функций «социальных идеалов» Запада и Востока определяется, однако, тем, что античная этика направлена на воспитание идеального гражданина, на Востоке же она воспитывала человека как служителя бога.

Г. А. Тиращян (Ереван) в докладе «О некоторых особенностях образования города Двина», основываясь на сообщениях Фавста Бузанда и Мовсеса Хоренаци об основании Двина и результатах раскопок античных слоев города (по материалам Г. Кочаряна), проследил ряд общих черт градостроительства Востока на примере ранне-средневековой Армении. Докладчик указал на соседство с городом заповедников (с загородными дворцами, на сообщение о переселении части жителей Арташата в Двин (синойклизм), на преемственность городской жизни со времени основания эллинистического поселения (с некрополем), возможно, ставшего при Аршакидах их родовым святилищем Двин-Асаак (гипотеза С. Т. Еремяна). Во время дискуссии А. Б. Никитин отметил возможность заимствования идеи заповедников-парадизов в Армению из Ирана в ахеменидскую эпоху, с чем докладчик согласился, но подчеркнул различие: при Ахеменидах парадизы строились самостоятельно, а позднее — в комплексе с городом.

В докладе *Е. В. Зеймалю* (Ленинград) «Андрогор-Вахшувар и Бактрия» на основании предложенного И. М. Дьяконовым чтения легенды на л. ст. статов Вахшувара NRGWR была показана принадлежность III—V эмиссий монет Вахшувара чеканке Андрогора (ранее уже отмечалось, что изображение квадриги на об. ст. статов Андрогора (эм. I) и Вахшувара (эм. III) было выполнено, видимо, одним резчиком птемпелей). Е. В. Зеймаль попытался показать, что сообщение Юстина (XLI. 4. 3—5) об отпадении парфян от Селевкидов еще до прихода Аршака может относиться только к Андрогору, выпускавшему уже серебряные и золотые монеты (хотя и без царского титула). Тогда же от Селевкидов отложился в Бактрии Диодот, и монеты Андрогора-Вахшувара, как и монеты Диодота с его именем и без имени Антиоха, видимо, начали чеканиться не ранее 247 г. до н. э., после смерти Антиоха II. Вероятно, и «аршакидская эра» (с 1 нисана 247 г.) отсчитывалась от официального обретения Парфией независимости при Андрогоре. Эпитет (второе имя?) WNSWR на монетах Андрогора имеет (по мнению В. А. Лившица) значение «избравший [бога] Вахшу» или «охраняемый [богом] Вахшу», культ которого в Парфии не засвидетельствован и связан с Бактрией и бассейном Вахша — Окса — Амударьи. Е. В. Зеймаль высказал предположение о существовании какого-то антиселевкидского союза Бактрии с Парфией и, возможно, какой-то помощи Диодота Андрогору.

Аналізу нумизматических материалов был посвящен и доклад *Г. В. Саркисяна* (Ереван) «Некоторые замечания о денежном обращении античной Армении», в котором автор принял за аксиому длительное сохранение денежных эмиссий в обращении и в то время, когда уже были утрачены социальные и экономические предпосылки их распространения, и подчеркнул в связи с этим необходимость комплексного изучения каждой группы монет и связанных с ними материалов письменных источников и археологии. В связи с этим он внес ряд уточнений. Милетские монеты из Эребуни V в. до н. э., обнаруженные в святилище, видимо, являются лишь приношениями и не свидетельствуют о денежном обращении. Находки распространившихся в Армении с конца IV в. до н. э. драхм и тетрадрахм Александра малоазийской чеканки единичны (интересен предложенный в марте 1987 г. Музеем истории Армении статов Александра, найденный при земляных работах в с. Айтх Эчмиадзинского р-на).

Медные монеты Александра в Армении тоже редки (одна найдена в с. Мармешан, другая — в с. Гладзор Егегнадзорского р-на), но они есть, что в литературе отрицалось. Из римских монет, попавших в Армению, до сих пор исследовалось в основном серебро Августа, однако заслуживают внимания и его медные монеты (пусть немногочисленные), а также римские золотые монеты: в числе находок последних лет есть ауреусы Нерона (два типа), Траяна, Антонина Пия (ранее был известен единственный ауреус Тиберия из Гарни).

В докладе *А. Б. Никитина* (Ленинград) «Эллинистические государства и Парфия. Экономические связи по нумизматическим данным» был проведен анализ состава монетных кладов Ирана и Закавказья с целью установления времени поступления в эти области эллинистических монет и уточнения в связи с этим представления о характере их экономических связей с другими странами. В иранских кладах III — первой половины II в. до н. э. преобладают монеты селевкидской чеканки восточных дворов (Экбатан, Суз), но представлены также западные дворы и бактрийская чеканка (клад из Кангавара), хотя на северо-восток Ирана селевкидские монеты в это время не поступали. Когда к Аршакидам отошли иранские владения Селевкидов, монеты последних еще продолжали поступать в Иран, видимо, через эллинистические полисы Парфии; в кладах они датируются первой половиной I в. до н. э., но при этом парфянские монеты на запад не поступали. Массовое единовременное появление в иранских кладах монет Грско-Бактрии, видимо, связано не с торговлей, а с походом в Бактрию Митридата I ок. 150 г. до н. э. Судя по составу бактрийских кладов III—II вв. до н. э., после отложения Бактрии от Селевкидов их монета сюда поступать перестала и область была изолирована в торговом отношении от эллинистического мира. По мнению *А. Б. Никитина*, в клады Кавказской Албании второй половины II в. до н. э., которые по составу очень близки к иранским, эллинистические монеты попали через Иран не ранее 130 г. до н. э.; бактрийские же монеты Кабалинского клада — видимо, часть «трофея» Митридата I, разошедшегося по иранским кладам. В прениях по докладу *М. О. Зардарян* выразил сомнение по поводу времени возникновения денежного обращения в Кавказской Албании, а *Е. В. Зеймаль* отметил, что, как правило, богатые клады свидетельствуют о том, что денежное обращение на соответствующей территории вряд ли было развито.

В докладе *М. О. Зардарян* (Ереван) «К проблеме армяно-сирийских взаимоотношений в эпоху античности» по материалам раскопок Арташата было показано, что в Армению из позднеэллинистической и римской Сирии импортировались благовония, украшения, парадная и простая посуда из стекла и металла и др. Осветить динамику армяно-сирийской торговли, по мнению автора, позволяет нумизматический материал: 40% привозных монет в древней Армении составляют монеты из Сирии, среди них представлены царские и городские эмиссии Селевкидов до Антиоха XII, городские монеты периода Тиграна II, «псевдоавтономный», «сенаторский» и муниципальный чекан римской эпохи. К монетам из Сирии примыкают эмиссии Финикии, Иудеи, Набатеи, приходившие, видимо, также через Сирию, бывшую одним из важных торговых партнеров античной Армении.

А. М. Аюбян (Москва) в докладе «Новые памятники фортификации античной Армении» представил результаты раскопок (1985—1987 гг.) трех крепостей I в. до н. э.—III в. н. э. (датированы по керамике) в Талинском р-не Армении. Все три, по видимому, сочетали военные и хозяйственные функции. Крепость Базмаберд-1 представляет собой прямоугольный комплекс площадью ок. 1500 м² со стенами из крупных блоков базальта, не скрепленных раствором, без внешних строений и башен. С юго-запада к крепости примыкало поселение (ок. 1 га), а вход в нее находился в юго-восточном углу и защищался с двух сторон из прямоугольных помещений, не выступавших за линию стен. Дорога шириной до 2 м, обнесенная стенами, вела в крепость Базмаберд-1, находившуюся в 600 м к западу, к которой также примыкало поселение. Третья крепость была исследована в 1987 г. близ с. Катнахпюр и по плану напоминает римский военный лагерь. В дискуссии по докладу *С. Ю. Сапрыкин* отметил возможные аналоги военно-хозяйственным пунктам Армении на Боспоре и в Малой Азии I в. до н. э. и предложил связывать крепости Армении также с деятельностью Митридата Евпатора. Ряд участников дискуссии указал на возможность существования не цепочки крепостей, как считает докладчик, а их сети, причем не только в уязвимых местах (они обнаружены и в царском домене); видимо, эти пункты были связаны и с хлебопашеством (*Г. Е. Арешян*). В целом приветствовалось обследование региона, считавшегося «белым пятном» на археологической карте Армении (*М. О. Зардарян*).

Ю. В. Андреев (Ленинград) выступил на симпозиуме с докладом «Спарта и эллинистический полис». Вопреки установившемуся мнению, что классическая Греция практически не знала противоположности между городом и деревней, докладчик проследил эволюцию этого антагонизма от архаики до эпохи эллинизма. Раннегреческий

полис VIII—VI вв. до н. э., по его мнению, уже дает пример «городского паразитизма»: город эксплуатирует хору с ее населением, обычно прикрепленным к земле. Позднее экономически развитые полисы перешли от эксплуатации своей сельской округи к присвоению ресурсов варварской периферии, однако в Спарте и других государствах, возникших в процессе завоевания окрестных территорий и порабощения их автохтонного населения, оппозиция полис — хора сохранилась. Она характерна и для многих полисов эллинистического Востока: как и илоты в Спарте, зависимое население (*лаой*) здесь было прикреплено к земле, город был обособлен от деревни и в основном аккумулировал и потреблял производимый ею прибавочный продукт. Возврат к раннегреческой системе можно объяснить попыткой адаптации греков к экономическим условиям Востока и традиционным стремлением полиса к автаркии.

Доклад *С. Ю. Власюкова* (Москва) «Этолия и Амфикионы (К вопросу о характере отношений в период этолийского господства в Дельфах)» был посвящен анализу роли Дельфийского полиса в политической, культурной и религиозной жизни Эллады, что обуславливалось особым значением находившихся на территории Дельф храма и оракула Аполлона.

Н. М. Никулина (Москва) в докладе «О специфических особенностях эллинистической художественной культуры» указала на неоднородность эллинского компонента в синкретичном искусстве: на заимствование с Запада лишь того, что соответствовало местной восточной культуре, на незначительность римского компонента по сравнению с эллинским и восточным, на усиление в конце эпохи эллинизма восточных традиций. На вопрос *Е. В. Зеймалю* о различиях синкретизма и эклектизма автор доклада ответила, что последний никогда не порождает нового качества, в отличие от первого.

А. П. Аюкян (Ереван) сделал доклад «О культе римского императора в Великой Армении», причины распространения которого, по мнению докладчика, были и внешние (римская политическая агрессия), и внутренние (борьба проримской и пропарфянской партий в самой Армении). С учетом специфики хронологической системы «Истории» *Мовсеса Хоренаци*, в которой сохранились данные о культе императора в Армении (II, 26), его введение можно датировать временем *Тиграна III*, *Тиграна IV* или *Артавазда III*. Он нашел отражение и на позднеарташесидских монетах с портретами *Августа* на л. ст. и армянского царя на об. ст., хотя с появлением армянских *Аршакидов* культ римского императора постепенно отошел в прошлое. Отвечая на вопросы, докладчик отметил, что о культе других римских императоров пока сведений нет. Что касается храма в *Гарни*, то он мог быть посвящен *Августу* и царю Армении; о проникновении культа *Августа* в *Арташат* данных нет. Во время дискуссии *Ф. И. Тер-Мартirosов* выразил несогласие с самой идеей культа *Августа* в Армении, исходя из его толкования «Истории» *Хоренаци*. *С. Ю. Сапрыкин*, *Ю. Н. Воронов* и *В. П. Яйленко* дополнили доклад материалами об императорском культе в Малой Азии и Причерноморье.

С докладом «Диоскуриада в раннеэллинистическое время» выступил *Ю. Н. Воронов* (Сухуми), который показал, что сложение эллинистической культуры в Восточном Причерноморье проходило на фоне существования греческих апойкий с двухвековой традицией контактов и слияния с аборигенными структурами (протоэллинизм). В Диоскуриаде уже с ее основания в VI в. до н. э. виден союз городской торговоремесленной верхушки с военно-земледельческой знатью, которая включала и верхушку туземного населения близлежащих поселков (показателем могильник *Ахулабаа*, IV в. до н. э.). Пережив расцвет в IV — начале III в. до н. э., Диоскуриада во II—I вв. до н. э. пришла в упадок, завершившийся полным опустошением ее хоры. В дискуссии по докладу *Ю. М. Гагосишдз* отметил сходную картину в *Имеретии* IV—III вв. до н. э.

А. Н. Бадер (Москва) в докладе «Завоеватели и завоеванные в первой половине эры Аршакидов (к проблеме взаимодействия культур)» попытался проследить истоки и формирование *Парфянского государства*. Анализ отношений парфян с *Селевкией* на *Тигре*, *Сузани* и *Дура-Европос*, обстоятельства гибели армии *Антиоха VII Сидета* в 130 или 129 г. до н. э., особенностей частного делопроизводства (пергамены *Авроман I*, II) позволил наметить факторы, определившие терпимость *Аршакидов* к греческой культуре уже в начале их господства. Вероятно, это были: длительная допарфянская традиция взаимодействия греческой и иранской культур на Востоке, экономическое могущество греческого населения, желание парфян приобщиться к выгодам торговли городов и привлечь греков к сотрудничеству в местной администрации и, возможно, также попытка фальсифицировать преемственность их власти в *Месопотамии* от *Селевкидов*.

Р. Е. Варданян (Ереван) в докладе «О датировке наскальных рельефов *Танг-и Сарвака*» обратился к анализу изображений парфянской эпохи на скалах *А* и *В* этого памятника. В соответствии с новой хронологической систематизацией эллинид-

ских эмиссий II в. н. э., отличной от предложенной Аллотом де ля Фюи, появилась возможность уточнить датировки и атрибуции рельефов, обоснованные В. Б. Хенningом. Сравнительный анализ иконографических и эпиграфических данных рельефов и монет с учетом уточненной последовательности эмиссий бронзовых тетрадрахм и драхм первой половины II в. н. э. позволил докладчику отнести рельефы скал А и В именно к этому времени. Тира, имеющаяся на нижнем (и позднем) рельефе АWс, не позволяет атрибутировать рельефы царям конца II в. — второй половины III в. н. э., ни один из которых не изображен на монетах в тире. Рельефы верхних регистров (AWa, ANW, ANa, AWb), видимо, появились раньше упомянутого АWс и не могут быть датированы позднее правления Орода I, а упомянутые в надписях на скале цари Абар Баси и Ород, вероятно, относятся к переходному этапу от Камнаскиридов к новой династии — Ородидов (начало II в. н. э.).

В. П. Яйленко (Москва) в докладе «Ономастические и фольклорные следы пребывания палеоазиатских народов в Средней Азии» привел доводы в пользу существования палеоазиатского компонента доиранского населения Средней Азии, вытеснение которого отразилось в иранском эпосе как борьба Ирана и Турана. Был предложен ряд этимологий: Туран от тунгусо-маньчжурского *tura* «страна, земля»; *amur-giōi* Геродота от чжурчженского *amur-gi* «внизу», в значении «низовые [скифы]»; название Каспия — Гурганское море (др. греч. Гирканское) — от нивхского *kērk*, *gerk*, «море»; доиранское название Амударьи — Амуть от кетского *am* «мать» + *ul* «вода», и целый ряд других.

В докладе «Раскопки дворца I в. до н. э. — I в. н. э. в Шида-Картли» *Ю. М. Гагошидзе* (Тбилиси) рассказал о результатах раскопок дворца I в. до н. э. на холме Дедоплис-гора в урочище Оргора в 2 км к югу от храмового комплекса Дедоплис Миандори, который, видимо, принадлежал иберийским царям и погиб внезапно в конце I или начале II в. н. э. при пожаре. Раскопки дали исключительно яркий материал, так как на полах помещений и в завалах сохранилось практически все, что было во дворце в момент его гибели, — от мебели до пищевых продуктов. Значительная часть находок — импортные вещи из Сирии, Египта, Италии от второй четверти III в. до н. э. до рубежа I—II вв. н. э. Найдены две монеты: статов Лисимаха и римский денарий 72 г. до н. э. Большинство вместилищ в помещениях, включая мелкие, были опечатаны, что говорит о развитой канцелярии. Среди находок имеются 28 пластинок из оленьего рога, на семи из которых помимо изображений вырезаны надписи арамейским письмом, близким к письму монолингвы из Армазисхеви (70-е гг. н. э.).

О раскопках дворца полководцев Картлийского царства рассказали *А. В. Болочадзе* и *Н. Г. Мирианашвили* (Тбилиси) в докладе «Нововыявленные памятники на территории городища Дзалиси». За 1985—1986 гг. были исследованы остатки дворца (видимо, II в. н. э.) площадью ок. 2500 м² с собственным водопроводом, канализацией и системой центрального отопления. В центре дворца раскопан атриум с фонтаном. Уникален открытый на городище плавательный бассейн, входивший в банный комплекс II—IV вв. н. э., строительная техника и коммунальное обустройство которого весьма совершенны.

Ж. Д. Хачатрян (Ереван) в докладе «Античные традиции в Арташате» проследил функциональное зонирование города, сочетание местной и эллинистической традиций в его фортификации, строительной и коммунальной системах, в керамике, стекле, предметах искусства и типах захоронений. Важны в связи с этим обильные нумизматические материалы и архив из более чем 8000 булл (II в. до н. э. — 58 г. н. э.), представляющих традиции стран древнего мира от Рима до Индии и от Египта до Северного Причерноморья.

А. В. Тоникян (Ереван) сделал доклад «О новом типе жилого дома из раскопок древнего Арташата (архитектурно-планировочный анализ)». Докладчик выделил для второй половины I — начала II в. н. э. новое планировочное решение жилого дома — «коридорный» тип, для которого характерны: функциональное деление дома на две части; неизменная схема сочетания жилых и хозяйственных комнат, продольного и входного помещений; небольшие размеры большинства помещений (12—15% общей площади) и подразделение их по размерам на две группы (210—250 и 340—360 м²). Прямых аналогий дому этого типа нет; видимо, он развивал какие-то местные традиции, хотя и не без внешних влияний.

Ф. И. Тер-Мартirosов (Ереван) в докладе «Ервандашат, Ервандакерт, Ервандаван. Топография, типология, эпоха» предложил отказаться от принятой локализации древнего Ервандашата у с. Ервандашат на левом берегу Аракса и Ервандакерта — на левом берегу р. Ахуриан севернее с. Багаран. На месте предполагаемого Ервандашата докладчиком при раскопках в 1985—1987 гг. были обнаружены лишь остатки поселения X—XIV вв. и части системы из концентрических оград на склонах холма, а юго-западнее — развалины здания с башней. Он предположил, что комплекс является частью описанной Хоренаци «Роци Рождения» с охотничьим дворцом и загонем,

входившими в «парадиз» парей Армении династии Оровтидов. Исходя из сведений Хоренаци, докладчик локализует Ервандашат на правом берегу р. Аракс у впадения в нее р. Ахуриан, а Ервандакерт — у отрога горы Кохб на берегу Аракса. Древний Ервандаван *Ф. И. Тер-Мартиросов* помещает в верховьях р. Ахуриан (ныне Карочай) у развилки дорог на Сарыкамыш и Кагызман.

Темой доклада *Г. Х. Саркисяна* (Ереван) стали «Некоторые особенности клинописной передачи греческих имен». Для эллинистического периода, характеризующегося взаимодействием греческой и восточной культур, пока малоизученным остается контакт между письменностями двух великих цивилизаций — греческой и вавилонской, за которым стоит взаимодействие языков. В докладе были рассмотрены особенности «транслитерации» греческих антропонимов средствами аккадской клинописи, которые, по-видимому, не могут быть поняты на почве аккадского языка и клинописи, но, возможно, могут объясняться из греческого языка эллинистической эпохи.

Ю. М. Десятчиков (Москва) в докладе «Социальная структура Сиракены» попытался доказать, что Сиракена античных авторов — это государственное образование сираков на значительной территории Северного Кавказа. Возникновение Сиракены докладчик связал с миграцией сюда в середине IV в. до н. э. дружинных объединений кочевников из Приуралья. Проанализировав данные Тацита и Страбона, докладчик сделал ряд выводов о социальной структуре Сиракены: наличие власти царя и царского рода, существование сословия «князей-скептухов», сословия «свободных-азатов» (из дружинников, входивших в корпуса катафрактариев) и сословия, куда входило завоеванное местное население, — все это позволило ему предположить, что социальная структура Сиракены была близка к таковой древней Армении, Иберии и Парфии.

В докладе *С. Ю. Сапрыкина* (Москва) «Храмовые объединения Понтийской Каппадокии» была поднята проблема землевладения храмов в эпоху эллинизма. Ведущие храмовые центры Понта — Комана и Зела в силу особенностей своего возникновения (задолго до образования Понта, из объединения деревень вокруг культового центра) проявляли тенденцию к автономии. В Комане земля делилась на четыре категории: теменос, священные земли храма, клеры граждан города Комана и земля, не бывшая священной, но подлежащая власти верховного жреца храма. Поскольку при Митридатах и Ариартатах верховные жрецы были и царскими наместниками, цари через них могли вмешиваться в дела храмов и храмово-гражданских коллективов. В Зеле храмовый центр тоже испытывал давление центральной власти. В целом храмовые общины Понтийской Каппадокии со временем утрачивали автономию, и цари как верховные собственники земли контролировали храмовые владения.

А. Г. Лундин (Ленинград) в докладе «Южноаравийская бронзовая скульптура: местные традиции и эллинистические влияния» показал, что главными сюжетами скульптур были человек и ряд животных. Стилистические параллели очень широки — от бронзовых статуй архаической Греции до искусства ахеменидского Ирана и Александрии позднеримского периода, наиболее заметно влияние селевкидской и парфянской Месопотамии и римского Египта. Датировки по стилю расплывчатые, а по палеографии надписей образцы охватывают II в. до н. э. — II—III вв. н. э. Эллинистическое влияние особенно ярко в статуе химьяритского царя Замар 'алайа (обнаженная фигура в свободной позе, с поднятой рукой). На статуе кроме литой сабейской надписи на постаменте обнаружены сабейская чеканная надпись «создал Лахай'амм» и процарапанная греческая «сделал Фока».

«Образ Геракла в искусстве эллинистического и коптского Египта» — тема доклада *А. Я. Каюшкина* (Ленинград). Геракл в Египте пользовался особой популярностью: в его честь был назван город Гераклеополь, ему посвящались литературные произведения и многочисленные изображения из камня, металла, терракоты, кости и живописные изображения. С утверждением христианства популярность героя в Египте не уменьшилась — и язычники, и христиане ассоциировали его подвиги с торжеством над смертью, а позднее видели в нем прототип Христа (Дион Хрисостом, Юстин Мученик).

Ю. Г. Виноградов (Москва) в докладе «Боспор и эллинизм» попытался опровергнуть установленное со времен М. И. Ростовцева мнение, что уже с конца IV в. до н. э. Боспор можно считать типичной эллинистической монархией. Он указал на сохранение и после Эвмела распределения функций управления между членами династии и системы соправительства (передатированный автором Анапский декрет показывает, что так правили старшие сыновья Эвмела Спарток III и Селевк II; о соправительстве Сатира III и Перисада II говорит новая серия граффити из нимфейского святилища Афродиты и т. д.). Изменения отношения правителей к подданным так рано не произошло: титулы «архонт» и «царь» не смешивались, а употреблялись в строго определенных случаях. Во внешней политике сохранился союз со Скифским царством и традиционные формы подчинения сиюдомеотских племен. В целом в IV в. до н. э. была создана прочная, гибкая, сбалансированная гетерогенные социальные элементы политическая структура территориальной тиранической державы, сохранившаяся до II в. до н. э. Элли-

низм как государственная структура впервые появился на Боспоре лишь с Митрида- том Евпатором.

А. А. Степанян (Ереван) выступил с докладом «К теоретическому обоснованию царской власти в эллинистической Армении», для которой во II—I вв. до н. э. было характерно одновременное укрепление и отчуждение государственной власти при живучести родоплеменных институтов. Важным проявлением последней было ежегодное общеармянское народное собрание у горы Ипат в месяце *навасард*, на котором армянские цари ежегодно слагали и снова обретали свою власть, сохраняя ее абсолютной в отношении иноплеменных покоренных и гордакалов, но ограниченной в отношении большинства армян. В дискуссии по докладу Р. Л. Манасерян и В. П. Яйленко заметили, что факт получения власти от народа Тиграном II не засвидетельствован, а ретроспективные восстановления условны.

Г. В. Ордоян (Ереван) в докладе «Античные традиции придворных театров в армянском средневековье» исследовал театральные представления в армянских аристократических домах, широко распространенные в эпоху эллинизма и Римской империи, что привело к созданию своеобразной системы художественных форм камерного театра, окончательно сложившегося в эпоху Возрождения. Для Армении сведения о существовании в феодальной среде «увеселительных домов», где устраивались представления, можно дополнить результатами раскопок Н. Я. Марра на «Выпгороде» Ани (речь идет о «комнате-сцене», выходившей в зал южной части дворца).

В. И. Козловская (Владимир) в докладе «Аккультурация как вариант эллинизации античной Галлии и Испании» показала, что эллинизация древней Иберии шла параллельно с ее пунизацией и не носила насильственного характера. При этом местные этносы избирательно относились к греческой культуре и заимствовали лишь то, в чем сами ощущали потребность. Этот процесс протекал с V в. до н. э., но особенно активно — в эпоху эллинизма.

По поручению оргкомитета итоги симпозиума подвел *Г. А. Тирацян*. Он отметил, что три проведенных в Ереване симпозиума выявили ряд определенных тенденций в тематике исследований специалистов и позволили уточнить круг изучаемых проблем. Если первый по счету симпозиум был характерен освещением прежде всего процессов культурного взаимодействия, а второй — проблемы постэллинизма, то нынешний, третий, выявил большее разнообразие проблем, что обусловлено потоком новой информации и новыми подходами к давно изучаемым темам. В связи с этим, возможно, имеет смысл посвятить последующие симпозиумы более узким проблемам.

А. П. Аюкян, А. Н. Бадер

© 1990 г.

КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ НАРОДОВ ИНДИИ И СОВЕТСКОГО СОЮЗА»

(Москва, 24 мая 1988 г.)

24 мая 1988 г. в Доме Дружбы с народами зарубежных стран состоялась конференция, посвященная историческим связям народов Индии и Советского Союза. На утреннем заседании во вступительном слове *Г. М. Бонгард-Левин* охарактеризовал основные этапы в развитии советско-индийских связей, а также современные проблемы индологии и буддологических исследований, стоящие перед советскими и индийскими учеными.

В докладе «Индия и Средняя Азия ранее 1000 г. до н. э. Можем ли мы написать „историю пограничья?“» *Ш. Ратнагар* затронула вопросы, связанные с культурой пограничных районов. Поселения, расположенные на границах культурных регионов, являются, по ее мнению, своего рода фильтрами взаимного проникновения разных по своему характеру культурных традиций. Материалы археологических памятников показывают, что процесс этот обычно замедляется с момента вторжения. Некоторые исследователи в возникновении пограничных поселений видят результаты миграций.

Б. А. Литвинский посвятил свой доклад теме: «Культурные связи между Индией и Средней Азией». Дав краткий обзор связей древней Индии и Средней Азии, докладчик подчеркнул значение археологических источников, которыми историческая наука вначале располагала в ограниченном количестве. О тесной связи Средней Азии и Ин-

дии свидетельствует родство языков, о котором говорят еще авестийские тексты. Сходство культур рассматриваемых областей подтверждается недавними раскопками поселения Саразм, обнаружившими аналогии с Белуджистаном III—II тыс. до н. э. В культурном взаимодействии большую роль играло распространение буддизма в Средней Азии, способствовавшее обмену проповедниками, учеными и т. п.

Одним из важных признаков культурного взаимодействия между обществами является обмен идеями. Характеристика этого явления и его историческое развитие рассмотрены в докладе *А. К. Бага*. Письменные источники показывают, отметил он, что обмен идеями происходит в различных областях знаний. Посредниками и носителями многих идей были в зависимости от исторических ситуаций различные слои общества и разные народы. Определенную роль в распространении знаний играли кочевники.

Одному из центров художественных школ Индии — Матхуре был посвящен доклад «Среднеазиатские черты в искусстве Матхуры» *Г. М. Бонгард-Левина* и *Г. А. Кошеленко*. В кушанский период Матхура становится одним из художественных центров, имевших огромное значение в развитии художественной культуры Индии; с матхурской школой, в частности, связывается иконография Будды. Наряду с этим произведения монументальной скульптуры Матхуры имеют близкие параллели с памятниками искусства Средней и Центральной Азии (Сурх-Котал, Тахти-Сангит и др.).

В докладе «Древнейшие культуры Индии и Средней Азии: тысячелетия взаимодействия» *В. М. Массон* отметил, что развитие древних культур индо-среднеазиатского региона демонстрирует диалектическое сочетание использования местных ресурсов, специфических для каждого небольшого ареала, с широкими ланрегиональными взаимодействиями. Три периода таких взаимодействий прослеживаются особенно четко: Джейтунская культура и Мергар I, Систан и Белуджистан, Южная Туркмения и Харапская цивилизация.

В докладе *В. Н. Мукерджи* «Миграция и торговля между Средней Азией и Индией» отмечалось, что в период с 525 г. до н. э. до 700 г. н. э. связи между индийским субконтинентом и Трансоксианой продолжались с различной степенью интенсивности. В кушанскую эпоху, например, на огромной территории от Трансоксианы до Матхуры и даже восточнее ее отсутствие политических барьеров обеспечивало сравнительно беспрепятственную торговлю, передвижение населения и идей. В докладе были затронуты вопросы миграции племен саков и юэчжей, а также индийцев на территорию Средней Азии.

На вечернем заседании было заслушано пять докладов. Анализу эпиграфических данных и письменных источников по результатам последних раскопок на Кара-тепе в Старом Термезе был посвящен доклад *В. В. Вертоградской* «Новые находки в Кара-тепе и проблемы каратепинских вихар».

В докладе *Лолиты Неру* «Искусство скульптуры в Бактрии и Гандхаре» была предпринята попытка выявить основные этапы развития Гандхарской скульптуры и провести параллели произведения монументальной скульптуры бактрийского региона.

С докладом «Связи и взаимодействия в искусстве Средней Азии и Индии IV в. до н. э. — VIII в. н. э.» выступила *Г. А. Пугаченкова*. На примере памятников монументального и прикладного искусства было доказано взаимопроникновение изобразительных традиций Индии и Бактрии. Автор отметила, что многие предметы эллинистического происхождения приобретают на среднеазиатской и индийской почве местные черты при сохранении исходной изобразительной схемы.

Доклад *Б. Я. Ставиского* «Кара-тепе в Старом Термезе как памятник древних среднеазиатско-индийских культурных связей» ознакомил участников конференции с материалами многолетних (с 1961 г.) раскопок крупнейшего буддийского памятника Средней Азии — культового центра первых веков н. э., где помимо относительно хорошо сохранившихся остатков архитектуры и памятников искусства были открыты также индийские, бактрийские, среднеперсидские и другие надписи.

Доклад *Н. В. Гурова* «Дравидийские элементы в ведийских текстах: ранний этап культурного синтеза в процессе формирования индийской культуры» был посвящен процессам взаимодействия и взаимовлияния различных археологических культур эпохи неолита и раннего металла (V—I тыс. до н. э.) на территории индийского субконтинента. Докладчик раскрыл конкретный механизм синтеза различных традиций, лежащих в основе классической индийской культуры.

На конференции был освещен ряд важнейших вопросов политической истории, истории архитектуры и искусства и в полной мере отражено все многообразие связей и контактов между народами Индии и Средней Азии с древнейших времен до средневековья.

* * *

В рамках фестиваля советско-индийской дружбы 23 мая 1988 г. в Москве, в Государственной Третьяковской галерее была торжественно открыта выставка, посвящен-

ная культурной жизни и историческим связям Индии и Советского Союза. Особый интерес с точки зрения историко-культурных контактов Индии с народами СССР вызвала экспозиция предметов материальной и художественной культуры, обнаруженных в результате археологических раскопок в Индии и республиках Средней Азии.

Памятники древности позволили зримо ощутить культурную близость и взаимосвязь, существовавшие на протяжении многих веков развития индийской цивилизации и древних обществ Средней Азии. В зале археологии и древнего искусства экспозиция была развернута в хронологической последовательности, начиная с первобытной эпохи. Здесь были представлены высокохудожественные образцы работы древних мастеров, изделия ремесла, предметы культового характера.

Орудия эпохи палеолита, мезолита с индийских поселений — Казалпура, Вадаматура, Аттримпаккама, а также материалы с памятников Средней Азии: Сельунгура, Кутурбулака, Оби-Рахмата, Обишира, Мачая (Узбекистан), Сай-Саеда, Камышли, Дахана-3 (Южный Таджикистан) — продемонстрировали близкие элементы в технологии обработки каменных изделий.

На выставке экспонировалась часть находок с поздненеолитических (VI—V тыс. до н. э.) поселений Южной Туркмении — Песседжик-тепе, Джойтуна (кремневые орудия, расписная керамика, изделия из камня и кости), а также с известного неолитического памятника Индии — Бурзаха.

Раннеземледельческая культура Средней Азии была представлена археологическим материалом Алтын-депе, включающим высококачественную керамическую продукцию, художественную терракоту, каменную и керамическую коллекцию печатей с солярной символикой и другими изображениями религиозного характера, каменные миниатюрные сосуды культового назначения. Отличается своей изысканной ornamentацией расписная керамика. Комплекс находок из Алтын-депе датируется IV—III тыс. до н. э.

В истории Индостана следующий этап (III—II тыс. до н. э.) знаменуется высокоразвитой городской цивилизацией, одним из центров которой была Хараппа, расположенная в бассейне р. Инд. О значительном уровне художественного творчества древнеиндийских мастеров свидетельствуют реалистически исполненные терракотовые изображения животных (быка-зебу, буйвола) и птиц, слепатитовая печать с изображением буйвола из Банавали, изделия из меди с городища Суркотада, расписная керамика с растительными мотивами и птицами.

Одним из центров протгородской цивилизации южноузбекистанского региона, наряду с городищем Сапалли-тепе, был Джаркутан с довольно сложной архитектурой. О высоком уровне развития гончарного производства говорят разнообразие форм керамической посуды и ее тщательная отделка. Здесь встречаются различные типы ваз, чаш, кубков и т. д. Керамический комплекс Джаркутана датируется 1500—1350 гг. до н. э. Эпоху бронзы Средней Азии представляли также сосуды из Дальверзин-тепе (XIV—VIII вв. до н. э.) и Таджикистана (II тыс. до н. э.).

Культурное взаимодействие между Индией и Средней Азией приобретает особую интенсивность в кушанскую эпоху, когда северо-западные части Индии и большая часть Средней Азии оказались включенными в обширную Кушанскую империю. О взаимовлиянии изобразительных традиций говорят как памятники монументального искусства, так и высокохудожественные образцы прикладного искусства. С кушанской эпохой периода развития буддийского изобразительного комплекса связывается ряд известных в науке памятников, таких, как Кара-тепе (буддийский культовый центр на городище Старого Термеза, включающий и буддийский монастырь), Фаяз-тепе и др. Скульптура и настенная живопись Кара-тепе и Фаяз-тепе имеют явно буддийский облик, но создавались они на почве старых традиций бактрийского искусства. Основным материалом для валяния здесь служила глина, часто поверх тонкоотмученного слоя наносилась краска. В экспозицию включены несколько скульптур: голова донатора, голова деваты — Кара-тепе (II—IV вв. н. э.), облицовочные блоки культовых сооружений или постаментов статуй с изображением сидящего Будды, донаторов — Мерв (I—II вв. н. э.), архитектурные детали (капитель) с сюжетами буддийского содержания, крышки реликвариев, оформленные в виде цветка лотоса и т. д. Из Кара-тепе происходят два черепка с индийскими надписями письмом кхароштки и брахми. I—III веками нашей эры датируются каменные так называемые туалетные блюда с изображением гиппокампа из Южного Таджикистана.

Буддийская изобразительная традиция сохраняется на протяжении длительного времени и после крушения кушанского государства и гибели многих буддийских центров Средней Азии; об этом свидетельствует, например, материал Зар-тепе, датируемый IV — первой половиной V в. н. э. Терракотовый комплекс Зар-тепе включает изображения бодхисатв, якшей и других персонажей буддийского пантеона.

На территории Индии искусство буддийского направления формируется и развивается в основном в двух историко-культурных регионах — Гандхаре и Матхуре. Если

в монументальной скульптуре Гандхары усматриваются влияния многих культурных традиций, то в произведениях матхурской школы ваяния многие исследователи видят истоки буддийской иконографии. Традиционным материалом матхурской скульптуры был красный камень с белыми вкраплениями. Безукоризненное владение резцом, непринужденная манера ваяния древнеиндийских мастеров позволяли создавать образы, полные экспрессии и динамики (женская фигура на пьедестале из Самтхана), а также изображения конкретных исторических лиц, выполненные в реалистической манере (голова из Сарнатха). Кушанская эпоха Индии представлена богато орнаментированной керамической посудой, в которой применялась различная техника декорировки: штамп, тиснение в матрице, гравировка. В качестве орнамента использованы мотивы в виде солярных знаков — свастики, розетки, буддийские символы — ладонь, колесо, лотос.

Раннесредневековый период в истории Средней Азии на выставке был представлен относительно более многочисленными памятниками. Экспонировался материал с археологических объектов исторических областей Чача, Южного Согда, Тохаристана, Ферганы и др.

Произведения коропластики из Южного Согда (городище Ер-курган), датированные V—VI вв. н. э., демонстрируют довольно самобытную школу в производстве этого вида изобразительной продукции. В репертуар древних мастеров входили изображения божеств, божественных прародителей, животных. Своеобразна терракотовая скульптура с городища Канка, сюжеты которой говорят о синтезе городской культуры и культуры кочевых народов (образ всадника, терракотовые фигурки животных); канкинский комплекс датируется V—VI вв. н. э. Интересны произведения раннесредневековых творцов, разные по своей сюжетной канве и стилистическому исполнению. На бронзовой печати из Кувы представлено божество индуистской мифологии — бог богатства Панчика-Кубера. Четырехрукое божество на троне (Южный Таджикистан) изображено на серебряной чаше, датируемой VII в. н. э.

В экспозиции были представлены памятники монументального искусства: из Пенджикента — фрагменты настенной росписи с изображениями божества типа Шивы (VIII в.), эпизода из Панчатантры (VIII в.), сцены из Махабхараты, резное дерево (обуглившееся) с изображением богини на льве, а также скульптурная голова Будды из Локопалы с Аджина-тепе (VII—VIII вв., Таджикистан) и др.

Раннесредневековый и могольский периоды в истории Индии были отражены памятниками прикладного искусства с городищ Пурана-кила, Фатехпур Сикри и др. Это предметы из стекла и глазурованной керамики, украшенной растительными мотивами в различной технике (тисненный, процарапанный орнамент). Хотя средневековый период Средней Азии был представлен немногочисленными предметами материальной культуры, но они могут свидетельствовать о высоком уровне развития городского ремесла: это глазурованные блюда из Афрасиаба, Пенджикента, набор фишек для игры в нарды, датируемый IX—XI вв.

Зал археологии и древнего искусства, как и вся выставка в целом привлекли большое внимание своей цельностью и насыщенным содержанием, продемонстрировав исторические связи между народами Индии и Советского Союза.

К. А. Абдуллаев

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 1990 г.

ARTEMIDORI DALDIANI

ONEIROCRITICA

АРТЕМИДОР

СОННИК

Перевод с древнегреческого под общей редакцией

Я. М. Боровского

КНИГА I*

67. Переходя к сухой пище, мы начнем с овощей.

Овощи, которые, будучи съедены, сообщают свой запах, означают разоблачение тайн и ненависть окружающих: таковы редька, цикорий, рубленый порей. Овощи, которые очищают и едят сырыми, означают убыток из-за этой утраты лишнего: таков салат и тому подобное. Артишок⁶⁸ означает горе, потому что он колючий и с шипами, а также безработицу, потому что он непитательный.

Белая свекла, мальва, щавель, конский щавель и лебеда к добру только для должников, потому что они прослабляют желудок и выводят испражнения; а желудок и внутренности у нас подобны взыскателям-заимодавцам. Напротив, корнеплоды, морковь и другие съедобные овощи означают пользу для всех, кроме тех, у кого тяжба за землю — потому что вырывают их из земли вместе с корнем.

Капуста ни для кого не бывает к добру, особенно же она в пагубу трактирщикам, виноградарям и Дионисовым актерам, потому что только вок-

---

* Продолжение. Начало см. ВДИ. 1989. № 4. Перевод М. Л. Гаспарова и В. С. Зилигиневич.

⁶⁸ Текст испорчен. Читаем *κινάρη* вслед за Герхером.

руг капусты не может обвиваться виноградная лоза ⁶⁹. Из так называемых белых овощей репа, брюква и тыква означают несбыточные надежды, потому что они толстые и непитательные; для больных они означают хирургические операции, а для путешественников — раны от железа, потому что эти овощи едят нарезанными. Огурцы же нарезанные к добру для больных, потому что они оттягивают воду. Дыни (*πέπωνες*) к добру для дружеского и любовного соединения, поэтому употребляют обращение *πέπον* в смысле «милый», но такой сон не благоприятствует, потому что о расслабленности тоже говорят *πέπον*.

Есть лук и чеснок не к добру, а иметь к добру. Только для больных лук означает разное. Именно здесь Александр Миндский ⁷⁰ сильно заблуждался, так и не сумев разобраться; я же скажу так: если больной во сне будет есть много лука, то он выздоровеет, но оплатит кого-нибудь другого, если же будет есть мало, то умрет. В самом деле, кто умирает, тот плачет мало, а кто оплакивает, тот много, потому что проливает слезы долго.

68. Все стручковые овощи — не к добру; исключение — только горох, по причине своего названия (*πίσσον*), означающего убеждение (*πειθῶ*): особенно он благоприятен кормчим и ораторам, потому что кормчих будут слушаться кормила, а ораторов судьбы. Бобы молотые и натуральные означают ссору: одни, потому что молотые, а другие, потому что от них бывают дурные ветры; и не только поэтому, а еще и потому, что бобы отлучены от всего праздничного и священного ⁷¹. Чечевица означает горе, а ячменный отвар — усталость, потому что чечевица и ячмень трудно размалываются. Просо, просянка и полба означают нищету и лишения и к добру лишь для тех, кто кормится от народа. Хрящевик и козляк, поскольку съедобны, постольку полезны, но поскольку выращивать их трудно, постольку означают непомерные труды, а для бедняков — болезни. Сесам, льняное семя и горчица к добру только для врачей, остальным же сулят тяжкие труды и разоблачение тайн.

69. Хлеб есть во сне хорошо такой, к какому привык: бедному человеку подобает хлеб непровеянный, богатому провеянный. Если не так, то это не только не к добру, но даже к худу, ибо означает для бедняка болезнь, а для богача нужду. Ячменный хлеб для всех к добру, потому что он, говорят, был людям первой пищей и получен был в дар от самих богов ⁷². Крупа пшеничная и ячменная означает то же, что и хлеб, только в меньшей степени.

70. Мясо, когда его едят и готовят, по опыту считается к добру, за многими лишь исключениями. А именно, баранина означает неприятности и слезы в доме, потому что овцы суть не что иное, как люди ⁷³. Говядина не к добру, потому что трудно расколачивается, и означает малые зара-

⁶⁹ Считалось, что образованию и действию вина мешает сильный капустный запах (*Феофраст*. О растениях. IV. 16. 6), и поэтому даже виноградные лозы избегают соприкосновения с капустой (*Цицерон*. О природе богов. II. 120). Греки ели капусту перед выпивкой и после выпивки, чтобы избежать похмелья (*Плиний Старший*. XX. 84; XXIV. 1).

⁷⁰ Александр из малоазийского города Минд, по прозвищу Полигистор — греческий грамматик, историк, естествоиспытатель I в. до н. э. Образование получил в Пергаме, был привезен в Рим в качестве военнопленного и отпущен на свободу. Его сочинения не сохранились.

⁷¹ Известный пифагорейский запрет.

⁷² Ср. *Плиний Старший*. XVIII. 72 (со ссылкой, например, на то, что гладиаторов в старину называли «ячменниками»).

⁷³ См. ниже *Артемидор*. II. 12, где овцы уподобляются людям из-за того, что слушаются пастуха, собираются в стада и устремляются к лучшему.

ботки, потому что дешево стоит, а для рабов — наказание, потому что бичи делаются из бычьей кожи. Козлятина, судя по опыту, хороша для тех, кто попал в непогоду, потому что коза, *χιμάρια*, подобна своим именем непогоде, *χειμῶν*, и когда ее режут, то уносит с собою эти бедствия; для остальных она без пользы, а костлявостью своей сулит мелкие заботы. Но лучше всего свинина, и понятно: пока свинья жива, человеку от нее нет никакой пользы, но когда ее зарежут, то нет мяса вкусней, — остальные же твари все лучше живые, чем зарезанные. И вовсе хорошо — видеть, будто ешь свинину жареною, потому что здесь к благополучию прибавляется быстрота в виде огня; мясо, просто вареное, означает такое же благополучие, но не так скоро. Мясо, приготовленное точно так же, но руками поваров, предвещает то же благополучие, но с расходами и не без неприятностей. Совсем нехорошо есть сырое мясо — это предвещает лишиться какого-то имущества, потому что желудок наш не переваривает сырого мяса.

Но гораздо лучше всего, по моим наблюдениям, видеть во сне, будто ешь человеческое мясо, — если только это не мясо родственника или знакомого, потому что кто ест мясо родственника, тот этого родственника похоронит и сам после съеденного недолго будет жить, ибо это знак великой нужды, которая бывает от войны и голода и которая одна может довести человека до подобной пищи. Ужаснее всего есть мясо собственного сына: это предвещает близкую гибель, кроме лишь тех случаев, когда поедаются те части тела, которыми сын зарабатывает на жизнь: ноги бегуна, руки ремесленника, плечи борца, ибо такой сон обещает сыну прибыль, а отцу от этого выгоду. А есть мясо посторонних людей — к добру, потому что когда люди наживаются друг от друга, то этим в некотором роде поедают друг друга. При этом всегда лучше есть мясо мужчин, чем женщин, и мясо детей, чем стариков.

Есть гусятину и дичь к добру для всех: дичь предвещает выгоду от женщин и от судов (потому что птицы произошли из превращенных женщин или потому, что птицы ласковы, а гуси — от мужчин-хвастунов). Есть мясо всякого зверя тоже к добру: это предвещает выгоду от имущества своих врагов, а каковы эти враги, на то указывают вид и порода поедаемого животного. Об этом я еще буду говорить в разделе об охоте. Есть рыбу тоже к добру, особенно жареную, но также и приготовленную иным образом; нехороша только мелкая рыба, потому что в ней больше костей, чем съедобной мякоти, и это означает не выгоду, а только ссоры с домашними и неоправдавшиеся надежды. Но и о рыбах я буду говорить подробнее в разделе о рыболовстве.

71. Мясо засоленное и просоленное означает промедления и проволочки в делах, потому что солью мясо сохраняется надолго; а во всем остальном — томление и тоску и нередко даже болезнь, потому что от соли мясо мякнет.

72. Пироги без сыра — к добру, а пироги с сыром означают хитрости и козни, так же как и сыр сам по себе. Пироги с толченым сезамом и с медом к добру для всех, особенно у кого дела в суде, потому что в старину медовый пирог был наградой за победу⁷⁴. О других печеньях, какие бывают на праздниках и при жертвоприношениях, толкования нужно делать по смыслу праздника. Что же касается каперсов, оливок, всяких заготовленных впрок овощей, каши с пряностями и тому подобного, то об этом я намеренно умалчиваю, ибо ясно, что к добру это быть не может.

⁷⁴ За победу в выпивке (*Афиней*. XIV. 647 с.); ср. реплику «за умение мы снискали пирог» у *Аристофана* (*Фесмофоризусы*. 94).

73. Яблоки весенние, сладкие и зрелые, видеть и есть — к добру: это обещает любовные утехи (особенно для тех, кто думает о жене или любовнице), потому что яблоки эти посвящены Афродите⁷⁵. Кислые же яблоки означают ссоры и раздоры, потому что посвящены Эриде. Яблоки зимние, так называемые кидонские, означают горе, потому что вкус у них терпкий.

Миндаль и орехи со скорлупою толстой, тонкой и всякой, которую нужно раскалывать, означают смуту, потому что трещат, и горе, потому что вкус у них горький. Я знал одного человека, пользовавшегося в Греции большим почетом: ему приснилось, что кто-то дает ему орех, он проснулся, и этот орех был у него в руке; а потом, после многих неприятностей, он оказался лишен гражданских прав.

Смоквы в свойственную им пору бывают к добру, а в несвойственную означают обиды и ябеды, потому что ябеда в старину называлась «сикофантством». Кто работает под открытым небом, для тех светлые смоквы означают добрую погоду, а черные — ненастье и ливень, для остальных же смоквы о погоде ничего не предсказывают.

Виноградная гроздь бывает к добру и в пору винограда и не в пору, ибо означает выгоду, обычно — от женщин или через женщин; светлый виноград — явную выгоду, а темный — тайную. Гранат означает раны — по причине своего цвета и пытки — по причине острых шипов, и рабское подчинение — по смыслу элевсинского сказания⁷⁶. Персики, абрикосы, черешни и прочие плоды, кроме лишь тутовой ягоды, означают в урочную пору удовольствие и обман, а в неурочную пору — напрасные труды. Тутовая же ягода означает то же самое, что и гранат; а тутовое дерево означает род сновидца, и когда оно в цвету, то это к добру, а когда оно выкорчевано, то это к гибели всего рода. Груши садовые бывают к добру, потому что и при хранении они не портятся и тотчас после сбора годятся не только в пищу, но и на сок: я знаю таких, которые готовят из них напиток⁷⁷. Лесные же и дикие груши к добру только для земледельцев, а остальным не сулят ничего приятного.

О каких плодах здесь не сказано, о тех следует судить по образцу сказанного, рассуждая точно так же.

74. Так как после пищи по смыслу следует домашняя утварь, то по справедливости здесь нужно сказать и о ней. Например, чаши для питья (как уже было сказано) означают жизнь, а подносы и большие блюда — образ жизни. Здесь нужно учитывать, не дорогие ли они и не стали ли они из больших малыми или из малых большими, из целых битыми или из битых целыми; всякая перемена к лучшему будет к добру, а к худшему — не к добру. Таким же образом следует рассуждать и о всякой иной утвари.

Переносной светильник означает женщину, а висячий — хозяина дома и душу сновидца (потому что он все освещает и потому что его легко погасить), а также любовь (потому что он горит). Треножник и очаг означают жизнь, хозяйство и супругу сновидца; если с треножником и очагом что-нибудь случится, для всего этого будет вред. Стол и всякая иная утварь, на которой едят, имеет то же значение, что и треножник.

Ложке, подушки и все, что относится к постели, означает жену сновидца и весь его образ жизни; складная постель — тоже. Ножки постели оз-

⁷⁵ Яблоки считались даром любви — ср. миф об Аконтии и Кидиппе у Каллимаха. Кидонские яблоки (айва) часто имели то же значение — *Плутарх*. Римские вопросы. 65.

⁷⁶ О том, как похищенной Персефоне пришлось остаться у Плутона, потому что она съела в его царстве гранатовый плод (так уже в Гомеровом гимне к Деметре).

⁷⁷ Упомянуется Плинием Старшим (XIV. 103).

начают домашних слуг. Тот брус, который к стене — мужа, тот, который наружу — жену, изголовье — детей-мальчиков, изножье — детей-девочек. Как брусья, точно так же следует толковать и стены спальной комнаты.

Кружка означает раба, амфора — прислужника, ножка стола — домоправителя, бочка для зерна — ключника, кладовая — тоже. Подлокотники и все, что приколочено, означает жизненный порядок. Ларцы, ящики и сундуки означают жену сновидца, потому что им доверяется самое дорогое; а покрывала и ковры — наложниц и вольноотпущенниц.

Обо всей остальной утвари было бы слишком долго рассказывать; поэтому я прошу тех, кому попадется эта книга, читать ее не беззаботно, а добавляя что-нибудь и от своих трудов.

75. Умачиваться к добру для всех женщин, кроме изменяющих мужу, но к сраму для всех мужчин, кроме тех, у которых умачение в обычае.

76. Плясать у себя дома, когда никого нет и никто не смотрит, кроме домашних, — одинаково к добру для всех; видеть, как пляшут жена или дети, или кто-нибудь из родственников — тоже к добру. Все это говорит о веселье и изобилии, потому что люди пляшут не иначе, как словно отдавши дань крутому и жесткому хозяину⁷⁸, только тогда они расправляют тело и пляшут. Но для больного, будь он мужчина или женщина, это не к добру, потому что резкими движениями пляшущий похож на сумасшедшего или припадочного; не к добру и для того, у кого есть больная в доме, потому что пляшущий делает и испытывает то же, что и оплакивающий.

Плясать при чужих людях, будь их много или немного, или видеть кого-нибудь из близких пляшущим при чужих — это не к добру ни для здорового ни для больного: кто видит ближнего, у того кто-нибудь умрет в доме, кто пляшет сам, тому будет много сраму. Видеть пляшущим ребенка означает, что ребенок станет глух и нем, так что ему придется выражать свои желания знаками.

Плясать в театре, играя роль в подобающем облачении, означает для бедняка богатство и славу, однако не до старости, потому что хотя театральная плясуня играет царскую роль и водит за собою целую свиту, но кончится представление и он остается один. Для богача же это предвещает хлопоты или тягбы по сходству с хитросплетениями драматического действия. Для женщины, как богатой, так и бедной, этот сон, судя по опыту, не к добру, потому что сулит много шума и срама.

Для раба любая пляска и в любой обстановке означает быть битым, а для путешествующего по морю — потерпеть крушение или выпасть за борт и спасаться вплавь, потому что кого бьют и кто плывет, те двигают всеми членами тела. Зато узнику пляска к добру — это значит, что он избавится от цепей, потому что тело пляшущего гибко и подвижно.

Кто пляшет с высокими прыжками, тому это сулит тревогу и страх, а преступнику — казнь на высоком кресте и с распятыми руками. Плясать военную пляску означает то же, что всякую иную. Играть с обручем, ходить колесом, скакать меж острых ножей не означает худого лишь для тех, кто к этому привык, всем же остальным сулит крайнюю опасность. Смотреть на воздушного гимнаста означает то же самое. Всякие мимы и шуты означают хитрости и обманы.

Видеть во сне, будто поешь хорошо и звучно, — к добру для певцов, музыкантов и всех прочих; если же поешь дурно и некрасиво, то это знак безработицы и бедности. Если кто помнит, какие пел песни, то по этим

⁷⁸ Текст испорчен — по смыслу следовало определение метафорического «хозяина» — «голод», «плоть» и т. п.

песням и следует делать толкование. Петь в дороге — к добру, особенно если идешь за вьючной скотиной, а петь в бане — наоборот, не к добру: первое означает жизнь пристойную и привольную, а второе предвещает, что голос осипнет, а многие после такого сна даже попадали в тюрьму. Петь же на улицах и площадях означает для богатого срам и посмеяние, а для бедного — сумасшествие.

77. Венки из цветов в общем и целом бывают в пору их цветения к добру, а не в пору — не к добру. Но так как здесь необходимо сказать для ясности о каждом в отдельности, то так мы и начнем.

Венки из нарциссов, даже когда они в пору их цветения, для всех не к добру, особенно же для тех, кто кормится от воды или через посредство воды или кто собирается в плавание ⁷⁹.

Венки из фиалок в пору свою к добру, а не в пору — не к добру; при этом венки из белых фиалок означают явные и несомненные неприятности, из желтых — менее явные, а из темно-пурпурных — даже и смерть, потому что темно-пурпурный цвет имеет нечто общее со смертью ⁸⁰.

Венки из роз в пору свою к добру для всех, кроме тех, кто болен или скрывается: больным они сулят смерть, потому что быстро вянут, а скрывающимся — разоблачение, потому что сильно пахнут. Где розы растут и зимою, там их следует круглый год толковать к добру.

Венки из амаранта для всех к добру, особенно для судящихся, потому что амарант, в соответствии с своим именем (неувядаемый) не теряет своего цвета. Но для больных он не к добру, потому что его приносят в дар богам и покойникам, и лишь изредка живым людям.

Венки из лилий отлагают исход дел, на который надеешься. Венки из фригийского амарака, цавеля, эления, анемона, сисимбрия и майорана для всех не к добру, потому что по большей части означают болезнь. Венки из мальвы и олеандра к добру только для землепашцев и садоводов ⁸¹, а для всех остальных сулят тяжкие труды и дальние странствия. Такое же значение имеют тимьян, притимьянник и желтый донник; только врачам обещают они добро.

Венки из сельдерея для больных означают смерть от затяжной водянки, потому что такой венок бывает холоден, влажен и служит наградой на поминальных состязаниях ⁸²; для атлетов он к добру, а для остальных к худу.

Венки из финиковой пальмы и из олив предвещают брак со свободными женщинами (потому что так они сплетены) и предвещают детей с долгою жизнью (потому что они — вечноцветущие): финиковая пальма означает сына, а олива — дочь. Венки эти на пользу атлетам и беднякам, последним суля прибыль, а первым славу; а рабам они дают свободу, потому что носить венки — право свободных. Кроме того, они означают разоблачение тайн, потому что вокруг венка всегда шум. То же самое значение имеют и венок из дуба, и венок из лавра. Венок из мирта означает то же, что и оливковый, но особенно хорош для земледельцев и для женщин, потому что посвящен Деметре и Афродите.

⁷⁹ По мифу об утонувшем Нарциссе. Наркотические свойства этого растения упоминаются Плинием (XXI.28) и Плутархом (Застольные вопросы. III.1.3).

⁸⁰ От гомеровского эпитета смерти — *πορφύρεος* (Илиада. V. 83 и др.).

⁸¹ О том, что олеандр («рододафн») помогает от мышей, упоминает Палладий (I. 35. 9).

⁸² Венки из сельдерея были наградой на Немейских играх (в память Офелты) и на Истмийских (в память Меликерта). Тимолеонту перед одним из сражений пришлось перетолковывать для воинов сельдерея из знаменья смерти в знамение победы (Плутарх. Тимолеонт. 26).

Восковые венки (*κίτρινοι*) всем не к добру, а больным в особенности, потому что словом *κίτρι* поэты называют смерть. Шерстяные венки означают колдовство и магические узлы, потому что они бывают пестрые. Венки, пропитанные солью или серой, означают угнетение от вышестоящих, потому что венки эти тяжелы и неприятны увенчанным.

Видеть на себе золотой венок, если при нем нет всего, что бывает обычно, то есть багряницы и свиты, — это не к добру для раба и не к добру для бедняка, потому что не подобает его состоянию: рабу это предвещает быть под пыткой, а бедняку попасться на крупных преступлениях и, может быть, тоже попасть под пытку. Больному это сулит скорую смерть,⁶³ потому что золото и бледностью⁶³ и тяжестью и холодом схоже со смертью. Означает этот сон и разоблачение тайн, потому что человек в золоте всегда на виду. А богачам, демагогам и всем, кто стремится к власти, сон о венке, судя по опыту, бывает к добру.

Венки из винограда и плюща на пользу лишь служителям Дионисовых зрелищ, а для всех остальных означают узы и оковы, потому что плющ — растение вьющееся и вяжущееся, или болезнь — по той же причине. А для преступников это означает отсечение головы, потому что лозы подрезают железом.

Венки из лука для сновидца на пользу, а для окружающих его — во вред.

78. В разделе о половом соединении лучше всего принять такой порядок: сперва о соединении по естеству, закону и обычаю, потом о противном закону и, наконец, о противном естеству.

Итак, начнем с соединения законного. Соединяться со своей женой, когда она к тому охотна, податлива и не противится, одинаково к добру для всех: ибо жена есть для сновидца его ремесло или занятие, доставляющее ему удовольствие, или же то, над чем он начальствует и властвует, как над женой. Сон означает, что от всякого такого будет ему выгода, потому что и от выгоды людям приятно, и от любовных соединений приятно. Если, однако, жена неподатлива и противится, то значение сна противоположное. Тот же смысл имеет и соединение с любовницей.

Соединение с гетерами в блудилище означает малый стыд и малый расход, потому что посетители таких домов испытывают и стыд и расход. Но для всякого предприятия такой сон к добру, потому что женщины эти прозываются податливыми и отдаются без отказа. Хорошо, когда можешь в такое блудилище и войти и выйти; а когда не можешь выйти, то это не к добру. Я знал человека, которому приснилось, что он вошел в такой дом и не может выйти; и сон этот сбился так, что через немного дней он умер. В самом деле, и кладбище, принимающее мертвецов, называется «общим местом» и блудилище, где столько семени человеческого погибает зря — этим оно и напоминает смерть⁶⁴. Но значение этого места к женщинам не относится: оно — не к добру, а они — к добру. Поэтому и бродячие гетеры во сне к добру, и те к добру, которые сидят на своем месте, торгуют и принимают плату, — а сходишься с ними во сне или видишь просто так, это все равно.

Соединение с женщиной незнакомой, если она хороша собой, приятна, в дорогах и тонких платьях и с золотыми ожерельями, а в любви подат-

⁶³ Смуглая кожа южан, бледная, становится не белой, а желтоватой. Ср. *Катулл.* 81.

⁶⁴ «Общим местом» (с намеком на третья, риторическое значение этого слова) называл публичный дом ритор Ареллий Фуск у Сенеки Старшего (I. 2. 5).

лива, бывает для сновидца к добру и обещает немалый успех; если же она стара, некрасива, отвратительна, дурно одета, бедственно живет и неподатлива, то значение сна — противоположное. В самом деле, незнакомых женщин мы должны считать подобием того, что приключится со сновидцем: какова женщина видом и поведением, таковы и обстоятельства его ждут.

Соединение со своей рабыней или рабом — к добру, потому что рабы суть имущество сновидца и, стало быть, означают для него наслаждение от имущества, которое, очевидно, делается больше и богаче. Но когда раб тобою обладает, это не к добру, ибо означает презрение и убыток от рабов. То же самое, когда тобою обладает твой брат (безразлично, младший или старший) или же твой враг.

Соединение с женщиной знакомой и близкой, если сновидец к ней питает любовь и вожделение, не означает ничего, потому что здесь в основе желание⁸⁵. Если же вожделия в нем нет, то это ему к добру, особенно когда женщина богата: это значит, что он будет иметь выгоду от этой женщины или через эту женщину, которая ему приснилась, — ибо кто кому предлагает свое тело, тот как бы предлагает и то, что при этом теле имеется. Нередко такой сон приносил выгоду и так, что сновидец проникал в тайны той женщины, ибо женщина позволяет любовнику касаться тайных своих мест. Соединение, однако, с чьею-то законною женою — не к добру, потому что против этого стоит закон: как наяву закон требует к ответу за прелюбодейство, так и во сне. Для женщины видеть, будто ею обладает знаковый человек, к добру, кто бы ни был обладающий; для мужчины это к добру, если обладающий старше и богаче (потому что от таких людей обычно берут), и не к добру, если он моложе и беден (потому что таким обычно дают), или если он старше, но нищий.

Видеть во сне рукоблудство означает соединение с рабом или рабыней, потому что руки, орудующие телом, суть как бы его служители; если же рабов у сновидца нет, то это сулит ему ущерб из-за бесплодной траты семени. Я знал одного раба, которому приснилось, будто он так служит своему хозяину, — и он сделался воспитателем и дядькою хозяйских детей, потому что держал в руках ту часть тела хозяина, которая означает его детей. И я знал другого, которому приснилось, будто ему таким образом служит его хозяин, — и он был привязан к столбу и сильно высечен; так сбылось, что хозяин и впрямь растянул его.

Что касается соединения противозаконного, то его толковать следует так.

Соединение с родным сыном, если сыну нет еще пяти лет, означает для ребенка смерть, как я сам не раз был свидетелем; и такое значение понятно, потому что этим мы ребенка портим, а порча — это смерть. Если сыну от пяти до десяти лет, то это означает для ребенка болезнь, а для сновидца неразумные действия и от них убыток, потому что сыну в его возрасте будет по преждевременности больно, а отец поплатится за свое неразумие, ибо в здравом уме невозможно соединиться в столь малом возрасте не только со своим, но даже с чужим сыном. Если же сын уже не дитя, то сон этот значит вот что: если отец беден, то он отдаст сына в учение и в уплату за это как бы будет выжимать из себя все соки; если же сновидец богат,

---

⁸⁵ Ср. *Плутарх*. Деметрий. 27: некто был влюблен в гетеру, увидел во сне, что соединяется с ней, и исцелился от страсти. Гетера потребовала тем не менее платы; судья велел показать ей деньги и унести, чтобы за видимость соития было заплачено видимостью денег. Впоследствии знаменитая Ламия считала этот приговор все же несправедливым, потому что мужчина от своей видимости получил наслаждение, а женщина от своей видимости — нет.

то он делает сыну богатые подарки и отпишет на него свое имущество. Если, наконец, сын уже взрослый и находится в дальней отлучке, то соединение с ним — к добру: по самому смыслу слова «соединение» это предвещает сыну встретиться и свидеться с отцом. Если, однако, сын живет дома и при отце, то соединение с ним — не к добру и означает, что им предстоит расстаться, потому что мужчины при соединении обычно не бывают лицом друг к другу. Для отца видеть во сне, будто сын им насильно овладевает, означает убыток от сына, причем такой, о котором сам сын пожалует; а для сына видеть, будто он овладевает отцом, означает изгнание или вражду с отцом: то есть или отец от него отворачивается, или народ, что означает то же самое.

Маленькая дочь, которой нет еще пяти лет ... ⁸⁶ и моложе десяти, означает то же самое, что и сын. Если же дочь уже в брачном возрасте, то она уйдет к мужу, а сновидец даст за ней приданое и тем самым облегчится в пользу дочери. Я знал человека, который после такого сна потерял жену, и это было по прямому смыслу сна, потому что оставшаяся у него дочь, приняв на себя дом, стала как бы сразу и женой и дочерью. Если дочь уже замужем, то соединение с нею предвещает ей развод с мужем и возвращение к отцу, чтобы жить и быть с ним. Для бедного человека соединение с богатой дочерью к добру: это значит, что он получит от дочери выгоду, которая будет для него наслаждением. Богатые люди нередко после такого сна помимо собственной охоты отдавали что-нибудь свое дочерям, а больные умирали и оставляли дочерей наследницами.

О соединении с сестрой нет нужды говорить — сестра означает то же, что и дочь. Соединение с братом, как старшим, так и младшим, для сновидца к добру: он окажется сильнее брата и будет на него смотреть свысока. Соединение же с другом означает, что после какой-то обиды друг станет врагом.

79. Соединение с матерью ⁸⁷ толкуется сложно, разнообразно и требует разбора по многим отдельным случаям, чего большинству снотолкователей не удавалось достичь. Дело в том, что само по себе соединение еще не выражает значение сна: сон этот сбывается по-разному, судя по различию объятий и телесных поз.

Прежде всего, следует сказать о соединении лицом к лицу с матерью, которая жива (потому что живая мать и мертвая означают разное). Стало быть, когда человек соединяется с матерью лицом к лицу («естественным образом», как говорят некоторые) и мать его жива, то означает это вот что. Если у сновидца отец здоров, то будет у него с отцом вражда, потому что в таких случаях возникает ревность даже к посторонним людям; если же отец болен, то он умрет, потому что сновидец станет при своей матери сразу и сын и муж. Сон этот к добру для всякого работника и ремесленника: ведь ремесло обычно называют «матерью-кормилицей», а стало быть, такая с ним близость означает не что иное, как обилие работы и заработка от ремесла. К добру он также для всех демагогов и политиков, потому что мать означает родную землю; и как в соединении по любовному уставу

---

⁸⁶ Лакуна, отмеченная Герхером.

⁸⁷ Эдиповские сны в античности считались нередкими (*Софокл.* Царь Эдип. 981 — 982; *Платон.* Государство. IX. 571); особенно связывались они с образами тех, кто боролся за власть (тиран Гипий — *Геродот.* VI. 107; Юлий Цезарь — *Плутарх.* 32, и другие авторы; ср. Комон у Павсания. IV. 26. 3). Р. Уайт делает любопытное замечание (р. 81), что, по-видимому, такие сны меньше зашифровывались подсознанием, чем в наше время, и взамен этого зашифровывались на уровне сознания — в таких невинных толкованиях, как у Артемидора.

мужчина владеет всем телом женщины, охотной и послушной, так и сновидец будет располагать всеми делами государства. У кого с матерью вражда, после такого соединения она переменится в любовь, потому что соединение и называется любовью. А нередко бывало, что сын, живший отдельно, после такого сна приезжал и поселялся вместе с матерью. Кто в отлучке, тому такой сон бывает к возвращению на родину, если мать осталась на родине; если же не на родину, то туда, где живет мать. Если человек беден и в нужде, а мать у него богата, то он получит от нее в дар столько, сколько захочет, или же она скоро умрет, а он станет ее наследником, и в этом будет его наслаждение от матери. А многие, наоборот, брали после этого матерей к себе и кормили их, так что матерям было наслаждение от сыновей. Кто болен, тому сон сулит выздоровление и возвращение к природному состоянию, потому что «природным состоянием» мы называем здоровье, а не болезнь, и потому что общую для всех природу мы называем матерью. Об этом упоминает и славнейший муж Аполлодор Тельмесский⁸⁸.

Но если мать мертва, то для больного это означает совсем иное — а именно скорую смерть. В самом деле, телесный состав мертвеца разлагается на те вещества, из которых он образовывался и состоял, а так как вещества эти по большей части земляные, то они соответственно и обращаются в землю; да недаром и говорится «мать-земля»; стало быть, что может означать для больного человека соединение с мертвой матерью, как не то, что он смешается с землей? Зато для того, кто судится из-за земли, кто хочет купить землю, кто собирается заниматься земледелием, соединение с мертвой матерью — к добру. Правда, некоторые утверждают, что для земледельца это не к добру, потому что он посеет свое семя в мертвую землю и оно останется бесплодно, — но, по-моему, это не так (если, конечно, сновидец не чувствует досады или раскаяния после такого соединения). Кто находится на чужбине, тот после такого сна возвратится на родину, а у кого спор из-за материнского имущества, тот его выиграет и таким образом насладится не телом матери, но ее имуществом. Но если кто видит такой сон на родине, тому придется ее покинуть, потому что после такого преступления нельзя оставаться у материнского очага. Если кто чувствует после такого соединения досаду или раскаяние, ему тоже придется бежать из родной земли, а если нет, то уезжать в добровольное путешествие.

Соединяться с матерью сзади — не к добру: это значит, что или от сновидца отвернется мать, или отвернется родина, или занятие, или предпринятое дело. Соединяться с матерью стоя — тоже нехорошо, потому что люди так делают лишь тогда, когда нет постели или подстилки; стало быть, это означает тесноту и гнет. Соединяться с матерью на коленях тоже плохо: это сулит большую бедность, потому что мать в такой позе неподвижна. Соединяться с матерью, которая лежит сверху или сидит наездником, по утверждению некоторых, означает для сновидца смерть, потому что мать подобна земле (ибо земля всех родит и всех питает), а земля бывает поверх мертвых, а не поверх живых. Однако сам я наблюдал, что больные люди после такого сна всегда умирали, но здоровые доживали жизнь привольно и так, как им хотелось. В таком случае это правильно и понятно; в самом деле, при других позах трудиться и задыхаться приходится мужчине, а женщина отделяется легче, здесь же, наоборот, мужчина получает наслаждение без усилий. Кроме того, это предвещает сновидцу скрыть-

⁸⁸ Время жизни Аполлодора неизвестно.

ся от людей, потому что, избавясь от одышки, он не будет так заметен.

Вообще же разнообразие поз при соединении с матерью неблагоприятно, потому что изощряться над матерью нехорошо; а люди выдумали все эти позы только в своей изощренности, разнузданности и бесчинстве, от природы же усвоили только одну, лицом к лицу. Это ясно из примера животных: каждая порода усвоила какую-нибудь одну позу и не отступает от нее, потому что следует природе. Так, одни животные вскакивают друг на друга сзади, как конь, осел, козел, бык, олень и прочие четвероногие; другие сперва соединяются ртами, как змея, голубка и ласка; третьи соединяются помалу, как воробьи; четвертые — пригибая самку всей своей тяжестью, как разные птицы; пятые даже не приближаются друг к другу, а самки собирают семя, выдавленное самцом, как у рыб. Подобно этому и людям присуща одна только поза, лицом к лицу, остальные же выдуманы от изощренности и разнузданности.

Однако пагубнее всего, как показывают наблюдения, соединяться с матерью неудобосказуемым образом: это сулит сновидцу погибель детей, потерю имущества и тяжкую болезнь. Я даже знал человека, который после такого сна лишился детородного члена: и впрямь, чем он грешил, тем и поплатился. Если кому приснится такое соединение с женой или любовницей, то это — к вражде, разводу или разрыву, потому что с такой женщиной уже нельзя ни есть, ни целоваться; если же она к тому же беременна, то плод ее погибнет из-за столь противоестественного приятия семени. Если женщина богаче мужчины, то она заплатит многие его долги; если любовник женщины — раб, то она принесет свои деньги и освободит его, то есть поможет ему в нужде (ибо «нужным членом» мы называем детородный член). Если с кем соединяется таким образом друг, родственник или ребенок старше младенческого возраста, это означает вражду между ними, если же младенец — то смерть младенца, потому что такого младенца больше нельзя целовать. Если с кем соединяется таким образом незнакомый человек, это означает ущерб от бесплодной потери семени. Если же сам сновидец соединяется таким образом со знакомым мужчиной или женщиной, то это предвещает им вражду, ибо они больше не смогут целоваться; если с незнакомым, то это предвещает недоброе для всех, кроме тех, кто зарабатывает на жизнь ртом, то есть флейтистов, трубачей, ораторов, софистов и тому подобных.

80. О соединениях, противных естеству, следует сказать вот что.

Видеть во сне соединение с самим собой означает для богатого потерю состояния, великую нужду и голод, так как никакого другого тела во сне нет; а для бедняка это означает тяжелую болезнь или мучения, потому что соединиться с самим собой без великих мучений невозможно. Если кому приснится, будто он целует себя в чресла, то это значит вот что: если он бездетен, то у него родятся дети; если дети у него в дальней отлучке, то он доживет до того, чтобы увидеть их и поцеловать; а многие нежелатые после такого сна вступали в брак. Если кому приснится неудобосказуемое соединение с самим собой, то для бедняка, раба и должника это к добру, потому что они избудут свою нужду; но для человека, имеющего или желающего детей, это плохо, потому что у первого дети умрут, а у второго не родятся. В самом деле, детородный член подобен детям, а рот подобен могиле и что в него попадет, то не сохраняется, а погибает. Кроме того, такой сон ведет к потере жены и любовницы, потому что кто может любить сам с собой, тому женщина не нужна. Всем остальным этот сон сулит тяжкую бедность или болезнь: или они пропитания ради дойдут до крайней нужды, так что распродадут даже то, чего не хочется, или болезнь

так иссушит их тело, что худоба позволит им дотянуться ртом до чресел.

Если женщине снится, будто она обладает женщиной, это значит, что она выдаст ей свои тайны; если же соединяется с незнакомой женщиной, то это предвещает тщетные труды. Если женщине снится, будто ею обладает женщина, то она разведется или овдовеет, а кроме того, будет знать тайны той женщины.

Видеть, будто ты обладаешь богом или богинею или бог тобою обладает, для больного человека означает смерть, ибо душа тогда лишь предвещает встречу и соединение с богами, когда близка к тому, чтобы покинуть тело, в котором живет. А для всех остальных, если они испытывают наслаждение от такого соединения, это означает выгоду от вышестоящих, если же не испытывают, то тревогу и страх. Только с Артемидой, Афиной, Гестией, Реей, Нерой и Гекатой соединение неблагоприятно, даже если оно приносит наслаждение: такой сон сулит сновидцу скорую гибель, потому что эти богини неприкосновенны и кто на них посягнет, тому трудно ожидать добра. А соединение с Селеною очень благоприятно лишь для корабельщиков, кормчих, кушцов, звездочетов, бродяг и любителей путешествий, всем же остальным предвещает водянку — одним оттого, что Луна движется, другим оттого, что без нее нельзя составить никакую астрономическую теорию, третьим оттого, что Луна влажная и этим пагубна.

Видеть, будто ты обладаешь покойником или покойницей (если это не мать, жена или любовница) или будто он тобою обладает, — сон очень дурной: покойники превращаются в землю, а стало быть, обладать покойником — значит втискиваться в землю, а когда покойник тобою обладает — значит принимать землю в себя; то и другое означает смерть (кроме как для тех, кто находится на чужбине, где нет обычая хоронить покойников в земле, — для них этот сон предвещает возвращение на родину; а кто находится на родине и собирается в отъезд, для тех он предвещает задержку).

Видеть соединение с животным, если ты им обладаешь, означает какую-то выгоду от того лица, которому подобно животное (об этом будет подробно сказано в разделе об охоте и животных); если же оно тобою обладает, то это предвещает подвергнуться самому жестокому насилию — многие после такого сна даже умирали.

Сказанного о половом соединении достаточно.

81. Видеть во сне, будто ты спишь, означает безуспешность; видеть что засыпаешь, — безуспешность и неблагоприятие для всех, кроме тех, кто в страхе и ожидает пытки. В самом деле: сон отгоняет заботы и всякий страх. Видеть, что просыпаешься, — предвещает разные дела и занятия; неблагоприятно это только для тех, кто в страхе. Видеть, что спишь в храме, сулит для больных выздоровление, а для здоровых большие заботы: для больных облегчение — оттого, что спящие свободны от мучений, а для здоровых этот сон предвещает обращение к богам за исцелением. Наконец, спать на склепах, могилах и дорогах предвещает больным смерть, а здоровым безработицу, потому что и занятие и место означают здесь безуспешность.

82. Говорить или слышать «прощай» и «будь здоров» — не к добру, потому что люди так говорят не тогда, когда встречаются или принимаются за дело, а когда разлучаются или отходят ко сну. Поэтому такой сон означает развод в браке, разрыв в товариществе, а для больного — смерть.

Такова, Кассий Максим, первая книга нашего сочинения — о рассматриваемых предметах в ней сказано достаточно, ничто необходимое не пропущено, а о нужном сказано без чрезмерных длиннот. В следующей книге мы расскажем обо всем том, о чем обещали в начале этой.

Содержание: Утро (1—2). Одежда и украшения (3—7). Погода (8). Огонь (9—10). Охота; звери (11—12), рыбы и гады (13—16), птицы (17—21, 46, 66), насекомые (22). Мореплавание (23). Крестьянские орудия (24). Деревья (25). Навоз (26). Реки, горы, дороги (27—28). Суд, начальствование (29—30). Война (31). Гладиаторство (32). Жертвоприношения (33). Боги (34—41, 44). Утварь (42—43, 45). Оковы, побои; смерть (47—57, 60—64). Деньги (58—59). Брак (65). Летание во сне (68). Надежность вещаний (69). Счет лет и дней (70).

В предыдущей книге, Кассий Максим, я дал практические советы, научил, как нужно толковать сны и предупредил, о чем будет рассказано в обеих книгах, а затем изложил все то, что является для людей общим и употребительным. При этом я постоянно стремился избегать совпадений с древними авторами, кроме как по крайней надобности, но и не упускать ничего необходимого, кроме как если древние уже изложили что-либо подобающим образом; тогда я не считал нужным об этом писать, чтобы, с одной стороны, стремление противоречить древним не принудило меня к лжи, а с другой, чтобы повторяя уже сказанное древними, я не умалил этим общего интереса к их трудам. В этой же книге я введу необходимое разграничение. А тебя прошу внимательно следить за ходом рассуждений и точностью толкований — только этим я и горжусь; стиль же моего сочинения не сравнивай с твоим, а помни, что моя способность выражать мысли рядом с твоей подобна светильнику, заменяющему в ночи для нуждающихся солнце. Но пора, наконец, обратиться и к самим толкованиям.

1. О том случае, когда человеку снится, что он проснулся, я рассказал уже в разделе о сне¹. А когда снится, что он просто лежит в постели и не спит, то это предвещает людям состоятельным большие заботы, а беднякам и стремящимся к определенной цели — благо: ведь одни не будут иметь досуга, а другие при большой предусмотрительности добьются своего. То же самое значит обладать во сне острым зрением или увидеть ярко вспыхнувший в ночной тьме свет.

2. Выйти на рассвете из дома без труда, без помех от домашних и не оказаться взаперти — на благо. Такой сон означает выполнение задуманного и решенного. А невозможность выйти наружу или найти выход из собственного дома или иного, где случится быть, предвещает замыслившим отъезд — задержку, собирающимся что-либо предпринять — препятствие, заболевшему — долгую болезнь, давно болеющему — смерть.

Ласково встретиться с друзьями, приветить и поцеловать их — такой сон к добру: он означает приятные беседы. Разговаривать не с друзьями, а просто со знакомыми не так хорошо. Разговаривать с врагами и целовать их означает окончание вражды. Мертвых целовать для большого плохо — это пророчит ему гибель; а для здорового — это знак, что лучше пока не вести важных разговоров, ибо он прикоснулся губами к мертвым устам. Но целовать тех, кто при жизни был самым дорогим и любимым, — это не препятствие ни для разговоров, ни для каких-либо дел.

3. Ведя речь об одежде и всякого рода украшениях, прежде всего следует сказать о мужском платье, как местном, так и иноземном. Одежда, привычная и соответствующая времени года, благоприятна для всех. Носить во сне летом поношенный полотняный гиматий, а зимой новый шерстяной — хороший признак, сулящий здоровье. Но тому, кто имеет

* Перевод И. А. Левинской (1—19) и М. Л. Гаспарова (20—70).

¹ *Артемидор*. I. 81.

судебную тяжбу, и рабу, который стремится к освобождению, даже зимой плохо видеть во сне новый гиматий. Ведь такой сон обещает серьезное осложнение и длительное противодействие. Белый гиматий на пользу только привыкшим к такого рода платью, а также рабам эллинов; для всех прочих такой сон означает беспокойства, потому что белые гиматии обычно носят, когда бывают на людях, а для ремесленников — бездействие и праздность, тем долгие, чем роскошнее был гиматий: ведь за работою, а особенно ремесленною люди в белое не одеваются. Благополучным рабам римлян видеть такой сон хорошо, а всем остальным плохо, ибо он только подчеркивает их дурное положение: так как они постоянно носят ту же одежду, что и хозяева, то этот сон не предвещает им свободы, как рабам эллинов. Для больного белый гиматий предсказывает смерть, потому что мертвых обряжают в белое. Черный гиматий, напротив, означает выздоровление, потому что в такую одежду обычно одеты не покойники, а те, кто их оплакивает. Однако я знал многих заболевших бедняков, рабов и узников, которые перед смертью видели себя одетыми в черный гиматий: по-видимому, из-за бедности их не смогли похоронить в белом. Да и вообще черная одежда предвещает несчастье всем, кроме делающих что-либо тайно.

Носить во сне пеструю или пурпурную одежду благоприятно только жрецам, хористам, музыкантам, актерам и всем участникам театральных представлений, остальным же людям такой сон приносит беспокойства и опасности; для больных он означает страдания от горьких соков и избытка желчи. Порфира сулит благо рабам и богачам: первым она несвойственна и потому обещает свободу, вторым подобает по положению и означает для них почести и доброе имя. Больному такой сон предсказывает гибель, бедняку — несчастье, а многим — заточение. Ведь порфиросу полагается носить диадему или венок и иметь многочисленную свиту и охрану. Для тех, кто участвует в театральных представлениях, порфира означает то же самое, что и пурпурное платье. Багряная и вообще любая одежда, окрашенная в красное, одним сулит раны, а другим горячку.

Женская одежда на пользу только для холостяков и выступающих на сцене: одни женятся и будут жить с женами душа в душу, так что и наряды у них будут одинаковы, а другие станут выступать в женских ролях и получат большое вознаграждение. Прочих же такой сон или лишает жены, или поражает серьезной болезнью — ведь женское платье носят лишь те, кто слаб и изнежен. Впрочем, во время праздников и торжеств ни женская, ни пестрая одежда никому не предвещает беды.

Иметь варварскую одежду и быть наряженным по-варварски обещает тому, кто собирается отправиться в края, где носят приснившуюся одежду, счастливую жизнь на чужбине, а нередко предвещает там и умереть. Прочим же он сулит болезнь или бездействие. То же самое относится и к римской одежде, которую называют тебенном² по имени аркадянина Темена, который первый так надел свою хламиду, когда приплыл в Ионийский залив и был принят местными жителями; научившись от него, они сами стали одеваться так же и назвали эту одежду темением по имени Темена, а со временем название исказилось, и она стала называться тебенном.

Носить мягкую и дорогую одежду хорошо и для богатых, и для бедных: у одних сохранится их роскошь, а у других дела пойдут живее. Но рабам и нуждающимся такой сон предвещает болезнь.

² Упоминается у Гесихия как римская одежда: старые комментаторы полагали, что это тога.

Кудая и неподобающая одежда означает убытки и бездействие. Хламида, которую некоторые называют мандией, другие эфестридой, а третьи бирром, предсказывает гнет и притеснения, а для подсудимого — обвинительный приговор, ибо такая одежда облегает тело. То же относится и к так называемой пенуле и вообще любой одежде подобного рода. По этой причине такого покроя платье лучше потерять, чем носить. Потерять же любую другую одежду никому не на пользу, разве только беднякам, рабам, узникам, должникам и всем находящимся в стесненных обстоятельствах: ведь потеря одежды означает уничтожение охвативших человека бед. Но для остальных нагота или потеря одежды не к добру, так как это означает потерю всего, что служит для украшения жизни.

Пестрая и цветастая одежда — на пользу женщинам, а особенно гетерам и богатым: одни носят роскошную одежду для своего ремесла, а другие — от изнеженности.

Некрашенная одежда хороша для всех, а особенно для тех, кто боится изобличения, ибо она не меняет свой цвет.

Всегда лучше носить во сне светлую, чистую и хорошо вымытую одежду, нежели грязную и нестиранную, — разве только сон снится тем, кто зарабатывает на жизнь грязной работой.

4. Видеть во сне, что стираешь свою или чужую одежду, означает избавление от каких-либо жизненных неудобств, подобно тому как одежда освобождается от грязи. Кроме того, это сулит узнать нечто сокровенное: ведь древние употребляли слово «стирать» фигурально в значении «изобличать». Так Менандр сказал:

А если будешь ты мою жену чернить,
Тебя я выведу на воду чистую³.

вместо «я тебя изобличу». Поэтому тем, кто боится изобличения, не к добру видеть, как стирают одежду.

5. Железные кольца видеть к добру: они означают блага, однако добытые не без усилий. Ведь и Гомер называет железо «многотрудным»⁴.

Золотые кольца хороши лишь с камнями, тогда как кольца без камней означают неприбыльные начинания из-за отсутствия камня, так как мы называем «камешком» (φάρμακον) и драгоценный камень в кольце, и счет денег. Всегда лучше видеть кольца полновесные, тогда как полые и заполненные внутри серой означают хитрости и козни из-за того, что заключают в себе нечто сокровенное или обещают большую выгоду своим видом, нежели стоят на самом деле.

Кольца из янтаря, слоновой кости и все прочие на пользу только женщинам.

Ожерелья, цепочки, серьги, дорогие камни и всевозможные шейные украшения — для женщин хорошее предзнаменование: незамужним такой сон предвещает брак, бездетным — детей, а замужним и имеющим детей — увеличение имущества и достаток. Ведь украшения красят женщин так же, как муж, дети и богатство (а по природе своей женщины любят богатство не меньше, чем украшения); кроме того, украшения так же обвивают женскую шею, как муж и дети. Мужчине же такой сон предвещает ловушки, козни и большую путаницу в делах, однако не из-за золота как такового, а из-за формы и обработки. Ведь само по себе золото не является,

³ Менандр. Фр. 665 (Кёрте).

⁴ Одиссея. VI. 48; XIV. 324.

как думают некоторые, дурным предзнаменованием, но, напротив, благим, в чем я многократно убеждался. Однако если золото снится в умеренном количестве или в неподходящей форме (например, мужчине — ожерелье) или не по средствам (например, бедняку — венки, роскошная одежда и много денег), то золото становится дурным предзнаменованием именно из-за формы, в которой оно явилось.

Потерянное, сломанное или разорвавшееся шейное украшение означает для женщины утрату всего, о чем шла речь раньше; для мужчины же потерянные, сломанные или разорванные ручные украшения предсказывают гибель самых верных домочадцев, то есть жены и домоправителей, и даже потерю имущества; а для доверенных лиц — потерю доверия: ведь им больше не понадобятся кольца. А многим такой сон предсказывает слепоту, так как существует некая связь у глаз с перстнями через камни.

Обувь означает то же самое, что и одежда.

6. Причесываться — на благо и мужчине, и женщине, ибо гребень знаменует время, разрешающее и сглаживающее все трудности. Заплетать волосы на пользу только женщинам и тем мужчинам, которые имеют такую же привычку, всем же прочим этот сон предвещает запутанность в делах, большие долги, а иногда даже и заточение.

7. Смотреться в зеркало и видеть там свое отражение одинаково хорошо и для мужчины, и для женщины, намеревающихся вступить в брак: зеркало означает для мужчины жену, для женщины — мужа, ибо показывает лица, так же как и в их лицах отражаются лица их будущих детей.

Благоприятен такой сон и для людей, чем-либо опечаленных, так как смотреться в зеркало — занятие беззаботное. А больных он губит: ведь зеркало имеет земную природу, из какого бы материала ни было сделано. Прочим же сулит переезд с тем, чтобы они увидели свои лица на новом месте. Видеть себя в зеркале непохожим предрекает сновидцу, что его назовут отцом побочных или чужих детей. А увидеть себя осунувшимся или подурневшим никому не на благо, ибо это означает болезни и уныние, так же как видеть свое отражение в воде предрекает смерть сновидцу или кому-нибудь из его ближайших родственников.

(Продолжение следует)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
 ГСУИФ — Годовник на Софийския университет. Исторически факултет
 ИАК — Известия Археологической Комиссии
 ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НАА — Народы Азии и Африки
 НДВШ — Научные доклады высшей школы
 ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
 СА — Советская археология
 САИ — Свод археологических источников СССР
 СТЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
 СЭ — Советская этнография
 AJA — American Journal of Archaeology
 BAR — British Archaeological Reports
 BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research
 BCH — Bulletin de correspondance hellénique
 BSA — Annual of the British School at Athens
 CAH — Cambridge Ancient History
 CJ — Classical Journal
 Cl. Rev. — Classical Review
 CRAI — Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et des belles-lettres
 IG — Inscriptiones Graecae
 IGBR — *G. Michailov*. Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae
 IOSPE — *B. Latyshev*. Inscriptiones Antiquae, Graecae et Latinae, Orae Septentrionalis Ponti Euxini
 JAOS — Journal of American Oriental Society
 JCS — Journal of Cuneiform Studies
 JEA — Journal of Egyptian Archaeology
 JHS — Journal of Hellenic Studies
 JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society
 RA — Revue d'Archéologie
 RE — *Pauly's* Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung, begonnen von *G. Wissowa*, hrsg. von *W. Kroll*
 REA — Revue des études anciennes
 REG — Revue des études grecques
 RhM — Rheinisches Museum für Philologie
 SCO — Studi classici e orientali
 SCIV — Studii și cercetări de istorie veche
 SEHWW — *M. Rostovtzev*. The Social and Economic History of the Hellenic World. Oxford, 1941
 SHA — Scriptorum Historiae Augustae
 Syll.³ — Sylloge Inscriptionum Graecarum. Ed. W. Dittenberger. 3 ed. T. I—IV. Leipzig, 1915—1924

СО Д Е Р Ж А Н И Е

• <i>Ламберг-Карловски К. К.</i> (Кэмбридж, Массачусетс) — Модели взаимодействия в III тыс. до н. э.: от Месопотамии до долины Инда	3
<i>Клейн Л. С.</i> (Ленинград) — Данайская Илиада (<i>К характеристике источников и формирования гомеровского эпоса</i>)	22
<i>Смышляев А. Л.</i> (Москва) — «Речь Мецената» (Dio Cass. LII. 14—40): проблемы и интерпретации	54

ПУБЛИКАЦИИ *вК* — (Рим)

<i>Берле О. Д.</i> (Ленинград), <i>Ходжаш С. И.</i> (Москва), <i>Шамрай Г. Ф.</i> (Днепропетровск) — Статуя с именами Рамсеса VI	67
<i>Крыкин С. М.</i> (Москва) — Вотивный барельеф Фракийского всадника из Полтавского краеведческого музея	74
<i>Каювкин А. Я.</i> (Ленинград) — О двух группах коптских памятников с античными сюжетами	80

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Возникновение античного государства

• <i>Кошеленко Г. А.</i> (Москва) — К дискуссии о возникновении государства в древнем Риме	93
• <i>Капогресси Колонези Л.</i> (Рим) — Формирование государства в Риме (<i>Точка зрения историка права</i>)	94
<i>Гюнтер Р.</i> (Лейпциг) — О времени возникновения государства в Риме	98
• <i>Вигасин А. А.</i> (Москва) — О государственности в древней Индии	99
<i>Гуревич А. Я.</i> (Москва) — О генезисе феодального государства	101

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Андроникос М.</i> (Фессалоники) — Царские гробницы в Вергине (<i>Из истории раскопок</i>)	107
<i>Марченко К. К.</i> (Ленинград) — Боспорские поселения на территории Елизаветовского городища на Дону	129

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Вершинин Л. Р.</i> (Одесса) — К вопросу об обстоятельствах заговора против Филиппа II Македонского	139
<i>Лесницкая М. М.</i> (Ленинград) — К вопросу о специфике греческого портрета IV в. до н. э. (<i>По материалам вергинской гробницы Филиппа II</i>)	154
<i>Неверов О. Я.</i> (Ленинград) — Находки в Большом кургане в Вергине и проблемы торевтики эпохи раннего эллинизма	161
<i>Афиногенов Д. Е.</i> (Москва) — К кому обращена апология Тагиана?	167

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>М. И. Ростовцев.</i> Глава VI. Государство и культура Боспорского царства	175
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Орел В. Э.</i> (Москва) — Античная балканистика. М., 1987	184
<i>Шелов-Коведяев Ф. В.</i> (Москва) — Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984	189
<i>Антонова Е. В.</i> (Москва) — A m i e t P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500—1700 avant J.-C. Paris: Editions de la Réunion des musées nationaux, 1986.	196
<i>Маринович Л. П.</i> (Москва) — Три историка Александра (N. G. L. H a m m o n d. Three Historians of Alexander the Great. The So-called Vulgate Authors, Diodorus, Justin and Curtius. Cambridge University Press (Cambridge Classical Studies). 1985	202
<i>Ля пустин В. С.</i> (Москва) — V. G a s s e n e r. Die Kaufläden in Pompeii. Wien, 1986	208

<i>Ярхо В. Н.</i> (Москва) — Soziale Typenbegriffe im alten Griechenland und ihr Fortleben in den Sprachen der Welt / Hrsg. von E. Ch. Welskopf. Band 1—2: Bekegstellen-Verzeichnis altgriechischer sozialer Typenbegriffe von Homer bis Aristoteles / Hrsg. von E. Ch. Welskopf. 1—2 Teil. В., 1985	211
<i>Старицын А. Н.</i> (Москва) — Указатель литературы по истории античного мира, опубликованной в СССР в 1986 г.	215

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Жижина Н. К.</i> (Ленинград) — Изделия из дерева и гипсовые украшения деревянных саркофагов из Пантикапея в собрании Лувра	228
---	-----

PERSONALIA

К 75-летию Игоря Михайловича Дьяконова	234
К 75-летию Галины Анатольевны Пугаченковой	235
К 75-летию Лии Менделевны Глускиной	236
К 60-летию Авраама Григорьевича Лундина	237

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Павлова О. И.</i> (Москва) К 90-летию со дня рождения академика Михаила Александровича Коростовцева	238
<i>Голубцова Е. С., Подосилов А. В., Ярхо В. Н.</i> (Москва) — XVIII Международная конференция «Эйрене» (Будапешт, 1988 г.)	239
<i>Акопян А. П.</i> (Ереван), <i>Бадер А. Н.</i> (Москва) — Третий Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке (Ереван, 18—22 мая 1988 г.)	242
<i>Абдуллаев К. А.</i> (Самарканд) — Конференция «Исторические связи народов Индии и Советского Союза» (Москва, 24 мая 1988 г.)	248

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Артемидор Далдианский</i> . Сонник. Книга I. Перевод с древнегреческого <i>М. Л. Гаспарова</i> и <i>В. С. Зилитинкевич</i> . Книга II. Перевод <i>И. А. Левинской</i> и <i>М. Л. Гаспарова</i> под общей редакцией <i>Я. М. Боровского</i>	252
---	-----

CONTENTS

<i>C. C. Lamberg-Karlovsky</i> (Cambridge, Mass) — Patterns of Interaction in the Third Millennium: from Mesopotamia to the Indus Valley	3
<i>L. S. Klein</i> (Leningrad) — The Danaian Iliad (<i>A Contribution to the Description of the Sources and Forming of the Homeric Epic</i>)	22
<i>A. L. Smyshlyayev</i> (Moscow) — Maecenas' Speech (Dio Cass. LII. 14—40): Problems of Interpretation	54

PUBLICATIONS

<i>O. D. Berlev</i> (Leningrad), <i>S. I. Hodjash</i> (Moscow), <i>G. F. Shamray</i> (Dnepropetrovsk) — A Statue Inscribed with the Names of Ramesses VI	67
<i>S. M. Krykin</i> (Moscow) — A Votive Basrelief of a Thracian Horseman from the Poltava Museum	74
<i>A. Y. Kakovkin</i> (Leningrad) — On Two Groups of Coptic Art Monuments with Antique Subjects	80

DISCUSSIONS

The Classical World. The Rise of the State

<i>G. A. Koshelenko</i> (Moscow) — Concerning the Discussion on the Rise of the State in Ancient Rome	93
<i>L. Capogrossi Colognesi</i> (Rome) — Formation of the State in Rome (View of a Romanist)	94
<i>R. Günther</i> (Leipzig) — On the Time of the Rise of the State in Rome	98
<i>A. A. Viginin</i> (Moscow) — State Structure in Ancient India	99
<i>A. Ya. Gurevich</i> (Moscow) — On the Genesis of the Feudal State	101

ANCIENT CIVILIZATION: NEW DISCOVERIES

<i>Manolis Andronikos</i> (Thessaloniki) — The Royal Tombs in Vergina (from the History of Discoveries)	107
<i>K. K. Marchenko</i> (Leningrad) — Bosphoran Settlements of the Elisavetovskaya Site on the Don	129

REPORTS AND COMMUNICATIONS

<i>L. R. Vershinin</i> (Odessa) — The Circumstances of the Conspiracy Against Philip II of Macedonia	139
<i>M. M. Lesnitskaya</i> (Leningrad) — A Contribution to the Specifics of the Greek Portrait of the Fourth Century B. C.	154
<i>O. Ya. Neverov</i> (Leningrad) — The Finds in the Large Tumulus in Vergina and the Problems of the Toreutics of the Early Hellenistic Period	161
<i>D. E. Afinogenov</i> (Moscow) — To Whom was Tatian's Apology Directed?	167

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>M. I. Rostovtseff</i> . Chapter VI. The State and Culture of the Bosphorus Kingdom	175
---	-----

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

<i>V. E. Orel</i> (Moscow) — <i>Antichnaya balkanistica</i> . M., 1987	184
<i>F. V. Shelov-Kovedyayev</i> (Moscow) — <i>Ethnogenez narodov Balkan i Severnogo Prichernomor'ya</i> . <i>Lingvistika, istoria, arkheologia</i> . M., 1984	189
<i>E. V. Antonova</i> (Moscow) — <i>Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500—1700 avant J.-C.</i> Paris: Editions de la Réunion des musées nationaux, 1986	196
<i>L. P. Marinovich</i> (Moscow) — <i>Three Historians of Alexander (N. G. L. Hammond)</i> . <i>Three Historians of Alexander the Great. The So-called Vulgate Authors, Diodorus, Justin and Curtius</i> . Cambridge University Press (Cambridge Classical Studies), 1985	202
<i>B. S. Lyapustin</i> (Moscow) — <i>V. Gassner. Die Kaufläden in Pompeii</i> . Wien, 1986	208
<i>V. N. Yarkho</i> (Moscow) — <i>Soziale Typenbegriffe im alten Griechenland und ihr</i>	

Fortleben in den Sprachen der Welt / Hrsg. von E. Ch. Welskopf. Band 1—2: Bekegstellen-Verzeichnis altgriechischer sozialer Typenbegriffe von Homer bis Aristoteles / Hrsg. von E. Ch. Welskopf. 1—2 Teil. B., 1985	211
A. N. Staritsyn (Moscow) — Index of Literature on the Ancient World Published in the USSR in 1986	215

IN WORLD MUSEUM

N. K. Zhizhina (Leningrad) — Objects of wood and stucco decorations of wooden sarcophagi from Panticapaeum in Louvre	228
--	-----

PERSONALIA

The 75-th Birthday of I. M. Diakonoff	234
The 75-th Birthday of G. A. Pugachenkova	235
The 75-th Birthday of L. M. Gluskina	236
The 60-th Birthday of A. G. Lundin	237

SCIENTIFIC EVENTS

O. I. Pavlova (Moscow) — 90-th Anniversary of the Birth of M. A. Korostovtsev, Member of the USSR Academy of Sciences	238
Ye. S. Golubtsova, A. V. Podosinov, V. N. Yarkho (Moscow) — XVIII International «Eirene» Conference (Budapest, 1988)	239
A. P. Akopian (Erevan), A. N. Bader (Moscow) — Third Federal Symposium on Problems of Hellenistic Culture in the East (Erevan, 18—22 May 1988) . . .	242
K. A. Abdullayev (Samarkand) — The Conference «Historical Ties of the Peoples of India and the Soviet Union» (Moscow, 24 May 1988)	248

SUPPLEMENT

Artemidorus. Oneirocritica. Book I. Translated by M. L. Gasparov and V. S. Zilitinkevich. Book II. Translated I. A. Levinskaya and M. L. Gasparov. Ed. by Ya. M. Borovsky	252
---	-----

Технический редактор Н. П. Торчигина

«Сдано в набор 20.11.89   Подписано к печати 09.01.90   Формат бумаги 70×100^{1/16}
 Высокая печать   Усл. печ. л. 22,1 + 2 вкл.   Усл. кор.-отт. 243,2 тыс.   Уч.-изд. л. 24,0   Бум. л. 8,5
 Тираж 10 775 экз.   Зак. 3722   Цена 2 р. 50 к.

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, комн. 237. Тел. 126-94-37
 2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6